

Терри Гудкайнд

Сердце из черного льда

«Хроники Никки. Том 4»

Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Terry Goodkind

Heart of Black Ice

The Nicci Chronicles

Перевод с английского *Татьяны Алексеевой и Dr. Pertseff*

Под редакцией *Дмитрия Великого и Татьяны Алексеевой*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Помощник выпускающего редактора *Дина Зайцева*

Корректоры *Валерия Невдах и Мария Емельянцева*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

В Древнем мире вновь бушует война, а на побережье появилась новая угроза. Лила и Бэннон, попавшие в плен к своему врагу, королю Скорбь, обнаруживают ужасающую силу, которая стремится разрушить Древний мир.

Норукайцы — варвары, налетчики и работоторговцы — построили внушительный флот на суровых каменистых островах. Численность этого врага больше, чем кто-либо подозревает, и норукайцы готовы начать свою последнюю и самую смертоносную войну.

Информационные ресурсы:

vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»

terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайнды

Группа перевода «Клуб Морд-Сит», 2025

Колдунья спасет мир

Глава 1

Из поросших лесом холмов Натан наблюдал за огромной армией генерала Утроса. Потрепанный волшебник стоял в тени раскидистых дубов и тонких сосен. Некогда белый балахон, надетый поверх черных штанов и изящной рубашки, теперь был покрыт грязью и сажей. Натан продолжит сражаться с древним врагом. Ильдакар исчез, но он и ополченцы еще живы.

Сто пятьдесят тысяч воинов, заполонивших долину, пробудились и готовились пройти маршем через Древний мир. Пятнадцать столетий назад легендарный генерал Утрос осадил Ильдакар — город с высокими стенами, великолепными зданиями и прекрасными садами. Городские волшебники при помощи уникального заклинания окаменения обратили армию в статуи, но теперь оно развеялось, и непобедимая армия возобновила атаку. Отчаявшись спасти легендарный город, выжившие волшебники накрыли Ильдакар саваном вечности... а Натан и его спутники остались снаружи. Теперь лишь они стоят на пути армии, способной завоевать континент.

— Добрые духи... — он выдернул сухую травинку из своих длинных белых волос.

Невероятная военная мощь напомнила ему войско Имперского Ордена, вставшего на равнинах Азрита под Народным Дворцом. Натан не терял надежды, ведь армия Джегания потерпела поражение — но тогда с Натаном был Ричард Рал. И Никки...

Аббатиса Верна поправила юбки и села на покрытый лишайником валун.

— Уходя из Твердыни, мы не ожидали встретить армию на своем пути. Мы лишь надеялись отыскать Ильдакар.

— Ильдакар исчез, — простонал волшебник Ренн, с шумом шагая к ним через подлесок. Он схватился за узлова-

тую сосновую ветку и посмотрел на то место, где совсем недавно был его славный город. Отстраненно нахмурившись, он стер пятно смолы с потрепанного бордового балахона. — Волшебники укрыли Ильдакар от самого времени. Они даже не подумали о тех, кто остался снаружи. — Его обвисшие щеки были прочерчены глубокими морщинами. — Во всяком случае, теперь они в безопасности... я полагаю.

— Нужно по максимуму использовать что имеем, — сказал Натан.

Он чувствовал одиночество острее, чем остальные, потому что потерял не только город. Выжженная полоса на поле боя мучительно напоминала о том, как дорогая Эльза пожертвовала собой, погибнув в пекле магии переноса и уничтожив тысячи солдат генерала Утроса. Эта победа далась слишком большой ценой. Вместо торжества в новом сердце Натана поселилась мрачная печаль.

Пока вражеская армия не пришла в себя, Натан и его спутники отступили в холмы, где натолкнулись на экспедицию из Твердыни — аббатису Верну, нескольких сестер Света, многочисленных ученых и отряд д'харианских солдат во главе с генералом Зиммером. Однако их объединенные силы не могли противостоять гигантской армии.

Натан так упорно и так долго сражался, что у него даже не было возможности осмыслить потери.

— Как Никки вернется к нам? Если Ильдакар исчез, то куда она отправится? Куда сильфида переместит ее из Серримунди?

Никки спешно отправилась в прибрежный город, чтобы предупредить об угрозе для Древнего мира. Из-за исчезновения Ильдакара она застряла на другом конце страны.

— Помощь Никки нам не помешала бы, — призналась Верна. — Но мы и сами на кое-что способны. Не забывай об этом.

Натан погладил подбородок:

— Не забываю, дорогая аббатиса, но колдунья не единственная, кого мы потеряли. — Он не знал, что случилось с Бэнноном, который сражался в Ильдакаре, когда город исчез. Натан надеялся, что пылкий молодой мечник сейчас в безопасности под саваном. — Не так я представлял нашу встречу. — Он сел рядом с Верной на валун. — Я столетиями пытался освободиться от сестер Света, и вот мы снова вместе.

— Да, снова. — Аббатиса устало улыбнулась и заправила за левое ухо прядь каштановых с проседью волос. — Но нам нужно двигаться дальше.

— И куда? — спросил Ренн, метавшийся среди сосен. — Просто сбежим? Мы не сможем победить генерала Утроса.

Лорд Орон с надменным видом подошел к ним; его толстая светлая коса была перекинута через плечо, а узкое лицо покрывали крапинки свежей крови.

— Как лучше действовать? Мы не какая-то шайка. Может, стоит создать свой совет одаренных для борьбы с Утросом?

— Довольно маленький совет, — кисло сказал Ренн.

— Ты забываешь, как много среди нас одаренных, — сказала Верна. — Не стоит недооценивать сестер Света и ученых Твердыни.

К обсуждению присоединилась леди Ольгия, завернутая в маскировочный шелк, который произвели ее шелковичные черви.

— Не стоит недооценивать никого из нас. Но мы не можем прятаться в кустах и смотреть на армию. Какой выберем план?

Натан осознал, что все смотрят на него:

— Теперь я ваш лидер? Назовите меня главнокомандующим волшебником? — Он нашел это забавным, поскольку совсем недавно вообще не мог использовать дар. — Никогда не желал такой должности.

Бывший раб Ренделл тем временем распределял дорожную еду:

— Лучшего предложить не могу, ведь разжигать костер опасно.

Старик сражался за свой город вместе с другими освобожденными рабами и рисковал жизнью, чтобы Эльза могла начертить смертоносную руну переноса. Теперь Ренделл оказался за пределами Ильдакара.

Орон нахмурился при виде скудной пищи — он привык к изысканным обедам знати.

— Как и все, я люблю вкусную еду, чистую одежду и мягкую постель, но в данных обстоятельствах готов терпеть неудобства. — Натан без жалоб принялся жевать сухофрукты и вяленое мясо.

— Разработаем смелый план разгрома гигантской армии? — спросил Лео, один из волшебников Ильдакара. Глаза его блестели, но улыбка казалась вымученной. — С чего начнем?

— Лани могла бы предложить неожиданную идею. — Ренн вздохнул, с тоской смотря туда, где раньше был большой город. — Я больше ее не увижу. Когда я уходил, она была статуей, в которую ее превратила властительница Тора, но заклинание должно было уже рассеяться. Я скучаю по ней... — За время долгого и трудного путешествия тучный волшебник сбросил вес, его лицо похудело, а кожа обвисла. — Хотел бы я снова поговорить с ней. Прошло немало столетий. — Он вздохнул с надеждой. — Может, если сумеем вернуться под саван вечности...

— Лани мертва. Ее убили колдуньи генерала, — бесцеремонно сказал Орон. — Тебе никто не сказал?

— Мертва? — Ренн побледнел так, что кожа его стала похожа на мрамор. Орон будто говорил с ним на другом языке. Он повернулся к Натану: — Что он такое говорит?

Бывшему пророку хотелось поджечь волосы Орона за такую бестактность.

— Мне очень жаль, Ренн. Ее убили... — Он прочистил горло и постарался говорить как можно спокойнее: — Лани при помощи разлитой воды шпионила за лагерем генерала, но Ава и Рува обратили магию против нее. Они... утопили ее. — Он покачал головой. — Мы с Эльзой пытались помешать, но не смогли.

Ренн закрыл лицо руками:

— Это была моя единственная ниточка надежды. — Плечи волшебника вздрагивали от рыданий. — Я ждал ее. Я защищал ее. Я оплакивал ее... Она... — он с трудом подбирал слова, — она очень много значила для меня.

— Мне горестно от того, что ты ее больше не увидишь, — сказал Натан. — Она была храброй и сильной. Я никогда не забуду, что она сделала.

— Нет времени кого-то оплакивать, — голос Ольгии звучал мрачно и раздражительно. — Очень многие погибли, и нам тоже нелегко. Подумай о моем сыне Броке, сыне Орона Джеде, о тысячах бойцов. Все они были для кого-то важны.

— И все равно это больно, — сердито глянул на нее Ренн.

— Да, больно, друг мой, — согласился Натан, думая об Эльзе и о том, что она значила для него. — И мы должны сполна отплатить врагу за эту боль.

Из леса неподалеку донеслись крики, и Натан вскочил, хватаясь за меч. Отдыхавшие солдаты генерала Зиммера

обнажили оружие и выстроились для обороны. Из леса бежали люди.

— Всем приготовиться! Они уже здесь! — В голосе Зимера прозвучало жестокое предвкусение.

Три человека бежали по подлеску во всю прыть. Это были послушница сестер Света Эмбер и молодые ученые из Твердыни — Оливер и Перетта.

— Они прямо за нами!

— Мы привели их сюда, — крикнула Перетта изумленным ученым. — Теперь ваша очередь! — Ее узкое лицо разругалось, в глазах промелькнула озорная искра.

Громкий треск прокатился по редкому лесу, послышались грубые выкрики. Два десятка вражеских солдат ввалились в лагерь, на ходу ломая ветки. Одеты они были в древние кожаные доспехи с символом пламени императора Кергана. Оливер, Перетта и Эмбер ускорились, заманивая своих преследователей в ловушку.

— Их тут еще больше! — проревел один из вражеских солдат, подняв изогнутый меч. — Уничтожить!

Две свирепые женщины стремительно рванули к ним с разных сторон, пронзительно крича. Морасит точно выждали момент для атаки. Женщины были облачены в черные кожаные полосы на груди и бедрах, а их кожа была покрыта выжженными символами.

— Мы позволим вам убить нескольких, — крикнула Торн Натану и остальным. — Но не всех. — В одной руке она держала короткий меч, а в другой — кинжал. Морасит вонзила меч в живот ближайшего солдата и рассмеялась, когда тот рухнул на землю. — Один!

Не желая отставать, Лайес щелкнула кнутом с колючками, и тот обернулся вокруг толстой шеи противника. Резко дернув, она разорвала ему горло.

— У меня тоже один!

Вытянув руку, Натан метнул шар огня волшебника, поразив врага в грудь. Кожаные и пластинчатые доспехи солдата были словно бумагой для смертоносного огня, прожигавшего все на своем пути.

Издав боевой клич, солдаты Зиммера бросились в бой. Вражеские разведчики столкнулись с д'харианскими войнами со звоном клинков, стонами боли и криками гнева. Бойцы смешались, и Натан не рискнул снова использовать огонь волшебника. Аббатиса Верна при помощи дара оторвала от дерева тяжелый сук и бросила в солдата. Орон, Ольгия, Лео и Ренн призвали порыв яростного ветра, обрушив стволы деревьев на мужчин в доспехах. Оказавшись в настоящем бою, вражеские солдаты воспользовались своей военной подготовкой, но две Морасит атаковали так, словно сами были армией, а д'харианские солдаты старались не отставать от женщин, убивая и убивая.

Пока враги падали, истекая кровью, Натан заметил кое-что неожиданное. Прежде солдаты генерала Утроса были полукаменными, с твердой и бледной кожей, но теперь у них была настоящая плоть! У него перехватило дыхание: ведь если враги снова станут людьми, их будет легче убить. Д'харианская сталь пробивала броню, рассекала кожу и кости, и древние враги умирали, как обычные люди.

Лео и Перри сбивали солдат с ног магией и насаживали на острые ветки. Даже Ренделл ринулся в атаку с ножом, сорвал шлем с оглушенного солдата и перерезал ему горло. Натан заметил мужчину, стоявшего поодаль, и применил огонь волшебника, чтобы поджечь его голову, превратив ее в жуткий фонарь.

Вскоре все двадцать древних разведчиков лежали мертвыми в подлеске. Торн и Лайес ухмылялись, а их бронзовую кожу покрывала кровь.

— Трое! — сказала Лайес.

— У меня тоже трое, — откликнулась Торн.

— Двадцать погибших, — сказал Натан. — Вражеская армия сократилась на двадцать бойцов.

— Армия даже не заметит этих потерь, — сказала Верна. — Увы.

— Генерал Утрос еще не закончил подсчитывать погибших после нашей предыдущей атаки, — сказал Орон.

— Мертвые есть мертвые, — с мрачным удовлетворением сказал Ренн.

Д'харианские солдаты вытирали кровь с мечей и доспехов. Зиммер одобительно кивнул им.

— Пока нет хорошего плана, мы будем вырезать врага постепенно.

— Пусть будет так, — сказала Ольга.

Натан вложил в ножны меч, который ему совсем не пригодился. Он все еще наслаждался использованием магии после того, как долгое время был лишен дара.

— Для начала неплохо.

Глава 2

Вокруг Никки возвышался пустынный город, тихий и таинственный. Она попыталась сориентироваться, разглядывая темные строения, внушительные каменные стены, толстые колонны и затейливые орнаменты... все было очень мрачным. Это точно не Ильдакар.

Луна заливала руины серебристым светом, но Никки нигде не видела фонарей или факелов. Окна и двери были черными и пустыми, как глазницы мертвецов. В разреженном воздухе ощущалась прохлада. Колдунья заметила силуэты черных скал вокруг города — должно быть, она оказалась высоко в горах.

Никки в сердитой растерянности отступила от колодца сильфида. После неудачного путешествия ее тело болело и походило на выжатую тряпку.

— Сильфида! — крикнула она, но тишина была такой глубокой и напряженной, что у нее звенело в ушах.

Своевольное серебристое создание принесло ее сюда и бросило.

Посреди площади находился загадочный каменный колодец высотой по пояс. Сильфида, повздоровившая с колдуньей, отступила в глубину колодца. Никки осталась в одиночестве и понятия не имела, где находится.

Отдышавшись и справившись с головокружением, колдунья отметила непривычную слабость и опустошенность. Она никогда не чувствовала себя так после путешествия в сильфиде.

— Вернись! — крикнула она в пустоту колодца. — Это не место назначения. Я хочу путешествовать.

Ее слова отозвались эхом в глубоком черном зеве и отразились от высоких каменных зданий, но больше не было никаких звуков. Серебристое создание отказывалось отвечать. Сильфида, преданная делу императора Сулакана, теперь поняла, что Никки не служит ее господину. Когда колдунья сообщила, что Сулакан мертв, — побежден, причем дважды, — серебристая женщина нарушила свой долг и забросила Никки в это забытое место.

— Сильфида! Где я? — Голос Никки затерялся в бесконечной глубине. Она не сможет помочь в борьбе с генералом Утросом, если застрянет... здесь.

Голова пульсировала от боли, в ушах звенело, и Никки задумалась, как сильно она пострадала от путешествия. Она вспомнила, что перед уходом сильфида сказала кое-что любопытное: «Ильдакар исчез. Ильдакара больше нет. Я не могу доставить тебя туда». Очевидно, что сильфида тоже

пострадала, когда безуспешно пыталась добраться до места назначения.

Как это — «Ильдакара больше нет»? Возможно, колодец на нижних уровнях легендарного города разрушен или запечатан. Что еще могло помешать сильфиде?

Затем Никки вспомнила кое-что еще. Прежде чем она убила норукайского капитана Кора, он рассказал, что король Скорбь предпринял грандиозную атаку на Ильдакар. Мог ли город защититься и от непобедимой армии генерала Утреса, и от норукайцев? Быть может, палата волшебников прибегла к крайним мерам и укрыла город саваном вечно-сти? Неужели они могли бросить весь остальной мир на произвол судьбы? Да, волшебники Ильдакара поступили бы именно так.

В таком случае Никки сама по себе. Первым делом она должна выяснить, где находится. Ее коротко остриженные светлые волосы запылились, на коже и черном платье остались следы крови после битвы с норукайцами в гавани Серримунди. В теле ощущались боль и слабость — последствия путешествия в сильфиде. Ее дар ослаб.

Никки внимательно рассматривала толстые колонны, каменные здания, огромные монументы, храмы и правительственные палаты. Когда она шла через площадь, ее ступни шуршали по неровным каменным плитам. Город изобиловал накренившимися башнями, полуразрушенными арками, высохшими фонтанами и замысловатыми деталями архитектуры, почти стертыми воздействием погоды.

Претенциозные строения были призваны внушать благоговейный трепет. Величием и размером здания напоминали дворец императора Джеганя в Алтур'Ранге или Замок Волшебника в Эйдиндриле. Этот город когда-то был столицей или центром торговли. Но все дверные проемы и окна были

заколочены или заложены кирпичом, как в склепах. Это был город мертвых.

Обернувшись на шорох, она увидела пару диких оленей, которые бродили по пустому парку, поедая листья кустарника и цветы. Олень заметил Никки и ринулся прочь, но остановился неподалеку и снова принялся за еду.

На другой великолепной площади оказалась огромная статуя мужчины, поваленная на каменные плиты. Высокий мраморный постамент размером походил на фундамент здания. Когда-то статуя возвышалась на три этажа, но теперь на постаменте остались лишь сапоги. Кто-то опрокинул памятник. Никки впитывала в себя эту картину, чувствуя отголоски насилия и разрушения. Каменные руки лежали в стороне, заросшие лозой.

Никки подошла к поваленной статуе и осмотрела ее, стараясь не замечать мха и пыли. У мужчины было надменное лицо с тяжелым лбом и крючковатым носом, из-под увесистой короны свисали заплетенные в косы волосы, вызывая ассоциацию со змеями. Источенный ветром рот был открыт в улыбке, демонстрируя заостренный зуб, явно искусственный. С растущим подозрением Никки обошла поваленную статую и приблизилась к постаменту. Надпись еще можно было разобрать:

ИМПЕРАТОР КЕРГАН.

Никки снова повернулась к голове статуи. Этот заостренный зуб, вероятно, и был железным клыком, при помощи которого Керган наводил страх на свое окружение. Он был жестоким и капризным императором, который заживо содрал кожу со своей жены и скормил ее жукам-мясоедам, когда узнал о ее связи с генералом Утрсом. Возмущенный деянием народ сверг Железного Клыка и протащил тело по улицам города. Досталось и его статуе.

Даже сейчас, спустя пятнадцать столетий, Никки испытывала мрачное удовлетворение при виде свидетельства краха императора. Сопоставив разбитую статую, огромные здания и монументы, Никки догадалась, где находится. Наверняка это Ороганг, столица необъятной империи Кергана, которая пришла в упадок после его свержения.

Теперь картинка сложилась, но по-прежнему было неясно, почему город превратился в кладбище. Да, Керган был мертв, а империю раздирали политические волнения, но почему мегаполис оказался покинут? Почему люди оставили величественные здания крысам и паукам? Куда ушли жители города? Неужели их уничтожили чума, голод или засуха? И почему двери заколочены, а окна заложены кирпичом, словно внутри что-то запечатано?

Она миновала амфитеатр — огромную круглую чашу со сценой в центре, от которой поднимались ярусы сидений. Керган, должно быть, оттуда обращался к людям, и чаша амфитеатра усиливала его голос. Теперь скамьи были пусты, многие из них разрушились, а сцена заросла сорняками. Позади амфитеатра оказалась еще одна высокая статуя; она хорошо сохранилась, будто кто-то ухаживал за ней на протяжении столетий. Это была фигура мускулистого широкогрудого воина в шлеме и богатых доспехах; символ пламени Кергана был убран со статуи, и от него остался лишь белый рубец на камне. Нащечники не скрывали красивое широкое лицо с крепкой челюстью, пронзительными глазами, выраженными скулами и благородным носом.

Никки знала этого человека и встречалась с ним на поле боя. Генерал Утрос — величайший военачальник Железного Клыка, посланный на завоевание Древнего мира от имени императора. Утрос принял эту миссию, не сомневаясь в достоинстве своего лидера и беспрекословно подчиняясь его приказам.

Судя по состоянию статуи, жители Ороганга почитали генерала. Никки показалось странным, что памятник Утросу даже сейчас выглядел чистым и не обветшал, как все остальное в заброшенном городе. Она замерла, когда заметила свежие цветы на углу постамента.

Кто-то был здесь, причем совсем недавно.

Она настороженно огляделась. Здания оставались безмолвными; одни были разрушены, в то время как другие — обманчиво невредимы. Быть может, какой-нибудь отшельник или последователь возложил цветы к статуе своего героя. Никто здесь не мог догадываться, что Утрос жив спустя полторы тысячи лет.

Никки уже не чувствовала себя одинокой, а ощущала чье-то присутствие и взгляды. Возможно, Ороганг вовсе не был заброшенным и покинутым. Вглядываясь в тени, куда не доставал свет луны, она слышала шорох. Сначала она подумала, что это снова олень, но потом различила человеческие шаги.

Никки развернулась, простирая свой дар, хотя странная слабость еще не отступила.

— Кто там?

После ее слов снова воцарилась тишина. Она повернулась к самому большому строению на главной площади — с высокими каннелированными колоннами у главного входа. Теперь двери были открыты, хотя внутри была лишь темнота. За статуей Утроса она заметила еще одно движение: чья-то тень метнулась в еще более глубокую тень. Одетые в серое человеческие фигуры растворились во мраке.

Никки осторожно повернулась:

— Покажитесь! Выходите и сразитесь со мной. — Голос ее прозвучал гонгом в пустынном городе. Она коснулась кинжалов у бедер и приготовилась защищаться.

Наконец она смогла различить человеческие силуэты, возникающие из укрытий, темных дверных проемов, узких переулков. Незнакомцы двигались с тревогой и перешептывались, но ей не отвечали.

— Кто вы такие? — Никки медленно повернулась и поняла, что люди окружают ее со всех сторон, но она едва ощущает их — будто это духи. Их было гораздо больше, чем она ожидала.

Посмотрев на окраину города, она увидела слабое зарево рассвета, которое очертило горные края. Все новые фигуры появлялись из каменных нор и приближались к ней.

Никки угрожающе положила ладони на кинжалы:

— Я не хочу нападать на вас, но сделаю это.

Рассвет встревожил их. Они беспокойно переговаривались, но Никки не могла разобрать смысл разрозненных фраз. Колдунья попятилась к постаменту статуи Утроса и подняла взгляд на каменное лицо, которое смотрело вперед.

Затем, будто по безмолвному сигналу, люди-тени бросились вперед и окружили ее.

Глава 3

Генерал Утрос взирал на опустошенное поле битвы. Волна огня испепелила тысячи его храбрых солдат. Терпкий дым от сожженной травы и горелой плоти держался в воздухе уже несколько дней, и он сомневался, что когда-нибудь избавится от этого привкуса в горле. Потеря стольких верных солдат была как горячий нож в сердце.

Магия переноса Эльзы оказалась гораздо сильнее, чем он мог себе представить. Ава и Рува слишком поздно поняли, что защитники создают пограничные руны, чтобы высвободить ужасающую магию. Слишком поздно Утрос увидел,

что отдельные ударные силы оцепили часть долины вокруг его армии. Слишком поздно заметил, как Эльза заложила якорную руну в центре лагеря и запустила сокрушительное заклинание. Близнецы едва успели прикрыть его самого.

У тысяч его солдат не было ни единого шанса.

Но даже несмотря на ошеломительные потери, его армия все еще насчитывала более сотни тысяч воинов, разгневанных, жаждущих крови и готовых завоевать все земли от горизонта до горизонта. И он поведет их к победе. Именно в этом он поклялся императору Кергану, пусть тот уже давно мертв.

Поздним вечером тревожного дня Утрос поправил золотую маску, закрывавшую половину лица. Шлем его украшали рога огромного ильдакарского быка, убитого им лично. Он стоял снаружи возведенного солдатами шатра, который заменил сгоревший штаб командования. Ткань представляла собой лоскутное покрывало из спасенных обрезков, а деревянные столбы были грубо вытесаны из обуглившихся деревьев. Но генерал Утрос не нуждался в показной атрибутике, которую затребовал бы Железный Клык. Палатка давала укрытие и тень, а большего ему и не требовалось.

Стоя на открытом воздухе, он чувствовал запах пепла на ветру. Ава и Рува стояли рядом, поглаживая его сильные мускулистые руки и медные браслеты.

— Мы готовы принять короля норукайцев, возлюбленный Утрос, — сказала Ава.

— И готовы завоевать весь мир, — отозвалась сестра-двойняшка.

Внешне схожие колдуньи были прекрасны в своих голубых платьях. Они выбрили тела дочиста, а затем разрисовали кожу плавными кривыми линиями и угловатыми узорами, призывающими тайные силы. Вместо обычных разно-

цветных красок Ава и Рува использовали сажу и засохшую кровь — они были действеннее краски.

— Мы впечатлим наших новых союзников силой армии, — сказала Ава, — но не сможем оказать должного гостеприимства.

— Мы не можем устроить королю Скорбь пиршество, — добавила ее сестра.

Утрос стиснул челюсть, понимая, что положение их гораздо серьезнее. Как только Ильдакар исчез у них на глазах, у него не осталось надежды забрать из города продовольствие и ресурсы, от которых зависело выживание армии.

Утрос посмотрел туда, где равнина резко обрывалась у реки Киллрейвен. На другом берегу простирались болотные топи.

— Король Скорбь и его флот обеспечат нас провизией. Пока этого достаточно. — В эти слова даже он сам не верил. — Владетель и духи, — прошептал он себе под нос.

Он наблюдал за отрядом норукайских налетчиков, которые с трудом шагали от обрыва с таким видом, словно намеревались захватить долину. Он знал, что со змеиных кораблей на реке к нему идет лишь небольшая делегация. Рослые налетчики, покрытые страшными шрамами, были облачены в жилеты из акульей кожи и шкур рептилий. Даже издали он узнал короля Скорбь и его гарцующего шамана-альбиноса, долговязого человека со шрамами, известного как Мелок.

За ними тянулась группа с ящиками, бочонками и мешками — достаточным количеством припасов для небольшой армии. К несчастью, армия у Утроса была большая, и теперь, когда каменное заклятие полностью развеялось, она стала еще и голодной.

Сразу после исчезновения Ильдакара последние проявления каменного заклятия растворились, и его солдаты сно-

ва стали обычными людьми из плоти и крови. Поначалу армия радовалась тому, что снова может чувствовать, но Утрос быстро понял, что вернувшаяся человечность также принесла и уязвимость. Будучи полукаменным, многочисленное войско не ощущало ни голода, ни жажды; но теперь все они испытывали человеческие потребности. Сто тысяч ртов требовали пищи, но в огромной долине не было ни города, ни обоза с припасами.

Первый командующий Енох прибыл в командный шатер с докладом. Лицо его было мрачно. Утрос хотел, чтобы его мажордом присоединился к дискуссии касательно их нового союза. Ветеран прижал кулак к сердцу, а затем посмотрел на норукайцев. Для оценки ситуации ему хватило одного беглого взгляда:

— Этих запасов хватит, чтобы накормить офицеров вплоть до командиров отделений. При весьма умеренных порциях.

— Но на всех нас не хватит, — тихо сказал Утрос.

Король Скорбь, Мелок и еще шесть капитанов устало брели к шатру по выжженной траве. Встретившись лицом к лицу с генералом, Скорбь щелкнул челюстями. Щеки его когда-то были рассечены до самых висков, лицо покрывала татуировка чешуи змеинобога. Грудь короля была невероятно широка, будто у него имелись дополнительные легкие, чтобы глубоко нырять и драться с акулами. Из плеч выпирали вживленные костяные шпоры. Вместо пояса талию обвивала железная цепь.

— Мы принесли еду, как ты и просил. — Скорбь указал на сгорбленных рабов, которые служили вьючными животными. — Устроим праздничное пиршество!

Рабы сложили ящики, мешки и бочонки снаружи шатра, возле больших костров.

— Мои охотники также снабдили нас тремя оленями, убитыми в горах, — предложил Утрос. — Зажарим и их.

— Ты можешь взять всю рыбу, — проворчал Скорбь. — Меня от нее тошнит. Я забираю оленину.

— Рыба, рыба! — скакал вокруг Мелок. — Высасывайте кости и жуйте головы. Мне нравится, как лопаются глаза. — Он сгибал локти под странными углами, прыгая с ноги на ногу. — Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть! — На нем была только набедренная повязка из рыбьих шкур, будто шаман хотел продемонстрировать следы укусов от тысяч крошечных клыкастых ртов. Изуродованная губа жутко искривляла его ухмылку.

Ава и Рува с неудовольствием рассматривали шамана. В унисон они подняли подбородки; надменные и красивые колдуньи словно подчеркивали неполноценность спутника короля.

— Это будет не просто пир. — Утрос старался говорить дипломатично, ведя норукайцев под натянутую ткань шатра. Он использовал все свои навыки дипломатии, потому что нуждался в воинах и кораблях. — Мы должны спланировать нашу войну. Моя армия должна двигаться, поскольку у нас множество ртов, которые нужно кормить. — Генерал указал на почерневшую долину, где солдаты расставили грубые палатки и лежанки. — Наша численность может быть и невелика, но мы непобедимы. Моя армия завоюет все земли, которые встретит на пути.

Скорбь напыщенно и громко рассмеялся.

— Только те земли, которые норукайцы оставят для тебя!

— Древний мир наш, — твердо проговорил Утрос.

— Да, наш. Мой и твой.

— Вместе нам стоит обдумать стратегию, — твердо и деловито продолжил Утрос. — Мы не можем просто прене-

стись по всему континенту. Мы должны завоевать его и воспользоваться им.

Норукайский король был нетерпелив:

— Как пожелаешь, но мы можем немного разделить континент. Мне нужно размяться.

Ава и Рува пристально смотрели на Скорбь и его альбиноса. Норукайский король открыто пялился на двух женщин, но те не реагировали. Утрос знал, что близнецы не нуждаются в защите. Колдуньи могли убить любого, кто их беспокоит.

Пока туши оленей жарились на костре, а на небольших вертелах готовилась рыба, первый командующий Енох следил за распределением норукайских припасов среди армии, растягивая пищу как мог.

Позже, грызя сочный кусок мяса, король Скорбь хмуро смотрел на пустые ящики.

— Это остатки наших припасов с кораблей. — Он вовсе не казался расстроенным. Скорее, в его голосе звучали оскорбительные нотки. — Ты слишком много заботаешься о еде.

— Мои солдаты должны есть, — сказал Утрос. — Моя задача — добыть и распределить провизию и припасы.

— Тогда твои солдаты слабы. — Король норукайцев сунул руку в свой широкий рот и кончиком пальца выковырял кусок мяса из дальнего моляра. — Мы не беспокоимся о припасах. Мы совершаем набеги, чтобы взять то, что нам нужно, а затем двигаемся дальше.

— Они все будут скорбеть! — сказал Мелок.

— Нам придется последовать вашему примеру, — согласился генерал, хотя пустынные предгорья и долина давали мало ресурсов.

Король Скорбь наклонился вперед, изучая полумаску генерала:

— Быть может, я и сам захочу такую штуковину. Мне нравится, как она выглядит.

Утрос снял золотую маску, показывая обезображенное лицо. К этому времени рана уже зажила, темные мышцы покрылись струпьями и затвердели.

— Это не было моим выбором. Так было нужно для заклипания.

Норукаец одобрительно кивнул и потрогал пальцами шрамы на своих щеках.

— Иногда мы делаем то, что необходимо. — Он положил локти на грубый деревянный стол. — Итак, расскажи мне о своем плане завоевания мира.

Утрос бросил взгляд на свою огромную армию:

— У меня тысячи вооруженных бойцов, готовых выступить. Остались ли у тебя корабли после того, как их сковало речным льдом?

Мелок заерзал за грубо тесаным столом.

— Корабли и рыба, лед и огонь, великие змеиные корабли. — Он ухмыльнулся. — Змеиные корабли! Теперь разбитые корабли!

— Не разбитые! — Скорбь грубо толкнул альбиноса в плечо, а затем смягчился, обхватив тощего мужчину за плечи. Он встретился взглядом с Утросом. — Когда река замерзла, на ней стояли на якоре сотни кораблей, многие были у причалов, чтобы мы могли взобраться на утесы и вторгнуться в Ильдакар. Лед раздавил несколько корпусов, сломал киля. — Он грохнул тяжелым кулаком по столу. Костяшки пальцев с маленькими железными пластинками громко звякнули от удара. — Но мы починим. Норукайцы — великие кораблестроители. — Скорбь оглянулся туда, где местность резко обрывалась к реке. — Болота обеспечат нас необходимым материалом. У нас есть инструменты. И рабы.

— Нам понадобятся корабли и норукайские бойцы, чтобы вести войну. Ты говорил, на островах у тебя еще много кораблей, — поймал его на слове генерал. — Нам понадобятся и твой флот, и вся моя армия. — Он стал более серьезным. — Ваши корабли пойдут вниз по реке и выйдут в море. Даже при быстром марше моей армии потребуется больше времени, чтобы добраться до побережья.

— Часть змеиных кораблей уже почти отремонтирована, и мне тоже не терпится выступить, — сказал Скорбь. — Я поплыву обратно на Норукайские острова, где к этому времени должна быть готова еще сотня кораблей. Мои налетчики жаждут побед и грабежей. В ожидании ваших солдат мы атакуем прибрежные города, словно шторм из стали и крови.

Расчетливый ум Утроса манипулировал фигурами, расставляя их на общей тактической схеме.

— Если норукайские налетчики атакуют побережье, а моя армия пронесется по суше, мы захватим весь Древний мир, точно клещами.

Скорбь вгрызся в кость, с которой только что содрал мясо:

— Мы раздавим эту землю, как виноградину меж пальцев. Это хороший план.

— Как только наши силы объединятся, — добавил Утрос, — мы выступим вместе, захватим Танимуру и Алтур'Ранг, а затем двинемся на Новый мир.

— Король Скорбь! — воскликнул Мелок. — Все будут скорбеть.

— Да, они все будут скорбеть, — подхватил генерал Утрос.

Норукайцы не любили пустых бесед. Закончив с яствами, налетчики торопились вернуться на корабли. Как и генерал Утрос, они надеялись завоевать Ильдакар, но город исчез, и

ни у одной армии не было причин оставаться здесь. Король Скорбь удалился, будто оба командира тщательно спланировали всю войну в деталях, и Утрос понял, что норукайцы не слишком сильны в стратегии. Они просто нападали, двигались дальше, а потом возвращались, когда считали нужным.

Он подозревал, что Скорбь будет еще худшим лидером, чем Железный Клык, но Утрос побеспокоится об этом ди-каре позже, когда тот станет проблемой. Он использует этих жестоких норукайцев для достижения своих целей. Он поклялся растоптать весь континент своей пятой — из верности императору и тайной любви к Мэджел. Теперь его внутренний стержень надломился, и поэтому Утрос должен сделать это для себя, а не по какой-то другой причине.

Норукайцы вернулись на утесы над рекой и спустились к своим поврежденным кораблям. Когда уродливые налетчики ушли, первый командующий Енох подошел к Утросу, глубоко обеспокоенный.

— Мы распределили еду, генерал, но хватило далеко не всем.

— Ожидаемо, — сказал Утрос. — Норукайский король кое в чем прав. Недавно наши разведчики нанесли на карту несколько новых поселений. Мы знаем, где можно взять провизию, — хоть сколько-то, — и должны сделать это. Разошлите отряды повсюду. Зайдите в каждый городишко и вычистите все до крохи. — Он опустил голову. — Для нас это единственный способ выжить.

Глава 4

Когда лучи рассветного солнца разлились по речной равнине, норукайские надсмотрщики забили в барабаны, поднимая стонущих рабов и пиная самых нерасторопных.

— Время работать! — взревела корабель Гара — мускулистая женщина с седыми косами, напоминавшими утонувших гадюк. — Работать, пока не закровоточат пальцы. — Она открыла свою змеиную пасть и шелкнула зубами.

Бэннон, привязанный к наклонной палубе разбитого норукайского корабля, скорчился, чтобы избежать жестокого пинка. Один из налетчиков разрезал его путы, и юноша присоединился к работе.

Пленники приступили к ремонту в тусклом предрассветном сумраке. Гара молотила киянкой, подбивая доски и колышки, но Бэннон видел, как уродливая женщина этой же киянкой разбила череп раба, который работал слишком медленно.

Пока Бэннон почесывал ободранные запястья, за ночь натертые веревкой, к нему подкрался призрачно-бледный шаман и схватил за плечи своими паучьими пальцами.

— Работай молотком или стань гвоздем!

Бэннон лишь отмахнулся. Его раздражало странное поведение изуродованного альбиноса. Он еще мог понять неотесанных норукайцев, но Мелок сильно действовал на нервы. По какой-то причине шаман нашел его занятым.

Бэннон был в плену уже несколько дней. Его избитое тело болело, а многочисленные порезы и ушибы после сражения на утесе Ильдакара еще только начали заживать. Он едва не убил Мелка и короля Скорбь, но они все вместе рухнули с утеса на грудь тел и оружия.

Бэннон не погиб, но стал рабом. Сбылся самый большой кошмар, мучивший юношу с тех пор, как работоторговцы попытались схватить его на острове Кирия. Тогда в рабство

попал его лучший друг Ян, а Бэннон бежал. За тот момент трусости его терзала совесть. И вот, много лет спустя, он все-таки стал рабом.

Мелок снова потряс его за плечи, и Бэннон инстинктивно замахнулся, вспомнив, что они сделали с Яном.

— Не трогай меня, мерзкий норукаец!

Альбинос хихикнул, восхищенный реакцией Бэннона. При ярком свете дня король Скорбь заметил происходящее и шагнул вперед. Выражение его лица походило на бурю, прокатившуюся по морю.

— Прояви уважение или умри, раб! — Скорбь схватил Бэннона за шею и поднял над палубой. — Стоишь ли ты воздуха, которым дышишь? Стоишь ли ты воды, которой мочишься?

Бэннон отбивался, хотя знал, что за это его жестоко избьют или убьют. Он не был трусом, но и примерной жертвой для этих монстров быть не собирался.

Нахмурившись, корабель Гара шагнула вперед, чтобы вмешаться.

— Сломаете его позже, мой король. Для починки корабля нужны рабочие. Вчера мы потеряли троих, а новых из города уже не получим. — Корабель взглянула на обрыв над рекой. Вершина утеса, где недавно стоял Ильдакар, выглядела как чисто срезанный пенек. — Нужно использовать всех, кто есть, и закончить ремонт.

Скорбь ослабил хватку и позволил Бэннону плюхнуться на наклонную палубу. Он угрожающе поднял тяжелый боевой топор, вызвав у Мелка восторг.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости! — прокричал шаман.

Бэннон не знал, что имеет в виду шаман, но его болтовня часто не имела смысла. Мелок взглянул на Бэннона и кивнул, словно ожидая, что юноша согласится с ним.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Скорбь не воспринял всерьез слова своего странного друга.

— Мой топор тоже может рубить кости. Он снесет эту голову с плеч после завершения ремонта кораблей.

— Отнюдь, мой Скорбь. Отнюдь. — Мелок погладил длинные рыжие волосы Бэннона, отчего по коже юноши пробежали мурашки. — Только не эту голову.

Группы рабов ремонтировали поврежденные корабли. Норукайский флот в сотню змеиных кораблей дошел по реке Киллрейвен до Ильдакара. Налетчики намеревались взобраться на утесы и захватить город, но они ничего не знали об армии генерала Утроста. Бэннон, Морасит Лила и сотни защитников города оборонялись на утесах, сбрасывая снаряды, сражаясь копьями и мечами. Но в итоге норукайцы смяли их.

Бэннон упал со скалы, потерял сознание и попал в плен. Он не знал, что случилось с Лилой. Даже если он сбежит от сотен бдительных норукайцев, то вряд ли воссоединится с друзьями. Когда город скрылся под саваном вечности, Натан возглавлял масштабную атаку на войско генерала Утроста, а Никки и вовсе находилась в Серримунди. У Бэннона не было никакой надежды снова встретиться с кем-либо из них, поэтому придется рассчитывать только на себя — если ему вообще удастся сбежать.

Когда магия переноса заморозила реку, лед зажал корабли и повредил их. Разгневанные норукайцы теперь трудились как муравьи, восстанавливая суда. Пленникам досталась самая тяжелая работа: рубить деревья в болотах, подтаскивать бревна и распиливать их.

Часть змеиных кораблей теперь покоилась на илистом речном дне. С них сняли канаты, чтобы починить оснастки других кораблей, перетаскивали полотнища темно-синей па-

русины, спилили мачты и сняли с корпуса уцелевшие доски. Опытные норукайские корабли, такие как Гара, переходили с судна на судно, руководя группами рабов.

Бэннон, постоянно выискивая возможность побега, с неохотой перетаскивал длинные канаты с одной палубы на другую, переносил инструменты и припасы. Страдая от жары во время бесконечной работы, он подумывал использовать киянки и гвоздодеры в качестве оружия. Он мог ранить нескольких работаровцев, но против него были тысячи безжалостных норукайцев — в итоге он просто погибнет. Юноша ломал голову над тем, что ему делать.

Вчера один из ильдакарских рабов взбунтовался и напал на норукайца со спины. Бэннон мысленно аплодировал рабу, но его атака не была спланирована, и норукайцы тут же схватили непокорного мужчину. Они не торопились убивать его. Налетчики заставили Бэннона и других пленников смотреть, как они ломают рабу руки, а затем и ноги. После норукайцы принялись накладывать на грудь раба тяжелые камни, один за другим, выдерживая длительные паузы, пока у мужчины не затрещали ребра, а из глаз и изо рта не выступила кровь. Когда бедняга взмолился о пощаде, один из норукайцев наступил на камни, медленно надавливая, пока грудина не треснула.

Бэннон хотел убить этих извергов, он не собирался тратить свою жизнь напрасно. Он наблюдал и выжидал шанса; он надеялся, что сможет помочь не только себе, но и другим пленникам.

Угрюмые рабы разбирали затонувшее судно, при помощи гвоздодеров отрывая от корпуса доски. Измученных рабских мало кормили и не позволяли отдыхать. Пить им давали только зеленоватую речную воду.

— Хочу отплыть как можно скорее, — проревел король Скорбь с носа почти готового корабля. — Заканчивайте ре-

монт, чтобы мы могли вернуться на Норукайские острова и начать войну.

— Мы убили немало норукайцев, поэтому кораблей для возвращения понадобится меньше, — пробормотал Бэннон.

Корабел Гара отвесила Бэннону тяжелую оплеуху, разбив губу и оставив на щеке ярко-красный след.

Мелок рассмеялся, будто замечание молодого мечника было неимоверно смешным. Шаман присел на корточки перед Бэнноном и с ухмылкой кивнул. К несчастью, король тоже услышал его слова. Скорбь снова вцепился в юношу, собираясь убить.

— Нам нужно, чтобы он работал! — прошипела Гара.

Король поднял Бэннона и швырнул в реку.

— Он может работать на ватерлинии, впитывая грязь и слизь.

Бэннон с воплем плюхнулся в воду. Отплевываясь, он отчаянно пытался за что-нибудь ухватиться. Удержавшись на плаву, юноша посмотрел вверх; его рыжеватые волосы свисали грязными прядями, напоминая водоросли.

— В следующий раз привяжу груз к твоим лодыжкам! — прорычал Скорбь, перегнувшись через перила. — И тогда сможешь чинить днище корабля, пока не потонешь.

Мелок с необъяснимым беспокойством глядел из-за перил на Бэннона. Гара бросила юноше киянку, и та с плеском упала в воду. Четверо других рабов были привязаны к накренившемуся кораблю; поблизости находились доски для ремонта и деревянные ведра с гвоздями. Их окружал плеск реки и душный влажный воздух. Мимо проплывали шлюпки с норукайскими стражниками, которые перевозили материалы и людей с одного змеиног судна на другое, а также следили за рабами у ватерлинии.

Бэннон понял, что дальнейшее сопротивление ничего не даст, поэтому неохотно взял из воды киянку и последовал

распоряжениям. На этот раз. Взяв одну из досок, он сунул руку в подвешенное ведро с гвоздями и начал латать корпус. Другой раб погрузил руки в горшок с теплой смолой и замазал щели между досками.

— Ужасная работа, но все же лучше, чем в трюме, — посочувствовал соседний раб.

Бэннон видел, как другие рабы спускались на темные и душные нижние палубы поврежденных кораблей и вычерпывали ведрами воду, чтобы суда могли всплыть.

— Полагаю, всегда есть что-то хуже.

Оптимизм часто выручал Бэннона, и он цеплялся за надежду — нередко глупую. Но таков уж его характер. Он найдет способ сбежать от отвратительных тюремщиков, и все наладится. Он не сдастся.

Раб рядом с ним издал горький смешок:

— Это гораздо лучше, чем трюм...

Внезапно лицо мужчины исказилось от боли и ужаса. Он ухватился за свою веревку, но что-то утянуло его под воду раньше, чем он успел закричать. Веревка туго натянулась и лопнула, а вода расцвела кровью.

Бэннон инстинктивно протянул руку, пытаясь спасти мужчину, но до жертвы было не достать. Остальные рабы поспешили выбраться из реки, когда на поверхности показалась бугристая спина болотного хищника. Рептилия быстро поплыла прочь, сжимая мощными челюстями почти перекушенное пополам тело. Болотный дракон нырнул под воду и принялся за еду.

Рабы в воде закричали, пытаясь подняться по веревкам на палубу. Бэннон схватил оборванную веревку и забрался повыше, помогая остальным. Норукайцы бросились к перилам с баграми и копьями, отталкивая рабов.

— Назад в воду. Возвращайтесь к работе!

— В реке чудища! — вскричал один из рабов. — Нас всех убьют.

— Больше бойтесь нас, чем кого-то там внизу, — сказала Гара.

Бэннон все еще держал деревянную киянку, жалея, что при нем нет его верного Крепыша. Он хотел убить этих омерзительных людей, но, глянув на лес зазубренных накопечников копий, кривых мечей и гневные лица в шрамах, он понял, что лишь напрасно погибнет. Мелок наблюдал за ним, качая головой и грозя пальцем.

Презирая норукайцев еще сильнее, Бэннон спустился в реку, выглядывая на воде рябь и чешуйчатые спины болотных монстров. Вскоре он понял, что ему придется кого-то убить.

* * *

Лила пряталась в зарослях на берегу реки, находясь достаточно близко, чтобы метнуть копьё и убить норукайца на открытом месте. Но прямо сейчас это было бы напрасной тратой ее преимущества — неожиданности. Она уже бесшумно убила девятых под покровом темноты и с удовольствием скормила тела хищникам. Сейчас она затаилась, наблюдая и выжидая. Она нужна Бэннону.

Когда Ильдакар исчез посреди битвы, она упала с обрыва. Это падение должно было стать фатальным, но она приземлилась в мягкую речную грязь на мелководе. Оглушенную женщину несло вниз по течению, пока она не застряла в зарослях. Ей удалось выползти на берег, и норукайцы ее не видели.

С тех пор прошло уже несколько дней. Ее короткие каштановые волосы были грязными, а лицо обгорело на солнце. На ней было только минималистичное облачение из черной кожи. Руны защищали ее от магии, но не от укусов насеко-

мых или опасных колючек. У нее остался только кинжал — короткий меч она потеряла при падении. Но само тело Морасит было оружием. Она полагалась на свои мускулы и рефлексy. Она выжидала и атаковала каждый раз, когда ей попадался одинокий норукаец...

Ли́ла и ее сестры-Морасит поклялись защищать Ильдa-кар, но он исчез. А еще она взяла на себя ответственность за Бэннона, пообещав оберегать его. Она тренировала юношу в боевых ямах, заставляла его выполнять самые тяжелые упражнения. Она даже иногда брала его в постель в качестве награды за старания, и делала это все чаще. Ли́ла не понимала, почему молодой мечник не ценил всего, чему она его учила. Ее суровые уроки, несомненно, не раз спасали ему жизнь.

Во время нападения на армию генерала Утрoса, Бэннон попал в плен и едва не погиб. В тот момент она поняла, что не хочет потерять его, и дело не только в ее гордости. Бэннон самоуверенно считал себя хорошим бойцом — которым и был, — но Ли́ла была лучше. Они хорошо сражались вместе, но она сомневалась, что юноша выживет без нее.

Когда он рухнул с утеса вместе с королем Скорбь и Мелком, Ли́ла решила, что он мертв, но потом она подобралась достаточно близко, чтобы шпионить за захваченными рабами, и мельком увидела Бэннона, узнав его по длинным рыжим волосам и знакомому телу. Он жив, а значит, у нее еще есть шанс.

В течение нескольких дней после исчезновения города Ли́ла кралась сквозь заросли, перелезая через узловатые корни и свисающие лианы и не упуская из виду норукайцев. Она не могла сразиться с тысячами врагов, как бы ей ни хотелось. Ей следовало быть разумной.

Весь день она пряталась среди колючих кустарников, а медленная река плескалась о грязный берег. Жаждающие

крови мошки жужжали у лица. Вражеский флот был повержен, но Лила видела, что налетчики скоро восстановят несколько змеиных кораблей. Ей придется мыслить шире.

Лила пробралась к основанию утесов, где обнаружила остатки ильдакарских доков, расколотые доски, причальные столбы — все это было разрушено норукайцами. В скалах наверху виднелись туннели, которые теперь уходили в никуда.

Она заметила какой-то блеск среди досок и сломанных веток. Лила спряталась в тени, пока не убедилась в безопасности, а затем скользнула вперед, чтобы рассмотреть предмет.

Это была простая рукоять, обмотанная кожей. Морасит сдвинула сломанные доски, стараясь не шуметь, и увидела меч. Она вытащила его из грязи, плеснула водой на лезвие и перекрестье гарды. Это был скромный меч из бледного металла, но вполне пригодный. Она узнала это оружие — меч Бэннона, Крепыш.

Лезвие все еще было острым, и она знала, что лучше этого клинка она и пожелать не могла. Теперь она вооружена и найдет способ спасти Бэннона, даже если придется сразиться со всем норукайским флотом.

Глава 5

Главнокомандующий волшебник Максим выглядел великолепно. Адесса приподняла его голову и запустила пальцы в короткие темные волосы. При виде его мертвого лица на нее накатывала волна удовольствия, похожая на теплый мед.

Обезглавленное тело Максима лежало в грязи перед хижиной, из расколотой груди сломанными ветками торчали

ребра. Шум ветра в ветвях темных елей походил на ликование толпы. Стоя в лунном свете, лидер Морасит подняла голову волшебника перед своим лицом.

Когда-то главнокомандующий волшебник, надменный правитель Ильдакара, был очень красив, но теперь лицо его обмякло, а веки закрывали глаза безвольными складками кожи. Рот раскрылся, и по козлиной бородке стекала кровь, запекаясь на обрубке шеи. После того как сработала ее ловушка, жить ему оставалось мало, но Адесса не хотела дожидаться смерти Максима. Владелец так или иначе заберет его, поэтому она перерубила ему шею и торжествующе подняла голову.

— Моя миссия завершена. — Жесткий шепот Адессы был приглушен шумом еловых ветвей. — Я всегда знала, что убью тебя, но ты был слишком самонадеян, чтобы поверить в это.

Мертвец не ответил, но на его щеке дернулся мускул, напугав ее. Рот Максима раскрылся еще шире — мышцы челюсти расслабились в посмертной судороге.

Адесса глубоко вздохнула. Она выполнила приказ владетельницы Торы. Наконец-то она сможет вернуться домой, в Ильдакар.

Главнокомандующий волшебник Максим предал Ильдакар, подняв волнения среди низших классов, спровоцировав восстание, — просто от скуки! Подобное предательство было немыслимо для Адессы. Она и ее Морасит были всецело преданы городу и совету. В ночь восстания, когда толпы рабов убивали хозяев и разрушали идеальное общество, Максим со смехом бежал из города. Поскольку хаос продолжал расти, Тора послала Адессу вслед за волшебником с приказом выследить его и принести в качестве трофея голову. Долгими неделями она выслеживала этого человека по болотам, двигаясь вниз по течению реки Киллрейвен, пока

не поймала в этой одинокой хижине. Она вспомнила восхитительный удар своего меча по его шее и хруст перерубленного позвоночника. По ее спине пробежала дрожь.

Отточенным движением она резко повернулась на звук, похожий на треск льда. На краю сада стояли бледные статуи: широкогрудый мужчина в латаной одежде и крутобедрая женщина в лоскутной юбке и с подвязанными шарфом волосами. Рядом были трое детей: девочка лет пяти, мальчик лет восьми и мальчик постарше — лет одиннадцати-двенадцати. Окаменевшие фигуры начали медленно двигаться, глубоко вдыхая воздух и возвращаясь к жизни. Все они удивленно разглядывали свои руки.

Адесса расслабилась. Она должна была ожидать, что это случится, как только она убьет Максима. В этой хижине на лесистых холмах над речным городком жила семья Фэри. По всей видимости, добрые люди приютили главнокомандующего волшебника, но, когда попытались бежать, он превратил их всех в статуи. Со смертью Максима развеялось и заклинание. Плоть снова обрела мягкость и цвет. Они помнили, как ночью убегали от напугавшего их Максима, а потом все померкло. Теперь же словно оборвалась струна: ночь была другая, и все изменилось. Они даже не знали, сколько прошло дней и что случилось в мире. Пред ними стояла окровавленная женщина с отрубленной головой в руке. Маленькая девочка закричала. Мать в растерянности схватила младших детей. Отец стоял рядом со старшим сыном, готовый защищать семью. Адесса поняла, что выглядит ужасающе — мускулистая женщина, облаченная в черную кожу и покрытая клеймами рун.

Она опустила голову и хрипло произнесла:

— Вам больше не нужно бояться главнокомандующего волшебника. Он мертв. — Она перевела взгляд на голову в своей левой руке. — Теперь вы в безопасности.

Люди уставились на нее во все глаза, а затем посмотрели на обезглавленное тело, лежавшее на сухих еловых иголках.

— Я Адесса, лидер Морасит из Ильдакара. Меня послали убить Максима, и я успешно справилась с задачей.

Родители и дети жались друг к другу, боясь пошевелиться, хотя им явно хотелось бежать, как напуганным оленям.

— Я не представляю для вас опасности. — Адесса специально не делала угрожающих жестов. — Главнокомандующий волшебник больше не причинит вам вреда. — Она повернулась к маленькой девочке, увидев, как испуг на ее лице сменился интересом к истекающей кровью голове. — Мне нужно доставить трофей в Ильдакар.

Хотя отец семейства все еще был настороже, плечи его расслабились. Он обнял жену.

— Если ты убила этого ужасного человека, то спасла нас.

— Что с нами случилось? — спросила женщина. Несмотря на молодость, на ее лице было немало морщин. — Мы выскользнули из дома ночью, надеясь спасти детей, пока Максим спит. Мы собирались бежать в город и просить о помощи.

— Он превратил вас в камень, — сказала Адесса. — У вас не было ни единого шанса против его заклинания.

— Я помню, как бежал, — произнес старший мальчик. — Я обернулся и увидел, как он выходит из дома. Я пытался предупредить, но... — он с трудом сглотнул.

— Мы были статуями? — спросил мужчина. — Каменными фигурами среди деревьев?

— А теперь вы невредимы и можете жить как обычно, — сказала Адесса, бесцеремонно пнув обезглавленное тело. — Я выследила его и устроила ловушку. — Она повернулась и взглянула на тяжелый ствол дерева, все еще висевший на веревках, который смертоносным тараном ударил в грудь волшебника. — Я использовала молодое деревце, бревно и

веревку. Он сосредоточился на мне, потому что считал опасной только меня... — На ее лице возникла мрачная улыбка. — Теперь вы в безопасности.

Семья Фэри неуверенно обошла обезглавленное тело, направляясь к своей хижине. Отец подгонял детей.

— Мы должны отблагодарить. Можем что-нибудь для тебя сделать? — спросила женщина.

Адесса не сдвинулась с места.

— Мне предстоит долгий обратный путь до Ильдакара, куда я обещала доставить свой трофей.

— Заходи и поешь с нами, — сказал мужчина в дверях хижины. — Мы снабдим тебя едой, чтобы были силы для путешествия.

— Твое наивное сердце и гостеприимство уже принесли нам достаточно невзгод! — рассерженно прошептала ему хозяйка.

— Все будет хорошо, — прошептал он в ответ. — Она убила этого плохого человека.

Адессе хотелось отправиться в дорогу, но она понимала, что сейчас некуда спешить. Максим мертв. Внезапно она почувствовала усталость. Охота на главнокомандующего волшебника давала ясную цель, и Морасит преодолела немало трудностей для ее достижения. Теперь ее путеводная звезда погасла. Но миссия не завершится, пока она не доставит голову властительнице. Было бы глупо отказываться от предложенной трапезы, которая поможет ей бежать дальше и быстрее.

— Хорошо, я поем. — Держа в руках отвратительную голову, она последовала за семейством в дом.

— Ты понесешь это внутрь? — в ужасе спросила женщина.

— Да. Это мой долг.

Пока дети тревожно смотрели на Адессу, отец зажег свечи и развел огонь в выложенном камнем очаге. Вскоре дом наполнился теплым, успокаивающим светом.

Младшие дети подбежали к своим кроватям и уселись там, прижавшись друг к другу. Старший брат, поколебавшись, остался с отцом, в то время как мать осмотрела кухню и открыла кладовую в поисках съестного. Женщина в отчаянии вздохнула.

— Этот человек съел почти всю нашу еду. Остались кусок окорока, копченый сом и немного сыра. — Она осмотрела твердую, как камень, горбушку хлеба. — Хлеб старый и черствый.

— Я съем его, — сказала Адесса. — Не знаю, как долго Максим жил здесь один, но он никогда не удосужился бы испечь хлеб.

— Я могу поймать во дворе курицу и свернуть ей шею, — предложил отец семейства. — Мы устроим настоящий пир, если подождешь.

Адесса задумалась, но покачала головой:

— Мне нужно отправляться в путь.

Мужчина чувствовал себя обязанным предложить ей это, но был рад ее отказу.

Хозяйка разложила все, что ей удалось отыскать, и позвала детей к деревянному столу. Адесса положила отрубленную голову на угол стола рядом с собой.

— В бочке есть вода. — Мужчина смущенно посмотрел на нее. — Можешь помыться перед трапезой. На тебе... кровь.

Адесса посмотрела на свою кожу со шрамами защитных рун, выжженными раскаленным железом. Кровь Максима покрывала руки и живот, ржаво-красные крапинки стеклись на черную кожаную повязку на груди. Эти крапинки обра-

зовали таинственные узоры, послание, смысл которого она не могла понять.

— Кровь жертвы — знак чести. Чего ради мне это смы-
вать?

Хозяйка быстро нарезала окорок, рыбу и сыр, и разлила по кружкам воду. Разговор не клеился. Адесса ела с жадно-
стью, почти не обращая внимания на вкус; она просто вос-
полняла энергию. Главнокомандующий волшебник был
мертв; она попыталась ощутить внутри себя магию крови,
но та была полностью использована. Неродившийся ребе-
нок дал магическую силу, необходимую для убийства мо-
гущественного волшебника, и теперь она вернулась к свое-
му обычному состоянию — Адесса всегда была очень силь-
на.

Члены семьи Фэри ели в напряженном молчании, не в
силах отвести взгляд от жуткой головы на углу стола. Шей-
ный обрубок оставил на дереве багровое пятно. При виде
этой отметины они всегда будут вспоминать об Адессе.

— Вы можете похоронить его тело во дворе, — сказала
Морасит, доев черствый кусок хлеба.

Отец пристально посмотрел на нее, затем кивнул:

— Мы от него избавимся.

Младшие дети захныкали.

— Мне пора. — Адесса запила еду остатками воды из
кружки. — Нужно пройти много миль вверх по реке.

— Мы поможем, — чересчур поспешно выпалил отец,
хотя до рассвета было еще несколько часов. — Может,
возьмешь еду? Что нужно?

— В Гантовом брое можно запастись необходимой про-
визией, — предложила хозяйка.

— Мне много не нужно. — Адесса проверила кинжал и
короткий меч, которые были при ней с Ильдакара, а также
нож-эйджаил, способный причинить сильнейшую боль од-

ним касанием. Подняв голову Максима за волосы, она передумала и спросила: — Есть одна вещь, которую вы могли бы мне дать. Мешок.

Хозяйка засуетилась и вскоре нашла холщовый мешок из-под проса. Адесса поблагодарила ее, сунула в него голову, накрутила конец на запястье и шагнула к двери.

— Все, теперь я ухожу.

Глава 6

Странные серые люди Ороганга окружили Никки, протягивая к ней руки и словно намереваясь подавить численностью. Их одежда шуршала, но двигались они неестественно тихо. Она потянулась к своему дару, и на нее накатила дурнота — следствие прерванного путешествия в сильфиде. Серебряное создание ранило ее, то ли случайно, то ли намеренно. Где же сильфида? Никки нужно уходить!

Когда странные бормочущие люди приблизились, она достала кинжалы из ножен и угрожающе выставила перед собой.

— Я не вражду с вами, но буду защищаться. — Она попятилась к основанию высокой статуи Утроса. — Я не хочу вас убивать.

Один из людей в капюшонах закричал на диалекте, который Никки не понимала. Другие тоже заговорили, их голоса звучали отчаянно. Еще один сказал с сильным акцентом нечто похожее на:

— Взять ее! Времени мало.

У людей не было оружия: ни мечей или кинжалов, ни даже кнутов или дубинок; но их число увеличилось вдвое за считанные мгновения. Они приближались к Никки.

— Солнце всходит! — прозвучал еще настойчивее третий голос. — Прячемся.

Никки рубанула воздух кинжалами, отгоняя людей. За горами разгорался рассвет, и странные люди впали в неистовство. Появились новые серые люди, размахивавшие древними на вид мечами. Они встревоженно завопили. Госпожа Смерть безо всяких колебаний просто испепелила бы их огнем волшебника, но эти худощавые суетливые люди явно чего-то боялись. Прямо сейчас ее контроль над магией казался неустойчивым, но все же это был лучший способ отогнать толпу, никого не убивая.

Она сунула один кинжал в ножны и выставила перед собой ладонь. Несмотря на пульсирующую головную боль, она призвала дар и сформировала защитную стену из воздуха. Невидимый боевой таран отшвырнул пятерых наступавших бойцов, и те повалились на товарищей, но толпа уже подступала с противоположной стороны. Их речь стала более разборчивой, хотя они говорили на искаженном диалекте.

— Взять ее! Отвести в здание!

— Торопитесь! Солнце всходит!

Несмотря на дрожь в ногах, слабость и головокружение, Никки нашла в себе достаточно сил, чтобы снова ударить воздухом, оттолкнув еще больше нападавших. Ее схватили сзади за плечи. Четверо молчаливых чужаков перелезли через постамент статуи Утреса, чтобы застать ее врасплох. Серые люди накинулись на нее, как волки на раненого оленя, пытаясь повалить на землю.

Никки развернулась, призвав крутящийся вихрь, который разметал их всех по сторонам.

— Не подходить! — Бросившись вперед, она вонзила кинжал между ребер костлявой женщины, и та рухнула, истекая кровью, к ногам каменного генерала. Раненую немед-

ленно подхватили и унесли в одно из зданий. Темные пустые дверные проемы напоминали беззубые рты.

Глаза колдуньи метались от цели к цели, а толпа колебалась, но все же напирала, выискивая возможность атаковать. Почему она так нужна им? Терпение Никки закончилось, она не могла позволить себе ни мягкости, ни сострадания. Она сосредоточилась на своей твердости, на сердце из черного льда — оно было мощью Никки, в отличие от уязвимости эмоций. Это был ее щит против любви, хотя Ричард учил, что сама любовь может быть силой. Благодаря ему Никки прониклась уважением к помощи людям и борьбе за большее благо, но не могла забыть о других своих сильных сторонах.

Когда руки отчаянно потянулись, чтобы схватить ее, она призвала дар, готовая выпустить более разрушительную магию.

— Оставьте меня в покое, иначе вы все умрете.

— Все умирают! — выкрикнул кто-то из толпы. — Жисс не должны заполучить ее!

Люди двинулись вперед, будто услышав призыв. Никки обрушила молнию на каменные плиты площади — предельно ясное предупреждение. Молния проделала длинную борозду и отбросила в сторону сразу четырех людей в серых одеждах. Колдунья повернулась, и подол черного платья хлестнул ее по ногам. Она была готова встретить следующего противника. Когда дневной свет стал ярче, она смогла разглядеть выражение их лиц — они были полны испуга и тоски, но не жажды крови. Это снова заставило задуматься: нужно ли их убивать?

— Возьмите ее! — крикнула одна женщина. — Поторопитесь.

Люди ринулись вперед, будто позабыв о демонстрации сил колдуньи, и Никки пришлось разметать еще дюжину

вторым ударом молнии. Но людям в капюшонах, похоже, было все равно; они хотели схватить ее. Застав Никки врасплох, они набросили ей на спину грубую сеть. Утяжеленная камнями сеть повалила Никки на колени, но она выпрямила спину и выпустила поток жара, испепелив опутавшие ее пряди. Поднявшись на ноги, Никки стряхнула с себя пепел.

Новая атака колдуньи заставила землю задрожать, и каменные плиты зашатались. На другом конце площади повалилась колонна. Колдунья выбросила вперед руку и направила на толпу стену воздуха, но люди подступали с разных сторон. Их было много. Слишком много!

Когда Никки сражалась с полчищами полулюдей Сулакана, она, глядя в их пустые кровожадные глаза, не испытывала ни малейшего сомнения, никогда не видела в них ничего человеческого. Но у этих незнакомцев в серых одеждах было другое выражение глаз. Это был не голод, а скорее нужда, тоска.

— Я не хочу убивать вас. Зачем вы это делаете? — Она держала окровавленный кинжал в одной руке, а другую ладонь выставила вперед, призывая дар. Она могла продолжать сражаться, но определенно чувствовала себя слабее. Ей нужно отдохнуть и восстановиться после пагубного путешествия в сильфиде.

Какой-то мужчина схватил ее сзади, но Никки раздавила его горло своим даром и отбросила тяжелое тело в сторону. Она больше не могла осторожничать, ведь ее атаквали. Все больше и больше бесстрашных людей окружало ее, а Никки, разозлившись еще сильнее, отбрасывала их во все стороны. Она не единожды предупреждала, но это было все равно что пинать ногами морские волны.

Кто-то схватил ее за запястье, заставив выронить кинжал.

— Мы должны забрать тебя! — настаивал закутанный в плащ человек. — Прекрати сражаться!

Другой ударил Никки по затылку, и у нее перед глазами вспыхнуло красное пятно. Она слышала крики, возбужденный шепот, испуганные стоны. Десятки рук схватили ее за руки и ноги, подняли и понесли прочь. Оглушенная Никки поняла, что они тащат ее к высокому дворцу на краю большой площади.

Она старалась не потерять сознание и дотянуться до своего дара, но в ушах звенело. С криком Никки выпустила едва контролируемую волну магии и обожгла двух похитителей. Они отшатнулись, руки их дымились, но другие продолжали тащить сопротивляющуюся Никки.

— Солнце появилось из-за горизонта, — крикнул кто-то.
— Скорее!

Когда рассветные лучи растворили мрак на площади, эти безумцы исчезли — как жуки, разбегающиеся из-под поднятого камня. Они бросились к разным строениям и нырнули внутрь темных помещений. Пытаясь вырваться, Никки услышала, как по всей площади захлопали двери, и тяжелый стук перекадин запечатал их внутри. Неистовая толпа рассеялась, как дым на сильном ветру.

Хватка на ее руках и ногах была железной. Похитители втащили ее через арочный дверной проем в здание, где ее поглотили тени. Обратив свой гнев в силу, Никки боролась с удвоенной энергией, царапаясь и брыкаясь.

— Не заставляйте убивать вас!

— Идем с нами!

Из раны на голове сочилась кровь, и Никки больше не могла позволять себе милосердия. Она отбросила людей волной магии и упала на пол в закрытом холле. Вскочив на ноги, она призвала сферу огня волшебника и швырнула в переполненный людьми коридор у входа. Она должна избавиться от этих людей.

Смертоносное пламя прошло сквозь восьмерых нападавших, и Никки почувствовала запах горелых плоти и волос. Обугленные трупы ударились о стену и сползли на пол. Горящие тела рассеяли тени у входа во дворец.

Никки вырвалась из последних цепких рук и развернулась, чтобы выбежать на площадь, но ей преградила путь старуха в серых одеждах. На ее морщинистом лице застыла мольба.

— Стой! Мы пытаемся спасти тебя! — Слова ее прозвучали с сильным акцентом, но были вполне понятны. В голубых глазах Никки вспыхнули гневные вопросы, но женщина настаивала: — Не выходи наружу. Ты умрешь. Мы все умрем. Пожалуйста!

Золотой солнечный свет озарил город Ороганг. Острые как бритва тени простирались по земле, и каменные плиты накрыла искаженная тень статуи генерала Утроса. Древний город вновь выглядел абсолютно покинутым. Никки знала: если она выйдет на улицу, эти люди не смогут преследовать ее. По какой-то причине они боялись солнца.

Она стояла лицом к ним у двери, тяжело дыша.

— Я не знаю, кто вы и что собирались делать. Почему вы напали?

— Мы спасали тебя! — Старуха сжала ладони в кулак. — Это было для твоей же безопасности.

Другие серые фигуры осторожно двинулись вперед, не обращая внимания на все еще горящие трупы павших товарищей.

— Жисс близко! Ты должна оставаться внутри.

— Мы готовы убить тебя, лишь бы не отдавать им.

— Кто я для вас? — спросила Никки. — О чем вы говорите?

Старуха осторожно приблизилась:

— Можешь наблюдать из теней, но мы должны запереть дверь. Если мы позволим жисс схватить тебя, если позволим рою напитаться свежей кровью... — она умолкла, словно ей было слишком страшно закончить фразу.

Бледные люди тихо забормотали, покрытые пеленой страха. Никки поняла, что они боятся не ее, и это очень тревожило. Она повернулась лицом к зарождающемуся дню, глядя на пустой город.

Снаружи, следуя за золотистым утренним светом, клубился зловещий черный туман. Он состоял из тысяч крапинок, крошечных кусочков тьмы, точно рой черной саранчи. Черные миазмы мерцали и искрились чернильными тенями, протягивая щупальца и исследуя руины Ороганга.

Никки почувствовала пронзившую до костей зловещую опасность.

— Во имя Владетеля, что это?

— Жисс, — сказала старуха.

Черное облако расползлось по Орогангу, будто смертоносная чума, и затаившиеся люди дрожали от ужаса.

Глава 7

— Мы мало на что можем повлиять, — заговорил Натан, — но, добрые духи, на что-то мы все же способны.

Группа отступила в лес, продолжив наблюдать за огромной армией врага.

Сидя на покрытом мхом бревне, аббатиса Верна выглядела столь решительной, будто наложила на себя чары. Ее блузка и дорожная юбка были потрепанными и грязными после долгого путешествия.

Она повернулась к сестрам Света и ученым Твердыни:

— Враг кажется слишком большим, но мы сосредоточимся на маленьких победах, и шаг за шагом победим генерала Утроса.

Две Морасит одарили друг друга решительными ухмылками.

— Каждая стычка — это возможность поразить как можно больше врагов, — сказала Торн.

— Сначала сотня, потом еще сотня, затем тысяча, — кивнула Лайес. — В конце концов мы изменим ситуацию.

— Аплодирую вашей уверенности, дамы, — сказал Натан. — Вы столь же смертоносны, сколь и привлекательны.

— Мы усердно трудимся над обоими качествами, — фыркнула Торн.

У нее были короткие черные волосы, густые брови и ярко-карие глаза. Натан почти не видел в ней мягкости, хотя и не ожидал этого.

Он стряхнул муху с шелкового рукава и посмотрел на отряд защитников.

— Вы все видели: убитые нами солдаты были обычными людьми. Если заклинание сошло, это облегчит нашу работу.

— Они будут испытывать голод, — заметил генерал Зиммер. — Теперь они не смогут взять в Ильдакаре припасы. Более ста тысяч солдат, отрезанных от обеспечения. Им придется разграбить все деревни и городки на своем пути.

— Мы не можем оставить мирных жителей без защиты! — тревожно воскликнула Эмбер.

— Нужно предупредить все близлежащие деревни, чтобы люди подготовились к грядущему. — Натан указал подбородком на группу. — Мы можем двигаться быстрее, чем вражеский отряд разведки.

К ним подошел взволнованный волшебник Ренн:

— Из старых записей у нас, хм, есть общее представление о здешних местах, хотя лишь некоторые одаренные дворяне решались выйти за пределы городских стен. — После стольких дней пути он был похож на лошадь, которую бросили под дождем. — Ильдакарцы не обращали особого внимания на бедные примитивные деревни.

— Утросу потребуются все города, какие сможет найти, — сказал Зиммер. — Он полностью разграбит их, не сомневаюсь.

Капитан Тревор взглянул на группу городских стражников у высоких темных сосен. Их мундиры были потрепаны и заношены, но они оставались верны городу, которого больше не существовало.

— Много лет назад саван вечности спал с города, и главнокомандующий волшебник Максим отправил разведывательные отряды. Он хотел узнать о внешнем мире. Я изучал отчеты и могу вспомнить несколько ближайших городков, так что мы найдем их раньше Утроса.

Тревор расчистил ровный участок земли от еловых иголок и острием кинжала набросал окрестности Ильдакара, отметив города.

Зиммер стоял над картой, пытаясь сориентироваться.

— Мы должны разделить на несколько отрядов, чтобы как можно быстрее распространить известия.

— У Утроса тысячи ртов, — добавила Верна, — и совсем нет еды. Голод может убить их вернее, чем мечи.

— Мне нравится убивать их своим клинком, — сказала Торн, касаясь рукояти короткого меча.

— У тебя еще будет немало возможностей, дорогая, — сказал ей Натан. — Не беспокойся.

* * *

Разделившись на группы и выбрав поселения, защитники двинулись к выходу из леса. Ренн попросился сопровождать Натана, и два волшебника отправились на поиски городка под названием Ханавир.

У Натана под белым балахоном с золотой отделкой были надеты черные дорожные штаны, белая рубашка с рюшами и черные кожаные сапоги. Он считал себя одновременно и волшебником, и искателем приключений. У бедра висел в ножнах изысканный клинок — на случай, если он окажется в традиционном сражении.

Ренн шел рядом с ним по холмам и лесам. Его каштановые волосы, когда-то уложенные в локоны, сейчас были лохматыми; подбородок зарос щетиной, глаза покраснели. Несмотря на изнурительное отступление из Илдакара, Натан старался поддерживать свой внешний вид, брея подбородок острым ножом и сохраняя чистоту шелкового балахона при помощи дара или просто воды из ручья. Ренн выглядел сломленным и изможденным, его больше не волновал внешний вид. Уныние просто сокрушило его.

— Пока есть возможность, я хотел бы поговорить с тобой, — сказал Ренн, шагая вслед за Натаном по охотничьей тропе. Бывший пророк придержал низко свисающую ветку, и другой волшебник нырнул под нее, даже не заметив. — Когда я покинул Илдакар, чтобы отыскать Твердыню, Лани была статуей. — Он глубоко вздохнул, опустив взгляд. — Она была прекрасна, даже в камне. Я приходил в башню властителей, когда там никого не было, и просто любовался ею. — Он выставил перед собой руку и стал задумчиво ее разглядывать. — Иногда я гладил холодное твердое лицо Лани и вспоминал, как целовал ее.

Лани успела произвести на Натана впечатление, хотя он знал ее совсем недолго.

— Я знаю, что она любила тебя. Лани была очень решительной.

Ренн вздохнул:

— Жаль, что меня не было рядом, когда она так храбро погибла. Я мог бы защитить ее.

Натан положил руку на плечо волшебника:

— Понимаю, друг мой, но там были я, Квентин и дорогая Эльза. Ава и Рува обратили магию слежения против Лани так быстро, что мы не успели ей помочь.

Покрасневшие глаза Ренна наполнились слезами.

— И все же я должен был быть рядом. По крайней мере, я мог бы в последний раз обнять ее.

Натан сглотнул комок в горле, разделяя боль Ренна.

— Эльза использовала последние силы, чтобы отбросить меня и остальных на безопасное расстояние, а потом активировала свое заклинание. Я тоже не смог спасти ее. — Он расправил плечи. — Но мы можем сделать кое-что, чтобы все было не напрасно — внести свой вклад в спасение мира.

После нескольких часов пути по необитаемым холмам они наткнулись на дорогу. Волшебники ускорили шаг и вскоре увидели жилища, пасущихся овец и старые яблоневые сады. Большое скопление домов, амбаров и лавок образовывало оживленный городок. Натан приметил зерновые хранилища, кладовые, копильни. Люди возились на садовых участках; мужчина ехал в повозке, запряженной мулом.

— Должно быть, это и есть Ханавир, — сказал Ренн.

Горожане приветствовали их, несколько не удивившись незнакомцам.

— Мы пришли предупредить вас, — крикнул Натан. — Этот город в опасности. Огромная армия придет, чтобы отобрать у вас все и, возможно, убить вас. Вам нужно подготовиться.

Вперед вышел хромой старик. У него было квадратное лицо, густые седые волосы и борода.

— Довольно странный способ представиться, господа. Я — мэр Ханавира.

— Эмм, мы думали, что вы оцените предупреждение, — сказал Ренн. — Армия генерала Утроса пробудилась. Сотни тысяч солдат намерены пройти по всему Древнему миру.

— И им нужна еда, — продолжил Натан. — Они выслали отряды разведчиков. Они найдут Ханавир, и заберут все, что у вас есть.

— Но мы и сами небогаты. — Мэр скорее был растерян, чем встревожен.

Натан хмыкнул:

— Полные желудки и спокойная жизнь мешают вам осознать, как много вы имеете. В этом городе есть что грабить.

— Но прежде нас никогда не беспокоили, — сказал каретник, стоявший у мастерской.

— Все когда-нибудь случается впервые, — произнес Натан.

Мэр любезно предложил им присоединиться к общей трапезе, чтобы все обсудить. У Натана при мысли об обеде потекли слюнки, но он чувствовал раздражение из-за такого пренебрежения опасностью. Он взглянул на амбары, склады, мясную лавку и копильню.

— Мы должны начать прямо сейчас. Схороните ваши припасы в пещерах или закопайте в лесу, где никто не сможет найти их. Уведите с пастбищ овец. Иначе налетчики заберут все.

Хромой мэр цокнул языком.

— Нам нужно созвать собрание, чтобы все обсудить. У вас есть доказательства, что эта великая армия идет сюда? Нам не следует действовать поспешно.

Ренн в раздражении вскинул руки.

— Борода Владетеля, Ильдакар исчез, а генерал Утрос уже на подходе! Вот почему мы пришли предупредить вас.

Натан видел, что жизнь в Ханавире слишком долго была спокойной; никто здесь не ожидал кризиса. К несчастью, у него не осталось времени для убеждения: по дороге, ведущей в город, застучали копыта, и в облаках пыли появился отряд из нескольких сотен солдат. Воины были облачены в древние доспехи с символом пламени императора Кергана. Когда налетчики ворвались в городок, мэр и его люди подняли тревогу. Родители в панике хватали детей и бежали в дома, чтобы запереться там, в то время как другие хватались за любое оружие.

Натан узнал первого командующего Еноха, который возглавлял отряд. Старый ветеран прямо сидел в седле, а рядом на гнедой кобыле ехала одна из близнецов-колдуний, тело которой покрывали завитки черной и алой краски — экзотичная, красивая и смертоносная.

Енох громко обратился к испуганным горожанам:

— Именем генерала Утроса мы требуем продовольствия. Мы конфискуем зерно, скот, мясо, хлеб. И заодно фургоны для перевозки.

— Но мы будем голодать! — воскликнул мэр.

— А мы нет, — сказал Енох. — Солдатам пища нужнее, чем вам.

Сопровождавшая его колдунья скривила губы в легкой усмешке.

Два волшебника пробрались через толпу горожан и вышли вперед. Натан почувствовал, как внутри пробуждается дар.

— Боюсь, нам придется остановить вас, первый командующий.

Енох узнал волшебника, который участвовал в первых переговорах с генералом Утросом. Колдунья громко рассмеялась, на ее лице появился жадный восторг.

— Я знаю тебя, старик. Натан, не так ли?

— Может, я и прожил тысячу лет, но я не стар, — возразил он. — Кто ты, Ава или Рува? Я думал, вы неразлучны.

— В детстве нас разделил нож, — сказала она, неосознанно касаясь длинного шрама на ноге, — но мы все еще связаны. Я Рува.

Лицо Ренна исказилось от гнева, и он призвал свой дар.

— Ты убила Лани! — С его пальцев сорвалась молния и полетела в колдунью. Зазубренное копьё энергии издало обжигающее шипение, но Рува отразила его щитом, и оно ударило в землю у копыт ее кобылы. Лошадь встала на дыбы, но женщина вцепилась пальцами в гриву, чтобы удержаться в седле.

Она нанесла ответный удар волной горячего воздуха, и Натан едва успел поднять свой щит. Ее атака была резкой, и отраженные щитом всполохи жара сбили с ног хромого старого мэра и нескольких горожан. Пять сотен солдат въехали в город вслед за Енохом, преследуя застигнутых врасплох жителей, с криком разбегавшихся по улицам. Ситуация быстро вышла из-под контроля.

Ренн швырял в древних солдат стены воздуха, но Натан сосредоточился на своем главном противнике — колдунье. Он сотворил шар огня волшебника и поднял его, собираясь метнуть в Руву.

Первый командующий Енох привстал на стременах и проревел:

— Стой, волшебник, я приказываю тебе!

Натан попридержал шар огня волшебника и повернулся к покрытому шрамами ветерану.

— Я могу испепелить тебя в одно мгновение, так не пора ли тебе сдаться? Прикажи солдатам отступить.

Енох даже не вздрогнул.

— Напротив, это ты должен прекратить сопротивление.

— Он пронзил Натана стальным взглядом и заговорил еще громче: — Или мои солдаты убьют всех жителей до последнего, а потом мы все равно заберем продовольствие. У меня пятьсот солдат. Можете сразиться, даже многих убить, но я уверен, что мы сможем зарезать каждую семью в городке, прежде чем вы остановите нас — и ты знаешь, я могу это. — Его тон стал более рассудительным. — Сейчас нам нужны только припасы, но все может закончиться резней, если вынудите.

Топот копыт перемежался криками — всадники рассредоточились по узким улочкам между зданиями. Два волшебника колебались, глядя друг на друга, и Енох выкрикнул приказ:

— Воины! Покажите, что мы настроены серьезно!

Копыта коней безжалостно топтали матерей и их детей, солдаты рубили лавочников и ремесленников, пытавшихся защитить свой город. Жители Ханавира не были воинами, и кровопролитие было незамедлительным и драматичным.

Объединив усилия, Натан и Ренн сшибали древних воинов волнами ветра, блокируя атаку, но по всему городу продолжалась резня. Удары молний поражали по пять-шесть солдат за раз, но воины усиливали натиск, сея хаос.

Ханавир заполонили враги, грабившие все здания без разбору. Два волшебника не могли сражаться против пяти-сот кровожадных воинов, смешанных с толпой мирных жителей.

— Прекрати! — вскричал Натан, призывая большой шар огня волшебника и метя в Еноха. — Я испепелю тебя, первый командующий.

Ветеран лишь рассмеялся, по-прежнему сидя в седле.

— Тогда кто помешает моим людям сеять хаос в городе? Я могу отозвать их сейчас, если капитулируете. — Слова его были тише, чем крики и лязг клинков. Древние солдаты бросали факелы, поджигая дома и лавки. Он повторил твердо, но рассудительно: — Нам нужна лишь провизия. Люди не должны умирать. Но если заставите нас сжечь поселение дотла, то вина ляжет на ваши плечи.

Натан изо всех сил пытался найти какое-то другое решение, и еще дюжина людей погибла за время паузы. Девочка с плачем подбежала к матери, а в следующий миг солдат убил их обеих, и они умерли в объятиях друг друга.

— Остановитесь! — взывл Ренн. — Прошу, остановитесь!

Рува обратила на него ядовитый взгляд:

— Я могу сразиться с вами обоими, если желаете. Я бы с удовольствием извлекла ваши кости одну за другой.

Натан жаждал спасти Ханавир, но не мог сражаться со всей армией разом. Сколько жителей погибнет за это время?

Солдаты окружили сотню напуганных мужчин и женщин, включая старого мэра, и все они подняли руки, сдаваясь. Солдаты подняли мечи для массовой казни, и Енох повернулся к Натану и Ренну, подняв руку и готовясь подать сигнал.

— Стойте! — простонал Натан. — Не убивайте больше никого.

— Тогда прекратите сопротивление, — сказал Енох. — Сейчас же.

— Отдай приказ, — взмолился Ренн под продолжающиеся крики. — Скажи им, чтобы прекратили убивать!

Первый командующий взмахнул рукой, и по строю прокатилась волна передаваемого приказа.

— Пока хватит кровопролития! Нам нужны рабочие, чтобы грузить припасы. — Он фыркнул. — Не стоит все усложнять.

В ярости от своей неудачи, Натан изо всех сил пытался сдерживать дар, зная, что за применение магии Енох отомстит убийствами. Он выждет и испепелит старого ветерана в тот момент, когда это не сможет привести к еще большему количеству смертей.

— Заберем волшебников с собой, — сказала Рува, гордо восседая на кобыле. — Генералу Утросу понравятся такие пленники. Мы с сестрой можем выпотрошить их, чтобы поискать внутри магию.

— Я убью тебя и твою сестру! — выкрикнул Ренн. — За Лани!

Натан, однако, мыслил более практично.

— Мы не можем позволить захватить нас, — прошептал он Ренну.

С улиц Ханавира он призвал ветер, управляя им, словно ткач тонкими шелковыми нитями. Он вытягивал дым из горящих зданий, подтаскивая его ближе, будто плотный и едкий занавес. Прежде чем Енох успел отдать приказ, Натан закрутил вихрь дыма, скрыв себя и Ренна ядовитой завесой.

Он схватил волшебника за бордовый рукав:

— Давай, надо бежать.

Они помчались по улице, а дым все сгущался, прикрывая их отступление. Яростные крики обманутой Рувы остались позади.

На сердце у Натана было тяжело, оттого что они не смогли спасти Ханавир. Два волшебника едва унесли ноги.

Он надеялся, что другие отряды добьются большего успеха.

Глава 8

Бэннон, выдержав очередной день изнурительной работы на реке безо всяких шансов спастись, рухнул на носовую палубу корабля короля Скорбь. С наступлением ночи над головой заискрились звезды, но незнакомые созвездия казались очень далекими и не могли помочь ему. Бэннон должен позаботиться о себе и спасти как можно больше людей. Он держался за эту идею.

Почти пятьдесят рабов из Ильдакара стонали и скулили, когда их привязывали или приковывали к палубе. В темноте звуки с болота становились громче: хищники покидали илистые берега и густые заросли.

Бэннон не оплакивал свое положение, а испытывал гнев и чувство решимости. Его избитое тело покрывали синяки, мышцы болели. Голод зверем вцепился в живот. Он знал, что другие рабы тоже страдают.

После нескольких дней интенсивной работы многие корабли частично восстановили: заменили мачты и реи, перетянули такелажные канаты, залатали поврежденные корпуса и осушили трюмы. Непригодные для ремонта судна разобрали, оставив лишь деревянные скелеты. Бэннон искал возможности саботировать починку и даже оставил изъяды в некоторых судах, но этого было недостаточно, чтобы потопить их.

За это время погибло семь рабов, и Бэннону казалось, что многие скоро умрут от истощения. Он сам был в лучшей форме, чем остальные. В тренировочных ямах Ильдакара Бэннона обучили и закалили для битв, но остальные ильдакарские пленники привыкли к спокойной и благополучной жизни. В качестве норукайских рабов они долго не протянут.

Сгорая от нетерпения ввязаться в войну, король Скорбь вымещал гнев на своих.

— Быстрее! Корабли нужны уже сейчас. Мы должны отплыть к Норукайским островам! — накричал он днем на Гару и еще двух корабельных плотников.

— Четыре судна будут подготовлены и загружены провизией сегодня ночью, мой король, мой Скорбь, — сказала Гара, почтительно поклонившись, и ее косы качнулись из стороны в сторону. — Обещаю.

Бэннон скорчился на палубе; его запястья были связаны веревкой, а лодыжки прикованы к штырю в палубе. Починка змеиных кораблей была ужасной работой, но его положение сильно ухудшится, когда флот налетчиков отправится вниз по реке. Бэннон уже не сможет отыскать путь в Ильдакар.

Его сердце болело из-за потери города и друзей. Несмотря на свои темные пороки и уродливые тайны, Ильдакар обладал огромным потенциалом. После свержения власти-тельницы Торы он мог снова стать великолепным городом. Лила хотела, чтобы Бэннон остался, но теперь ее не было рядом, и сердце юноши терзала боль. Он понял, что не просто скучает по своей защитнице и воительнице. Сначала она заботилась о нем из чувства долга, но со временем их отношения переросли в нечто большее.

Натан тоже пропал, но Бэннон надеялся, что волшебник все еще жив. Теперь к нему вернулся дар, и никто не посмеет шутить с Натаном Ралом. А Никки... она осталась где-то далеко после исчезновения Ильдакара.

Бэннон сомневался, что снова увидит кого-то из них. Он был в ловушке, один, прикованный цепью к палубе норукайского корабля.

— Пресвятая Мать морей, — пробормотал он.

Но он не поддастся унынию. Должен быть способ выжить и одолеть ненавистных норукайцев.

Когда обманчиво успокаивающие звуки болота стали громче, у Бэннона заурчало в животе. Рабам приходилось пить из ведер грязную речную воду. Некоторых тошнило, и тогда грубые норукайцы выливали на них целое ведро воды, чтобы смыть рвоту и не дать вони задержаться на палубе.

В сгущающейся темноте Бэннон видел зажженные фонари на палубах дрейфующих кораблей, связанных между собой канатами. Судно короля и еще три стояли на якоре у берега, готовые к отплытию, и Скорбь не собирался ждать. Часть флота он решил оставить позади.

Двое норукайцев шли по освещенной факелами палубе, неся деревянную кадку. Они остановились у первой группы связанных рабов и поставили ношу на палубу. Один мужчина поднял черпак, с которого капала жижа из рыбьих потрохов и речной воды.

— Ужин!

Первый раб с отвращением отвернулся, но норукаец выплеснул содержимое черпака ему в лицо. Мокрые внутренности потекли по его подбородку, и когда раб понял, что другой еды не будет, то попытался проглотить часть. Усвоив урок, следующий раб открыл рот, когда норукаец плеснул тошнотворное месиво ему в лицо.

Мелок за их спинами скакал с ноги на ногу.

— Ужин, ужин! Моя рыба, ваша рыба! — Он запустил длинные пальцы в деревянную кадку, выловил рыбью голову, подбросил в воздух и поймал ртом, как дрессированная собака. Захрустев чешуей, он подошел ближе к Бэннону. — Рыбы пытались съесть меня, и теперь я ем их!

Свет восходящей луны подчеркивал шрамы на его белой коже. Бэннон задумался, что пережил шаман, какое испытание оставило такие шрамы и довело его до грани безумия.

— Они недостаточно тебя поели, — буркнул себе под нос Бэннон.

Мелок подскочил к нему и сел на корточки.

— Они съели достаточно. Рыбы-бритвы обгрызли мне руки, ноги и то, что между ними. — Он прижал ладонь к промежности, прикрытой набедренной повязкой. — Они многое отняли, но и кое-что дали. — Шаман наклонился так близко к Бэннону, что юноша почувствовал запах протухшей рыбы из его рта. — Мою силу! Я многое вижу. Я знаю будущее, вижу города в огне, кровь на мечях, слышу крики. Думаю, это хорошие крики.

— Может, это крики умирающих норукайцев? — спросил Бэннон, но шаман не обратил внимания на сарказм.

Мелок склонил голову набок, словно прислушиваясь к шепоту.

— Да, некоторые крики принадлежат норукайцам. — Голос его прозвучал так, словно он делился секретом.

Шаман явно находил Бэннона занимательным и считал, что юноша отличается от других пленников из Ильдакара. Двое норукайцев поставили зловонную деревянную кадку на палубу, и Бэннон собрался с духом. Он поднял голову, чтобы принять пищу, поклявшись сохранить силы до того момента, когда они действительно понадобятся, но едва не задохнулся, когда на лицо вылили рыбы потроха. Он заставил себя проглотить.

Съевшись и подражая ему, Мелок тоже поднял голову, как птенец, просящий червяка. Норукаец плеснул месиво из рыбьих потрохов шаману в лицо, доставив тому удовольствие. Мелок оторвал голову маленькой рыбки и сжал ее двумя пальцами.

— Ты не получил рыбью голову. Особое угощение.

Прежде чем парень успел возразить, Мелок сунул рыбью голову в рот Бэннона. Тот поморщился, но проглотил отвратительный кусок. Почему альбинос уделяет ему столько внимания?

С кормы змеиногo корабля донеслось эхо барабанного боя, и на свет фонаря вышел король Скорбь. Замолчали все — и рабы, и норукайцы. Голос короля слышали на ближайших судах.

— Четыре змеиных корабля готовы к отплытию, и четырех достаточно, чтобы посеять ужас, когда мы пойдем вниз по реке. Сегодня ночью мы отправимся в бастион, а потом сможем начать войну.

Мелок вскочил на ноги:

— Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть.

Король поднял тяжелую деревянную дубину и снова ударил в барабан надсмотрщика за гребцами — громче, чем раньше. Утробные голоса сотен норукайцев донеслись с бортов других кораблей, находившихся на различных стадиях ремонта.

— Мы будем грабить деревни по пути к открытому морю. Другая часть флота уже собирается на Норукайских островах, и я должен быть их королем и полководцем. — Скорбь пренебрежительно крикнул через воду другим судам: — Заканчивайте ремонт и возвращайтесь к нам. — Он поднял руку с железными костяшками. Цепь на его поясе зазвенела, когда он повернулся и отдал приказ поднять якорь. — Первые корабли отправляются в путь. Сейчас же!

Норукайские моряки подняли полуночно-синие паруса на четырех отремонтированных кораблях и разрубили канаты, которые их связывали. Бэннон почувствовал слабость, зная, что стоит им отплыть от Ильдакара, и он уже едва ли сможет сбежать. Он с тоской взирал на густую растительность на берегу, натягивая свои веревки и цепи. Он не знал, как выбраться с корабля, но продолжит искать способ.

* * *

Из колючего тростника Лила следила за кораблями налетчиков, зная, что некоторые — включая корабль Бэннона — уже отремонтированы и готовы отплыть. В темноте она услышала барабанный бой и отдаленные грубые выкрики. Морасит узнала голос короля Скорбь.

Лила выжидала уже несколько дней. Пока норукайцы чинили корабли, она строила планы и готовила ловушку из лоз и деревьев, росших вдоль реки, тихо работая под покровом ночи. Ее самым большим преимуществом было то, что норукайцы о ней не знали.

Она отвергла десятки замыслов, которые вели к провалу. Лила не могла проиграть. Если б дело было только в ней, она безрассудно бросилась бы в атаку и убила минимум дюжину норукайцев, прежде чем погибнуть. Но у нее была более важная задача — освободить Бэннона.

Когда четыре отремонтированных корабля были готовы отплыть вниз по реке, Лила поклялась остановить их. Она уже несколько дней готовила западню, при помощи лиан сгибая тонкие болотные деревья и превращая их в импровизированные катапульты. Тайная работа делала ее уязвимой для болотных драконов, больших змей и хищных пауков размером с крысу. Одних Лила убивала, других избегала. Теперь все было готово, а она лежала в засаде.

Подняв якоря и расправив темные паруса, четыре змеиных корабля двинулись в ночь. Лила знала, что есть только один шанс.

Она не была уверена в точности прицела, так как не могла испытать свои грубые катапульты, поэтому приходилось полагаться на расчеты. Бэннон был на борту корабля короля Скорбь, и она не собиралась случайно убить юношу во время атаки.

Ли́ла собрала пучки сухих веток и мертвых лоз в горячие тюки, которые скоро станут метательными снарядами, и нагроутила три упругих молодых деревца, привязанных к земле. Согнутые деревца дрожали и были готовы к запуску. Когда корабли начали отходить, Ли́ла ударила кинжалом по кресалу, которое носила в сумке, и высекла искру, чтобы зажечь первый тюк. Пламя разгорелось, и она подожгла снаряд во второй катапульте, затем в третьей. Она чувствовала терпкий запах горящего зеленого дерева.

Затем она перерезала веревку, удерживающую первое согнутое дерево. Со стоном оно выпрямилось и запустило огненный шар в сторону норукайских кораблей. Ли́ла перерезала вторую веревку, чтобы запустить следующий снаряд. Огненная комета с ревом пронеслась по небу, и первый снаряд ударил в корабль — не Бэннона, с некоторым облегчением заметила она. Команда бросилась тушить пламя, пока оно не охватило весь корабль.

Второй шар просвистел над следующим судном и упал в реку. Пламя с шипением потухло.

Третий же снаряд угодил в судно, следующее за флагманом, и пламя расплескалось по палубе, охватывая оснастку. Норукайцы бросились тушить огонь, но пожар быстро вышел из-под контроля. Судно на реке Киллрейвен превратилось в факел. Другие три корабля тут же отплыли от горящего судна, в то время как король Скорбь и норукайцы выкрикивали оскорбления своему невидимому противнику на берегу реки.

Ли́ла вышла из зарослей на илистом берегу, чтобы посмотреть на вызванный ею хаос. Она улыбнулась, а потом снова нырнула под тень деревьев. Три корабля уплывали по реке.

* * *

Ни король Скорбь, ни его команда не могли спасти охваченное огнем судно, поэтому флагманский корабль устремился прочь от разлетающихся на ветру искр.

Связанный и прикованный к палубе Бэннон едва сдерживал радость, наблюдая, как норукайцы прыгают за борт, спасаясь с горящего судна. Он гадал, кто запустил огненные снаряды, которые пролетели над головой, как падающие звезды. Кто-то еще пытался сопротивляться! Кто-то еще остался на свободе! Несколько рабов на палубе смеялись и ликовали, приветствуя эту неожиданную победу, пока норукайцы-хозяева не избили их до бесчувствия.

Пока они отплывали от утесов, Бэннон продолжал наблюдать за зарослями, и мельком увидел гибкую девушку. Не может быть! Лила! Змеиный корабль быстро уплывал прочь, но Бэннон чувствовал огромную радость, просто зная, что она рядом.

Глава 9

Никки стояла в каменном дверном проеме дворца и наблюдала, как черное облако вползает в Ороганг.

— Жисс... — с дрожью в голосе произнесла старуха рядом.

Закутанные в ткань люди толпились, больше боясь того, что было снаружи, чем присутствия Никки. Некоторые выглядывали на дневной свет, другие прятались во мраке лишенных окон коридоров.

Разумное облако кружило, как грозовая туча, разбившаяся на обсидиановые осколки. Каждая крапинка была размером с кусачую черную муху, но вместе они представляли

собой бесформенную хищную массу. Воздух наполнился жужжанием тысячи ульев, и звук становился все громче, пока масса пролетала мимо заброшенных зданий.

— Что это такое? — прошептала Никки.

— Смерть, — ответила старуха. За ее спиной, во мраке закрытого дворца, люди хранили абсолютное молчание.

Из черной массы вытягивались щупальца, обшаривая все в поисках добычи. У жисс была цель.

Никки заметила движение в кустах, которыми заросла площадь. Два оленя щипали нежные зеленые листики. Стало уже почти совсем светло. Самка наострила уши и подняла голову, а молодой самец с короткими мягкими рогами продолжал жевать цветы, но вскоре и он заметил жужжащее облако.

Жисс двигались в сторону животных. Черные точки кружились в воздухе, вытягиваясь в расплывчатое щупальце, которое походило на свечной воск, стекающий по наклонной поверхности. Встревоженные олени отскочили, но не распознали угрозу.

Никки хотела спугнуть оленей из своего укрытия, но старуха крепко, будто тисками, сжала ее плечо.

— Молчи! Мы не смеем привлекать к себе внимание.

Черное облако с жужжанием двинулось вперед, окружив оленей. Животные попытались убежать, но было уже поздно: одно из щупалец жисс накрыло их облаком кровожадных комаров. Олень, задыхаясь, рухнул на каменные плиты. Бедные животные дергались и метались, но в конце концов затихли.

Вскоре отдельные крапинки поднялись, словно захмелевшие шмели, и отлетели от жертв. Теперь они походили на набухшие шарики размером с виноградину и сменили цвет с черного на пурпурно-красный. Остальная часть обла-

ка парила и разрасталась, все еще голодная. Жисс продолжали исследовать древний город в поисках добычи.

Никки, испытывая отвращение от увиденного, повернулась к старухе. Теперь она понимала, что сделали для нее эти странные люди. А она еще и убивала их!

— Вы спасли меня. Вы знали, что скоро произойдет. Если бы я оставалась там после восхода солнца...

— Мы спасли тебя, а быть может, и весь мир, — ответила женщина. — Мы не могли позволить им забрать тебя. Кровь одаренной колдуньи невероятно сильна.

Никки была расстроена тем, что не смогла вовремя их понять. Их древний диалект и настойчивость привели к трагедии, но они отчаянно пытались удержать ее подальше от черного облака. В тишине голоса людей звучали громко, и жисс уловили этот звук снаружи. Часть роя устремила к высокому дворцу, где прятались Никки и остальные. Затаившиеся люди в унисон вздохнули и отступили глубже в тень. Старуха и еще несколько человек навалились на толстую дверь. Никки тоже ее легонько подтолкнула и захлопнула как раз в тот момент, когда жисс с жужжанием ударили в массивную конструкцию. Сквозь твердую как камень древесину она слышала вибрирующий гул — разгневанная сила извергала свое разочарование.

Никки подождала, пока ее глаза адаптируются к неровному свету факелов на каменных стенах. Люди запечатывали все щели и трещины, чтобы ни свет, ни хищные черные мошки не проникали внутрь.

Это был внушительный дворец со сводчатыми потолками и настолько большими залами, что факелы не могли их толком осветить. Внутри толпились сотни бледных людей. Их оказалось гораздо больше, чем ожидала Никки. Все они были в неброских серых одеждах. Они выглядели вполне здоровыми, но затравленными.

Поток вопросов в ее голове все не унимался.

— Объясните, что здесь происходит, — потребовала она.
— Что такое жисс, и кто вы сами?

Пока люди перешептывались, старуха откинула капюшон, под которым оказались седые волосы с несколькими каштановыми прядями. Через ее тонкую бледную кожу просвечивали кровеносные сосуды.

— Я Кора. Мы называем себя Прячущимися людьми, потому что именно это мы и делаем — прячемся.

— И чего вы добились? Такая стратегия редко бывает пригодной.

— Мы контролируем жисс, — ответила Кора. — Мы оберегаем Ороганг. Оберегаем мир.

Люди зашептались громче. Никки была рада, что ее догадка подтвердилась.

— Так это Ороганг, столица империи императора Кергана.

— То, что от нее осталось, — сказала Кора.

— Император Керган давно мертв, — мрачно произнес мужчина с квадратной челюстью. — Он уничтожен местью своего народа, но генерал Утрос еще вернется. Так гласит древнее пророчество.

Никки удивилась его словам, но не стала указывать на то, что желание этого человека может сбыться, хотя и не так, как он ожидал. Мужчина представился как Сайрус.

— Город пал много столетий назад, — продолжила рассказ старуха, — после свержения Железного Клыка. Простой народ жаждал провозгласить генерала Утроса своим следующим императором, и уже тогда один безумный пророк утверждал, что Утрос вернется в Ороганг. Но шли годы, а он так и не возвращался. Империю поглотила гражданская война. Люди сражались под разными флагами, разбившись

на фракции и полностью сосредоточившись на конфликтах. — Она глубоко вздохнула. — Тогда пришли жисс.

— Утрос вернется! — настаивал Сайрус.

— Думаю, мы ждали достаточно, — фыркнув, девушка с каштановыми волосами бросила раздраженный взгляд на Сайруса.

— Что такое жисс? — спросила Никки, думая об истинной опасности. — Откуда они взялись?

Прячущиеся люди слушали свою историю с беспокойством, но позволили старухе продолжить рассказ.

— Огненная звезда упала с небес и ударила в горы. Внутри она была наполнена жисс, словно яичный мешок с пауками. — Ее морщинистое лицо стало хмурым. — Они стали питаться людьми. Поначалу жисс были лишь небольшим черным сгустком, но с каждой жертвой рой увеличивался. Твари использовали нашу кровь для размножения, и облако удваивалось вновь и вновь. Некоторые из нас научились прятаться. — Кора закрыла глаза, и в тусклом свете факела Никки увидела слезы.

Колдунья задумалась.

— Но Кергана свергли полторы тысячи лет назад. Вы не можете быть такими древними. — Она вспомнила заклинания сохранения, которые пронизывали Дворец Пророков и предотвращали старение. Самой Никки было больше ста восьмидесяти лет. — Или можете?

— Нет, — покачала головой Кора, — это было много поколений назад, но мы остались, потому что таков наш долг. Нам нужно удерживать жисс. Если уйдем, облако разыщет другие деревни, поселения, города, и тогда жисс будет уже не остановить.

Девушка, которая высказала колкость в адрес Сайруса, подошла ближе и даже улыбнулась.

— Рой выходит только днем, так что мы в безопасности, если остаемся в зданиях до темноты. — Девушка была милостивой и могла разбить сердце любому юноше, но ее портила бледность. — Я Аша. По ночам мы занимаемся охотой и собирательством. У нас есть запасы еды по всему городу, которой хватит на десятилетия, но мы не осмеливаемся покинуть Ороганг.

— Мы ждем, — сказал Сайрус. — У нас есть предназначение.

— Но жисс убили двух оленей, — сказала Никки. — Разве рой не увеличился?

Кора покачала головой:

— Жисс поддерживают себя кровью животных, но в человеческой крови есть некое свойство, которое позволяет им размножаться. — Старуха понизила голос: — А кровь одаренных — самая сильная.

Никки поняла, насколько уязвимой она была в руинах города.

— Как вы узнали, что я колдунья, когда увидели меня ночью?

— Мы не знали, — сказала Кора. — Мы просто пытались спасти тебя, но ты сопротивлялась при помощи дара, и мы поняли, что необходимо увести тебя от жисс, даже если многие из нас погибнут. Если бы черное облако настигло тебя... — Она замолчала и вздрогнула.

Никки задумалась, сможет ли ее дар противостоять голодному черному рою. Она бы не стала на это рассчитывать.

— И потому мы остаемся, — продолжила старуха, — и кормим рой ровно столько, чтобы держать под контролем. Он не уходит, но и мы не можем уйти. Никак.

— Если только не остановим его, — вмешалась Аша.

Оглядев просторный вестибюль дворца, Никки нахмурилась при виде обгоревших тел. Пытаясь избежать плена, она воспользовалась огнем волшебника.

— Простите, что я причинила вам столько вреда, — огорченно повторила она. — Я не понимала ваших действий.

— Мы сделали это не только ради твоего спасения, — усмехнулся Сайрус. — Если б жисс выпили твою кровь, наше положение стало бы намного хуже. — Голос его стал резче. — Если бы мы не успели увести тебя, то нам бы пришлось тебя убить.

Никки взглянула на него в мерцающем свете факелов.

— Вы бы попытались.

Глава 10

Верна и спутники пробирались через лес в поисках горной деревушки, надеясь опередить налетчиков. Ее сопровождали розовошекая послушница Эмбер, Морасит Лайес и пятеро д'харианских солдат.

Лорд Орон с суровым выражением лица шагал рядом с аббатисой. Он был недоволен своим нынешним положением.

— Прежде я был уважаемым членом палаты волшебников и главой гильдии кожевников. Теперь я продираюсь через чащу в надежде отыскать несколько лачуг.

Впереди послышалось блеяние овец, и деревья расступились, открывая широкий луг. Тридцать солдат в доспехах гнали вниз по травянистому склону перепуганное стадо.

Верна бросила взгляд на могущественного волшебника из Ильдакара.

— А я была аббатисой сестер Света. Теперь, похоже, мы оба станем овечьими пастухами.

Лайес ускорила шаг:

— Этого мяса хватит накормить многих вражеских солдат. Мы не можем позволить забрать животных. Ну же, давайте остановим их.

Пока Верна смотрела на солдат, подгонявших овец, ее голос перешел в низкое хриплое рычание:

— По крайней мере, мы заставим их заплатить за то, что они сотворили с семьей пастуха.

Часом ранее они учуяли запах дыма и наткнулись на горящий домик на лугу. Там же они нашли тела женщины и ее дочери — у обеих было перерезано горло. Ничего съестного в доме не осталось, все было съедено или унесено. На пастбище они обнаружили палатку, в которой были пастух, его сын-подросток и собака — все мертвые. Палатка была подожжена, трупы наполовину обгорели. Теперь древние солдаты гнали стадо к основной армии.

— Всего лишь тридцать солдат, — сказала Лайес, остановившись на опушке леса. — Наши мечи быстро справятся. Я бы убила всех сама, но тогда Торн может не поверить моим подсчетам. — Ее губы изогнулись в улыбке, когда она посмотрела на д'харианских солдат. — Я позволю моим товарищам поучаствовать в стычке.

— Мы с аббатисой обладаем магией, — заметил Орон. — Несколько мы можем взять на себя.

Солдаты на лугу били мечами по своим щитам с изображением пламени, подгоняя овец и не подозревая, что за ними наблюдают.

Д'харианцы выхватили оружие и пригнулись, прячась за деревьями. Ветерок покачивал ветви и шелестел листьями. Лайес сжала короткий меч и глянула через плечо на своих спутников, вопросительно выгнув густые темные брови.

— Чего же мы ждем?

— Я ждать не собираюсь. — Орон поднял руку и призвал дар.

Небо над лугом потемнело, порывистый ветер усилился. Мародеры подняли головы, недовольные внезапной грозой. Одинокая черная туча исторгла ливень точно на луг, промолив солдат насквозь. Овцы с блеянием продолжали идти.

Орон с улыбкой переплел пальцы, и тонкая молния вонзилась в гущу вражеских солдат, убив двоих и разбросав остальных. Овцы в ужасе бросились врассыпную.

Аббатиса Верна и остальные не нуждались в приказах. Улыбаясь, Эмбер создала хлыст из воздуха, которым ударила и захватила одного из вражеских солдат, сбив с ног. Он вскрикнул от удивления.

Из леса выскочили д'харианские солдаты под предводительством худощавой Морасит. Из-за проливного дождя и завывающего ветра древние воины не понимали, сколько противников их атакует.

Из черной тучи Орона прогремел гром. Очередная молния превратила одного из вражеских воинов в обугленные куски плоти. Лайес с быстротой ягуара прыгнула в гущу испуганных солдат. Взмахом короткого меча она обезглавила одного, а обратным ударом вспорола живот второму.

— Двое! — вскрикнула она и бросилась на следующую жертву.

Верна с криком побежала вперед, и Эмбер последовала за ней:

— Я с вами, аббатиса!

Верна чувствовала себя старой и усталой после долгого путешествия, но была крепкой женщиной. Она обучила немало юных волшебников во Дворце Пророков, и ей даже удалось навязать свою волю Ричарду Ралу. Она была ученым, лидером и могущественной колдуньей.

И она уже бывала на войне.

Верна сотворила воздушный карман над мечущимися перепуганными овцами, затем резко сжала его, соединив ладони. Раздался громкий хлопок, и этот безвредный шум заставил испуганных овец броситься к деревьям.

Женщина посмотрела на Орона:

— Теперь мародеры не поймают этих овец.

— Эффективно, аббатиса, — слабо кивнул волшебник, — хотя я предпочел бы убивать врагов, а не пугать. — Он поднял обе руки и крутанул запястьями, изменяя свое заклинание.

Капли дождя превратились в длинные острые ледяные снаряды и пронзили вымокших солдат. Затем на них накнулись д'харианцы.

Разведывательный отряд Утроста не ожидал сопротивления, когда направлялся грабить незащищенные деревни и жившее на отшибе семейство пастуха. Захваченные врасплох древние солдаты оказались легкой мишенью, и были быстро и методично устранены.

Лайес, верная своему слову, убила шесть врагов. Трое д'харианских воинов были ранены в схватке, и теперь сидели под прояснившимся небом и перевязывали друг друга. Самые тяжелые ранения исцелили Верна и Орон.

До захода солнца группа успела разбить лагерь рядом с разгромленным домом. Двое мужчин вытащили тела пастуха и его сына из обгоревшей палатки и принесли к дому. Верна и спутники похоронили несчастных, сочтя это своим долгом, и теперь вся семья покоилась рядом.

— Владелец забрал их слишком рано, — сказала аббатиса. — Но, по крайней мере, в подземном мире они будут вместе.

— Лучше бы он забрал остатки древней армии, — жестко сказал Орон. — Хотел бы я отправить их всех в подземный мир.

Тела древних воинов они оставили гнить на склоне холма.

Когда наступила ночь, они развели костер, чтобы рассеять темноту. На лугу появилась Лайес, неся на плечах выпотрошенную овечью тушу.

— Остальное стадо разбежалось, — сказала она. — Нам хватит и одной, а Утросу не достанется ничего. — Морасит бросила тушу рядом с огнем, а затем кинжалом отрезала куски самого сочного мяса. — Это был хороший день.

— Да, вполне, — сказала Верна.

Они убили три десятка врагов, но оставалось еще неслетное количество древних солдат, и эта мысль давила на нее. Сегодня была лишь тренировка? Заметив довольную улыбку Эмбер, она решила позволить послушнице насладиться победой. Верна пообещала себе не считать войну непосильной задачей. Будет много поражений и утрат, прежде чем все будет сказано и сделано, но сегодня они победили...

Глава 11

Сколь велика была армия Утроса своим числом, столько же в ней было и тактических вопросов. Поскольку генерал планировал завоевание Древнего мира, главными его задачами были управленческие.

Поздним вечером он стоял у своего шатра и в задумчивости смотрел на раскинувшийся лагерь, пока солнце опускалось за горы на западе. Его тактический ум походил на сложную последовательность вращающихся шестеренок,

одна мысль сменяла другую, пока он обдумывал последствия своих действий. Он коснулся золотой маски, закрывавшей левую часть лица, — он был вынужден заплатить эту цену. Последствия...

Он понимал тяжелое положение армии лучше, чем кто-либо из его солдат, но не позволял отчаянию толкнуть его на еще один поспешный шаг. Он тщательно все спланирует, используя интуицию, опыт и стратегию. Утрос прислушивался к звукам лагеря, пока голодные солдаты устраивались на ночь. Они собирались вокруг костров, чтобы поговорить о потерянных близких или поиграть в древние азартные игры.

После сокрушительных неудач — атаки гигантских воинов Иксакс, возвращения серого дракона, огненной магии переноса — командиры докладывали о фактических потерях только Утросу. Он не мог позволить войску понять, какой страшный урон они понесли. Его армия не должна узнать, что может потерпеть поражение. Тела павших спешно сожгли в погребальных кострах, чтобы скрыть истинный масштаб потерь. А чтобы солдаты реже вспоминали о погибших товарищах, Утрос перевел выживших в новые роты и назначил новых командиров. Воины даже не успели осознать, сколько товарищей они потеряли. Впрочем, самым большим ударом была потеря самого Ильдакара.

Утрос повернулся к отвесному обрыву на краю долины. Целый город исчез, как будто никогда и не существовал. Завоевание Ильдакара было его предназначением, выжженным в нем императором Керганом. Именно по этой причине он и его огромная армия выступили из Ороганга и преодолели горы. Теперь их главная цель была утрачена.

Утрос знал, что времени у него немного. Он прижал маску к грубому шраму на щеке. Боль в ране отдавалась где-то в черепе. Его люди все еще верили в него. Они доверяли

своему генералу, их преданность ему была сильнее, чем Железному Клыкку. Утрос не подведет их, но он должен дать им опору, какую-то новую надежду, достижимую цель. Он сплотит их, укрепит их решимость.

Ава вышла из тени шатра. Ее грудь и плоский живот покрывали странные узоры, нарисованные сажей и темно-красной краской. Прозрачное голубое платье мало что скрывало. Она была поразительно красива, как и ее сестра, и столь же сильно внушала страх. Она протянула руку и погладила его мощные бицепсы.

— Моя сестра возвращается, возлюбленный Утрос. — Ее пальцы задержались на рельефном узоре медного браслета. — Я чувствую ее.

Его взгляд остановился на шраме на внешней стороне бедра колдуньи. Сестры родились со сращенными ногами, и только потом отец разделил их — физически. Их хань оставался связанным.

Ава указала подбородком на несколько сотен всадников, рысью спускавшихся с северных холмов по выжженной траве. Они вели за собой вереницу повозок и выючных мулов, нагруженных мешками зерна и бочонками эля, а также гнали овец, коров, коз и нескольких якшенов. Еще издалека Утрос узнал первого командующего Еноха и бледный раскрашенный силуэт Рувы во главе отряда.

Солдаты у костров, увидев подводы, разразились радостными криками. В течение дня десятки отрядов возвращались с разнообразной провизией, которую набрали в деревнях или хуторах в холмах. Этого небольшого количества еды пока хватало успокоить армию.

Утрос был уверен, что ни один из его солдат не сможет подсчитать точного количества зерна, коров, овец, коз, кур, оленей или кабанов, необходимого, чтобы прокормить бо-

лее сотни тысяч ртов. Он должен найти решение, прежде чем армия осознает масштаб проблемы.

Утрос снял шлем, украшенный двумя изогнутыми рогами безобразного быка, которого повелители плоти Ильдакара послали против его армии.

Когда вернувшийся отряд проезжал через ликующий лагерь, Ава взяла генерала под руку и пошла рядом, защищая его своей красотой и могущественным даром. Енох и Рува подъехали к генералу для доклада. У первого командующего было серое грубое лицо с многочисленными боевыми шрамами, которые придавали грозный вид. Енох снял шлем и провел ладонью по взъерошенным седым волосам.

— Наша миссия была успешной, генерал.

— Вижу. — Утрос наблюдал, как повозки едут через лагерь. Захваченные припасы и скот распределяли по отрядам. Он понизил голос. — Все животные должны быть забиты сегодня же. У нас нет возможности содержать их. Накормите всех вдоволь.

Енох помрачнел:

— Этой еды надолго не хватит, сэр.

— Мне это известно. У вас были какие-нибудь трудности?

— Нет, — со странной злорадной улыбкой ответила Рува.

Когда Утрос с любопытством посмотрел на первого командующего, Енох пояснил:

— В Ханавире было много припасов, но мы столкнулись с неожиданным сопротивлением.

— Горожане сопротивлялись? Против пятисот вооруженных воинов?

Старый ветеран покачал головой:

— Нет, там были два заплутавших волшебника. Помните того, с белыми волосами, Натана Рала?

Утрос поджал губы:

— Да, он вообразил себя историком и сообщил мне, что мое имя легендарно. — Он ощутил горечь сарказма в горле. — Именно Натан рассказал мне о падении императора Кергана и о том, что случилось с моей дорогой Мэджел. — Желчь подступала к горлу каждый раз, когда он думал об этой милой женщине, о том, как ее же муж ради мести живьем содрал с нее кожу. — Золотая маска давила на лицо, и Утрос поправил ее. — Но дар Натана исчез, разве нет? Кажется, он был бессильным волшебником. Как он сражался?

— Его дар вернулся, — ответила Рува. — Он и еще один волшебник из Ильдакара по имени Ренн пытались защитить город. Но мы одолели их.

Утрос был доволен, но озадачен.

— Ты одолела двух волшебников? Каким образом?

— Сострадание было их слабостью, — сказал Енох. — Мы не могли бороться с ними напрямую, но убили нескольких невинных горожан и пригрозили поубивать всех, если они не уступят. Волшебники сбежали, и мы забрали все припасы.

— Мы все равно должны были убить жителей, чтобы наказать их, — надменно фыркнув, сказала Рува.

— Такого приказа у меня не было, — с намеком на гнев ответил Енох. — Основной задачей было добыть припасы, чтобы накормить наши войска, а не мстить за какую-то мелочь.

— Это не отняло бы много времени, — легкомысленно сказала колдунья, но уступила.

Они смотрели, как воины под руководством вторых командующих Халдерса и Арроса разгружают повозки и делят припасы.

— Солдаты будут следовать приказам до тех пор, пока голодные животы не убедят их в обратном. — Утрос пока-

чал головой. — Мы не можем и дальше стоять лагерем в этой никчемной долине. Ильдакар исчез, как и все его припасы. Нет никаких причин оставаться здесь. Наша армия должна двигаться, и скорее.

— Нас ждет целый континент, — сказала Ава.

— Мы не можем позволить королю Скорбь забрать все, — добавила Рува.

От этой мысли Утросу стало не по себе. Он взглянул на долину:

— На рассвете сворачиваем лагерь и выступаем на запад быстрым, даже стремительным маршем. Еда скоро закончится. — Он понизил голос. — В полукаменном состоянии желудки нас не беспокоили. Мы не оценили благо, которое шло рука об руку с этим проклятием. Теперь армия должна продержаться достаточно долго, чтобы переправиться через горы.

— Ты удержишь армию, — сказала Рува.

Утрос не мог избавиться от холодного кома в груди. За прошедший месяц он уже направил десятки экспедиционных отрядов водрузить повсюду знамя Утроса. Теперь придется собирать по пути все ресурсы, что удастся найти, лишь бы огромная армия не останавливалась.

Но он с нетерпением ждал марша.

Глава 12

Когда Адесса двинулась вверх по течению реки, возвращаясь в далекий Ильдакар, ее единственной компанией была отрубленная голова Максима, которую она несла в окровавленном мешке. Морасит шла твердым шагом, но без спешки, так как охота завершилась. Ее жертва была мертва,

но задание не было закончено. Она должна принести трофей домой.

Домой. Адесса редко позволяла себе такие мысли. Будучи Морасит, она полностью отдавала свое тело и способности Ильдакару. У Адессы не было ни радостей, ни сомнений, только служение. Она будет сражаться и одолеет любого противника на боевой арене; она убьет любого врага, который угрожает городу, даже самого главнокомандующего волшебника. Она не считала пролитую кровь — ни свою, ни чужую.

Перед смертью Максим поддразнил ее, сказав, что Ильдакар может быть осажден военным флотом норукайцев. Он также утверждал, что разрушил заклинание окаменения и освободил гигантскую армию генерала Утроса. У Адессы не было причин ему верить, поскольку волшебник имел привычку лгать. Как только она вернется в город, то сама увидит правду и будет сражаться, если понадобится.

Проходя миллю за милей, Адесса предвкушала, как увидит прекрасный город, его зеленые улицы, башню властителей и пирамиду жертвоприношений, боевую арену, пропитанную кровью и славой. Адесса обучила многих бойцов, и некоторые, как Ян, даже стали чемпионами, что было редкой честью. Она позволила Яну стать ее любовником и оплодотворить. Несмотря на то, что Адесса убила Яна, когда он предал Ильдакар, она не могла отрицать привязанность к нему. Если бы только он не был развращен...

У Гантова брода, покинув семейство Фэри, она подумывала найти лощмана, который переправил бы ее вверх по реке в Ильдакар, но у Адессы не было настроения для компании. Она могла довольно быстро передвигаться в одиночку и была одна с тех пор, как властительница послала ее на охоту. Восстание в Ильдакаре уже наверняка подавлено,

Тора и палата волшебников восстановили порядок и наказали преступников. Адесса вернется домой с триумфом.

Она шла вдоль реки Киллрейвен по грунтовой дороге, которая по мере удаления от городка превращалась в еле заметную тропинку среди деревьев. Опасные болота далеко на севере доставили бы больше проблем.

После тяжелого дня пути она поела вяленого мяса и фруктов из дорожного мешка и остановилась разбить лагерь. Адесса собрала хворост на поляне и села на поваленное дерево со сгнившей корой. Костер из сухих ивовых прутьев, травы и дубовых веток потрескивал, источая струйки дыма. Она отпила из бурдюка и снова достала дорожную еду. Через несколько дней придется охотиться, но сегодня она просто отдохнет, а затем двинется дальше, как только взойдет солнце.

Неподалеку шептали волны, плескаясь о берег. В уютной темноте щебетали ночные птицы и гудели насекомые.

Адесса подняла мешок с жутким содержимым и поставила голову Максима на пень напротив костра. Она приспустила ткань, обнажив обесцвеченную опухшую кожу. Одутловатые глаза главнокомандующего волшебника были полуоткрыты, студенисты, с молочной белизной. Рот был открыт, а губы обмякли, обнажая зубы. Раньше на этом лице часто появлялась плутовская улыбка, наполненная скорее ядом, чем юмором. Теперь кожа имела маслянистый зеленоватый отпечаток разложения, а шейный обрубок покрывали ржаво-коричневые пятна.

Пытаясь удержать голову в вертикальном положении, она надавила на нее, чтобы сплюснуть мягкую плоть.

— Этим вечером ты составишь мне компанию, — сказала Адесса. — Но при жизни компаньон из тебя был скверный. Властительница Тора презирала тебя. Теперь ты будешь молчалив и почтителен.

Адесса сидела на бревне напротив мертвой головы и размышляла, заканчивая трапезу. Сидевшие на деревьях вороны закричали и разлетелись. Она подняла глаза, гадая, что же их так встревожило.

Когда прозвучал насмешливый голос, по ее позвоночнику пробежал холод.

— Ты думаешь, что победила.

Рука Адессы метнулась к короткому мечу на бедре, пока она вставала. Костер снова затрещал. Она огляделась.

— Ты не победишь, — сказал голос, и она повернулась к голове Максима. Его распухшие глаза теперь были открыты, а белки сфокусированы на ней. — Ильдакар уже пал.

— Во имя Владетеля! — воскликнула она.

— Да, во имя Владетеля. — Губы Максима раздвинулись и потрескались, из них сочился гной. Распухший язык мелькал между зубами, когда челюсти двигались, формируя слова. — Ты еще не закончила работу, Морасит.

Уверенная, что это плод воображения, Адесса уставилась на голову:

— Молчать!

Голова на пне закачалась, когда Максим засмеялся.

— Завеса истончилась, границы стали ненадежны. Многие души проходят сквозь трещины. — Голова снова хихикнула. — А я довольно изворотлив.

— Замолчи! — Сжимая короткий меч, она обошла костер и нависла над отрубленной головой. Глаза Максима смотрели на нее с насмешливой невинностью. — Я отделила голову от тела, — сказала Адесса. — Я пробила твою грудь деревом и разорвала сердце. Ты мертв.

— Быть может, меня не так легко убить. — Он снова рассмеялся.

— Я разрублю твою башку надвое, а потом рассеку на множество кусочков.

Он только усмехнулся.

— Думаешь, избавившись от этого сосуда, ты сможешь уничтожить мой дух? Можешь попробовать. — Губы его кривились в презрительной ухмылке. Гниющие глаза зажмурились, и когда он снова открыл их, из глазных яблок потекла жидкость. — Разве ты не обещала дорогой Торе, что принесешь мою голову? Если разрубишь меня на куски, как объяснишь свою неудачу?

Адесса колебалась, глядя на него сверху вниз.

— Ну же, — продолжал зловещий голос, — мы будем спутниками в долгом путешествии в Ильдакар! Но уверяю, от города ничего не осталось. — Он снова хихикнул. — Хотя откуда тебе знать? Тебя так долго не было.

— Ты лжешь.

— Как дух, я вижу многое.

— Ты ничего не знаешь. Ты моя жертва. Ты мертв.

— Да, — ответил Максим. — И все же я еще здесь.

В отчаянии и отвращении она натянула мешок на отрубленную голову и туго его завязала. Теперь голос Максима был просто шепотом, но все еще не смолкал. Она положила сверток по другую сторону упавшего дерева. Аппетит пропал, и Адесса не могла уснуть на протяжении всей долгой и шумной ночи.

Глава 13

В светлое время суток Прячущиеся люди занимались повседневными делами в полумраке зданий Ороганга. Они затыкали каждую щель, заделывали каждую трещину, чтобы ни единый луч солнца не проник в их убежище. Бледные мужчины и женщины зажигали факелы, фонари и свечи,

чтобы осветить коридоры дворца. Даже находясь в безопасности массивных стен, они все равно двигались украдкой.

Никки посмотрела на высокие арки; каменные колонны терялись в тенях высоко над головой. Кора вела ее через большие темные залы с холодными каменными стенами, покрытыми пятнами мха.

— Зачем ты пришла к нам? — спросила старуха. — В Ороганге почти не бывает путешественников. Что привело тебя сюда?

— Ты пришла по горной дороге? — добавила юная Аша, едва не наступавшая ей на пятки. — Мы стережем ее, но наши ночные охотничьи патрули тебя не видели.

Их сопровождало еще несколько человек, слушая разговор и шурша серыми одеждами. Они тихо переговаривались, будто привыкли общаться исключительно шепотом.

— Я пришла не по дороге, — сказала Никки. — Меня принесла сильфида. Если вы так долго живете в этом городе, то наверняка о ней знаете.

Прячущиеся люди нервно зашептались, а Кора задумалась.

— Мы слышали рассказы о серебряной женщине в колоде, но на нашей памяти никто не видел ее. Говорят, она впала в спячку еще за тысячу лет до императора Кергана.

— Сильфида была создана для перемещения шпионов и диверсантов императора Сулакана задолго до рождения Железного Клыка. — Никки выпрямилась. — Я разбудила ее. Я хотела, чтобы она доставила меня в Ильдакар, но она выбросила меня здесь. Во время путешествия произошло нечто странное. Она думает, что я предала ее. — На сердце у нее было тяжело — возможно, она никогда не сможет призвать это создание; сильфида пропала. — Но мне нужно вернуться к друзьям. Идет ужасная война, и я не могу здесь оставаться.

Кора помедлила, ведя Никки за собой.

— Еще одна ужасная война, очередная ужасная война.

Они вошли в просторный зал с гигантскими мраморными колоннами, на которые опирался купол. Никки остановилась, чтобы оценить размеры — может, это большой тронный зал Железного Клыка?

— Ильдакар во многих днях отсюда. — В голосе сопровождающего их Сайруса звучало сомнение. — И ты проделала этот путь в сильфиде?

— Сначала сильфида доставила меня в Серримунди и в Танимуру. Эти места гораздо дальше Ильдакара. Расстояние для такого существа ничто. — Никки помолчала. — Но если я не смогу призвать ее вновь, то не смогу вовремя добраться туда, где я должна быть. Ильдакар в осаде, а может уже пал.

— Мы бы помогли, но наши люди не могут покинуть Ороганг, — сказала Кора. — Из-за жисс мы обязаны оставаться здесь, чтобы оберегать остальной мир.

Никки оглядела похожих на тени людей, снующих туда-сюда по коридорам и исчезающих в темных проходах.

— Сколько вас здесь? — На городской площади ее пытались схватить несколько сотен человек, и она видела еще больше силуэтов в дверных проемах и арках. Были ли они существенной боевой силой?

— Много, — сказала Кора. — Наши люди живут в зданиях и катакомбах, которые соединяют самые большие строения, а также в горных пещерах. Мы повсюду в Ороганге, но не допускаем, чтобы нас видели.

Факелы в грандиозных залах походили на огненные глаза. В древнем дворце императора Кергана было несметное число пристроек и комнат, а также подземные этажи, но тени скрывали величие этого места. В древней столице было много внушительных сооружений. Железный Клык построил все это при помощи огромных налогов и рабского труда;

он не считался с людскими жизнями, чтобы укрепить власть. Он был убит своим же народом, но монументы Кергана простояли пятнадцать столетий.

Прячущиеся люди занимались своими делами. Из больших общественных залов доносился стук ткацких станков, скрежет напильников и грубый резкий скрип небольших пил. Ремесленники делали заготовки для стульев, сколачивали столы и прочую мебель. Другие ткали или пряли, а швеи шили одежду. Внутри города царила тишина, но Никки ощущала уверенность, а не страх.

— Как кормите столько людей? — спросила она. — Видела на улицах склады и амбары. Вы вправду по ночам занимаетесь хозяйством?

— Мы выращиваем зерновые, — пояснила Кора. — Дневной свет заботится о них, а жисс нет дела до растений. Ночью мы возделываем землю и собираем урожай. Наши охотники приносят мясо. — Она довольно улыбнулась. — Нам хватает.

Аша взволнованно вырвалась вперед:

— Но это еще не все! Наша самая важная культура находится под землей. Пойдем, я покажу. — Девушка подошла к арке, за которой оказалась ведущая вниз каменная лестница. Она резво сбежала по ступенькам, ведя их в темный нижний уровень под дворцом.

Никки последовала за Ашей по вызывающей клаустрофобию тесной лестнице в подземное помещение с грубыми каменными стенами. Комната была освещена жутким серебристо-голубым светом, исходящим от мясистых наростов на стенах. Никки почувствовала тягучий болотный запах, который, впрочем, нельзя было назвать неприятным.

Десять человек, в том числе дети, работали среди булавовидных наростов. Одни собирали в корзины серо-белые грибы, в то время как другие раскладывали бурую мульчу

для удобрения ростков. Аша оторвала кусочек бесформенной массы со стены и сунула в рот, явно наслаждаясь вкусом.

Сайрус с суровым видом встал у плеча Кораы.

— Мы культивируем и взращиваем эту субстанцию, — благоговейным тоном заговорила старуха, — делая ее нашим величайшим оружием против жисс. Вот почему рой не распространился по всей земле.

Двое детей, собиравших грибы, время от времени откусывали кусочки.

Сайрус тоже набил полный рот, словно это было его обязанностью.

— Мы потребляем этот особый гриб каждый день, чтобы он пропитывал нашу плоть. Это... помогает нашей работе.

Никки поняла, как сильно она проголодалась после пережитых испытаний, и потянулась к грибам, но Кора резко отдернула ее руку.

— Нет, колдунья! Только не для тебя.

Никки попятилась:

— Я не понимаю ни тебя, ни твоих людей.

Старуха казалась дружелюбной.

— Мы все объясним, это важно.

Она сорвала один из бесформенных грибов, раздавила в ладони и показала получившуюся кашицу Никки. Колдунья сделала глубокий вдох. При помощи дара и обостренных чувств она ощутила зловещий оттенок в пряном запахе: какое-то отвратительное вещество, которое она прежде не замечала.

— Гриб смертелен для всех, кто не привык к нему, — сказала Кора. — Яд такой же сильный, как у губельного цветка. Он убьет тебя, едва положишь его в рот.

Пока они стояли в мерцающем сиянии комнаты, Никки наблюдала, как другие люди приходят за своим ежеднев-

ным рационом, срывают быстро растущие грибы и жуют их на обратном пути к двери.

— Этот гриб делает нас смертельными для жисс, — продолжила Кора. — Мы выработали способность переносить его воздействие, с раннего детства приучая организм к этому яду. Мы подвергаем свое тело воздействию химикатов, наращивая сопротивляемость до тех пор, пока кровь, кожа, каждая наша частичка не наполнится ядом.

Сайрус хмуро взглянул на Никки:

— Ты не выживешь, колдунья, каким бы великим ни был твой дар.

Никки доводилось испытывать на себе действие яда, но она не хотела пробовать этот, особенно после тяжелого путешествия в сильфиде, от которого еще не оправилась.

— Мне нужно восстановить силы, а не тратить их. Если сильфида не откликнется на зов, то мне предстоит трудный путь... если смогу найти дорогу назад.

— Мы знаем, где Ильдакар, — сказала Кора. — Мы покажем путь к горным перевалам. Мне знакомы и города на побережье, которые ты называешь Серримунди и Танимура, хотя наши записи очень древние.

— Откуда ты знаешь о побережье, если никогда не покидала этот город? — спросила Никки. — Ороганг столетиями был изолирован.

Старуха загадочно улыбнулась:

— Это не значит, что мы позабыли.

Покинув комнату с грибами, Кора повела ее и остальных в закрытое надземное крыло, которое служило переходом к другому величественному строению. Они вошли в зал для собраний, где их встретили ярусы пустых скамеек и большое открытое пространство для лектора. Здесь могли проходить совещания и политические дебаты.

На полу стоял солидный стол на ножках толщиной со ствол дерева. На столешнице находилась большая детализированная рельефная карта Древнего мира, вылепленная из глины и раскрашенная естественными красителями — будто кто-то уменьшил настоящие горы, долины и реки, чтобы поместить их здесь. Яркие светильники на четырех углах массивного стола походили на солнца, освещающие ландшафт. Прежде Никки видела лишь небольшие фрагменты карт Древнего мира, но эта трехмерная репродукция охватывала весь Древний мир, от побережья до гор, и даже дальше.

Кора протянула руку и коснулась низменности в скалистых горах, окруженной труднопроходимыми перевалами, но соединенной с внешним миром тонкими линиями добротных имперских дорог.

— Это Ороганг, центр великой империи Железного Клыка.

Старуха провела кончиками пальцев вдоль горных хребтов, следуя по дорогам на юг, спускаясь по рекам в широкие долины, где сходящиеся потоки образовывали верховья реки Киллрейвен, которая вела на юг, к другому известному городу — Ильдакару. Оттуда река текла дальше, к широкому устью в том месте, где впадала в море. Отыскав Ильдакар, Никки отследила маршрут, по которому прошла вместе с Натаном и Бэнноном: высокий перевал Кол Адаир, пустынные каньоны, скрывающие Твердыню, и через хребты на запад, к морю и бухте Ренда. Она проследовала вдоль береговой линии на север, увидев множество прибрежных городов вплоть до Серримунди и Танимуры.

— Эта карта была создана давным-давно по приказу императора Кергана. Он хотел видеть весь мир, потому что приказал генералу Утросу завоевать его.

— И генерал Утрос когда-нибудь вернется, — вставил Сайрус, приняв уверенную позу и выставив вперед бледный подбородок. — Вспомни старое пророчество! Мы так долго ждали, хотя он наверняка давно мертв...

— О, генерал Утрос все еще жив, — удивила их Никки. — Он и его гигантская армия многие столетия назад были обращены в камень волшебниками Ильдакара, но теперь они пробудились. — Сайрус выглядел потрясенным этой новостью, но она предупредила его: — Послушай меня, он не спаситель. Несмотря на то, что Железный Клык давно мертв, Утрос намеревается подчинить себе Древний мир. Не жди, что он станет твоим героем.

— Из поколения в поколение мы передаем легенды. — Сайрус так и стоял, расправив плечи. — Он великий человек. Пророчество гласит, что он вернется за нами.

— Может, у вас и есть легенды, но я лично столкнулась с ним. Я знаю, сколько разрушений принесет его армия, сколько людей погибнет из-за его амбиций. Ты должен его бояться, а не надеяться на возвращение.

— Я буду верить в то, во что хочу верить, — усмехнулся Сайрус.

Кора поправила свой серый плащ:

— Я бы не придавала большого значения легендам или так называемым пророчествам, Сайрус. Твой народ слишком долго держался за бесплодную надежду. Вспомни про глупые рассказы о Железном Клыке, про мифы, которые преподносят Кергана как храброго и благородного императора. Он определенно не был достоин легенд или надежд. Откуда тебе знать, достоин ли генерал Утрос?

— Потому что я знаю, — сказал Сайрус с растущим пренебрежением. Его серые глаза не выказывали никакого интереса к истине. — Я верю пророчеству.

Никки не раз видела такое же пустое и фанатичное выражение лиц у последователей Имперского Ордена. Она тоже верила в их учение и отказывалась признавать, что могла заблуждаться или ошибаться. До тех пор, пока Ричард...

— Но я-то знаю правду, — сказала Никки, — веришь в нее или нет.

Глава 14

Огромная армия двинулась вперед: более ста тысяч солдат, а также многочисленные повара, плотники, кожевники, оружейники, конюхи и ремесленники. Каждый солдат сам отвечал за свои доспехи, оружие и сапоги. Каждому приходилось чинить свой плащ, разводить костер, рубить дрова, рыть отхожие места. Войско было огромным городом, находящимся в движении в поисках новых завоеваний.

Первые отряды выступили на рассвете. Они двинулись через долину прочь от пустоши, которая была Ильдакармом, и направились к предгорьям и горам на запад. Вторые командующие Халдерс и Аррос оседлали боевых коней и поехали во главе больших батальонов, которые привычно выстроились в шеренги.

Генерал Утрос наблюдал за всем из командного шатра, а рядом находились Ава и Рува. Он был доволен, что война возобновилась.

— Моя армия подобна огромному валуну на склоне холма. Его нужно подтолкнуть, чтобы он начал движение, но тогда он понесется по склону, неизбежно разрушая все на своем пути. — Золотая маска скрывала половину его улыбки. — Я стану непреодолимой силой, которая сокрушит Древний мир и заставит подчиниться.

Ава посмотрела на него так, словно была очарована магией его притягательности.

— А как насчет короля Скорбь? Разве вы не поделите землю с норукайцами?

— Они едва ли лучше животных. Посмотрим, сколько норукайцев выживет после победы в войне.

Под топот копыт, грохот сапог и скрип колес армия двинулась на запад, к подножию холмов, поднимая облака пыли и пепла над выжженной долиной. Солдаты съели все изъятые припасы, так что каждый лег спать с полным животом и минимумом вопросов. Они будут идти маршем до тех пор, пока генерал Утрос не скомандует другое.

Он отправил еще шесть экспедиционных отрядов по две тысячи солдат в каждом; они двинулись в разные стороны в поисках городов, где можно поживиться припасами, совершая набеги от его имени. Утрос таким образом увеличивал масштабы вторжения, а также на двенадцать тысяч сокращал количество ртов, которые требовалось кормить. Между тем основные силы неустанно двигались через горы.

Первый командующий Енох, зная ситуацию, мрачно сидел в седле. Он подъехал к генералу и колдуньям, глядя на них сверху вниз. Пока оставшиеся отряды выстраивались в шеренги, снимаясь с места, шатер разбирали и упаковывали в подводы с припасами. Утрос и близнецы верхом на лошадях последуют за основной армией.

— Теперь солдаты настроены решительно, генерал, и они сосредоточатся на марше, — сказал Енох. — Но скоро их будут заботить стертые ноги и неудобства походной жизни. Днем позже они будут думать только о том, как голодны и, что еще хуже, как долго это продлится. — Он почесал тонкий белый шрам на щеке. — Они почитают вас, сэр, я в этом не сомневаюсь, но долгая боль в пустом желудке может сломить даже самую сильную преданность.

— Я знаю цену преданности. — Утрос подумал о том, что сказал ему Железный Клык, узнав о романе с императрицей Мэджел. Преданность сильнее любви. После ее ужасной казни в реальном мире дух дорогой Мэджел веками подвергался пыткам в мире подземном; она была запугана и сломлена властным духом жестокого мужа.

Преданность сильнее любви.

— Разграбив ближайший город, я раздам все припасы солдатам, — сказал Утрос. — Я не знаю другого способа накормить их.

Рува говорила шепотом, глядя на бредущую к подножию холмов армию.

— У нас с сестрой есть способ поддерживать их, возлюбленный Утрос. Опасное заклинание. Мы должны будем сделать это тайно, потому что людям это не понравится — они только вернули себе привычный облик из плоти и крови. Но без нашей помощи армия распадется, и солдаты погибнут.

Ветерок колыхал тяжелую ткань шатра, взметая пыль.

— И что вы задумали? — спросил Утрос.

— Мы с сестрой знаем заклинание, которое может снизить потребности организма, притупить аппетит и изменить обмен веществ, чтобы они продолжали жить, но это не продлится долго. Они будут переваривать самих себя.

— Заклинание также будет воздействовать на функционирование их тел, — добавила Рува. — Они смогут есть все, что угодно, переваривать все — траву, деревья, кости, любую пищу, которую найдут. Армия будет подобна рою саранчи, опустошающей землю.

— Но выживет, — отметила Ава.

Когда Енох нахмурился, его многочисленные шрамы стали похожи на корчащихся червей.

— Звучит как нечто унижительное.

— Если они истощат силы и падут замертво, они не принесут пользы в моей войне, — сказал генерал.

— Если кто-то все же упадет в голодный обморок или рухнет замертво на марше, — с улыбкой сказала Ава, — то благодаря этому заклинанию остальные смогут съесть эти тела и получить новые силы.

Утросу больше не нужно было ничего слышать.

— Они будут жить и продолжат сражаться за меня. Этим же вечером в лагере, после того как вступим в предгорья, я хочу, чтобы вы сотворили заклинание. — Он вздохнул. — Если понадобится, я возьму на себя всю вину, когда солдаты узнают, что с ними сделали. Я обещал сохранить жизнь моим людям, и так они выживут. — Он посмотрел на колдуний-близнецов. — Спасите их любыми средствами.

* * *

Армия двигалась в полной темноте, вытаптывая травянистые холмы на пути к лесам. Позади оставалась ровная и безжизненная земля, утрамбованная бесчисленными сапогами.

Опытные солдаты знали, как быстро и эффективно разбить лагерь или сняться с него. Разведывательные отряды рассредоточились, чтобы нарубить деревьев и развести костры. Вторые командующие Халдерс и Аррос распределяли скудные пайки, обещая рядовым, что после набегов на города будет больше еды. Солдаты пока что верили. Каждый нашел себе клочок земли, где мог разложить одеяло и лечь, глядя на звезды. Солдаты думали о том, что когда-то были другими людьми, и как много потеряли. Они опоздали на встречу с Владетелем на пятнадцать столетий.

Когда стемнело, у командного шатра Ава и Рува принялись за подготовку к заклинанию. Самый большой костер в лагере являл собой маяк из потрескивающего пламени и

дыма от горящего сырого дерева. Утрос сидел рядом с недавно возведенным шатром, откуда наблюдал за лагерем и прислушивался к происходящему. Любопытствуя, первый командующий Енох присоединился к генералу, пока близнецы готовились к темному заклинанию.

Ава и Рува наполнили глиняные горшочки различными порошками, высушенной кровью, смешанной с солью, пеплом от костей, измельченными корнями, лепестками цветов и собранными ягодами.

Вскоре женщины объявили, что готовы. Обе сбросили голубые платья, оставшись нагишом; вся растительность на их телах была сбрита: на голове, включая брови, в подмышках и даже между ног. Их тела покрывали выющиеся узоры из темно-красного, интенсивно-черного и ярко-белого цветов, и Утрос едва замечал их наготу. Каждая из колдуний прижимала к плоскому животу горшочек с порошком.

— Мы начнем, возлюбленный Утрос.

Ава опустила руку в один из горшков и подняла палец, покрытый жирной желтой субстанцией, похожей на топленое сало, смешанное с медом и серой. Она нанесла отметину на центр лба генерала возле края золотой полумаски.

— Для чего это? — спросил он.

— Чтобы защитить вас.

— Ваша магия опасна? Мои люди под угрозой?

— Это спасет вас, — ответила Рува.

— Это сведет на нет заклинание. — Ава мазнула свой лоб и лоб сестры. — Магия не изменит вас. Вы останетесь человеком.

Енох обеспокоенно поднялся на ноги:

— Если мы просим солдат принести эту жертву, разве мы не должны сделать то же самое?

— Было время, когда я именно так бы и поступил, — сказал Утрос, — но сейчас все слишком неопределенно. Мы

должны возглавить их, первый командующий. — Он указал на Еноха. — Отметьте и его.

Когда Ава шагнула к нему с горшком, Енох поднял руку, чтобы остановить ее.

— Я не хочу.

Но когда Утрос одарил его стальным взглядом, ветеран со вздохом опустил руку.

— Если это необходимо.

— Заклинание обратимо? — спросил он, когда Ава дотронулась до его лба. — Если вы отметите всех солдат, сможете ли вы сделать их прежними? После того как одержим победу, найдем пропитание, смогут они снова стать нормальными?

Близнецы-колдуньи ответили, уклончиво пожав плечами:

— Это то, что мы должны сделать.

Солдаты расположились вокруг костров, обмениваясь историями и увиденными снами, похваляясь тем, как они разбогатеют на военных трофеях, скольких врагов убьют.

Ава и Рува кружили вокруг главного костра, бросая на угли порошки. Вспыхивали искры, дым сгущался, меняя цвет, и расползался по лагерю подобно миазмам. Солдаты у своих костров не замечали таинственного дыма. Колдуньи стали тихо напевать, бросая в огонь смесь из высушенной крови, костного пепла, горючего порошка, грибов и измельченных клубней. Пьянящий дым рассеивался среди солдат, изменяя их, сжимая желудки и перенаправляя кровотоки.

— Мне нужно, чтобы они выжили, пока мы не доберемся до крупных городов, где будет достаточно еды, чтобы снова накормить их всех, — сказал Утрос.

— Ваша армия может прорубить путь через горы до самого побережья, генерал, — сказал Енох. — Ничто не может остановить их.

— Хорошо. — Утрос скрестил мускулистые руки на груди и удивил остальных неожиданным решением:

— Ближайшие несколько дней армия в твоих руках, первый командующий. Ты возглавишь марш, ну а мне пока нужно отправиться в другое место. — Он тщательно обдумывал дальнейшие действия, но сначала нужно было сделать кое-что еще. — Я возьму тысячу всадников и поскачу на север. Ава и Рува поедут со мной.

Встревожившись, Енох вытер жирное желтое пятно со лба после того, как заклинание было приведено в действие.

— Вы оставляете армию под моим командованием? Куда направляетесь, сэр? Солдаты захотят узнать.

Утрос медленно кивнул:

— Император Керган давно мертв, но от его империи должно что-то остаться, а я служу империи. — Он взгляделся в темные силуэты холмов, закрывавшие небосвод. — Предстоит долгий путь до столицы, Ороганга, чтобы я мог сообщить обо всем тем, кто там остался.

Глава 15

Отряды защитников выполнили свои задания и встретились в лесу под выступом из песчаника. Одни выглядели испуганными, у других от возбуждения кружилась голова. По грубым подсчетам Натана были убиты несколько сотен древних воинов, но также в стычках пали четыре д'харианских солдата. Большинство полевых командиров сочли бы эти потери приемлемыми, но потеря даже четверых была серьезным ударом для их разношерстной команды.

Вернулась последняя группа, в составе которой были капитан Тревор и волшебник Лео. Лео был худощавым муж-

чиной с узким лицом, лохматыми черными волосами с проседью и темной козлиной бородкой. Он управлял двумя яксеновыми скотобойнями в Ильдакаре, но те времена остались в прошлом. Он сел рядом с другими под выступом из песчаника, выглядя испуганным. Руки его были покрыты спекшейся кровью.

— Я убивал людей. Я использовал свой дар, и я... Я разрывал их на куски. Я смотрел, как они умирают.

— Они были нашими врагами, — сказал Зиммер. — Они это заслужили. Вы уже убили многих на поле боя, пока помогали Эльзе наложить ее магию переноса.

Лео кивнул, по-прежнему выглядя потрясенным.

— Только так мы выживем, — спокойно сказала ему Верна. — И убить потребуется гораздо больше.

Оливер и Перетта вернулись в лагерь с водой из ближайшего ручья, а Эмбер и несколько сестер Света отправились на поиски ягод и диких овощей. Они не рискнули разводить костры, и Натан при помощи дара нагрел плоскую каменную плиту, на которой Ренделл приготовил пристойный ужин, сварив сушеные бобы вместе с диким луком. Во время еды все делились своими впечатлениями.

Слушая рассказ Ренна о Ханавире, Натан рассеянно потирал шрам на груди. Хотя новое сердце билось ровно, он чувствовал, как темная месть пытается овладеть мыслями. Чужая часть сознания, тень главного укротителя Айвена в его сердце, отчитывала за то, что он сделал, оказавшись перед ужасным выбором. Мрачное присутствие Айвена считало, что Натан и Ренн не должны были проявлять милосердия, что слабые горожане Ханавира были необходимой жертвой, чтобы остановить набег. Они заслужили это. Сколько еще погибнет теперь, когда генерал Утрос накормит армию? Натан стиснул зубы. Его сердце — сердце Айвена — билось в груди, как гулкий утробный барабан.

Пытаясь заглушить непрошенные мысли, он вскочил, напугав остальных. Он тяжело дышал, подавляя боль.

— Ханавир мог бы выбрать другой путь, — сказал он, перебив Ренна и не обращая внимания на встревоженные лица вокруг, — но тогда было бы больше кровопролития. Мы должны спасать людей, где можем и когда можем! — Пульс его успокоился, когда он взял под контроль мятущееся сердце. Он снова сел, заверив остальных, что с ним все в порядке, и спокойно доел бобы.

Торн, сопровождавшая отряд генерала Зиммера, с гордостью рассказала, как они одолели сто двадцать вооруженных солдат у деревни рудокопов. Она и ее сестра-Морасит Лайес сравнивали число своих жертв. Натан нашел их обсуждение странной смесью хвастовства и практических советов по уничтожению врага.

Верна с озабоченным видом предложила ему горсть ягод, собранных Эмбер.

— Неужели такова теперь наша жизнь, Натан? Прятаться в лесу, нападая на подавляющую числом армию и постоянно убегая?

Лайес услышала это замечание и возразила:

— Мы проворнее этой армии. Наш небольшой отряд может атаковать и убегать, атаковать и убегать. Через несколько лет мы их истребим.

— Добрые духи... — Натан покачал головой. — В этом я не сомневаюсь, но дураки обычно излишне самоуверенны — а мы не можем позволить себе быть дураками.

Зиммер сидел на камне напротив, жадно поглощая свою порцию. Будучи военным командиром, большую часть жизни он довольствовался походной едой.

— Генерал Утрос сейчас на марше. Вчера мы видели, как они свернули лагерь и направились в сторону предгорий. Наша задача — остановить их.

Натан задумался о том, какой огромный путь он проделал по Древнему миру вместе с Никки и Бэнноном. Он не преуменьшал значение опасностей, с которыми они столкнулись в путешествии — Поглотитель жизни, колдунья Виктория, смертельные тайны самого Ильдакара — но неудержимая армия генерала Утроса могла оказаться самой большой угрозой.

— Мы не можем бесконечно атаковать и ретироваться. Можно причинять им вред или просто досаждать, но нужен план получше.

Орон хрустнул пальцами и с сарказмом произнес:

— Да, может, нам найти непобедимое оружие или собрать свою собственную огромную армию? Что предлагаешь, Натан?

— Мне не по душе твой настрой. — После возвращения Натан успел умыться и почистить одежду, приведя себя в приличный вид и снова почувствовав себя волшебником. — На самом деле у меня есть идея. Очевидно, мы можем двигаться гораздо быстрее огромной армии, и путь приведет нас обратно к Твердыне. Тамошние ученые, порыскав в архиве, могут найти мощную магическую защиту. Возможно, это наш шанс. Мы доберемся туда раньше генерала Утроса.

— Да! — Перетта ткнула в бок сидевшего рядом Оливера. — А еще мы можем научить сражаться одаренных ученых Твердыни.

Аббатиса Верна подумала о том же.

— Когда укроемся в Твердыне, мы на какое-то время будем в безопасности. Утрос даже не додумается туда пойти.

— Значит, решено, — сказал Зиммер. — Нужно как можно быстрее попасть в Твердыню.

Лайес и Торн посмотрели друг на друга, а затем странным синхронным движением извлекли кинжалы и принялись точить их о ближайший камень.

— Но мы все равно будем беспокоить их, и по дороге убьем как можно больше.

— Да, — согласилась Торн. — Только это и имеет смысл.

Глава 16

После целого дня вынужденного заточения в древних зданиях Никки ощущала беспокойство. Она понимала тяжелое положение Прячущихся людей в борьбе с кровожадными жисс, но больше всего ее беспокоили армия генерала Утроса и угроза целому континенту. Он, должно быть, уже выступил в поход! Она не могла скрываться в тених, пока солдаты штурмуют стены Ильдакара. Или сам Ильдакар исчез, если она правильно поняла загадочную реплику сильфиды перед уходом. Амбициозный генерал не остановится на одной победе или одном поражении. Завоевания были образом его жизни, и Никки должна помочь остановить его. Она оставила Натана и Бэннона, а также одаренных членов палаты волшебников, и ей нужно было найти способ вернуться.

Никки отдыхала в бывших гостевых покоях императорского дворца, чтобы избавиться от странной слабости после последнего путешествия в сильфиде. Большая часть предметов интерьера была давно убрана, а оставшиеся гобелены и драпировки выцвели. Прячущиеся люди вели унылое существование, лишённые солнечного света, красок и радости.

Юная Аша принесла воды, хлеба и мяса. Никки попыталась восстановить силы, но сон не шел. У нее было слишком много забот и разочарований.

Ее чуткий слух уловил тихие шаги в коридоре, и в дверном проеме появилась Кора.

— Солнце зашло, — сказала старуха, — и мы можем отважиться выйти в темноту. Если хочешь на городские улицы, сейчас самое время.

— Значит, я не ваш пленник? — спросила Никки.

— Вовсе нет, — изумилась Кора. — Мы пытались защитить тебя, а не держать в плену! Ты могущественная колдунья. Если бы ты хотела вырваться на свободу, мы не смогли бы тебя остановить.

— Это точно. Хорошо, что вы не пытаетесь.

Кора, освещенная факелами из-за спины, поправила серую одежду:

— Мы надеемся, что теперь ты понимаешь опасность. Солнце село, в городе темно, и жисс вернулись в логово. Ты можешь идти, куда пожелаешь. Если решишь, что должна покинуть Ороганг, уходи до рассвета как можно дальше, иначе жисс найдут тебя.

Никки пересекла континент вместе с Натаном и Бэнноном, а много раньше, когда она похитила Ричарда, они вдвоем проделали путь из Вестландии до Алтур'Ранга. Она видела рельефную карту в зале собраний и имела представление, как добраться от этих гор до Ильдакара, который находился южнее. Однако такой поход требовал подготовки, и Никки передумала.

— Я еще не готова к этому. Сначала я попробую другой способ передвижения. — Быть может, удастся заставить сильфиду выслушать...

Она последовала за Корой по извилистым коридорам огромного дворца к главной деревянной двери, широко распахнутой в ночь. Никки глубоко вздохнула, позволяя прохладному воздуху обдувать лицо. Слабый ветерок взъерошил неровно остриженные светлые волосы. На шпалерах висел цветущий виноград, распространяя сладкий аромат, а мотыльки пили нектар из белых соцветий.

Прячущиеся люди рыскали по окрестным холмам. Некоторые уже возвращались с тележками дров, другие перевозили припасы из разрозненных складов. Молчаливые мужчины и женщины работали на огородах и ухаживали за фруктовыми садами. Если не считать постоянной опасности жисс, город казался почти мирным.

Кора присоединилась к сборщикам урожая овощей, а Никки пошла по улицам Ороганга, зная, что должна вернуться в убежище до восхода солнца. Она помнила, как черное облако окружило двух несчастных оленей и высосало досуха.

Она бродила между упавших колонн, разглядывая рухнувшие арки и огромный заглубленный амфитеатр. Она прошла мимо возвышающейся статуи генерала Утроса, где угрюмый Сайрус почтительно поклонился давно потерянному военному герою. Другие члены его группы усыпали гранитный постамент ночными лилиями. Нежные бледные цветы засохнут в солнечном свете следующего дня, но Прячущиеся люди, почитающие древнего генерала, каждую ночь будут приносить свежие. Хотя Никки и не восприняла всерьез сомнительное пророчество о том, что их великий герой вернется, она решила не мешать. У нее были другие дела. Она направилась к пустому колодцу сильфиды.

Поваленная статуя Кергана распростерлась на площади, голова была отделена от плеч, а каменная рука отломана чуть выше локтя. Лик императора сохранял надменное выражение. Даже не зная жестокую историю Железного Клыка, то все равно испытала бы к нему неприязнь из-за его каменной ухмылки.

Однако Никки мало интересовал забытый тиран. Сейчас важнее всего была сильфида... сильфида, которая служила императору Сулакану и презирала всех, кто не следовал целям этого злодея. Во время Великой войны, три тысяче-

тия назад, сильфида была создана с помощью ужасной магии: пылкого добровольца превратили в существо из жидкого металла. Эта отчаянная молодая женщина отдала жизнь, чтобы стать нечеловеческим существом, обладающим силой переносить клиентов по тайной сети тоннелей. Никки не знала настоящего имени этой женщины, но та ставила свой долг перед императором Сулаканом выше собственного счастья, своей семьи, любви и даже жизни.

Никки подошла к стенам колодца высотой по пояс, за которыми была бездна. Камни были скреплены друг с другом и подогнаны так плотно, что она едва могла разглядеть швы. Из глубины доносился запах сырости.

Она уже много раз путешествовала в сильфиде, погружаясь в аморфную серебристую субстанцию и мчась по незримым коридорам. Сильфида доставила ее сюда, в Ороганг, и сказала, что Ильдакар исчез. Они обе пострадали из-за неожиданного отклонения от цели.

Хуже того, Никки нечаянно обмолвилась сильфиде о поражении Сулакана, сказав, что древний император давно мертв. Капризное создание ушло, поклявшись никогда больше не помогать ей.

Перегнувшись через низкую стену, Никки ощутила гулкую тишину в глубине колодца.

— Сильфида! Я желаю путешествовать.

Слова повторялись эхом, как брошенные камни, отскакивающие от стен и не способные достичь дна. Не ожидая немедленного ответа, она прислушалась, но шипения приближающегося существа не было слышно. Никки всматривалась в глубину и думала о той черноте, что таилась в ее собственном сердце. Теперь она была сильнее, выше этого.

— Сильфида! — снова позвала она. — Я приказываю тебе. Я желаю путешествовать. Ты была создана переносить путников, и ты переносила меня раньше. Доставь меня об-

ратно в Серримунди. — Она повысила голос. — Верни меня обратно! Сейчас же!

Слова гулко отражались от стен, падая в пустоту. Она ухватила за край колодца, крепко сжимая холодный камень. Она добавила к крику темную сторону своего дара — магию Ущерба, — при помощи которой когда-то служила Владетелю, присовокупив также магию Приращения. Она призывала сильфиду, используя все способности. Только тот, у кого были обе стороны дара, мог призывать сильфиду, и теперь Никки умоляла ее.

Серебряная женщина ее проигнорировала.

Если она не убедит сильфиду перенести ее в один из крупных городов, Никки придется идти пешком. Но если Ильдакар исчез, то путешествие через континент может занять месяцы, а то и больше. Куда она пойдет? Вернется в Серримунди?

— Сильфида! — крикнула она еще более отчаянно. У Никки не было способа заставить или подкупить существо; она даже представления не имела, чего может хотеть сильфида.

И тут Никки поняла, что ей есть что предложить! Она расстроила серебряное создание, сказав, что Сулакана больше нет, но более ничего не объяснила. Эта женщина отказалась от человечности, потому что была предана древнему делу. Сильфида захочет узнать ответы о своем священном лидере, а Никки была ее единственным источником информации. Рискованно, но может сработать. Неплохая приманка для сильфиды.

Никки склонилась над колодцем:

— Если доставишь обратно в Серримунди, я расскажу, что случилось с Сулаканом. Все, каждую деталь. Я поведаю историю о том, как он потерпел поражение в своей первой войне, как вернулся из мертвых, чтобы снова возглавить

армии — и это было всего год назад. Можешь ли ты существовать, пребывая в неведении? Я многое расскажу. — Помолчав, она сказала громче: — Спустя три тысячи лет Сулакан вернулся как повелитель мертвых и снова почти завоевал мир — пока ты спала. Я расскажу, как ты могла бы ему помочь. Разве не хочешь знать?

Она согнулась над колодцем и ждала, прислушиваясь. Неужто соблазн недостаточно велик? Она не слышала ничего, кроме шуршания Прячущихся людей в темноте города.

— Дело твое, сильфида, — крикнула Никки громче, — и только у меня есть ответы! Я могу все рассказать. Если не можем добраться до Ильдакара, тогда доставь обратно в Серримунди. Я могу многое тебе открыть. Разве не хочешь узнать? — Она была уверена, что сильфида услышала, но ответа не последовало. — Разве тебе не нужно знать?

Всю ночь луна по дуге медленно двигалась по небу. Никки провела несколько часов, уговаривая сильфиду, завлекая ее, но безрезультатно. Когда ночь закончилась, Прячущиеся люди двинулись обратно к темным убежищам. Никки была уверена, что потерпела неудачу. Она застряла в самом сердце империи, которой больше не существовало.

Глава 17

Челюсти болотного дракона были так же сильны, как подъемные механизмы на главных воротах Ильдакара. Лила боролась с чудищем в лучах полуденного солнца. Она чувствовала, как острые зубы впиваются в ее кожу — монстр пытался откусить руку. Запах разлагающегося мяса в неровных рядах его зубов вызывал тошноту.

Она напрягла все мускулы, чтобы противостоять существу. Подлесок захрустел, когда покрытая чешуей рептилия

зарылась когтистыми лапами в грязь в поисках опоры, но Лила оттолкнула соперника. Взметнулся бронированный хвост. Они были равны по силе, но болотный дракон был обычным тупым животным, а она — Морасит.

Лила поднажала, выдернула руку из его челюстей и повернулась, когда он удивленно отпрянул. Она сделала выпад кинжалом в широко раскрытую пасть и погрузила в нее руку, пронзая розовую глотку. Лила продолжала давить, пока не достала до позвоночника.

Болотный дракон дергался в конвульсиях и вырывался, уже мертвый, но все еще смертельно опасный. Задыхаясь от усталости, Лила вытащила руку из клыкастой пасти и перекатилась на спину в грязную осоку. Болотный дракон хрипло выдохнул и задрожал в агонии. Лила поднялась на ноги вся в крови, слизи и грязи. Она пнула покрытую броней тушу подошвой сандалии, столкнув тварь в жижу.

Притоки и боковые течения вились среди растительности, напоминая змей. Мертвая рептилия плыла по мелководью, уносимая течением. Лила уже слышала всплески и шелест волн — все больше болотных драконов направлялось к источнику шума. Чешуйчатые хищники жаждали полакомиться человечиной, но были не против сожрать тушу и сородича. Мясо было мясом в смертельных болотах Киллрейвен.

Лила предпочла бы отдохнуть и поесть сама, но времени не было. Болотный дракон и так уже достаточно задержал ее. Она побежала по траве, шлепая по неглубокой грязи и подныривая под свисающие лианы и плети мха. Борьба наделала много шума, и Лила не хотела, чтобы ее выследили норукайские разведчики — хотя и была уверена, что сможет убить их всех. И она сделает это, когда придет время.

Лила ровной трусцой бежала вдоль реки. Три змеиных корабля уже скрылись из виду, и ей пришлось их нагонять. К счастью, на ночь налетчики вставали на якорь, чтобы в темноте ни на что не напороться. Она боялась не болотных хищников, а того, что потеряет Бэннона.

Многие годы она сражалась на арене с боевыми животными. В юности, когда еще только обучалась, Лила побеждала любого противника, оттачивала навыки и получала защитные руны, которые наставники выжигали на ее гладкой коже. Умение сражаться пришло к ней так же инстинктивно, как умение дышать и есть. Она в одиночку с ножом могла убить колючего волка или кабана с бритвенно-острыми клыками. Ее спину до сих пор покрывали длинные шрамы после схватки с боевым медведем. Лила тогда убила его, хотя ее кожа висела клочьями.

Став полноправной Морасит, Лила начала обучать рабов арены. Некоторые хватались за возможность прославиться, в то время как другие ненавидели ее за это. Лила не испытывала ни к кому из них симпатии. Ее работой было превратить учеников в умелых воинов, нравится им это или нет. Она гордилась тем, чего достигла.

Бэннон был одним из самых трудных учеников, и она была особенно довольна им. Вот почему она защищала юношу, вот почему вознаграждала своим телом и почему испытывала к нему привязанность вопреки здравому смыслу. Бэннон был искренним и преданным, в отличие от любого другого раба, которого она могла встретить в Ильдакаре. Из-за своего рвения он часто казался наивным, иногда до абсурда, но за оптимизмом скрывалась глубокая тьма, шрамы от невыразимой боли, которую он пережил. Лила помогла ему обрести равновесие, чтобы он мог стать лучшим бойцом, лучшим убийцей.

Еще недавно она воспитывала бойцов арены для развлечения ильдакарской знати, но теперь она понимала, что есть и более важные дела, которые она и Бэннон могли бы сделать вместе. Но сначала ей предстояло освободить его.

У нее все еще был его меч. Этого оружия было достаточно для достижения цели. Бэннон с Крепышом в руках сражался против нее в тренировочных ямах, поэтому она знала, что клинок был твердым и острым. Она рубила им колючие лозы на своем пути.

Лила выбежала на болотистую поляну у излучины реки. Впереди, в широком русле, виднелись пятнышки — норукайские корабли. Она знала, куда они идут, и продолжила бег. Кусачие мошки вились у ее лица, привлеченные потом и запахом крови, и приходилось отмахиваться. Опасности болота были просто неудобством. Она должна нагнать змеиные корабли. Лила отказывалась терять надежду. Они не уйдут от нее.

* * *

Корабли короля Скорбь шли вниз по реке, и на их пути стояла маленькая прибрежная деревушка. Лила знала, что норукайцы не смогут устоять перед такой добычей.

Она бежала все время от полудня до заката. В сгущающейся темноте впереди она увидела горящие хижины, разбитые причалы, лежащие повсюду тела. Даже сквозь шум болота она слышала слабые крики и вопли. Лила прибавила скорости, но к тому времени, как она добралась до деревни, живых осталось совсем немного.

Три змеиных корабля бросили якорь в рукаве реки; уродливые налетчики подплыли к берегу на лодках и напали на рыбацкое поселение. Подбежав ближе, уверенная, что опоздала, Лила взглянула на последствия и вдохнула горький дымный воздух. Вдоль берега стояли два десятка хижин из

тростника и ивы, а в воду от них уходили шаткие причалы. Другие дома расположились дальше от реки, среди деревьев. Рыбачьи каноэ были разбиты, потоплены или дрейфовали на воде. На возвышенности над берегом стояли хранилища. Все они горели. Норукайцы грабили деревушку уже несколько часов.

Ли́ла подкрадывалась, придерживаясь кустов. Она слышала гортанные выкрики налетчиков, стоны и всхлипывания пленников. Несколько домов на окраине поселения были объаты пламенем, и она слышала крики людей, запертых внутри. Пробегая мимо костров, она видела раскиданные трупы жителей, изрубленных на куски — старух и детей, которых сочли бесполезными. Сильных мужчин и женщин, должно быть, утащили на змеиные корабли, чтобы продать в рабство.

Поодаль от берега реки полыхала хижина, и Ли́ла услышала детский плач. Безжалостные норукайцы подперли дверь перевернутой телегой, чтобы никто не мог сбежать. Возле двери лежал мертвый мужчина с выпотрошенными внутренностями, все еще сжимая в руке треснутый багор. Ли́ла сразу все поняла: отец пытался защитить детей и свой дом, но норукайцы убили его, а затем заперли жертв внутри и подожгли. Она представила себе, как гоготали налетчики.

Крики становились все громче, все отчаяннее. Испуганные вопли продолжали доноситься из деревни, но Ли́ла не могла спасти всех. В голове Ли́лы звучал голос Бэннона, настаивающего на том, чтобы она старалась изо всех сил и спасла как можно больше людей. Не раздумывая, она бросилась к перевернутой телеге, забаррикадировавшей хижину. Ударом ноги Ли́ла оттолкнула ее и дернула хлипкую дверь.

Три девочки, покрасневшие, покрытые сажей, стояли на коленях и кашляли. Поток свежего воздуха рассеял клубы

дыма. Старшая из девочек переступила через порог и установилась на расprostертое тело отца, лежащее лицом вниз, но Лила схватила ее за руку, развернула и подтолкнула всех троих в другую сторону, прочь от горящего дома.

— В лес! — прошипела она. — Бегите и спрячьтесь среди деревьев. — Она уловила краем глаза другие фигуры, бегущие из деревни. — Там найдете других. Оставайтесь с ними.

Прежде чем три девочки успели убежать, из соседнего амбара появился здоровенный норукаец. Он заметил девочек и Лилу, и его покрытое шрамами лицо исказила голодная усмешка.

— Живо! — крикнула она девочкам, и те бросились к деревьям.

Она осталась стоять лицом к лицу с головорезом. Лила вытащила Крепыша, схватив меч за обтянутую кожей рукоять и прыгнула вперед, удивив налетчика. Его разрезанный рот открылся в вызывающем реве, но не успел он ничего понять, как Лила сделала боковой выпад и вспорола ему живот. Норукаец издал булькающий звук, когда его внутренности выпали, будто расползающиеся из корзины змеи.

Лиле хотелось, чтобы он медленно умирал от ужасной раны, но норукаец издавал слишком много шума. Она отрубила ему голову и двинулась дальше, радуясь, что спасла трех девочек, но желая сделать больше.

Она увидела четыре лодки, плывущие к стоявшим на якоре судам. На некоторых теснились пленники, другие были нагружены мешками с зерном, грудями копченой речной рыбы, бочонками, украденными из деревни. Лила сжала рукоять меча, желая убивать норукайцев.

К счастью для нее, несколько налетчиков все еще грабили и жгли дома. Они отстали от основной группы и просто развлекались. Ей тоже будет весело. Один мужчина изде-

вался над рычащей собакой, привязанной к столбу, пока наконец не потерял терпение и не отрубил ей голову. Двое других повалили и насильовали рыдающую женщину средних лет. Лилу охватила ярость. Она отбросила осторожность и побежала к ним.

Когда один из норукайцев закончил с женщиной, он недовольно хмыкнул, потому что та обмякла. Раздраженный, он ударил обнаженную женщину ножом в сердце, а потом высвободил оружие, поправляя на себе пояс из акульей кожи. Ее предсмертный вздох прозвучал как облегчение.

Все случилось до того, как подроспела Ли́ла. Она не привлекала внимания криком, потому что это было бы пустым сотрясанием воздуха. Вместо этого она бросилась вперед с поднятым мечом Бэннона. Она не могла оставить этого человека в живых после того, что он сделал. Когда насильник повернул к ней свое отвратительное лицо, демонстрируя разрезанный рот, Ли́ла так яростно полоснула ему по горлу, что чуть не отрубила голову. Он с бульканьем рухнул на свою жертву.

Второй налетчик, ожидавший очереди, держал теперь уже мертвую женщину. Он издал удивленный крик, отшатнулся, схватил боевой топор и отвел руку для удара, но растегнутый пояс спутал его ноги. Он споткнулся.

Ли́ла не позволяла эмоциям возобладать. Она ткнула его мечом в живот и провела лезвием вбок, как сделала это с мужчиной у горящей хижины. Падая, налетчик потянулся к ней одной рукой.

— Я позволю тебе умереть не сразу. — Она отпихнула его ногой в клубок его собственных внутренностей.

Пожары продолжали бушевать, и Ли́ла слышала стоны и панические крики из другого забаррикадированного дома. Она откинула препятствие, освобождая людей, и побежала

далее, пока спасенные выходили на воздух, шатаясь и кашляя.

Пробираясь через деревню, она бросала короткие взгляды на лежавшие повсюду окровавленные тела. Один старик лежал возле обломков стеллажа для сушки рыбы, на его боку была глубокая рана. Старик потянулся к Лиле, когда Морасит опустилась на колени рядом с ним, но она много времени провела на боевой арене, и знала, что его рана смертельна.

Она взгляделась в темный низкорослый лес, в ивовые заросли, и увидела еще несколько бегущих вглубь леса фигур — выжившие семьи, отчаянно ищущие убежища. Хорошо. Может быть, выжило даже больше.

— Норукайцы, — сказал мужчина, шевеля пальцами.

Она стиснула его руку. Ей казалось, что он хотел этого.

— Я знаю, кто они. Я убью их столько, сколько смогу. — Она уже приняла решение, но старик желал это услышать.

— Убей их всех, — сказал он и выпустил дух.

— Да. — Она встала и двинулась дальше.

К единственному уцелевшему причалу была привязана лодка налетчиков. На носу стоял норукаец, которому не терпелось отчалить. Остальные лодки уже плыли обратно к змеиным кораблям.

— Заканчиваем! — прорычал он своим невидимым товарищам в горящей деревне. — Король Скорбь не станет нас ждать, и я не хочу торчать здесь с этим сбродом.

Лила вышла из дыма на причал. Мужчина недоверчиво окинул ее взглядом. Несмотря на окровавленный меч в ее руке и кинжал на бедре, налетчик, казалось, счел ее подарком, а не угрозой. Он шагнул из длинной лодки на причал.

— Они отправили тебя ко мне?

— Владелец послал меня за тобой, и я отправлю тебя в его объятия. — Она сжала Крепыша обеими руками и нанесла удар.

Мужчина ошарашенно отскочил, едва избежав острия ее меча. Он потерял равновесие и упал в реку. Налетчик ревел и плескался, хватаясь за доски, силясь подняться и сыпля проклятиями. Лила замахнулась и отрубила ему обе руки по запястья. Когда он издал глубокий горловой крик и замахал обрубками, из которых хлестала кровь, Лила вонзила Крепыша ему в шею. Его тело скользнуло на мелководе и поплыло по течению.

На середине протоки три змеиных корабля снялись с якоря и подняли темные паруса. Она не удивилась, что король Скорбь забрал добычу и ушел, даже не дождавшись всех своих людей.

Она стояла на краю причала и смотрела, как уплывают корабли. Она намеревалась сделать именно то, о чем просил ее незнакомый умирающий старик. Она убьет их всех и освободит Бэннона.

Глава 18

Вражеская армия пробиралась через предгорья, следуя по тому же пути, что и Натан со спутниками. Солдаты шли не единым строем, а рассредоточились, топча все на пути, разбивая лагерь для ночлега всего на несколько часов и двигаясь дальше, едва рассвет заливал небо. Отряд Натана спешил, но никак не мог оторваться от неутомимой армии.

— Мы уже убили очень много, а они продолжают идти, — тревожно сказал Ренн.

Оба волшебника стояли рядом. Натан думал о своих потерях, а не о потерях врага.

— Магия переноса Эльзы испепелила тысячи врагов на поле боя, но даже так они не заплатили достаточно высокую цену. — Натан покачал головой, краснея от гнева. — Она стоила больше, чем вся эта проклятая армия.

У другого волшебника были покрасневшие веки, а губы скривились в недовольной гримасе.

— А Лани? Она хорошо сражалась перед смертью?

— О да! — просиял Натан. — Добрые духи, во время нашей первой вылазки против генерала Утроса Лани своим даром заставила землю содрогнуться, в одиночку сровняв целые вражеские роты. Она произвела на меня большое впечатление.

Растрепанный волшебник вздохнул.

— Да, моя Лани была хорошим бойцом. Жаль, меня не было рядом.

Торн и Лайес часто отлучались, чтобы поохотиться на вражеских разведчиков и отставших. Морасит тщательно подсчитывали убитых ими врагов. Хотя эти потери мало ослабляли войско, тела, обнаруживаемые каждое утро, вызывали немалое волнение в большой армии.

У генерала Зиммера не было достаточно лошадей, чтобы все могли ехать верхом, поэтому к скрытому архиву многие ехали по двое. Он послал вперед одного гонца, приказав скакать как можно быстрее, чтобы Твердыня успела подготовиться. Впрочем, ученые уже должны были знать об угрозе генерала Утроса — Зиммер послал сообщение несколько недель назад, после того как они уничтожили экспедиционный отряд под Кол Адаиром. Натан надеялся, что к этому времени ученые, имеющие богатое воображение, найдут новые способы защиты...

У Натана остались тяжелые воспоминания об архиве, о Поглотителе жизни и колдунье Виктории, и о трагической утрате юной Чертополох. Натан знал, сколько могуще-

ственных магических знаний хранится в Твердыне, и был уверен, что там есть что противопоставить генералу Утросу, но он также знал, как легко эта сила может выйти из-под контроля. Он поклялся быть бдительным, когда они будут обыскивать пыльную библиотеку в поисках защитных заклинаний. Что могла сделать их группа против армии, которая противостояла всем волшебникам Ильдакара?

Твердыня так хитроумно спрятана, что древняя армия могла просто пройти мимо, и никакие разведчики не обнаружили бы изолированные каньоны и архив. Только на это и оставалось надеяться.

Пересекая один поросший лесом хребет за другим, они видели впереди покрытые снегом горы, за которыми лежали каньоны западного склона. Зиммер и аббатиса Верна поскакали вперед и оказались в просторной висячей долине среди густых лесов. Пред ними раскинулся широкий луг, усыпанный цветами, словно какой-то амбициозный художник использовал долину в качестве огромной палитры. У растений были острые листья, мясистые зеленые стебли и насыщенно-фиолетовые цветы с алыми прожилками.

Когда отряд вышел из леса на цветущий луг, Эмбер издала радостный крик и соскользнула с лошади.

— Они прекрасны!

Оливер и Перетта присоединились к ней.

— Я никогда не видела столько цветов, — сказала девушка.

Верна вышла на луг:

— Они действительно прекрасны.

Генерал Зиммер смотрел прямо перед собой, словно искал путь сквозь цветочное море.

— Мы должны взять несколько образцов с собой в Твердыню, — предложил Оливер.

Запыхавшиеся Натан и Ренн брели пешком, а солдаты уже столпились перед большим лугом. Натан чувствовал в воздухе аромат цветов. При виде такого количества распустившихся соцветий он ожидал услышать жужжание пчел, увидеть порхающих бабочек, но луг казался странно тихим.

Смеясь при виде этой красоты, Эмбер и Перетта вместе побежали к лугу, как дети, собирающиеся окунуться в океан. Натан почувствовал, как холод сжал его изнутри, и закричал:

— Стойте! Добрые духи, не ходите туда! — Но фыркание лошадей, голоса солдат и скрип доспехов заглушали его слова. Он глубоко вдохнул и закричал, используя дар, отчего в воздухе раздался раскат грома. — Стойте!

Одного этого громкого звука было достаточно, чтобы молодые люди остановились. Натан протиснулся сквозь толпу солдат к краю луга и в ужасе посмотрел на цветы.

— Я знаю эти растения. Это гибельные цветы, сильнейший из известных ядов. Одного цветка достаточно, чтобы убить дюжину взрослых мужчин. Как я рад, что успел остановить вас!

Солдаты натянули поводья лошадей. Эмбер и Перетта отступили, и никто больше не осмелился подойти ближе. Тряхнув длинными белыми волосами, Натан осторожно приблизился к лугу, и Ренн с любопытством последовал за ним.

— Никогда не слышал о гибельных цветах.

Орон подъехал к ним, гордо выпрямившись в седле, и насмешливо фыркнул.

— Мы прожили за городскими стенами полторы тысячи лет, Ренн. Много ли мы знаем о диких растениях?

Зиммер нахмурился, сидя в седле и глядя на цветочное море.

— Потребуется много времени, чтобы обойти луг стороной.

Словно приближаясь к ядовитому пауку, Натан наклонился к соцветиям, изучая лепестки, но не прикасаясь, — ярко-фиолетовые, прочерченные темно-красным, с золотистыми тычинками. Одно лишь прикосновение к любому из этих цветов привело бы к мучительной смерти.

— Император Джегань выращивал целые поля этих цветов, а затем испытывал яд на пленниках. Даже малейшего касания достаточно, чтобы вызвать сыпь, волдыри и ужасные нарывы. Еще немного больше — и ты умрешь.

Ренн почесал щетину на щеке:

— Здесь, должно быть, тысячи цветов.

Натан опустил голову, вспоминая большие темные глаза Чертополох и ее неизменный положительный настрой. Девочка съела один из губительных цветков, тем самым вынудив Никки убить ее, чтобы прекратить агонию. Никки оказалась перед ужасным выбором.

— Держите лошадей подальше, — сказал Зиммер и указал на край луга. — Пойдем вдоль деревьев на противоположную сторону, пока не дойдем до ручья, а потом будем держаться леса. — Он покачал головой. — Благодаря тебе, Натан, мы избежали опасности. Мы все были бы мертвы еще до того, как пересекли это поле.

Подбежавшие Морасит недоумевали, почему группа остановилась. Обе женщины не были впечатлены красотой цветов, но заинтересовались, когда узнали о смертельном яде.

Натан продолжал смотреть на луг, поглаживая пальцами подбородок и размышляя.

— Это очевидный путь через холмы. По крайней мере, часть армии генерала Утроса наверняка пройдет этим путем, — он одарил Ренна напряженной улыбкой. — Мы мог-

ли бы заманить сюда вражеских солдат и заставить их пройти через этот луг.

Глава 19

Оставаясь среди Прячущихся людей и обдумывая планы, Никки оправилась от последствий путешествия в сильфиде, и, наконец, дар набрал полную силу. Запертая в здании в дневные часы, она исследовала мрачные коридоры, в которых отражалось эхо ее шагов. Молчаливые обитатели, казалось, пребывали в таком же трансе, как и древний город. Аша, Кора и другие Прячущиеся давали лишь туманные ответы на вопросы об их жизни в Ороганге и наблюдениях за жисс.

— Это вы и делаете каждый день? — спросила как-то Никки, пока старуха ставила в вазу поникшие ночные лилии, чтобы разбавить освещенный факелами полумрак белыми всплесками. — Просто ждете и прячетесь? Неужели больше ничего?

— А что еще мы можем? — ответила вопросом Кора. — Мы не осмелимся уйти, иначе жисс распространятся повсюду. Мы должны сдерживать их, а они остаются здесь из-за нас. Таково наше предназначение.

— Достаточно ли этого после стольких столетий? — Взволнованная Никки погладила мягкие стебли лилий. — Изменится ли это когда-нибудь?

— Ничего не изменится, пока не будут уничтожены жисс.

— А это когда-нибудь случится?

— Не знаю, как не знали и мои бабушки. — Кора опустила голову. — Можем только надеяться, что когда-нибудь кто-то из наших детей избавит мир от этого бедствия.

— Я не могу ждать так долго, — сказала Никки. — У меня есть и другие неотложные дела.

Кора продолжала расставлять цветы, служившие бессмысленным украшением. Разочарованная Никки вернулась в свою комнату и легла на спину, планируя, как покинуть этот изолированный город без помощи сильфиды. Если Ильдакар снова укрылся под саваном вечности, то ничто не помешает генералу Утросу пронестись по всему континенту. А Никки заперта здесь и прячется от дневного света...

Она не заметила, что задремала, пока не очутилась среди ярких звериных мыслей. В состоянии сна ее тело изменилось, обретя форму рыжей кошки. Она кралась, глядя на мир глазами хищника. Запахи стали особым языком. Мрра!

Став частью разума песчаной пумы, Никки бежала без остановки, задыхаясь от усталости; подушечки больших лап стерлись и саднили. Она преодолела бесчисленные мили, мчась напрямик к цели, которая была так ясна в ее сознании: Мрра должна была найти сестру-пуму.

Никки оставила песчаную пуму, когда отправилась в сильфиде в Серримунди, но благодаря магическим узам эти двое оставались связанными. Четкого контакта не было уже так давно, что она боялась, как бы Мрра не разорвала связь. Большая кошка была отменным шпионом: бродила по периметру гигантской армии и передавала Никки все, что видела.

Никки поспешила выразить свою радость через магические узы. Она ощутила растущий трепет, когда поняла, что Мрра бежит, отслеживая ее в горах. Связь была слабой, но она знала, что пума недалеко. Мрра могла ощущать ее присутствие в своем сознании.

— Иди ко мне, сестра-пума! — прошептала Никки во сне.

Большая кошка зарычала на бегу сквозь лес. С помощью обостренных чувств Никки поняла, что Мрра сопровождают другие кошки. Когда-то давно песчаную пуму дрессировали укротители Ильдакара, обучая сражаться и убивать на боевой арене. С самого детства Мрра была связана с двумя другими песчаными пумами. Вместе они были трокой. Они сражались вместе, двигались вместе, объединенные душами. Когда Никки и ее спутники убили двух других кошек, Мрра была смертельно ранена и безутешна. Именно тогда Никки стала ее сестрой.

В своих одиноких странствиях Мрра встретила других больших кошек и приняла их в свой прайд. Хотя песчаная пума не понимала чисел, Никки чувствовала, что по крайней мере шесть или семь кошек бегут рядом с ней по горной местности.

— Иди ко мне, — пробормотала Никки в полусне, и Мрра в ее разуме взревела. Остальные пумы тоже подняли рев, и Никки погрузилась в глубокий сон, довольная тем, что они скоро воссоединятся...

Пробудившись несколько часов спустя, Никки, толком не оправившись после сна, отправилась в зал собраний, чтобы изучить рельефную карту и спланировать лучший маршрут через горы в Ильдакар, в Серримунди или в Танимуру. Она пыталась уговорить сильфиду, пообещав информацию об императоре Сулакане. Услышало ли серебряное создание? Ответа не было.

Пока Никки водила руками по карте, отыскивая возможные маршруты, в зал вошел один из мужчин в сером — угрюмый Сайрус, слишком веривший в легенду о генерале Утресе. Когда он увидел ее, выражение его лица сменилось чем-то средним между гневом и надеждой.

— Хотя ты дурно отзывалась об Утресе, мы уверены, что он жив. Он придет за нами, как и предсказывало пророчество.

— Ты слишком легко во все веришь, — сказала Никки. — Если б ты видел атаку генерала на Ильдакар, то не считал его так сильно.

— Император Керган приказал ему напасть на Ильдакар. Что еще ему оставалось делать? — Лицо Сайруса под складками серого капюшона стало недовольным. — Даже если он последовал не за тем вождем, Утрос — великий военачальник. Железный Клык давно мертв, и Утрос может стать истинным правителем, в котором мы всегда нуждались. Наши люди станут частью его новой армии. Мы ему нужны! Прячущиеся люди — великая армия. Мы так долго его ждали.

— У Утроса больше солдат, чем ты можешь себе представить, — возразила Никки. — Чем вы ему поможете? Толпы людей считают себя армиями, пока не столкнутся с настоящим врагом.

— Прошу за мной. — Сайрус посмотрел с вызовом. — Я покажу.

Покинув зал собраний, Сайрус заскользил по каменным коридорам, пока не остановился перед запертой кладовой. Мужчина сделал глубокий вдох и потянул на себя дверь. Темное дерево было таким старым, что казалось окаменевшим; петли заскрипели, и дверь неохотно отворилась.

Когда свет факелов разогнал тени, Никки увидела огромное помещение, заполненное сверкающими мечами на стойках — оружия было достаточно для многотысячной армии. По углам, точно кукурузные колосья, стояли копья. На полках были сложены изогнутые шлемы, а на щитах виднелся символ пламени Кергана.

Сайрус поднял один из мечей.

— Мы точим их и смазываем, чтобы быть готовыми к тому часу, когда генерал призовет нас на войну. Мы тренируемся по ночам, упражняясь в фехтовании перед его статуей. — Он выглядел напряженным. — Мы долго ждали, когда нас призовут, но это случится. Мы знаем! Учитывая рассказы о генерале Утресе, мы не сомневаемся.

— У вас должны быть сомнения, — проворчала Никки. Несмотря на свой скептицизм по поводу слепой веры этого человека, она восхитилась клинками и доспехами. — Вы многого не знаете о вашем герое.

— Я знаю все, что мне нужно знать, — оборвал ее Сайрус, — и мы готовы принять его.

Показав Никки арсенал, он выпроводил ее и закрыл дверь. Никки слышала, как в мрачных коридорах закрытых зданий шуршали одеждами Прячущиеся люди, их разговоры становились все громче. Солнце уже зашло, и люди снова могли свободно ходить по городу.

Глава 20

В закрытом трюме змеино-норукайского корабля разило потом, рыбой и страхом. Бэннон сгорбился на деревянной скамье, чувствуя, как кандалы словно челюстями сжимают запястья. Лязг тяжелых цепей был тише, чем стоны боли и страха. Бэннон заставлял себя оставаться сильным, ведь он продержался уже так долго.

Весла скрипели, пока рабы налегали на них, направляя змеиный корабль вниз по реке. Унылое биение барабана эхом отдавалось в трюме, где пленники из всех сил старались не отставать от ритма. Они усердно трудились, чтобы избежать кнута надсмотрщика, которому не терпелось начать день с показательных избиений.

Открытые люки в корпусе должны были впускать солнечный свет и воздух, но едва справлялись. Напоминание о дневном свете и свободе было просто еще одной из пыток норукайцев. Ладони Бэннона, сжимавшие скользкое от пота весло, покрылись волдырями. Вместо стона у него получалось лишь какое-то хриплое карканье. Он не знал даже, сколько времени осталось до того, как ежечасное ведро речной воды снова будет передано по кругу, и им в рот ковшом плеснут воду.

Мышцы на руках Бэннона трепетали до костей. Течение реки Киллрейвен тянуло вперед, и темные паруса ловили ветер, но король Скорбь настаивал на большей скорости, заставляя пленников потеть, истекать кровью и умирать, если придется. В то время как другие умоляли о пощаде, Бэннон не доставлял такого удовольствия покрытым шрамами налетчикам. Барабанный бой стал громче, и он напрягся, чтобы не отстать.

Их надсмотрщиком был угрюмый человек по имени Боско, склонный к метеоризму, чем только усиливал вонь в ограниченном пространстве под палубой. Его лицо покрывали татуировки и шрамы, но Боско был бы уродлив даже без увечий.

— Сильнее, черви! — проревел он, сидя под открытым люком. — Ленивые останутся голодными. Если хотите полуденного пиршества, то лучше нагулять аппетит. — Он рассмеялся, широко раскрыв обезображенный рот.

Желудок Бэннона сжался при мысли о тошнотворных рыбьих потрохах, которые ему плеснут в рот. Он голодал уже много дней и заставит себя проглотить пищу, несмотря на ужасный вкус.

Несчастный здоровяк, прикованный рядом, захныкал. Плечи его сгорбились и затряслись, а руки просто лежали на весле.

— Пожалуйста, гребь, — прошептал Бэннон, — помоги мне. Если они решат, что ты ленив, они отрубят тебе руки, а я не хочу, чтобы с тобой это случилось. — Мужчина вздрогнул, будто слова Бэннона были такими же острыми, как хлыст норукайцев. — Доверься, держись меня. Мы справимся.

Здоровяк мрачно ухватился за весло и потянул, хотя и не мог произнести ни слова. Этот мужчина, Эрик, был схвачен всего две ночи назад, когда змеиные корабли совершили набег на небольшую мирную деревню. Во время налета Мелок остался на палубе и подпрыгивал от возбуждения, наблюдая, как король Скорбь размахивает боевым топором и ведет за собой бойцов.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости! — прокричал альбинос и посмотрел на Бэннона так, словно слова имели особое значение.

С палубы главного корабля Бэннон наблюдал, как безжалостные норукайцы грабили и жгли поселение. Он жалел, что нет Крепыша или хотя бы палки, чтобы разбить лицо Мелку, или королю Скорбь, или корабелу Гаре, или надсмотрщику Боско. Сойдет любой норукаец.

Норукайцы разграбили поселение, захватили припасы, сожгли дома, убили детей, изнасиловали женщин. Они также пленили горстку сильных и здоровых мужчин, включая Эрика. После того как змеиные корабли снялись с места, Бэннон был рад узнать, что несколько норукайцев не вернулись: жители деревни, должно быть, оказали сопротивление. Теперь Бэннон и Эрик были прикованы к одной скамье, хотя у них было мало возможностей для разговора. Здоровяк был охвачен горем.

— Ты должен трудиться, чтобы они тебя не убили, — убеждал его Бэннон. — Я знаю, что все ужасно, и могу только догадываться о том, что ты потерял, но не сдавайся.

Надо искать возможность сбежать. Ты узнаешь, когда придет время.

Все еще всхлипывая, Эрик кивнул.

— Они все мертвы...

Бэннон попытался придумать, как придать бедняге сил.

— Своей смертью ты не вернешь семью. Норукайцы не потерпят неповиновения. Мы для них не более чем улов.

— Ненавижу их. — У Эрика были лохматые каштановые волосы, борода, квадратное лицо и широкие плечи. Налетчики убили его жену и двоих детей, но его самого пленили, потому что он выглядел сильным. — Я их ненавижу, — повторил он.

— У нас много общего. Пресвятая Мать морей, мы как-нибудь найдем выход. Держись меня и не сдавайся.

Над люком нависла тень, и король Скорбь что-то крикнул в трюм. Надсмотрщик прекратил барабанить, чтобы расслышать слова короля.

— Вы повержены. Вы — рабы. Вы служите норукайцам. Ваши жизни принадлежат нам, и мы можем забрать их, когда захотим, если вы не будете работать.

Закованные в цепи люди ссутулились на скамьях. Бэннон молчал, хотя вспышка гнева заставила его покраснеть. Эрик попытался подавить рыдания. Бэннону хотелось утешить его, но он мог предложить только пустую надежду и свой оптимизм. Себя же он успокоил обещанием, что убьет столько норукайцев, сколько сможет.

Боско поднял ковш чистой воды из стоявшего рядом деревянного ведра и отхлебнул, глядя на пленников, жадно смотревших на влагу. Без малейшего смущения он громко выпустил газы.

Скорбь свирепо посмотрел на надсмотрщика с верхней палубы.

— Почему ты перестал бить в барабан? Продолжаем движение.

Боско забил ритм быстрее прежнего.

После того как Скорбь отошел от люка, паучья фигура заглянула в вонючий трюм и стала спускаться по деревянной лестнице. Мелок прошмыгнул вниз, зашлепав босыми ногами по лужам.

— Гребем, гребем, гребем! Мы вниз по реке идем! Вы все будете скорбеть! — Он резко остановился, увидев прикованного к скамье Бэннона. Он засеменил к нему, чтобы поиздеваться, хотя ему самому это казалось беседой. — Ты любишь грести? Тогда живее!

— Я ненавижу грести, — сказал Бэннон, а затем подумал о Яне, а также о семье Эрика, и обо всех жертвах, которые налетчики оставили после себя. — Я ненавижу норукайцев. Понимаешь почему?

С серьезным лицом Мелок склонил голову на костлявой шее.

— Некоторые норукайцы не очень милы.

Эрик отпрянул от тощего альбиноса, но внимание Мелка было приковано к Бэннону. Он сел на край соседней скамейки, ерзая, чтобы устроиться удобнее, будто это был обычный день в парке, и они были двумя друзьями, ведущими приятную беседу.

— Я хочу, чтобы все норукайцы сдохли, — сказал Бэннон.

— Даже я? — спросил Мелок. — Я твой друг.

— Друг? — Бэннон перестал грести. — Я прикован здесь как раб.

— Я угощаю тебя рыбкой, — сказал Мелок.

— Ты даешь мне рыбы кишки.

— Влажные и нежные кишочки. — Он облизнул губы. — Они хороши! Я это ем.

— Оставь меня в покое. — Бэннон принялся грести, потому что это было лучше, чем слушать насмешки альбиноса.

Эрик застонал и шмыгнул носом.

Мелок нахмурился, словно его обидели:

— Если не нравятся рыбы кишки, я отдам твою порцию ему, — он с негодованием посмотрел на нового пленника.

От этой мысли Эрик застонал еще сильнее.

— Почему все время пристаешь ко мне? — спросил Бэннон, гадая, можно ли считать Мелка неким странным союзником. — Ты не видишь, как жесток король Скорбь, как жестоки вы все, какую боль причиняете.

Эрик нашел в себе мужество повторить слова Бэннона:

— Я ненавижу вас всех.

Остальные рабы тоже что-то пробормотали. Все они слушали.

Мелок был удивлен и заинтригован, как будто он и впрямь об этом раньше не задумывался.

— Почему? Почему вы ненавидите? — Судя по выражению лица альбиноса, он ждал ответа.

— Ты и правда не знаешь? — поразился Бэннон. — Ты не видишь, какие ужасные вещи вы творите?

— Ужасные? Мы — норукайцы. Мы созданы для этого, — он почесал обезображенную шрамами грудь. — Ты бы хотел, чтобы мы были другими?

— Да! — Бэннон не был уверен, что сможет достучаться до этого чудака. — Норукайцы пытались схватить меня, когда я был мальчишкой, но я убежал. Вместо меня они забрали моего друга Яна и продали его Ильдакару в качестве раба для боевой арены. Он провел всю свою жизнь, подвергаясь истязаниям и тренировкам.

— Ах, чемпион, — сказал Мелок.

— Раб!

— Если его схватили, почему ты его жалеешь? — недоумевал шаман. — Это значит, что он был слаб. Если он сражался на боевой арене, у него, должно быть, была славная жизнь. Я знаю об Ильдакаре. Да, да, Ильдакар! Теперь он исчез. — Альбинос нахмурился, оттопырив неровную нижнюю губу. — А чего ожидал твой друг?

— Ян ожидал нормальной жизни!

— Нормальной? — Мелок почесал растрепанные белые волосы. — Разве может быть жизнь лучше, чем у чемпиона? Возможно, вместо этого он мог бы стать норукайским воином. Была бы такая жизнь лучше?

— Нет! Он мог бы жить на острове Кирия. Он мог бы жениться, завести детей и жить в хорошем доме. — Бэннон вздохнул, горюя по утраченным надеждам своего друга.

Мелок грубо фыркнул:

— Слабость. Звучит как слабость. Думаю, он был сильным.

— Если б он остался дома, его бы любили, — сказал Бэннон. — Я любил его. Он был моим другом, и норукайцы забрали все это. У него была бы гораздо лучшая жизнь.

— Любовь... — Мелок нахмурился. — Не у всех есть любовь. Не у бедного Мелка. Все ли мы заслуживаем любви?

— Да, мы все заслуживаем любви, — сказал Бэннон, — даже если кто-то другой отнимает ее.

— Я никогда не знал любви. Мне этого не понять.

— Ты многого не понимаешь.

Шаман нашел это забавным и произнес нараспев:

— Любовь, любовь! Скорбь, Скорбь! Вы все будете скорбеть. Ко мне нет любви, я это видел. Никакой любви ко мне.

Мелок казался таким убежденным, что Бэннон ощутил странный миг извращенного сочувствия. Следы укусов и

грубые шрамы на белой коже делали внешность шамана отталкивающей.

— Почему продолжаешь докучать мне? — спросил Бэннон в отчаянии. — Почему я особенный?

— Топор рубит древесину. Меч рубит кости! — Мелок постучал по виску: — Потому что ты в моей голове. Может, поговорив с тобой, я изгоню тебя оттуда. — На мгновение он задумался. — Вы все будете скорбеть. Плыдем, плывем, плывем! — Словно услышав какой-то тайный свист, Мелок соскочил со скамейки. — Поговорим позже. А пока греби, греби, греби! Скоро снова выйдем в сверкающее море.

Оставив Бэннона в недоумении, альбинос побрел по нижней палубе, низко пригибаясь, хотя он был намного ниже балок. Он поднялся по лестнице на открытый воздух, а рабы с тоской смотрели ему вслед.

Глава 21

Адесса продолжала двигаться на север вдоль реки, русло которой постепенно расширялось, создавая лабиринт из болот, высоких тростников, медленных речушек и стоячих заводей.

Неся окровавленный мешок, она ступала по травянистым кочкам, торчащим из воды, иногда соскальзывая в вязкую грязь. Один раз она погрузилась в илистую жижу по пояс, но выкарабкалась, коря себя за неуклюжесть. Если не будет осторожна, она может потерять трофей. Она несла голову главнокомандующего волшебника много миль и много дней. Адессе не терпелось увидеть выражение теплой благодарности на лице Торы, когда откроет мешок и вытащит эту гниющую мерзость.

Пробираясь через болото, она чувствовала, как раздулась ноша у ее бедра. К этому времени голова Максима стала мягкой и податливой. В болоте было полно неприятных запахов, но сладкая тошнотворная вонь разложения облаком висела над ней. Она обошла стороной несколько рыбацких поселений на излуцинах реки, не желая ни вопросов, ни компании. Чем ближе она подходила к Ильдакару, тем опаснее становились болота и смертоноснее хищники. А сейчас она хотела двигаться как можно быстрее.

Она прижала пальцы к мешку, чтобы прикоснуться к слипшимся волосам своей жертвы и сочащейся жидкостью коже. На ткани появилось новое пятно гноя и порченной крови.

— Помнишь эти болота? — спросила она вслух. — Тот городок, где ты считал себя в безопасности? Кажется, он назывался Тарада. Я убила твоих последователей, а ты сбежал. — Она замолчала, ожидая, что его губы шевельнутся и заговорят. — Что? Не отвечаешь?

Уверенная, что в первый раз ей это не померещилось, она продолжала провоцировать дух волшебника прийти снова. Она точно знала, что глаза Максима открылись, что он действительно говорил с ней. С тех пор она держала голову в мешке, чтобы не дать ему снова ожить.

Но Максим не мог говорить с ней, потому что был мертв! Должно быть, это все ее воображение. И даже если волшебник вымолвит хоть слово, он уже потерпел поражение. Ему нечего ей сказать.

После наступления ночи Адесса разбила лагерь на пригорке из бурой травы и торфа, где можно было поспать. Поставив мешок на спутанную траву, она нашла мертвый болотный дуб с достаточно трухлявой древесиной, чтобы можно было наломать веток, а также собрала хворост и сухую траву для костра. Оранжевое пламя было единствен-

ным источником света поблизости. Адесса слышала жужжание болотных насекомых, крики ночных птиц и шорох ползучих гадов, которые охотились в темноте. Скрестив ноги, она сидела на замшелом камне — не особо удобном, зато твердом. Адесса не нуждалась в комфорте.

Она очистила толстый тростник и поджарила нежную съедобную мякоть. Днем она нашла ягоды и даже убила метательным ножом маленького болотного зайца, которого теперь освежевала и зажарила. Этого было достаточно для утоления голода.

Голова Максима по-прежнему была завернута в мешок, но Адесса не могла оторвать от нее глаз. Она видела только бугристые очертания под тканью, но знала, что он смотрит на нее железяными глазами. Его пухлые лиловые губы кривились в насмешливой улыбке.

Она слышала шепот среди монотонных болотных звуков:

— От меня не спрячешься, засунув меня в мешок.

— Ты не можешь говорить.

— Тогда почему ты мне отвечаешь?

— Ты мертв.

— Я не оспариваю этот факт.

— Так перестань говорить со мной! — Адесса так яростно вгрызлась в жареную кроличью ножку, что перекусила кость. Она выплюнула твердые осколки.

— Я все еще главнокомандующий волшебник. — Голос Максима был приглушен мешком. — Удивительно, но ты сумела меня обмануть. Это был единственный способ убить меня, но я все еще обладаю огромной силой, которую ты не можешь понять.

Адесса метнулась, распахнула мешок и вытащила голову.

— Замолчи!

Его почерневшая кожа обвисла как-то неправильно, и сочащиеся глаза стали яркими и живыми, обращаясь к ней.

— Я просто подумал, что тебе захочется поговорить. Не нужно грубить. На болотах одиноко, и у тебя нет другой компании. — Жуткое лицо ухмыльнулось. Один из расщепленных зубов вывалился из десны и упал в траву. — Мои многочисленные любовницы говорили мне, что я очень приятный собеседник.

— Я не желаю с тобой разговаривать.

— Я знаю, чего ты боишься, дорогая Адесса. Ты боишься сойти с ума.

— Я не безумна!

Губы Максима приоткрылись.

— Стала бы здравомыслящая женщина разговаривать с гниющей головой посреди болота? — Его улыбка стала шире, так что разлагающаяся кожа треснула, и желтоватый гной потек на козлиную бородку. — Стала бы здравомыслящая женщина слушать ответы мертвеца?

Она отнесла мерзкий трофей к протоке с медленным течением рядом с пригорком и погрузила туда голову.

— Теперь тебя не будет слышно, — она встала, довольная собой.

Сквозь прозрачную воду она видела, как на нее смотрят глаза Максима, но из его рта не исходило ни звука.

Удовлетворенная, она вернулась к трапезе, доела кролика с горстью ягод, но не могла перестать думать о своем трофее. Она беспокоилась о разлагающейся голове под водой. А если течение окажется сильнее, чем она ожидала? Вдруг его унесет?

Она опустила на колени, чтобы проверить голову. Адесса встревожилась, увидев полдюжины бурых мальков, кусающих разлагающееся лицо. Маленькие рыбки бросились клевать открытые глаза, лакомясь кусочками гнилой

плоти. Если рыба сожрет то, что осталось от главнокомандующего волшебника, у Адессы не останется ничего, кроме черепа, чтобы показать властительнице Торе!

С отвращением она опустила руку в воду, и рыбки устремились к зарослям тростника. Схватив голову за волосы, она вытащила ее и положила на траву. Вода смыла с его кожи некоторые пятна, но Максим не стал более привлекательным.

Оказавшись на воздухе, он открыл рот и продолжил разговор, будто его и не прерывали.

— Ты не вернешься в Ильдакар.

Она фыркнула.

— А еще ты говорил, что я никогда не убью тебя, и все же мне удалось.

— Это другое. Я уже говорил тебе, что сейчас Ильдакар пал. Волшебники возвели саван вечности, и город исчез. У тебя нет дома.

— Я все равно пойду туда. Я тебе не верю.

— Даже если придешь туда, ты ни за что не найдешь Тору, — продолжил насмехаться Максим. — Увы, моя дорогая жена уже мертва. Ее дух сейчас в подземном мире — я сам видел. Владелец был очень рад ее заполучить. Думаю, у него много общего с этой неприятной сукой.

— Ты лжешь! — Мысль о смерти властительницы ранила сильнее, чем любые другие его заявления. — Лжешь!

— Бедная Адесса, разве я в том положении, чтобы не знать? В конце концов, я тоже мертв, как ты сама мне напомнила.

— Тогда оставайся мертвым. Хватит болтать.

— Мертвые уже не те, что были, и я проходил туда и обратно сквозь завесу. Мы, высокомерные волшебники Ильдакара, сами нанесли ущерб порядку вселенной, превратив генерала Утроса и его армию в камень. Мы украли все эти

души у Владетеля и удерживали их столетиями. Саван вечности также скрывал нашу знать от потока времени. Но Владетель терпелив. Он потребует то, что ему причитается. Он придет и за тобой, Адесса.

— Владетель всегда приходит, — сказала она. — Ты меня не напугаешь.

— Может, я все-таки останусь составить тебе компанию. Или, быть может, я смогу привлечь внимание Владетеля и заставить его прийти за тобой прямо сейчас.

— Замолчи!

Максим рассмеялся.

— Перестань смеяться! — Адесса сама не заметила, что кричит или даже визжит.

Мысли пульсировали в ее голове, и темное внутреннее сомнение заставило задуматься о своем здравомыслии. Главнокомандующего волшебника и его коварных насмешек было бы достаточно, чтобы свести с ума любую Морасит.

Костер потрескивал и шелкал, когда пламени попадался влажный участок дерева. Дрожа от гнева, Адесса запихнула голову обратно в мешок, надеясь, что это заткнет ему рот.

— Можешь гнить там в темноте.

Она услышала шелест в ближайших кустах и всплеск воды: приближался кто-то большой. Насторожившись, Адесса схватила короткий меч и встала у костра. Это не было похоже на болотного оленя или медведя. Она думала, что костер отпугнет крупных хищников. Она присела, не издавая ни звука и прислушиваясь.

В круг света от костра бесстрашно шагнула стройная женщина, забрызганная грязью. Адесса была поражена, узнав скудный черный кожаный наряд, защитные руны на коже и светло-каштановые волосы.

— Не ожидала тебя найти, — сказала Ли́ла, — но мне нужна твоя помощь.

Глава 22

Когда покрывало тьмы опустилось на руины Ороганга, двери дворца снова открылись. Прячущиеся люди выполняли те же задачи, что и бесчисленные поколения до них, не приближаясь к победе над жисс.

Никки исследовала улицы в поисках чего-нибудь полезного. Она осознавала опасность кровожадного облака, но не могла оставаться. В отличие от Прячущихся, Никки не могла удовлетвориться простым ожиданием. Поскольку сильфида отказалась отвечать, нужно было взять припасы и отправиться в путь пешком. Путешествие займет много дней или недель, но это был единственный вариант, если она надеялась хоть как-то перехватить генерала Утроса и его армию.

Перед статуей генерала группа из двадцати мужчин и женщин практиковалась с мечами из оружейного хранилища. Никки скептически наблюдала за ними. Они очень долго фехтовали друг с другом, используя одни и те же навыки и движения, но никогда не сражались с реальным противником. Она понимала, что если Сайрус и его ревностные последователи действительно присоединятся к Утросу, то они станут ее врагами. Они не понимали своих легенд.

Никки всю ночь обыскивала широкие улицы, площади, пустые проходы и переулки. Колодец сильфиды оставался безмолвным. Чаша амфитеатра была похожа на глубокий кратер посреди города, и Никки стояла на краю, глядя вниз. Она представила, как Керган там, внизу, живьем сдирает кожу с Мэджел, а затем запускает плотоядных жуков в ее

раны. Неудивительно, что люди восстали и свергли его, снесли его высокую статую.

Внезапно она ощутила присутствие мощного и опасного существа. Она выхватила из-за пояса кинжал, когда коричневая тень перепрыгнула через поваленную мраморную колонну. Большая кошка бросилась к ней, и Никки ахнула, широко расставив руки. Песчаная пума с восторгом боднула ее, чуть не повалив, затем лизнула лицо шершавым языком. Смеясь, Никки обвила руками шею Мрра. Отстранившись, кошка прошлась вокруг нее, потерлась мехом о черное платье Никки, чуть снова не сбив с ног. Из груди раздавалось зловещее мурлыканье.

— Мрра, ты вернулась! — Никки крепко обняла крупную хищницу. Она многое потеряла, прошла через серьезные испытания, но одним лишь своим присутствием сестра-пума придала ей уверенности. — О, Мрра! Не могу даже представить, какое огромное расстояние ты преодолела. — Она прижалась щекой к мягкому меху.

Когда Никки заметила еще какое-то движение на краю площади, то поняла, что в город вошли другие кошки — дюжина или больше. Их глаза горели в тенях руин, но они не рисковали приблизиться, хотя Мрра убедила их присоединиться к ее прайду.

— Люди в этом городе — мои друзья, Мрра, — объяснила Никки. — Союзники. Твои песчаные пумы не должны причинять им вреда. Они не добыча. — Она сосредоточилась сильнее, надеясь, что Мрра сможет передать предупреждение другим пумам.

Никки услышала, как Прячущиеся по всему городу заговорили громче, и увидела слабое свечение, очертившее горы на востоке. Заря. Вспомнив, что случилось с двумя несчастными оленями, она встревожилась.

— Мрра, нам нужно уйти внутрь. Ты можешь укрыться во дворце со мной и моими друзьями. — Она притянула пуму за шею. — Но ты должна сказать остальным, чтобы они спрятались. — Она вызвала в своем сознании образ смертоносного роя жисс, который появится с восходом солнца. При обычных обстоятельствах песчаные пумы спали бы весь день в каком-нибудь темном укрытии, но она должна была их предупредить. — Скажи им, Мрра! Это очень важно.

Когда сестра-пума зарычала, другие кошки подернули хвостами, бросив последний взгляд на Никки, и кинулись в руины в поисках темного убежища. Никки поспешила вместе с Мрра ко входу во дворец. Кора и Прячущиеся люди с тревогой смотрели на хищника, держась поодаль.

— Она моя. Она не причинит вам вреда.

Люди в сером расступались, когда она вела Мрра к защищенным коридорам. Солнце еще только собиралось выглянуть из-за гор. По всему разрушенному городу были возведены баррикады, входы в здания закрывались, чтобы спрятать людей от солнца. В спешке Прячущиеся люди закрыли двери дворца.

В последнем проблеске света Никки увидела кружащее черное облако, вливающееся в Ороганг, как миллион ос. Мрра зарычала, и Никки держала сестру-пуму, пока Прячущиеся запирали дверь.

* * *

Дикой кошке не нравилось заточение в каменных стенах. Мрра преследовали жуткие воспоминания об истязаниях, которые главный дрессировщик Айвен называл обучением. Через магические узы Никки видела вспышки воспоминаний о том, как котенок царапает и кусает железные прутья своей клетки. Мрра и ее сестры-пумы были свободны толь-

ко тогда, когда их выпускали на кровавый песок арены. Сейчас же ей очень хотелось оказаться снаружи. Но Никки знала, что жисс сделают с любым живым существом. Она погладила рыжеватый мех пумы, проведя кончиками пальцев по шрамам от рун.

— Мне нужно, чтобы ты была в безопасности. Доверься.

Сегодня Прячущиеся казались напряженными и напуганными, но это никак не было связано с большой пумой, запертой вместе с ними. Они готовились сделать то, чего Никки прежде не видела. Группа людей, тихо переговариваясь, двинулась к забаррикадированному входу. Юная Аша поймала взгляд Никки и поспешила к толпе нервных мужчин и женщин в серых одеждах.

Заинтригованная Никки последовала за ними к закрытой главной двери, где в одиночестве стоял лицом к толпе мужчина средних лет. У него было усталое выражение лица и печальные карие глаза. Он собрался с духом и съел полную горсть мясистых ядовитых грибов, будто желая придать себе сил.

Прячущиеся люди смотрели на него с почтением. Несколько человек тронули его за руку.

— Спасибо, Кэл.

— Мы ценим тебя, Кэл, — говорили другие.

Женщина в серой одежде поцеловала его в щеку:

— О, Кэл... — Она не могла подобрать других слов.

Никки не понимала, что происходит. Кэл проглотил ядовитые грибы и повернулся к баррикаде, словно в трансе. Двое мужчин поднимали перекладину, когда он, дрожа, стоял у двери.

Никки поняла, что они собираются выпустить этого человека на дневной свет. Хвост Мрра заметался, из ее горла донеслось низкое рычание, но Никки положила руку на спину пумы, успокаивая.

— Что он делает? — спросила она Кору. — Вы выпускаете его? А как же жисс?

Старуха повернулась к ней, и Никки увидела слезы на морщинистых щеках.

— Нам приходится делать это каждый месяц. Это единственный способ держать жисс под контролем.

Мужчины с силой потянули на себя тяжелые двери и распахнули их, позволяя солнечным лучам пролиться во мрак.

Кэл повернулся к собравшимся:

— Прощайте. Я... — Голос его дрогнул. Он устремился в яркое утро, натянув капюшон на голову, как человек, выходящий под ливень.

Прячущиеся люди придвинулись поближе, чтобы посмотреть. Отойдя от огромного здания, Кэл замер, стоя на открытом солнце, полный удивления. Медленно повернувшись, он откинул капюшон и поднял лицо к небу, щурясь от слепящего солнца и упиваясь теплом.

— Что он делает? Почему он жертвует собой? — Никки едва боролась с желанием протиснуться мимо этих людей и броситься спасти его. — Чего он добивается? Жисс съедят его.

Кора прищурилась:

— На это мы и рассчитываем.

Мужчина спокойно дошел до центра площади, оказавшись рядом с опрокинутой статуей Кергана. Он снял серые одежды и отбросил прочь. Кожа его была молочно-белой, полупрозрачной, а лицо выражало восторг. Он раскинул руки, чувствуя, как солнечный свет касается его обнаженной груди.

— Это моя награда! О, как славно солнце!

Люди внутри затихли, когда Никки услышала жужжание, от которого у нее заныли зубы и позвоночник. Мрра зары-

чала громче и прижала уши к голове. Двигаясь среди высоких зданий, как бесформенный хищник, приближался черный рой из многих тысяч пятнышек. Кэл не открывал глаза, упиваясь солнцем и отказываясь смотреть на смертоносное облако. Рой закружился и сжался в клубок, затем покатился вперед, набирая скорость.

— Его высосут досуха, — сказала Никки. — Ты сказала, если жисс будут питаться человеческой кровью, их численность резко возрастет.

— Не с нашей кровью. — Кора указала наружу. — Смотри.

Взбудораженное ненасытное черное облако приближалось к жертве. Кэл повернулся к нему лицом и сжал кулаки. Он издал вызывающий крик, когда жисс окутали его, облепив тело, как было с двумя несчастными оленями. Спустя несколько мгновений мужчина превратился в смутную человеческую фигуру, закутанную в черное.

Размахивая руками, Кэл упал на колени, а затем рухнул лицом вниз на каменные плиты. Еще больше жисс атаковали его, чтобы напиться крови. Жужжание становилось все громче, словно надвигалась гроза.

Наедаясь, отдельные пятнышки поднимались с тела, как крупные капли дождя. Облако стало темно-красным и отяжелело от крови Кэла. Но вместо того, чтобы улететь, как это было в случае с оленями, крапинки поменяли цвет. Багровое от крови Кэла облако принимало жуткий коричневато-фиолетовый оттенок. Сотни, тысячи жисс вздувались, тряслись, словно дрейфующие гнойники, и взрывались в воздухе, разбрызгивая темные пятна по площади. Все жисс, которые испробовали крови Кэла, разбухали и умирали.

— Поскольку мы всю жизнь питаемся ядовитыми грибами, наша плоть и кровь для них смертельны, — объяснила Кора. — По отдельности у жисс нет разума, только ин-

стинкт. Вот как мы держим рой в узде. Кэл только что уничтожил большую их часть. Каждый месяц мы выбираем новую жертву, чтобы ограничить рост облака. — Старуха продолжала с тоской смотреть на солнце. — Жисс на какое-то время усваивают урок, а потом забывают.

Никки смотрела, как мерцающее черное облако рассеивается, а уцелевшие жисс бесцельно улетают прочь от иссохшего тела.

— Все поколения до нас приносили себя в жертву, — продолжала Кора. — Когда-нибудь я вытащу меченый жетон и выйду отдать свою жизнь, как это сделал Кэл. Мы только надеемся, что нас в Ороганге будет достаточно, чтобы помешать жисс рыскать где-нибудь еще.

Когда часть черного облака направилась к дворцу, Прячущиеся люди закрыли дверь и опустили перекладину на место.

Подошла Аша, глаза ее сверкали.

— Это наш клятвенный долг, даже если никто не знает, что мы делаем.

— Теперь я это знаю, — сказала Никки. — Но вам неизвестно, как их уничтожить. Если вы намерены сделать это, почему бы вам не послать сразу пятьдесят человек в качестве жертвы? Если каждый из вас уничтожит столько жисс, сколько уничтожил Кэл, то, несомненно, это истребит весь рой.

— Мы пробовали много раз, — сказала старуха, качая головой. — Некоторое число жисс удалось одурачить, но другие улетали. Многие из нас погибли, а черное облако до сих пор возвращается.

Аша потянула Никки за руку, с мольбой глядя на колдунью. На бледных щеках девушки виднелись дорожки слез.

— Ты великая колдунья, Никки. Ты можешь помочь? Можешь найти способ уничтожить жисс? — Она опустила голову. — Или просто оставишь нас?

Совсем недавно Никки начала терять терпение от этих мрачных пассивных людей и почти решила отправиться в путь пешком. Она не могла игнорировать угрозу, исходящую от генерала Утроса, но теперь по-другому посмотрела на опасность, исходящую от жисс. Если смертоносное черное облако когда-нибудь покинет разрушенный город и распространится, поглощая деревни и каждый раз удваиваясь, то весь мир покроется черным кровососущим саваном.

Никки вспомнила слова, что ведьма Рэд когда-то написала в книге жизни Натана: «*А колдунья спасет мир*». Она согласилась на эту миссию по своим собственным причинам. После того как Ричард открыл ей другой взгляд на жизнь, другую роль, которую она может сыграть, ее сердце из черного льда растаяло достаточно, чтобы позволить себе любовь и долг.

Колдунья спасет мир.

Никки увидела робкую надежду на их лицах.

— Я найду способ. — Она не позволила сомнению проникнуть в ее голос или в сердце. Когда Никки решалась на невозможное, обычно у нее все получалось. — Я найду его.

Глава 23

Генерал Утрос в сопровождении тысячи всадников направлялся на север в поисках утраченной столицы. Он ехал на внушительном вороном коне, сидя в черном седле из тисненой кожи с полированными латунными шипами.

Утрос сохранял довольно быстрый темп, выискивая старые имперские дороги, которые пострадали от времени.

Они проходили по этой местности пятнадцать столетий назад, но детали ландшафта были свежи в его памяти.

— Кажется, это было лишь несколько месяцев назад, возлюбленный Утрос, — сказала Ава, ехавшая рядом на гнедой кобыле. Лысая колдунья с разрисованной кожей прямо сидела в седле, погрузив пальцы в гриву лошади. Свободное синее платье трепетало на ветру.

Рува ехала на такой же кобыле по другую сторону от Утроса.

— Но теперь дороги заросли, а покоренные нами земли покрыты лесами.

— Мы завоюем их снова. — Утрос сунул пальцы под золотую маску, вытирая пот. Он прищипорил жеребца. — И на этот раз я сделаю это от своего имени, а не для Железного Клыка.

Пятнадцать веков назад его огромная армия медленно маршировала по континенту, покоряя город за городом. Некоторые недалёковидные лидеры сопротивлялись, но все они умерли. Кроме того, поверженные правители показывали остальным урок. Утрос следил, чтобы их казнили самыми отвратительными и болезненными способами: неторопливо потрошили или сжигали заживо на медленном огне, пока они не превращались в подобие закопченных на зиму оленьих колбасок. Рассказы о его зверствах распространялись стремительно, подавляя мысли о сопротивлении у тех, кто хотел выступить против него.

Это была просчитанная стратегия — в отличие от Железного Клыка, Утрос не был садистом и не наслаждался чужой болью, но понимал военную необходимость таких действий. После нескольких ужасающих казней другие лидеры стали сдаваться довольно быстро, и тем самым Утрос сохранил множество жизней. Армия продвигалась все дальше, легенды о ней распространялись, и он легко захватывал по-

следующие города с минимальным кровопролитием. Даже большие окруженные стенами цитадели открывали свои врата, когда его армия проходила поблизости.

До тех пор, пока он не дошел до самой сложной цели — Ильдакара.

Теперь солдаты под лучами палящего солнца возвращались в свою утраченную столицу. Многие воины были призваны в армию из завоеванных городов и никогда не видели Ороганга, в то время как другие были закаленными бойцами имперской армии, которые обучались в величественном столичном городе. Дома они оставили свои семьи, сестер, жен и любовниц — все они давно умерли, да и сами солдаты должны были давно умереть, если бы не был нарушен естественный порядок вещей. Эти солдаты помнили Ороганг, и Утрос ощущал их волнение, когда они ехали к знакомым серым горам. Все осознавали, что миля за милей приближаются к цели.

Он думал о громадном дворце Кергана, о его башнях и знаменах, о хрустальных окнах, о площадях и статуях, о глубоком амфитеатре, из которого император обращался к толпам горожан. Огромные бронзовые колокола трезвонили, знаменуя каждое заявление Кергана. Захваченные города и королевства посылали дань, и полная казна покрывала расточительность императора.

Колдуньям не терпелось увидеть город собственными глазами.

— Мы с сестрой видели только свою деревеньку, — сказала Рува.

— Ороганг величественнее Ильдакара? — спросила Ава.

— Ороганг это Ороганг, столица моей империи. — Утрос выпрямился. — Разумеется, он величественнее. — Сосредоточив взгляд на линии гор, до которых оставалось еще немного дней пути, Утрос продолжил: — Я часто представлял,

как вернуться в Ороганг с докладом о триумфе. Я был уверен, что император Керган вознаградит меня за победу. — У него стало тяжело на сердце, и он не смог говорить дальше. Его поглотило сожаление. — Я сделал это для него. Преданность сильнее любви.

— Ты сделал это ради Мэджел, — добавила Ава. — Не обманывай себя, возлюбленный Утрос. Мы знаем тебя и твое сердце.

Утрос смотрел вперед, сидя на спине черного жеребца.

— Да, ради нее, — прошептал он. — Владелец и духи...

Хотя он знал, что их страсть запретна, даже во время самых кровавых битв он думал о ней, о ее мягкой коже, длинных черных локонах, карих миндалевидных глазах. Железный Клык был его императором, а Мэджел была его любовью.

Он задрал подбородок и резко произнес:

— Я сделал это и для него тоже. Я поклялся в преданности и верно служил своему императору.

Честь была его доспехами, щитом, который ограждал его от нерешительности, но именно она мешала разглядеть в Железном Клыке неспособность править, вздорность и злобу. Неудивительно, что жена Кергана искала утешение в объятиях другого. Мэджел действительно любила Утроста, но столетия в преисподней изменили ее. Через кровавую линзу колдуний он видел лишенную кожи Мэджел, с содранным лицом, обнаженными зубами и налитыми кровью глазами. Разговаривая с ним через завесу, дух Мэджел отверг Утроста и подтвердил свою верность тому, кто сотворил с ней все эти ужасы. Утрос знал, что его дорогая Мэджел не просто умерла, а мертва для него навсегда.

Он все никак не мог избавиться от этих мыслей. После последней битвы за Ильдакар, когда его армия понесла сокрушительные потери, злобный дух императора Кергана

насмехался над ним из преисподней, и Утрос разбил кровавую линзу, навсегда разорвав контакт с Железным Клыком и Мэджел. Теперь он был сам по себе, и его решимость не поблекла — просто изменился мотив. Он все еще намеревался захватить земли, но теперь не для императора.

— Не знаю, что мы найдем в Ороганге, — сказал Утрос, когда они въехали в холмистую местность. — Я солдат империи, что бы от нее ни осталось. Железный Клык был ужасным лидером, но если нынешний император достоин, то я присягну ему в верности. Если же он недостоин... — Утрос посмотрел на двух женщин, которые взирали на него с обожанием. — Если нет, то я объявлю трон своим, как и должен был поступить много лет назад.

* * *

Ночью, когда армия разбила лагерь в редкой березовой рощице, Утрос пытался заснуть в командном шатре. Закрыв глаза, он размышлял об Ороганге. Столичный город определенно разросся за века, но он узнает башни и внушительные здания. Вспомнит ли хоть кто-нибудь генерала Утроса спустя столько веков? Волшебник Натан сказал, что его имя легендарно, но что произошло в империи за это время?

Ава и Рува остались снаружи; они сидели у костра и бросали в пламя порошки, посылая особый дым к спящим солдатам, чтобы укрепить заклинание сохранения. Охотники убивали оленей, коз, кроликов и белок — что угодно, лишь бы прокормить ненасытное войско. Некоторые самые отчаявшиеся солдаты срывали с деревьев листья, ели толстые стебли растений и даже высокую траву. Как только сопровождавшая его армия доберется до Ороганга, они смогут наесться вдоволь и пополнить припасы. Утрос крепко держался за эту мысль.

Ороганг... В его воображении столица была потрясающе прекрасной. Там располагался роскошный дворец, где были трон, залы для пиров, палаты для собраний и высокие балконы, с которых Железный Клык отдавал приказания подданным. Помнил он и укромные комнатки, в которых они с прелестной Мэджел проводили часы, упиваясь друг другом, лаская и целуя без опасений, что их найдут...

Лежа на походной постели, он дотронулся до твердого шрама на левой щеке. Золотая маска покоилась на деревянном столе неподалеку. Собственное отвратительное лицо напоминало ему о том кошмаре, через который пришлось пройти Мэджел.

Но в его воспоминаниях она была прекрасна, а он сам — симпатичен.

Он заснул, но пробудился посреди ночи; луна освещала безмолвный лагерь. Из-за пределов шатра доносились лишь негромкие шорохи, которые издавали спящие солдаты и лошади. Открыв глаза, он с изумлением обнаружил, что рядом стоит женщина. Он видел ее силуэт в тусклом свете костров, проникавшем через ткань шатра. Длинные темные волосы ниспадали ей на плечи. Он узнал стройную фигуру, изгиб бедер и узкую талию.

— Мэджел? — Утрос рывком сел.

Она прижала палец к его губам и подошла ближе. Подняв руки к груди, она развязала завязки тонкого платья и, поведя плечами, позволила одежде соскользнуть на пол. Ее полная грудь с карамельными сосками имела округлую форму. Каким-то образом свет стал ярче, чтобы он мог разглядеть ее кожу, знакомую родинку под левой грудью и рубин, украшавший пупок.

— Мэджел? — с благоговением прошептал он.

— Возлюбленный Утрос. — Она склонилась над ним, целуя гладкую кожу лба над шрамами.

Он чувствовал запах ее теплого дыхания.

— Это не можешь быть ты.

— Я здесь, если ты этого хочешь, — ответила она. — Ты должен был умереть столетия назад, как и я, но правила изменились. Прими это. — Она надавила на его плечи, заставляя лечь на спину. Она ласкала его грудь, играя пальцами с кудрявыми волосками.

— Я видел тебя в кровавой линзе, — сказал он. — Видел твое лицо.

— Мое лицо прекрасно, как и твое. — Она поцеловала его в губы, заглушая остальные вопросы.

Мэджел забралась на него, и он обхватил ее талию большими руками, ощущая реальность этой прекрасной женщины. Хлынул поток воспоминаний о том, как они занимались любовью, но на этот раз он испытывал лишь радость и облегчение, не омраченные страхом быть пойманными. Мэджел каким-то образом вернулась из преисподней и была здесь, с ним.

Он запустил руки в ее волосы, притянул к себе лицо и снова жадно поцеловал. Мэджел замурлыкала ему на ухо, а потом протянула руку вниз и погладила его бедро. Она подтолкнула его ноги, чтобы усесться сверху. Он застонал, проникнув в нее, и ее улыбка наполнилась восхищением экстаза. На мгновение — всего на мгновение — Утрос позволил себе упиваться мечтой. Он был уверен, что это реально, хотя и не понимал, как такое возможно.

— Это то, что тебе нужно, возлюбленный Утрос, — сказала Мэджел, начиная раскачиваться взад-вперед.

Он провел руками по ее спине, лаская ее. Возлюбленный Утрос...

Мэджел никогда так его не называла. Она дала ему прозвище «мой командир». Когда они хотели немного грубо-сти, то она просила командовать ею. Ее поведение казалось

неестественным, движения не были знакомым слиянием тел, как в те многие разы, что они наслаждались друг другом. Возлюбленный Утрос.

Он схватил ее за плечи и пристально посмотрел.

— Ты не Мэджел.

— Я могу ею быть, — сказала она.

— Ты не Мэджел! — Он оттолкнул женщину в сторону.

Женщина соскользнула с него и отступила. Когда она подняла руки, ее тело изменилось; она осталась стройной и красивой, но кожа стала бледной, покрытой разноцветными пятнами. Длинные волосы исчезли. Пред ним стояла обнаженная Ава, водившая пальцем по нарисованному краской заклинанию на плоском животе.

— Я знаю, чего ты хочешь, возлюбленный Утрос. Посредством меня или моей сестры ты можешь снова получить Мэджел, когда захочешь.

— Я никогда не смогу снова ее получить! Мне не нужна имитация. Моя Мэджел была убита собственным мужем. Ее дух заперт в преисподней, и она отказалась от любви ко мне, чтобы остаться с ним.

— Я просто пытаюсь дать любовь, в которой ты, кажется, нуждаешься. — Она участливо протянула руку, но Утрос оттолкнул ее.

— Мне не нужна любовь, — заявил Утрос. — Мне нужна победа, и именно этим я и собираюсь заняться. — Он ощущал сильную злость и разочарование, но знал, почему Ава так поступила. Он не мог ненавидеть ее за это. — Ты и Рува нужны мне. Вы обе мне совершенно необходимы, но мне не нужно от вас... это. — Он указал на ее прекрасное тело.

— Как пожелаешь. — Ава отступила к выходу из шатра и остановилась в тусклом свете, обнаженная и мучительно прекрасная. — Просто помни, что мы с сестрой дадим все, что тебе нужно.

Глава 24

Когда основные силы древней армии начали подниматься в горы, Натан с остальными защитниками строили планы, как использовать поле гибельных цветов. Разведчики генерала Зиммера отправились оценить положение вражеских сил и докладывали о том, как те продвигаются к лугу. Торн и Лайес забавлялись, убивая отбившихся солдат, и тем самым спровоцировали авангард броситься на них.

Ожидая, когда можно будет захлопнуть ловушку, Натан осматривал море ядовитых цветов и деревья позади него. Цветы были прекрасными, а оттенок столь же насыщенным, как тишина — мертвая тишина. Обширный лес по ту сторону луга переходил в предгорья.

Он вспомнил, как наивный Бэннон наткнулся на обманчиво прелестные цветы и преподнес Никки маленький букетик, надеясь снискать ее расположение. Узнав ядовитые цветы, Никки спокойно прочитала юноше лекцию о смертельных листьях, стеблях и соцветиях и сообщила, что даже капля сока или раздавленный цветок способны убить. Бэннон в ужасе выкинул цветы, радуясь тому, что случайно не дотронулся до сока. Он тогда нашел лишь несколько цветков, а на этом поле их были тысячи.

— Растения убьют многих, — сказал Натан аббатисе Верне, — если мы вынудим врага пробежать через луг.

— Представляю, какая это ужасная смерть, — сказала она.

— Самая ужасная из тех, что можно вообразить, — задумчиво проговорил Натан, поглаживая подбородок. — А я могу вообразить много ужасных способов.

— Они это заслужили, — прорычал Ренн. В его глазах все еще стояла печаль. — Я хочу, чтобы все они прошли через этот луг и кричали, умирая. Надеюсь, генерал Утрос и его колдуньи тоже здесь. Они убили Лани.

Зиммер, нахмурившись, шагнул к ним:

— Генерал Утрос и обе колдуньи ушли в другом направлении. Согласно докладам разведчиков, сейчас войском руководит первый командующий Енох. — Он мрачно усмехнулся. — Мы узнали это, потому что две наши подруги Морасит очень любят жестко допрашивать захваченных разведчиков.

Натан и Верна стояли на краю смертоносного поля.

— Армия пройдет через эту висячую долину. Можем спровоцировать их авангард преследовать нас и провести прямо через луг. Они не будут закрываться от яда, и смертельный сок попадет на их кожу.

— Как и на нашу, — сказал бывший раб Ренделл с глубоким беспокойством на морщинистом лице. — Как нам избежать смерти? — Хотя он и не был одаренным, старик делал все возможное, чтобы помочь в пути. Ренделл прекрасно умел находить съедобные корнеплоды, ягоды и растущие на деревьях грибы, а каждую ночь умудрялся приготовить вкуснейший ужин.

— Если сможем пройти через лес на той стороне, — присоединился к обсуждению Орон, — то окажемся у глубокого и быстрого ручья, спускающегося с гор. Там сможем смыть с себя яд — если успеем.

— Яд будет проникать в нас, — сказал Натан. — Долго мы не продержимся.

— Тогда нужно защитить открытые участки кожи, — сказала Ольгия. — Полотнами особого шелка, которые я взяла из Ильдакара, мы можем закрыть лицо, руки и ноги. Шелк очень тонкий и совершенно непроницаемый.

Перри явно сомневалась. Беспокойство исказило ее лицо, омрачив прелестные черты.

— Почему бы просто не пойти вокруг луга, чтобы не пришлось рисковать собой? Мы знаем, что армия идет сю-

да, и она обязательно пройдет через луг. Кто-то из них все равно умрет.

— Они могут даже съесть цветы, — сказал волшебник Лео. — Разведчики говорят, что солдаты уплетают траву и листья, словно яксены. — Он потер плоский живот, скрытый балахоном. — Как же мне не хватает свежего мяса яксена! Когда работал на скотобойне, то мог в любой момент получить отличный стейк с кровью.

Солдаты поблизости с сожалением забормотали о том, что тоже голодны.

Верна покачала головой:

— Древние солдаты могут знать о гибельных цветах. Мы не можем позволить им задуматься. Если они погонятся за нами, то точно попадут в ловушку.

— Они хотят нас заполучить, — сказал Натан. — Мы дали им более чем достаточно причин отомстить нам. Нужно показаться им на глаза, а потом бежать, ведя их напрямик через цветы. Мы будем защищены, а они — нет. Я верю, что остальное уладится само собой.

Он был уверен, что древняя армия, разозленная постоянной тактикой нападения и бегства, безрассудно бросится прямо в поле ядовитых цветов, как только заметит своих мучителей.

Когда великое войско подойдет ближе, две Морасит будут дразнить солдат, заставляя тех идти на максимальной скорости, но у Торн и Лайес слишком открытые наряды, чтобы подпускать их к лугу. Вместо этого они скроются в лесу, как только враги заметят Натана и горстку одаренных защитников, поджидающих у поля. Солдаты Зиммера не смогут помочь с ловушкой; они отступят в лес и будут ждать группу у быстрого ручья, готовые расправиться с любым врагом, который дотуда дойдет.

Готовясь, Натан надел черные штаны, рубашку с рюшами и высокие сапоги, приторочив к бедру изысканный меч. Поверх он накинул балахон волшебника, который скрывал большую часть кожи. После он обернул шелком Ольгии руки до локтей и замотал импровизированным шарфом шею и лицо, оставив только прорезы для носа и глаз. Длинные волосы он завязал в хвост. Верна, Ренн, Орон, Ольгия и шесть одаренных ученых завернулись таким же образом, израсходовав весь оставшийся шелк.

Когда авангард древней армии показался вдали, Торн и Лайес побежали прочь, стремясь спровоцировать врага. Все были готовы. Натан окинул взглядом закутанных в шелк защитников.

— Мы похожи на трупы, обмотанные бинтами и готовые к погребению в катакомбах.

— Во имя бороды Владетеля, мы станем их кошмаром, — сказал Ренн, одергивая и поправляя шелк, намотанный поверх грязного изодранного темно-бордового балахона.

После полудня, спустя несколько часов невыносимого ожидания, наконец послышались крики, лязг мечей, ритмичный топот марширующих ног. Торн и Лайес выскочили из-за деревьев на край луга. На лицах обеих женщин была радость, когда они мчались вперед, словно быстрые олени. Когда они увидели Натана и его завернутых в шелк спутников, стоящих наготове перед полем гибельных цветов, Морасит быстро обменялись взглядами.

— Подведем счет позже, — сказала Торн своей напарнице.

Они бросились в сторону деревьев, огибая луг.

— Теперь наша очередь, — сказал Натан.

С помощью дара он вызвал сильный ветер, который разметал ветви. Стоявшая рядом Верна послала яркие вспышки света к деревьям, ослепляя первые ряды воинов, едва вы-

шедших на поляну. Орон, Лео, Перри и Ольга объединили усилия, чтобы призвать шквалистый ветер и молнии, убив первые два десятка солдат, которые решили, что они преследуют только двух женщин.

— Они должны поверить, что мы загнаны в угол и отчаянно отбиваемся, — сказал Орон.

— Загнанное в угол животное — самое опасное, — сказал Ренн.

Когда еще сотни вопящих врагов выскочили из-за деревьев, Натан сотворил шар огня волшебника и швырнул в их сторону. Многие упали, крича в предсмертной агонии от испепеляющего пламени. Но передние ряды армии неслись вперед, как волки, почуявшие кровь. Когда воины увидели уязвимых защитников перед полем цветов, они взвыли от возбуждения.

Укутанный шелком Натан улыбнулся и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Идите и возьмите нас.

В течение нескольких дней разношерстная команда охотилась на армию, убивая оставших, уничтожая разведывательные отряды. Даже если потери были незначительными по сравнению с огромным числом войска, страх и гнев проникли в сознание солдат Утроса. Наконец, оказавшись лицом к лицу со своими мучителями, они безрассудно бросились вперед.

Голос Ренна был приглушен шелком, когда он создал на ладони пылающий шар и сказал:

— Огонь волшебника кажется слишком милосердным для них, но я буду убивать их любыми способами.

Он растопырил пальцы и бросил потрескивающий шар. Тот разлетелся на отдельные фрагменты, каждый из которых ударил в лица воинов в шлемах, взорвав их черепа.

Ренн дико рассмеялся. Его скорбь по Лани стала орудием возмездия.

Ученые Твердыни творили заклинания, заставляя дрожать землю, или швыряли сильные порывы ветра в лица атакующих солдат. Первые ряды пали замертво, но вторые и третьи просто затоптали трупы, приближаясь к завернутым в шелк защитникам.

Натан понимал, что скоро их сметут.

— Бежим! Время пришло. — Он поправил ткань на руках, затем развернулся и бросился в ядовитое цветочное море.

Древние солдаты хлынули из леса, и мятежники отступили через луг, окунувшись в прекрасные соцветия. Момент казался ирреальным, когда Натан бежал, спасая свою жизнь и топча ботинками листья, стебли, разноцветные лепестки. Верна бежала рядом, разметая юбки. Лео, Перри, Орон и Ольгия напоследок бросили волну штормового ветра и молний, а затем тоже помчались по красочному полю, едва не теряя голову от страха.

Неуемный Ренн был последним. Он убивал солдат самыми разнообразными заклинаниями, а затем шмыгнул в поле прямо перед носом у едва не настигнувших его врагов.

Луг казался нескончаемым, и цветы были бесконечными волнами яркого цвета и медленной смерти. Верна споткнулась и чуть не упала лицом вниз, но Натан схватил ее за воротник и дернул, давая время устоять. Вражеские солдаты с ревом преследовали их, убежденные, что жертвы отступают. Первая волна неслась на полном ходу, размахивая мечами, приближаясь к своей добыче. Как ни странно, некоторые из голодных солдат остановились, чтобы сорвать ядовитые соцветия и сожрать их, точно голодные животные.

Натан прибавил скорости, направляясь к спасительному лесу. Он слышал, как ломаются листья, видел, как люди

топчут цветы. Его сапоги, подол балахона, даже шелк, покрывавший руки, уже наверняка пропитались ядом. Если удастся выбраться, придется смыть все до последней частички в быстром водном потоке.

Наконец они с Верной добрались до другой стороны луга. Они бежали через лес, карабкаясь по камням на вершину холма, чтобы потом спуститься вдоль ручья, чей стремительный поток тек по замшелым камням. На холме Натан оглянулся и увидел волну вражеских солдат, бегущих за ними по лугу. Первые из них уже начали шататься и падать посреди смертоносных соцветий. Многие не преодолевали и половины луга, в то время как другие продолжали идти, замедляя шаг, покачиваясь, пока не валились в обманчиво красочную растительность.

При виде гибнущих необъяснимым образом людей остальная часть армии заколебалась, собираясь в настороженную толпу на внешнем краю луга. Некоторые прошли весь путь через поле цветов, и, шатаясь, вошли в каменистый лес, где рухнули среди деревьев, корчась, изрыгая содержимое желудков и выцарапывая себе глаза.

Натан ощутил мрачное удовлетворение, наблюдая за их смертью.

— Эти цветы составят прекрасный букет для ваших похорон.

Крик Верны вывел его из задумчивости.

— Натан, хватит пялиться! Мы должны добраться до ручья и отмыться!

Не тратя силы на дальнейшие слова, они побежали по крутому склону к быстрому потоку, где генерал Зиммер и его солдаты ждали с лошадьми. Солдаты держали в руках оружие, готовые сразиться с любым врагом, которому удастся прорваться. Натан и спутники скатывались по склону, спотыкаясь и скользя по сухим листьям и сосновой хвое,

чтобы нырнуть в стремительный ледяной поток. Течение было холодным из-за тающего снега, но Натан без раздумий погрузился в воду, сдирая с рук полоски ткани в надежде, что яд не смог просочиться сквозь особый шелк. Он убрал ткань с лица, затем окунул голову в ручей и распустил длинные белые волосы. Сняв белый балахон, он позволил ему плыть по течению — больше он никогда его не наденет.

Верна, Орон и Ольгия отскребли руки илом со дна ручья, отмыли лица и выжали одежду. Задыхаясь, брызгая водой изо рта, Натан поднял глаза и увидел, как Ренн, спотыкаясь, подходит к краю ручья. Волшебник двигался медленно, на лице его застыл ужас.

— В воду, Ренн! — позвал Натан. — Отмывайся! Смой яд.

Но Ренн устоял на левую ладонь; пока он пробирался сквозь цветы шелковая ткань соскользнула и теперь свободно свисала с запястья. Он посмотрел на пальцы и тыльную сторону ладони, кожа которой уже покрылась серыми волдырями. Запястье распухло и покраснело, костяшки пальцев вздулись.

— О, нет, — произнес Ренн.

* * *

Защитники унесли тело Ренна с собой, не желая оставлять павшего волшебника в безымянной могиле в пустом лесу. Они спешно двинулись прочь от луга с гибельными цветами, пораженные горем. Позади сотни, может быть, даже тысячи вражеских солдат погибли от страшного яда. Древняя армия застыла в потрясении, а первый командующий Енох послал разведчиков на поиски безопасного маршрута в обход луга. В конце концов, огромная сила двинулась к скалистым вершинам, которые вели к перевалу Кол Адаир.

Когда Натан и его спутники отошли на безопасное расстояние от вражеской армии, они нашли укрытую лощину в лесу и устроили погребальный костер для Ренна. Торн и Лайес несли дозор на случай неожиданной атаки, в то время как остальная часть группы отдавала дань уважения павшему волшебнику. Капитан Тревор и ильдакарские стражники, что сопровождали Ренна до Твердыни и обратно, были особенно потрясены. Вместе они смотрели на пылающее пламя, очищающее его бранные останки.

Натан коснулся шрама на груди и ощутил укол гнева Айвена, но отогнал его и сосредоточился только на своем уважении к Ренну.

Глава 25

Три змеиных корабля плыли по реке Киллрейвен мимо медлительных боковых притоков и обширных болот. Когда сильный бриз натянул синие паруса, норукайцы втянули весла и позволили прикованным пленникам растянуться на палубе. После долгого торчания в жарком зловонном трюме Бэннон смаковал возможность вдохнуть свежий воздух. Его кожа была покрыта пленкой из пота, засохшей рыбьей слизи и крови. Покрытое синяками бледное тело быстро обгорало на солнце.

Скорбь прогуливался по палубе, чтобы рабы не забывали о его устрашающем присутствии. Бэннон ненавидел все в этом человеке — цепь на его талии, железные пластины на костяшках, вживленные в плечи шипы, ужасный шрам от уголков рта до затылка.

Мелок следовал за королем словно преданная собака, татора и скалясь.

— Мой король, король Скорбь. Все будут скорбеть!

Короля успокаивало присутствие шамана — словно тот и в самом деле был его питомцем.

Эрик сидел рядом с Бэнноном, подтянув колени к широким плечам и свесив голову. Хотя Бэннон пытался приободрить товарища, оцепеневший от горя мужчина отгородился от него, будто желая пообщаться с духами убитых родных. Бэннон пытался поговорить с угрюмым пленником, но тот редко отвечал.

Несколько взволнованных норукайцев подбежали к корме и стали вглядываться в мутную реку.

— Несите крюки! — закричал один из них. — И копыя с веревками!

Пытаясь увидеть, что они делают, Бэннон натянул свои веревки, но каждое движение заставляло вздрагивать от боли. Еще больше норукайцев бросилось к поручням с лодочными крюками, гарпунами и утяжеленными сетями. Перегнувшись через борт, они по очереди метали оружие в воду, словно участвуя в некоем соревновании.

Мелок, привлеченный такой бурной деятельностью, растолкал локтями крупных воинов на своем пути и посмотрел вниз.

— Ах, рыба! Большая рыба, рыба-монстр! Рыбные монстры.

— Зацепи крюк за жабры! — крикнула Гара.

— Этот уже мертв, но мы плывем слишком быстро, — простонал другой норукаец. — Эта проклятая тварь выскальзывает!

— Бросить якорь! — заорал король Скорбь. — Ради этого стоит остановиться. Добытой еды хватит до самого дома.

Цепи загремели в прорезях, когда тяжелые якорные камни упали в реку и погрузились в грязь. Двое налетчиков поднялись на мачту и свернули паруса, привязав их к нокрее. Другие два змеиных корабля тоже бросили якоря.

— Речной сом, — сказал надсмотрщик Боско, громко испортив воздух. — Мы устроим пир во имя змеинобога!

Они метнули в воду крюки и копья, а потом потянули за веревки. Трое норукайцев, напрягшись, затащили на палубу первое трепыхающееся тело.

Бэннон вырос на острове Кирия, где рыбаки каждый день возвращались с уловом, но никогда не видел такой крупной рыбы. Со стонами и смехом норукайцы перекинули тварь через борт и бросили на палубу. Тело сома было длиной с каноэ. Пасть в форме полумесяца то и дело открывалась, а широко расставленные глаза были маленькими, темными и тупыми. Длинные усы походили на колючие щупальца. Водянистая коричневая кровь вытекала из ран от крюков и зазубренных гарпунов.

Мелок, едва сдерживая восторг, присел на корточки перед рыбиной. Он дотронулся до слизи, покрывавшей тело сома, и ускакал прочь, выставив палец и облизывая его. Умиравший сом дергался и извивался, и альбиносу пришлось отпрыгнуть от острых плавников.

— Рыбы кусают, рыбы грызут, — сказал он, указывая на бесчисленные крошечные шрамы, покрывавшие его тело. Он ухмыльнулся Бэннону, словно у них был личный разговор. — Держись подальше от рыбы.

Норукайцы снова забросили в реку гарпуны и вытащили вторую громадную рыбу. Вскоре настроение на корабле улучшилось. Когда затащили на палубу третьего монстра, все набросились на сомов с ножами, разрезая чешуйчатую шкуру и вытаскивая внутренности. Вокруг сомов по палубе расползались лужи слизи. Один норукаец глубоко порезался о подрагивающий спинной плавник и отомстил монстру, сокрушив его голову боевым молотом.

Бэннона стало подташнивать от запаха слизи и крови, но Скорбь смотрел на беспорядок с гордостью. Он поднял тя-

желый боевой топор и одним ударом наполовину перерубил сому шею. Похожие на хлысты усы продолжали дергаться. Скорбь нанес еще два удара, и голова покатилась в сторону.

Мелок разочарованно цокнул языком.

— Топор рубит древесину, меч рубит кости! А король Скорбь режет рыбу, рыбных монстров.

— Ты же предсказывал, что будет пир, Мелок? — спросил Скорбь.

Альбинос упал на колени и сунул руки в открытую полость, из которой уже были убраны внутренности.

— Я предсказываю... обед!

Норукайцы быстро содрали грубую кожу и разрезали розоватое мясо. Они довольствовались сырой рыбой. Скорбь взял себе кусок и стал жевать, широко раскрывая челюсти. Вскоре три огромных туши были обглоданы до костей, и норукайцы выбросили скелеты в реку.

Насытившись, Скорбь стал великодушным.

— Пусть рабы тоже пируют; им нужны силы, чтобы работать.

Норукайцы бросили связанным пленникам груды скользких красных внутренностей и жаберных перепонок. Зловонная слизь потекла по груди Бэннона, но в животе заурчало. Налетчики не кормили его весь день.

Его охватила вспышка гнева. В прошлом он иногда терял над собой контроль и впадал в боевое безумие, превращаясь в безрассудного дикаря. Сейчас он контролировал себя, потому что знал, что глупое сопротивление приведет лишь к его смерти. Лучше он сам их убьет.

Он натянул веревки на запястьях и схватил мясистый кусок внутренних органов. Он жевал, ощущая во рту вкус грязи, но, скривившись, проглотил.

Мелок присел на корточки рядом с Бэнноном, горстями отправляя в рот сырое мясо.

— Мстить рыбе! Рыба пыталась съесть меня, а теперь я ем рыбу.

— Так что с тобой случилось? — Бэннон снова посмотрел на отметины на его коже. — Откуда эти шрамы?

— Меня кусали рыбы, — сказал Мелок. — Желаю рыбы! Желаю рыбы! Король Суровый меня не любил. Он бросил меня в пруд с бритвенными рыбами, и меня чуть не сожрали. Но Скорбь вытащил. Он спас меня, отнес к целителю. Мой Скорбь, король Скорбь. Вы все будете скорбеть!

Бэннон пытался сложить воедино обрывочные слова шамана и понять, что тому довелось испытать. Мелка принесли в жертву, бросив в пруд с хищными рыбами, потому что он был альбиносом? Или странным? Рыбы искушали его, а потом его спасли? Неудивительно, что он так предан своему королю. При этой мысли у Бэннона скрутило живот, и он даже испытал подобие симпатии к покрытому шрамами мужчине с искалеченной психикой. Вспомнив о том, что норукайцы с ним сделали, Бэннон отругал себя за жалость к Мелку, но в глазах бледного мужчины была странная тоска.

Шаман глянул через плечо на нос корабля, где стоял король:

— Кусали, кусали, кусали! Рыбы еще будут грызть меня. Они съедят мою плоть и кости, когда я умру. — Мелок сунул в рот новую порцию сырого мяса. — Сейчас я ем рыбу. Но какая из них съест меня, вот в чем вопрос...

Бэннон съел столько сомовьих внутренностей, сколько смог. Эрик рядом вяло съел одну горсть, но выглядел больным. Пытаясь приободрить друга, он заставил себя подать хороший пример и съесть еще немного. Эрик словно и не заметил этого.

— Хватит тратить время! — нетерпеливо взревел король. — Ставьте паруса и поднимайте якорь. Скоро дойдем до устья и окажемся в открытом море. Нам предстоит война.

Когда змеиные корабли снова тронулись в путь, Скорбь скривился при виде слизи и крови, растекшихся по палубе.

— Пусть рабы все очистят. Они должны отплатить за пир, который мы им устроили.

— Скреби! — Корабельный плотник Гара вручила Бэннону ведро и жесткую щетку, а потом угрожающе подняла кулак. — Скреби, чтобы стать достаточно сильным для сражений.

Бэннон знал, что станет достаточно сильным, чтобы убить любого норукайца, который даст ему такую возможность. Пока змеиные корабли шли под парусами, он и другие рабы трудились.

Глава 26

Никки, увидев, как Кэл принес себя в жертву, в полной мере осознала масштаб угрозы жисс. Она не могла бросить этих людей ради другой войны и надеяться, что им удастся сдержать кровожадное черное облако. Она должна найти способ остановить разрушительную силу, прежде чем та вырвется на свободу и заполонит всю округу. Никки была не из тех, кто уходит и оставляет проблему нерешенной.

Колдунья спасет мир.

Днем, когда все укрывались в здании, Никки позвала нескольких Прячущихся людей в грандиозный тронный зал Кергана. Мрра беспокойно терлась о ногу Никки. Черное дорожное платье колдуньи сливалось с тенями в слабо освещенном факелами зале.

— Я помогу найти способ остановить или уничтожить жисс, — объявила она без лишних предисловий.

Большая кошка зарычала, словно соглашаясь с сестрой-пумой. Прячущиеся, казалось, успокоились и воодушевились.

— Я знала, что ты возьмешься! — усмехнулась юная Аша.

Кора удовлетворенно кивнула:

— Легенды говорили, что придет герой и спасет нас.

— Это должен быть генерал Утрос, — сказал Сайрус. — Таково пророчество.

— Предпочитаешь дожидаться его? — резко спросила Никки. — Или я все же могу попытаться?

Сайрус нахмурился:

— Можешь попробовать.

— Обычно я добиваюсь своей цели.

Никки вовсе не хвасталась. Она убила Джеганя, она помогла Ричарду одолеть императора Сулакана и его орды. Она уничтожила Поглотителя жизни, а также неистовую Викторию. Она противостояла извращенному обществу Ильдакара и столкнулась с генералом Утросом. Рой жисс представлял совершенно иную опасность.

Никки ступила на холодный каменный помост, на котором некогда стоял внушительный трон Железного Клыка.

— Я колдунья, и раньше была сестрой Тьмы. Я могу использовать обе стороны дара. Я не знаю, кто такие жисс и откуда они взялись, но я найду способ остановить их.

Укрытые тенью люди смотрели на нее с надеждой. Они откинули серые капюшоны, открыв бледные лица, и теперь в их глазах появилась новая искра надежды. Мрра взмахнула хвостом и глухо зарычала.

Кора вышла вперед, желая предложить помощь:

— Мы расскажем тебе все, что о них знаем. Быть может, это поможет найти решение.

* * *

Прячущиеся люди на протяжении многих поколений изучали черный рой, записывая наблюдения, выводы и неудачные попытки искоренить жисс. Более пятисот лет они отравляли свои тела ядовитыми грибами, но почти не пробовали ничего другого. Они цеплялись за шаткое равновесие и хоть какой-то контроль над угрозой.

Кора принесла свитки, подшитые журналы и книги учета, в которых свидетели записывали свои мысли из поколения в поколение. Никки углубилась в чтение, отбрасывая то, что не имело отношения к делу. Она много лет обучалась во Дворце Пророков, а также изучала запрещенные техники. Пока бледная старуха вносила предложения и указывала на важные выводы, Никки пыталась придумать тактику, которая сработает наверняка.

Она просмотрела очередной отчет, сверяясь со своими знаниями:

— Они появляются только днем. Они активны, когда светло, но с наступлением темноты прячутся или впадают в бездействие. — Никки взглянула на Кору. — Знаешь, куда они уходят? Могу найти их логово?

Старуха покачала головой, и ей на лицо упала прядь каштановых с проседью волос.

— Можем ли мы привлечь их ночью? — предложила другую идею Никки. — Чтобы они оказались здесь на наших условиях.

— Зачем так поступать? — Кора пришла в ужас. — Это единственное время суток, когда мы в безопасности.

Но в разуме Никки уже начал формироваться план.

— Днем они могут отправиться куда угодно. Что если мы найдем способ привлечь их в темное место и заманить в ловушку? — Ее губы скривились в жестокой улыбке. — Может, это нам и нужно.

— Как ты их удержишь? — заволновалась старуха. — Как вообще можно сдержать жисс?

Никки подняла руку, указывая на каменные стены:

— Ваши мастера заложили арки и окна, запечатали здания так, чтобы жисс не проникли внутрь. Правильно сложенная каменная конструкция сдержит их с той же легкостью, с которой не пускает сюда. Мы могли бы пленить их навечно; возможно, даже заморить голодом.

Чтобы план удался, Никки должна была убедить Прячущихся людей помочь ей. Она колдунья, и основная работа по захвату и удержанию жисс падет на ее плечи, но Прячущиеся были умелыми работниками и совместными усилиями смогут создать постоянную тюрьму. Или камеру для казни. Задача неординарная, и работать придется быстро, если она сможет сдерживать облако достаточно долго.

— Многие из нас могут погибнуть, — заключила Кора, когда Никки разъяснила свою идею.

— Вы жертвуете одним человеком каждый месяц, просто чтобы сдерживать их рост. Ваши люди умирали веками, но безрезультатно. Моя идея способна навсегда положить конец этой угрозе. Разве не этого вы хотите?

— Нам придется пойти на этот риск, — согласилась старуха. — Буду молиться, чтобы у тебя все получилось.

— Получится, — негромко сказала Никки. — Вы никогда не встречали никого вроде меня.

В процессе планирования Никки каждую ночь исследовала город, выбирая оптимальное место для ловушки. После наступления сумерек она вместе с Мрра выбиралась наружу. Колдунье требовалось большое пространство, чтобы ограничить облако роя, и круглый заглубленный амфитеатр идеально подходил для ее целей.

Проводя дни в запечатанных зданиях, Прячущиеся рыскали по императорским залам и коридорам в поисках ста-

рых зеркал, которые можно было отполировать, а также гладких листов золота и меди, которые блестели в свете факелов. Когда приготовления были закончены, Никки приступила к строительству того, что называла «котлом».

Как только солнце заходило, Прячущиеся люди возобновляли работу вокруг сцены, расположенной в кратере амфитеатра. Они устанавливали зеркала, металлические листы и ограненные кристаллы, которые радужными осколками отражали свет факелов. Рабочие бригады использовали каждый час темноты, заполняя сцену в центре, откуда Железный Клык когда-то обращался с речами к запуганной толпе. Они наносили целую гору сухих дров, колотых бревен и тонких веток, чтобы позже зажечь грандиозный костер. Отражающие поверхности усилят этот свет во сто крат.

Тем не менее, Никки подозревала, что пламени будет недостаточно. При помощи дара она могла усилить пламя, чтобы оно стало ослепительным притягательным маяком. Оно будет ярким как солнце и сможет призвать жисс.

Когда с приготовлениями для маяка было закончено, Никки приказала всем плотникам, каменщикам и каменотесам приготовиться к яростной и отчаянной ночной работе; все необходимое должно быть под рукой. Когда Никки выполнит свою часть — если это сработает, — у них будет только один шанс и очень мало времени.

Постоянно проживая в заброшенных зданиях, Прячущиеся изучили архитектуру изнутри. Они понимали, как камни соединяются друг с другом, умели возводить арки и сводчатые потолки. Они могли резать камень со скрупулезной точностью и знали рецепты быстротвердеющих растворов и штукатурки, которые продержатся много веков.

Измерив заглубленный амфитеатр, архитекторы спроектировали опорные стойки и наметили расположение блоков.

Хотя они убегали внутрь с каждым восходом солнца, когда жисс возвращались, серые люди трудились с огромной энергией и растущей надеждой.

Каждую ночь Мрра бегала на свободе, воссоединяясь с песчаными пумами, которые прятались в горах. Большая кошка охотилась вместе с новым прайдом, но всегда возвращалась, чтобы провести день в темных залах вместе с Никки. Мрра чувствовала нервозность сестры-пумы и желала атаковать бесформенное черное облако, но Никки не могла позволить ей рисковать.

Когда все было готово, люди были напряжены до предела. Сквозь щели в забаррикадированных окнах они смотрели, как угасает дневной свет. Никки почесала за ушами большую кошку и повела в свою спальню, блокируя от нее мысли. У нее было тяжело на сердце — она знала, что Мрра сочтет ее действия предательством.

— Будь в безопасности, — прошептала Никки. — Это моя битва. Я должна быть уверена, что ты останешься здесь. — Мрра зарычала и попыталась протиснуться мимо нее к выходу из комнаты, но Никки преградила путь. — Я вернусь к тебе. — Она закрыла тяжелую дверь, запирая Мрра внутри.

Разозленная заточением пума бросилась на дверь. С той стороны слышалось громкое царапанье и отчаянный вой. Никки подозревала, что ко времени ее возвращения — если она вернется, — дверь превратится в щепки. Ей нужно быстро уходить.

Никки поспешила по коридорам туда, где собрались Прячущиеся. Кора с несколькими десятками нетерпеливых нервных людей ждала ее у высоких дверей дворца, в то время как остальные Прячущиеся скрывались в многочисленных второстепенных зданиях. Они были готовы.

— Дождемся самого темного ночного часа, — сказала Никки.

Сайрус поправил серый капюшон и нахмурился.

— Мы ждали достаточно долго.

— И этой ночью, если преуспеем, ваше ожидание закончится.

Глава 27

В полночь, перед восходом убывающей луны, Никки повела Прячущихся людей в атаку на жисс. Жуткое черное облако не устоит перед призывом ее маяка.

Она уничтожит смертоносный рой, который терроризировал этот город после падения империи Железного Клыка. Прячущиеся люди смогут восстановить столицу и снова превратить Ороганг в центр торговли. Они смогут избрать себе лидера и стать частью Д'Харианской империи. Как только она будет знать, что жисс больше не опасны, она отправится в путь, чтобы отыскать армию генерала Утроса.

Но это только если ее план сработает.

Пятеро серых людей с факелами спустились по ступеням амфитеатра и подожгли груды дров на сцене. Пламя охватило древесину и взвилось вверх, посылая искорки, которые кружились в воздухе подобно мерцающим в ночи. Огонь потрескивал, поглощая сухие ветви, а затем принялся за расколотые бревна. Пламя танцевало, отражаясь от многочисленных зеркал и отполированных листов металла, расставленных concentрическими кругами на сиденьях вокруг сцены. Дым клубился в воздухе, а пламя тянулось все выше.

Никки стояла на верхнем ярусе, наблюдая за разрастающимся пламенем. Ее светлые волосы и лицо были замотаны несколькими шарфами и вуалями — так она надеялась за-

щитить кожу от жисс. На руки она надела перчатки, а ноги обмотала тканью. После зажигания костра Прячущиеся люди побросали факелы и поспешили по крутым пандусам на городские улицы. Огонь на дне кратера определенно был самым ярким источником света в Ороганге, но Никки делает его еще ярче. Невыносимо ярким.

— Идите! — крикнула она Коре и остальным. — Я хочу, чтобы вы были в безопасности, когда придет рой. — Она надеялась, что ткань защитит ее тело и даст достаточно времени.

— Но мы обязаны помочь, Никки, — сказала Аша. — Можем заманить жисс в яму. Это и наша битва тоже.

— Оставьте это мне. Пламя будет достаточно ярким. — Никки посмотрела на решительную девушку. — Хватит с вас жертвоприношений.

Она жестом призвала уходить, и группа отступила. Но они не стали запираяться внутри зданий.

Никки спустилась на дно амфитеатра и подошла к сцене, на которой полыхал огонь. Чтобы выманить жисс из логова, Никки придется сделать пламя во много раз ярче. Этот маяк сможет соперничать с солнцем, когда она задействует дар. Она могла бы призвать огонь волшебника, одно из самых великих и смертоносных заклинаний, но сейчас ей не нужен разрушительный жар — только ослепительный свет. Поэтому она изменила заклинание, убрав из него энергию тепла, и постаралась создать свет волшебника, а не огонь.

Пламя вспыхнуло, и показалось, что на дне амфитеатра появилось солнце; Никки пришлось заслонить голубые глаза от ослепительного бесшумного взрыва. Откуда-то сверху она услышала синхронное аханье, и Прячущиеся люди отступили от края, не в силах выносить подобный искусственный свет. Прикрывая глаза рукой, Никки смогла посмотреть на плазменный шар, который создала. Он охватил

сцену и разросся с кричащей блистательностью, тысячекратно усиленный зеркалами, кристаллами и полированными листами металла. Даже из своего логова жисс должны были увидеть его и полететь сюда через ночь, как мотыльки на пламя.

Продолжая подпитывать ярчайший маяк своим даром, Никки ждала приближения смертоносного жужжания, но слышала лишь треск костра в центре. Свет волшебника пульсировал в гипнотическом ритме, и весь город затаил дыхание. Минуты шли, а черное облако все не появлялось. Никки напряженно ждала, чувствуя легкое сомнение. А если жисс не впадают в бездействие ночью? Может, они уходят в закрытые логова, как летучие мыши в пещерах, и просто не могут увидеть ее маяка? Что способно выкурить их оттуда?

Используя обе стороны дара, как и во время призыва сильфиды, Никки направила свои мысли прочь, чтобы привлечь жисс. Свет! Приходите питаться светом! Приходите питаться кровью!

Наконец по воздуху разнеслось новое гудение, переросшее в резкое жужжание. Подняв взгляд от ослепительного маяка, она увидела бесформенный черный вихрь, заслонявший звездный свет. Рой жисс распался на части и разлетелся по Орогангу, привлеченный невыносимым сиянием. Она воздела обернутые тканью руки, маня их к себе. Никки даже убрала ткань с лица, чтобы они почуяли ее кровь.

Прячущиеся устремились к дверям в убежища, но их движение привлекло жисс. Одна рука темного облака протянулась к серым фигурам.

Поддерживая свет волшебника, Никки пошла по ступеням арены, поднимаясь к улицам и собираясь отвлечь рой. Лишенные разума кровожадные пятнышки уже налетели на двух отставших людей, и те рухнули, накрытые облаком

жисс. Никки не успевала дотянуться до них и спасти, но их невольная жертва убьет немало этих созданий. Жисс напились ядовитой кровью, и набухшие шарики неуклюже уплывали прочь. Как и прежде, сферы приобретали нездоровый пурпурный оттенок и взрывались, пачкая мостовую.

Остальная часть облака устремилась к яркому свету, словно рой из десяти тысяч пчел. Никки стояла на краю амфитеатра.

— Сюда! Вот сюда. — Она махала руками, надеясь, что ее неотравленная одаренная кровь будет более желанной, чем кровь других жертв. — Сюда, к свету! — Она сорвала шарфы с головы и встряхнула распущенными волосами. — Сюда! Ко мне!

Черное облако кружилось, напоминая завесу чадающего дыма, в то время как буйство света продолжало потряскивать и сиять на дне амфитеатра. Жисс были голодны, они выискивали добычу, но ей нужно было заманить их в котел. Хищный черный рой бился в двери и окна, пытаясь отыскать трещины между умело уложенными камнями.

Когда жисс почуяли ее, Никки ощутила покалывание на коже. Наконец, запах неиспорченной крови привлек их, и черное облако окружило ее, налетев даже быстрее, чем она ожидала. Ее слово окутал густой дым; жисс подобно одеялу закрыли ее тело. Это было похоже на внезапный град из черного льда. Бесформенные крупы двигались, пульсировали и кусались — каждая не больше ногтя на ее мизинце. Они пытались проникнуть через ткань, находили складки и создавали крошечные разрывы, пробиваясь к коже. Каждое крохотное существо было покрыто похожими на иглы ножками, которые вонзались в ее кожу. Жисс ползали друг по другу, окутывая ее руки, лицо, шею, путаясь в волосах и залепляя глаза.

Задыхаясь, Никки создала импульс ветра, который сдул их прочь, но это было все равно что дунуть на пыльцу. Жисс тут же вернулись с новыми силами. Шатаясь, она шагала по крутым ступеням, пытаясь увлечь их в центр амфитеатра к дразнящему огню. Сотни из них, насытившись, поднялись от ее тела — набухшие шарики с темно-красной жидкостью: ее кровью, кровью одаренной. Она знала, что как только они выпьют всю ее кровь, рой многократно увеличит свою численность. Она должна их остановить!

Решимость придала ей сил, и она надавила на них магией. Это ее кровь, ее! Она призвала нить магии Ущерба, чтобы взорвать каждый из поднимающихся шариков, уничтожая их десятками.

Но ее тело было облеплено черными существами, продолжавшими пить кровь. При помощи смертельной магии Никки попыталась остановить их сердца, но у жисс не было сердец. Это были просто крошечные хищные оболочки.

Ослабев от резкой потери крови, она упала на колени на ступенях амфитеатра, пытаясь собраться с силами. Если придется, она доползет до дна кратера, чтобы сдержат их — даже если самой суждено будет остаться в ловушке. Ей нужно удержать достаточно своего дара, чтобы суметь создать щит, иначе жисс сбегут. Но для этого ей нужно быть живой!

С улицы послышался женский голос, заглушавший жужжание:

— Сюда, возьмите меня! Ешьте меня и следуйте за мной к свету!

Кора! Старуха выбежала из арки дворца, отбрасывая серый плащ и открывая покрытую морщинами кожу.

Увидев другую жертву, жисс больше не нуждались в раззадоривании. Часть роя вокруг Никки изменила курс, и тысячи черных пятнышек устремились к Коре, чтобы ее по-

глотить. Старуха продолжала бежать даже тогда, когда черные существа покрыли кожу и облепили лицо. Она замедлилась, затем пошатнулась, но продолжала брести вперед, с каждым шагом приближаясь к амфитеатру. Бесчисленные жисс поднялись в воздух, напившись ее отравленной крови, и взорвались, но тысячи других роились вокруг старухи. Последним усилием Кора достигла края амфитеатра и рухнула на пандус. Ее тело покатилося мимо рядов сидений, преследуемое жисс. Она умерла раньше, чем остановилась. Жисс одеялом накрыли ее неподвижное тело около третьего ряда, но теперь их привлекал пылающий маяк на сцене.

Никки провела рукой по лицу, чтобы смахнуть пьющих кровь существ. Она чувствовала на коже бесчисленные жгучие уколы и страдала от потери крови. Зная, что это ее последний шанс, она призвала мощную волну дара и стала нагревать свою кожу, делать ее тверже, одновременно посылая импульсы силы, которая отрывала кровососущие пятнышки; при помощи сильного ветра Никки направила все облако к сияющему огню волшебника и отраженному от тысяч поверхностей свету. Сияние было непреодолимым.

Она отозвала свою магию от пылающего маяка, и свет начал отступать, напоминая заходящее солнце. В темном и пустом городе жисс тянулись к свету, следуя за ним подобно мотылькам, летящим к пламени навстречу судьбе.

Никки была истощена растратой дара и ослаблена потерей крови, но все равно поднялась на ноги и стала спускаться на дно кратера к пылающей сцене. Облако сомкнулось, почти заслонив сжимавшуюся сферу света волшебника. Когда весь рой оказался в чаше амфитеатра, Никки призвала еще одну волну магии, чтобы установить над сценой щит: изогнутый мерцающий барьер, напоминавший пузырь.

Жисс оказались заперты, но только до тех пор, пока она в состоянии удерживать щит.

— Быстрее! — Ее слова больше походили на хрип. Она надеялась, что Прячущиеся люди расслышат ее. — Вы нужны мне. Строители — сейчас! Вы готовились к этому.

Из закупоренных зданий хлынул поток людей в серых плащах.

Ее мысли путались, но она сжала щит, уменьшая пузырь и толкая пойманных жисс все ближе и ближе к центральному огню. Край щита дошел до среднего ряда сидений и продолжил идти к центру, загоняя черный рой.

Во дворце Мрра наконец пробилась через остатки деревянной двери и побежала на улицу, желая помочь истекающей кровью сестре-пуме. Никки упала на колени и почувствовала, что черная ткань ее платья пропитана кровью. Мрра прижалась к ней, предлагая свою силу и защиту, но Никки не могла потерять концентрацию.

Пузырь уменьшился, накрывая лишь сцену на дне амфитеатра. Внутри этой тюрьмы оказались тлеющее пламя и гудящие жисс. Чтобы сберечь силы, Никки забрала энергию, поддерживавшую свет волшебника, и огонь угас. Замкнутый пузырь стал темным, и отчаявшиеся жисс оказались заперты в пространстве без света и крови. Они бились о невидимую изогнутую стену, как тысячи разъяренных шершей.

— Сейчас! — выдохнула она. — Замуруйте их!

Архитекторы, плотники и каменотесы бежали к ней в сопровождении рабочих. Они заранее разработали планы, принесли строительные материалы, собрали инструменты и были готовы к работе. Трудясь как пчелки, строители Ороганга перекрывали длинными балками нижнюю часть амфитеатра. Пол сцены они заделали заранее, заложив кирпичом и замазав раствором даже самые крошечные щели. Когда перекрестные балки были уложены, они устроили поверх них настил из деревянных реек, который накрыли не-

прозрачным брезентом, герметизируя купол. Другие рабочие нанесли на толстую ткань слой из быстротвердеющего гипса. Поверх всего этого они выложили слой кирпичей, выстроив непроницаемый купол над тюрьмой жисс.

Никки была сосредоточена на том, чтобы удерживать щит вокруг темного облака, пока не закончат возведение постоянной тюрьмы.

Прячущиеся двигались быстро и скоординировано. Они укрепили монолитный барьер, закрывая все оставшиеся щели, а затем покрыли кирпичи толстым слоем раствора и штукатурки, слой за слоем. Толщина непроницаемого купола достигла нескольких футов.

Еще до наступления рассвета сотни рабочих полностью запечатали тюрьму жисс, которая простоит вечно. Ни света, ни крови, ни свободы. Они задохнутся и умрут.

Никки как сквозь туман осознала, что Аша трясет ее за плечи.

— Все закончено. Ты можешь отдохнуть.

Колдунья была не в силах даже поднять голову; она прислонилась к большой пуме, которая мурлыкала рядом. Со вздохом облегчения Никки отпустила дар, позволив щиту под куполом исчезнуть. Жисс были навечно запечатаны в невероятно толстых и прочных стенах. Барьер держался крепко, но Прячущиеся люди продолжают усиливать и наращивать его еще несколько дней.

Никки не знала, через сколько времени жисс умрут от голода и обратятся в ничто, но была уверена, что они никогда не выберутся.

У нее не было сил сопротивляться, когда Прячущиеся люди подняли ее и понесли в укрытие. Теперь она могла отдохнуть. Ее глаза закрылись, она ощутила слабость от потери крови и невыразимую усталость от такой растраты дара. Но она восстановится.

Она сделала то, что обещала. Теперь ей нужно позаботиться о том, чтобы не позволить генералу Утросу завоевать весь мир.

Глава 28

От покрытых мхом дров поднимался кислый дым, но зловоние разлагающейся плоти беспокоило Лилу гораздо больше. Она настороженно присела напротив Адессы. В глазах старшей Морасит, сидевшей у костра, появился тревожный блеск.

— Я преследую норукайские корабли, идущие вниз по реке, и жду своего шанса, — пояснила Лила. — Мне нужна твоя помощь.

Адесса удивилась, но голос ее был непривычно отстраненным:

— Почему тебя волнуют норукайцы?

— Многое изменилось с ночи восстания, когда ты покинула город. — Лила нахмурилась. — От Ильдакара ничего не осталось. Армия генерала Утроса пробудилась и осадила город, а потом норукайский флот атаковал с реки. Ильдакар снова исчез под саваном вечности, и я оказалась снаружи. Мы не можем вернуться. Никто не может.

Адесса перевела взгляд на отрубленную голову, лежавшую в спутанной траве. Взгляд ее был сердитым.

— Именно об этом он мне только что и сказал.

По гноящейся плоти ползали черные жуки. Голова сильно разложилась, глаза вздулись, а рот раскрылся. Лиле потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать темные волосы, козлиную бородку и искаженные черты лица.

— Это же главнокомандующий волшебник Максим.

— Властительница Тора приказала принести его голову, и именно этим я и занимаюсь. — Адесса рассеянно отмахнулась от кусачей мухи. — Он был Зерцалоликим и хотел разрушить Ильдакар. Он заплатил за преступления, но этого недостаточно. — Ее лицо потемнело, и она вдруг закричала на разлагающийся ужас. — Ты слышишь меня, Максим? Недостаточно! Я насажу твою башку на пику перед воротами Ильдакара, и все горожане узнают, что ты натворил.

В поведении и разговорах Адессы сквозило безумие. Спокойным ровным голосом Лила еще раз объяснила:

— Ильдакара больше нет, Адесса. Мы не можем вернуться.

Другая Морасит склонила голову набок, словно слушая ответ гниющей головы, а потом выпрямилась, словно приготовившись к битве. Непростые годы сказались на ее внешности, и короткие черные волосы прочертила седина, но когда-то она обладала дикарской красотой. Ее лицо по-прежнему было худощавым, а тело мускулистым, но теперь в темных глазах Адессы мелькали тревожные тени. Ее взгляд метался, словно она высматривала что-то невидимое.

— Нет, нет. Он лгал! Ильдакар не может исчезнуть. Я должна принести голову Максима властительнице.

Сидя возле костра, Лила сцепила руки на колене:

— Я твоя сестра Морасит. Ты знаешь, я не стала бы тебе лгать.

Адесса чуть обмякла и посмотрела на отрубленную голову.

— Да, Лила. Я знаю, что ты говоришь правду. — Она схватила пригоршню темных волос и поднесла голову к огню. — Может, мне зажарить тебя здесь? Если властительница исчезла, то мне нет нужды доставлять ей трофей. Я хочу слышать, как ты кричишь, пока огонь прожаривает кожу на твоем лице.

Капли гноя стекали по подбородку и с шипением падали на угли.

— Адесса, что ты делаешь? — тихо и настороженно спросила Лила.

— Заставляю его прекратить насмехаться!

Глаза главнокомандующего волшебника превратились в сероватое желе, напоминавшее тухлый яичный белок. С влажным чавканьем часть скальпа отделилась от черепа, и голова упала бы в огонь, но Адесса успела перехватить ее за мягкий обрубок шеи.

— Не сейчас. Не так просто. — Адесса вернула голову в испачканный мешок. — Молчи! — Затем она повернулась к Лиле: — Если говоришь правду, если властительница отвержена, а Ильдакар исчез, то мое задание окончено. — Разочарование Адессы поразило Лилу в самое сердце. Задание, из-за которого женщина перенесла столько невзгод, было единственным, что заставляло ее идти дальше. — Куда мне теперь идти? Что делать?

— У меня есть миссия, — сказала Лила, — и это миссия Морасит. Ты можешь помочь. Тут полно норукайцев, которых нужно убить, и ты получишь шанс пролить их кровь. У нас обеих будет цель.

— Расскажи мне о миссии.

Лила предоставила своему командиру официальный отчет, надеясь достучаться до Адессы. Она подробно рассказала о Бэнноне, молодом мечнике, которого она обучала в тренировочных ямах.

Адесса подняла брови:

— Да, Бэннон был твоим любимым питомцем. Он развратил моего чемпиона Яна и вынудил меня его убить. Если охотишься на Бэннона, я тебе помогу. Он заслуживает смерти за тот урон, который нанес нашему обществу. За то,

что заставил меня забрать жизнь такого хорошего чемпиона.

Лила размышляла, как лучше ответить.

— Да, я охочусь на него, но не собираюсь причинить ему вред. Мы с Бэнноном сражались на одной стороне, защищая Ильдакар. Мы даже бились с самим королем Скорбь. — Она понизила голос. — Его вместе с другими ильдакарцами захватили в плен. Мой город исчез, я осталась снаружи. Я решила спасти Бэннона.

— Почему?

Защитной реакцией Лилы стал гнев:

— Потому что я так решила! Я сочла миссию достойной, и если ты моя сестра Морасит, то тебе должно быть достаточно такой причины.

Адесса задумалась. Поросшая мхом древесина горела плохо, и Лила подложила несколько зеленых веток. Темнота вокруг оставалась крошечной, но над болотами появился низко стелющийся туман.

— Властительница Тора не любила норукайцев и называла скотами, — отстраненно заметила Адесса. — Она бы хотела, чтобы я их убила, ведь они атаковали город. Но зачем мне спасать тощего раба арены? Бэннон доставил кучу проблем. Он искусный любовник?

Лила придумала ответ заранее.

— Саван вечности снова накрыл город, и Бэннон Фермер — единственный оставшийся воин. В каком-то смысле он чемпион Ильдакара и может оказаться полезным.

Адесса поразмыслила над этим.

— Не следует отказываться от полезных инструментов или бойцов.

— Тогда давай вместе спланируем, как расставить ловушку. Мы будем сражаться с норукайцами, и я смогу освободить Бэннона, как и поклялась. — Ее настойчивый взгляд

привлек внимание Адессы. — Ты поможешь мне, как Морасит сестре Морасит?

Адесса сердито заговорила с головой, скрывавшейся в мешке:

— Меня не заботит, чего ты хочешь, Максим! Я сама приму решение. — Искорки безумия в ее глазах стали ярче. — Прекрати смеяться, или снова опущу в воду и позволю рыбам поедать твоё лицо. — Немного успокоившись, Адесса посмотрела через костер на Лилу. — Если мы с тобой единственные Морасит, оставшиеся снаружи савана вечно-сти, то твоя миссия — моя миссия. Я буду биться с тобой бок о бок против норукайцев, но своего тощего мечника спасай сама.

Глава 29

Тысяча солдат с символом пламени на знаменах приближалась к Орогангу. Когда они поднялись выше, идти стало труднее, и генерал Утрос узнал темные скалы с пятнами снега на вершинах. Он вдохнул разреженный холодный воздух, который был свежим по сравнению с дорожной пылью и вонью от лошадей и потных мужчин.

— Увидим ли мы столицу уже сегодня, возлюбленный Утрос? — спросила Рува, ехавшая на лошади рядом с ним.

Он высоко поднял голову — как победоносный военачальник, возвращавшийся с докладом о землях, которые завоевал. Город был уже близко, он чувствовал это в воздухе.

— Да, это будет сегодня.

На рассвете, когда солдаты сворачивали лагерь и готовились к очередному длительному переходу, Утрос занялся полировкой золотой полумаски. Он разглядывал блестящий металл с идеализированными чертами его лица. Он терзался

вопросом, вспомнит ли кто-то его лик, когда он войдет в императорский дворец — ведь прошло столько веков. История сохраняла масштабные события и политические последствия, но редко запечатлевала внешность людей. Кто-нибудь вообще о нем знает?

— Они вспомнят легенду о тебе, — сказала Рува. — В истории сохранились рассказы о генерале Утресе. Так сказал волшебник Натан.

Он смотрел на дорогу в тени высоких гор.

— Нам следует выяснить это самим. Я встречусь с человеком, который сейчас занимает трон Ороганга, и решу, достоин ли он.

Он отправил вперед двух разведчиков, чтобы они объявили о прибытии. Он выбрал мужчин родом из Ороганга, воинов, которые давным-давно покинули дома и семьи, чтобы следовать за Утрсом. Двое разведчиков гордились порученным заданием.

— Мы вернемся с новостями, сэр, — сказал мужчина с неестественно огромным носом. — И проследим, чтобы жители Ороганга устроили пышную встречу вернувшейся армии.

— Мы идем домой! — закричал другой разведчик с таким энтузиазмом, что голос надломился, как у подростка в период полового созревания.

Разведчики умчались прочь, а Утрс молча поехал вперед, ведя за собой армию. Сестры с нетерпением смотрели вдаль, их сияющие глаза выискивали величественный город, обещанный им Утрсом очень давно. Он был озадачен и разочарован плохим состоянием главных дорог. Вблизи от величественного города он ожидал увидеть груженные караваны, фермерские повозки, путешественников и военные патрули. В Ороганге жил почти миллион человек, поэтому

даже на значительном расстоянии от города должно было быть многолюдно.

Вокруг высились темные сосны, хотя леса должны были вырубать на дрова и строительные материалы. Скалистые склоны должны быть изрезаны карьерами для добычи камня. Почему не видно ни полей со злаками, ни садов, ни стада овец или рогатого скота? Где все люди?

Им попадались лишь каменные фундаменты и остатки стен давно разрушенных домов. Сестры уловили его тревогу. Ава и Рува поглядывали на него, гадая, чем могут помочь. Кавалерия начала проявлять странную смесь нетерпения, радости и беспокойства.

Около полудня прискакали разведчики, и генерал по их лицам догадался о мрачных новостях. На пыльных щеках носатого мужчины виднелись дорожки слез. Оба разведчика говорили глухими голосами.

— Мы нашли Ороганг, сэр. Город...

— Город пуст и заброшен! — выпалил второй разведчик.
— Людей нет, улицы пусты.

— Город был разграблен? — требовательно спросил Утрос, стараясь держать эмоции под контролем. — Завоеван?

— Я не знаю. — Носатый утратил искреннюю улыбку. — Здания не выглядят сожженными или разрушенными. Их просто оставили. Строения нетронуты, но запечатаны.

— Я сам должен увидеть. — Утрос направил коня вперед.

Разведчики развернули лошадей, чтобы показать путь.

— До города меньше получаса езды, сэр. Следуйте за нами.

Утрос подобрал поводья и пустил жеребца в галоп. Ава и Рува мчались рядом с генералом. Армия с разудалыми кри-

ками пришпорила лошадей, устремившись к Орогангу, словно в атаку.

Когда они добрались до окраин города, Утросу стало трудно дышать. Тишина висела в воздухе подобно чуме. Низкие строения купались в солнечных лучах, словно выбеленные кости в пустыне. Безмолвные и мертвые.

Утрос, дрожа, повел жеребца к внушительным монолитным столбам, которые когда-то были городскими воротами, вызывавшими трепет. Улицы, призванные показать величие империи, заросли травой, плиты мостовых вздыбились, а в трещинах меж ними росли искривленные деревья.

Армия столпилась позади генерала, пока Утрос, замерев, смотрел на столбы врат. Ава и Рува молчали, тревожась за генерала.

— Все пропало, — сказал он. — Моя империя пропала. Кто сейчас ее возглавляет?

— Если император и есть, он правит лишь пылью, — сказала Рува.

— Зато никаких противников, возлюбленный Утрос, — добавила Ава. — Это Ороганг. Он может стать твоей столицей, и ты отстроишь империю заново.

— Свою империю, — согласилась Рува.

Он не мог показать солдатам обуревавшее его разочарование. Все еще представляя себя победоносным героем, он гордо проехал на жеребце через остатки величественной арки. Армия последовала за ним в пустую столицу.

Смотря по сторонам, он вспоминал дворец, пирамиду обсерватории, высокие смотровые башни... Утрос узнал здание министерства с резными колоннами и множеством входов, теперь наглухо забаррикадированных. Раньше во дворце было великое множество разноцветных окон, но сейчас он видел лишь стены, заложенные кирпичом.

— Кто-то превратил мой город в гробницу.

Он ожидал увидеть шумные улицы, оживленные рынки, кварталы ремесленников, ростовщиков, священнослужителей и каменотесов. Теперь здесь царили тени и зловещая тишина, даже в яркий полдень.

Пока армия маршировала по улицам, вернулись разведчики с хорошими новостями:

— Генерал, мы нашли склады! Там много мешков зерна, бочек с яблоками и картофелем, и даже с вином и элем. Эти припасы будут весьма кстати.

— Взять все, — сказал Утрос, довольный находкой.

Ава и Рува наложили заклинание, чтобы солдаты не мучились от голода, но теперь есть настоящая еда для заслуженного пира.

Стук лошадиных подков эхом отдавался от каменных стен, но этот звук не мог заменить шум толпы и громкие радостные возгласы. На центральной площади Утрос остановил жеребца и спешился. Он оказался перед колоссальной статуей, сваленной с пьедестала. Огромные каменные руки были разломаны на части, а ступни в сапогах устояли на мраморном пьедестале. Разломанная на куски фигура лежала на земле, выветренная со временем. Бросив взгляд на голову, он узнал высокомерную ухмылку и примечательный железный клык. Статую Кергана повалили, когда народ сверг его.

— Генерал! — закричал разведчик с другой стороны площади. — Вы должны это увидеть.

Колдуньи соскользнули с седел и встали рядом с ним, готовые сражаться. Он ощутил, как воздух потрескивает от дара, призванного для его защиты. Зловещая напряженность в городе натянула нервы до предела.

Утрос быстро зашагал к соседней площади, где увидел вторую огромную статую, которая была даже выше статуи Кергана. Она хорошо сохранилась, а камень был тщательно

отполирован. К основанию были возложены свежие цветы. Его взгляд скользнул к каменному лицу с пышной бородой и мощным подбородком. Черты лица были словно списаны с его золотой полумаски. На постаменте были высечены буквы: УТРОС.

Солдаты заполнили открытое пространство, и армия рассредоточилась по пустому городу. Шумели вопросы, походившие на ветер перед бурей. Утрос не мог дать ответов, но они могли сделать собственные выводы. Загадочность города давила на них.

Гигантская статуя доказывала, что об Утресе действительно помнят, легенда о нем выжила. Но он чувствовал, что город не так уж пуст, как показалось сначала. Здесь таилась безмолвная угроза. Невидимые глаза наблюдали из темных уголков зданий. Несомненно, они что-то замыслили. Солдаты были напряжены и насторожены.

Ава и Рува тоже выглядели встревоженными. Воины достали оружие, ожидая, что будет дальше. Казалось, вот-вот разразится буря.

* * *

Генерал Утрос вернулся! Сайрус понял это в тот момент, когда увидел военачальника на черном жеребце, доспехи мужчины были очень похожи на доспехи высокой статуи.

Никки говорила Прячущимся людям, что Утрос еще жив, но Сайрус и последователи, хотя и молились об этом всю жизнь, больше надеялись найти достойного преемника Утроса, чем увидеть легендарного генерала во плоти. Случилось то, о чем говорилось в пророчестве. Оно было истинным! Теперь великий командир въехал в город с тысячей вымуштрованных солдат, вернулся в Ороганг, как и надеялся Сайрус.

На голове генерала красовался внушительный шлем с изогнутыми рогами какого-то крупного животного, половина лица была закрыта отполированной золотой маской, отчего он выглядел менее человеческим, но более пугающим. Две прекрасные лысые женщины ехали на лошадях по обе стороны от него, и Сайрус вспомнил легенды о грозных колдуньях-близнецах, которые сопровождали Утроса.

Сгрудившиеся в тених Прячущиеся были измучены и потрепаны после того, как всю ночь помогали Никки запереть жисс в тюрьме. Многие ослабели от потери крови, но выдержали испытание. Никки лежала без сознания в глубине дворца.

Видя ее усилия, направленные на спасение Прячущихся людей, Сайрус немного оттаял. Она действительно справилась с кроважидным черным облаком, освободив народ от гнетущего долга. Но она заявила, что легендарный Утрос был не заслуживающим доверия тираном, который стремился завоевать Древний мир. Сайрус не поверил Никки. Она соврала, и ее ложь подорвала убеждения, столь дорогие для Сайруса и его последователей. А теперь Утрос вернулся!

Сайрус выглянул в открытое окно — видано ли, открытые окна при свете дня! Он смотрел, как воины в доспехах въезжают на просторную площадь, разглядывал роскошную униформу, знамена с символом пламени — символом некогда великой империи. Ох, это знаменательный день!

— Быстрее! — крикнул Сайрус последователям. — Возьмите мечи и все доспехи, что у нас есть. К оружию! Мы должны показать генералу Утросу, что помним его, что мы достойны его. Скорее!

Два десятка последователей похватили оружие со стоек, надели потрепанные шлемы, разномастные нагрудники и накидки — все, что могло придать им впечатляющий вид.

Они были бледны от жизни в тенях и покрыты струпьями и красными пятнами после столкновения с жисс. Сайрус знал, что вид их был ужасен, но они больше не могли ждать. Утрос здесь! У них никогда не будет лучшей возможности.

— Наш генерал наконец вернулся, — обратился к своим людям Сайрус. — Так побегим ему навстречу! — Он схватил меч, поднял его и выбежал на улицу первым.

С торжествующим ревом, не в силах сдержать восторга от того, что легенда стала былью, Сайрус и последователи высыпали на площадь.

* * *

Двери здания совета со скрипом открылись, и из них бежали бледные люди в зловещих серых плащах с капюшонами и в разномастных доспехах, у всех в руках были сверкающие мечи.

— Это Утрос! — закричал один из незнакомцев.

Появившиеся из здания люди двигались крадучись, по-паучьи, от быстрого шага плащи закручивались вокруг их ног. Они походили на маленькую кричащую армию. Почти сотня людей с поднятыми мечами приближалась, крича:

— Генерал Утрос!

Как только первый человек выбежал на яркий свет, он пошатнулся и заслонил глаза рукой, взмахнув клинком. Солнечный свет ослеплял. Устрашающая армия позади него тоже прикрыла лица ладонями и съежилась, но они продолжали брести вперед и все еще были вооружены.

Аве и Руве не нужны были приказы от Утроса, чтобы начать действовать. Увидев, что генералу грозит опасность, они послали серию огненных вспышек в передовую группу бледных жутковатых фигур. Даже когда пламя испепелило передние ряды, сестры продолжили метать молнии, поражая все новые цели.

— Мы защитим тебя, возлюбленный Утрос. — В голосе Авы сквозило удовольствие от вида падающих зловещих людей.

Утрос хмуро посмотрел на обугленные останки:

— Я хотел узнать, кто они такие. Почему они на меня напали?

Из глубин зловещих зданий послышался шум, многочисленные двери открылись. К потайным глазкам прижались лица, и бормочущие голоса все громче выражали свой гнев.

Глава 30

Когда группа Натана достигла верхней точки перевала Кол Адаир, он ощутил удовлетворение, если не триумф. Когда-то вместе с Никки и Бэнноном он пробирался через труднопроходимые горы над Язвой, чтобы достичь этого перевала.

Аббатиса Верна ехала на лошади рядом с ним; через несколько поворотов горной тропы их взору открылась великолепная вершина перевала. Натан тяжело дышал разреженным воздухом, но никак не мог наполнить легкие.

Генерал Зиммер и его солдаты собрались на открытом участке. Высшая точка перевала была отмечена большой каменной пирамидой, напоминавшей монумент в честь павших королей. Сейчас отряд Натана прилично опережал огромную армию.

— Отдыхаем час, — крикнул Зиммер. — Поешьте. Воду можно не экономить, на другой стороне будет много ручьев. Нам нужно продолжать идти к Твердыне.

Эмбер и Перетта смешались с сестрами Света, в то время как Оливер, заслонив глаза ладонью и прищурившись, смотрел вдаль, поражаясь тому, как далеко от дома он по-

бывал. Ренделл поник головой, словно раскинувшийся пейзаж был для него невыносим.

— Когда мы в первый раз достигли этой точки, — с грустью заговорил капитан Тревор, — Ренн упал на колени и принялся целовать камни, но на пути обратно он даже не остановился, чтобы восхититься видом. Ему так не терпелось вернуться домой, в Ильдакар. — Тревор тяжело вздохнул. — Теперь он никогда туда не вернется.

Две Морасит словно и не замечали резкого ветра. Они изучали крутой спуск по другую сторону перевала.

— Похоже, путь будет непростым, — сказала Лайес.

Натан посмотрел на западный склон и разглядел расколотые льды недавно сошедшей лавины.

— Огромной армии будет гораздо труднее продвигаться, чем нам. Солдатам часто придется идти гуськом. Мы сможем увеличить отрыв.

Он уселся на валун и достал из сумки книгу жизни. Онемевшими кончиками пальцев он провел по кожаной обложке. В книге была записана хроника его приключений — все, что он сделал с тех пор, как покинул Темные земли далеко на севере. Он исписал немало страниц, и едва мог поверить в то, что совершил и с чем столкнулся.

Верна села рядом с ним на большой камень:

— Ты уже бывал здесь, Натан. Что привело тебя в Кол Адаир в первый раз? Ты знал, что ждет по ту сторону перевала? Ты искал Ильдакар?

— Кол Адаир был тем местом, где я надеялся вернуть свой дар, — сказал он. — Но то был лишь шаг в длинном путешествии. — Испачканный балахон волшебника пришлось выкинуть, и теперь Натан был одет в более привычные черные штаны и рубаху с оборками. Старик положил ладонь на богатую рукоять меча и погладил выбритый подбородок. — Это было своего рода пророчество.

— Пророчество? — удивилась Верна. — Ты лучше остальных знаешь, насколько обманчивы пророчества — даже когда они еще работали. Развилки, истинные и ложные ответвления...

— Действительно, моя дорогая аббатиса. Именно поэтому сестры Света держали меня взаперти тысячу лет. — Он поднял брови. — И посмотри, к чему это привело! Дворец Пророков превратился в руины, а ваш орден просто не знал, куда себя деть. — Он фыркнул. — Так вам и надо. Вам следовало знать, что бывает, когда кто-то пытается помешать пророчеству.

— Тем не менее ты пришел сюда, следуя пророчеству. Разве ты не понимал, насколько это опасно?

— Отчаявшийся человек цепляется за любую надежду, а отчаявшийся волшебник найдет способ поверить в то, во что хочет верить. Кроме того, моя дорогая, я не пытался помешать пророчеству, а следовал ему. — Он открыл книгу жизни и пролистал к началу, не обращая внимания на свои аккуратные записи. На самой первой странице строки были написаны другой рукой. — Эти слова написала ведьма. Тогда мы еще не знали значение. — Он стал водить пальцем, читая вслух: — *«Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир»*. — Он выдержал паузу. — Видишь ли, дар покинул меня на борту «Бегущего по волнам». Я не мог прибегнуть даже к простейшей магии, не мог и искорки на ладони создать. Рэд написала эти строки, когда мой дар был в полной силе, но она каким-то образом знала, что я его потеряю.

— Это если ты правильно истолковал, — сказала Верна. — Ты пророк и знаешь, что человек воспринимает детали предсказания согласно своим желаниям.

— Я знал об этом, но в тот момент не вспомнил. Я был убежден, что как только окажусь в Кол Адаире, мой дар тут же вернется, и я достигну цели своего путешествия. Но нет, слова обещали, что я лишь увижу то, в чем нуждаюсь. — Он посмотрел на восток, за перевал. — Отсюда, благодаря миражу, мы увидели вдали мерцающий Ильдакар, когда саван вечности заколыхался. Вот почему мы направились туда. В итоге я действительно получил необходимое — сердце волшебника.

Натан поморщился от резкого укола боли в груди. Сердце Айвена забилося сильнее, словно пыталось вырваться из грудной клетки. Оно протестовало против нового хозяина.

— Что не так? — заметила его гримасу Верна. — Я видела, как ты иногда потираешь грудь. Сердце все еще тебя беспокоит?

— Сердце не совсем мое, — слабо улыбнулся Натан. — По крайней мере, так считает главный укротитель Айвен. — Ослабив шнуровку пышной рубашки, он распахнул ворот и обнажил длинный белый шрам на груди. — Повелитель плоти Андре вырвал мое сердце и заменил сердцем Айвена, чтобы возратить мне дар. Андре не был уверен, что план сработает, а я убежден, что Айвен вовсе не хотел в этом участвовать. — Он затянул шнуровку, укрыв грудь от холодных ветров перевала. — Это был не мой выбор, но я уже перепробовал все остальное. Пророк без пророчеств и волшебник без дара — я чувствовал себя совершенно бесполезным, Верна. — Он задумался, обращался ли когда-нибудь к ней просто по имени. — В тот момент я смирился с тем, что должен сделать, а сейчас уже нет причин сомневаться. Я снова обрел дар и буду сражаться с нашими врагами. Это все, что я могу сделать.

Верна в утешительном жесте положила ладонь ему на колено.

— А что значит последняя фраза пророчества — «колдунья спасет мир»?

— Я считаю, что эта часть относится к Никки, но она и так постоянно этим занимается.

После краткого отдыха они начали спуск по западному склону. Ведущие лошади шли гуськом, осторожно ступая по неровной каменистой земле. Во многих местах дорога была повреждена, засыпана скатившимися с гор валунами или сметена пластами льда и снега. Держась за луку седла, Зиммер раскачивался взад-вперед, пока конь шагал по неровной земле.

Он оглянулся через плечо:

— Наша лавина определенно нанесла большой урон, аббатиса.

Натан вздернул брови.

— Ваша лавина?

— Скоро увидишь, — сказала Верна.

Первые лошади уже пробирались через белое поле на склоне. Потревоженные обломки горной породы и льда все еще продолжали сползать вниз. Натану было некомфортно передвигаться по столь подвижной местности, и он мог только представлять, как трудно тут будет идти многотысячной армии в полном вооружении. К тому времени, как Натан и его маленькая группа достигнут Твердыни, войско отстанет как минимум на неделю.

Когда группа обогнула широкий полукруг свежего нагромождения снегов, Натан заметил среди белых глыб темные фигуры, отблески полированных доспехов и острые края щитов. Из застывшей массы торчала чья-то рука в перчатке. По мере приближения группы вороны, пировавшие замороженным мясом, с карканьем улетали.

— Это же тела! — Натан только сейчас понял, как много среди льда трупов; не сотни, а тысячи. — Добрые духи!

— Один из экспедиционных корпусов генерала Утроса, — сказала Верна. — Мы обнаружили их лагерь под Кол Адаиrom, ниже уровня ледников.

Зиммер натянул поводья и остановился рядом с ними.

— По нашим оценкам, здесь было десять тысяч солдат, марширующих в направлении Твердыни. Мы остановили их.

— Лед кое-где подтаял, но тела все еще заморожены! — выкрикнул Оливер, когда они с Эмбер и Переттой остановились возле края лавины.

— Не настолько, чтобы их не могли клевать вороны, — сообщила Перетта. — К лету тут останутся лишь обглоданные кости.

Натан попытался понять, что видит.

— Что вы сделали? Как сотворили такое?

Верна выглядела польщенной.

— Ренн был единственным волшебником в нашей компании, но среди нас были сестры Света и много одаренных ученых Твердыни. Вместе мы использовали магию, чтобы растопить лед в определенных точках, и пласты начали скользить по склону. Гравитация завершила начатое. — Она пожала плечами, словно это было совсем просто.

Стоя на краю ледяного поля, Натан разглядывал неисчислимые погребенные тела, доспехи, шлемы и лица с разодранной воронами кожей.

Морасит с уважением кивнула.

— Десять тысяч? — уточнила Торн.

— Впечатляющий счет, — заметила Лайес.

Натан повернулся к строгой аббатисе, увидев ее в совершенно новом свете.

— Я понятия не имел, что ты столь кровожадна, моя дорогая.

— Я могу такой быть, когда это необходимо.

— Полагаю, да. За прошедшие годы я не раз видел, как ты совершала непростые поступки.

Натан и аббатиса часто бывали в напряженных отношениях. Она считала его опасным из-за пророческого дара, а после его побега из Дворца Пророков пыталась его изловить. Натан всего лишь хотел свободы, хотел впервые жить по-настоящему, хотя ему уже была тысяча лет. Он действительно нашел приключения и любовь, и не раз.

Он вздохнул.

— После того как Клариссу убили, я был так зол на тебя, что сломал тебе челюсть.

Верна опустила голову:

— Я сожалею об этом.

— Ты сожалеешь? Но это я ударил тебя по лицу.

— Тогда многое было по-другому. Раны исцелились.

Натан думал о прекрасной и невинной Клариссе, об аббатисе Энн, которую он тоже любил... и об Эльзе, которая совсем недавно пожертвовала собой и погибла смертью храбрых.

— Не все излечивается полностью.

Он пнул руку в боевой перчатке, торчавшую из льда и снега. Больше не злорадствуя над кровавым побоищем, он и его товарищи двинулись к Твердыне.

Глава 31

Да, она возьмет голову норукайского короля. Это станет новым трофеем, ее новым заданием. Адесса сочла это достойным.

Она снова чувствовала себя живым человеком с целью — с целью, подходящей Морасит. Мешок с головой главноко-

мандующего волшебника бился о бедро, пока она бежала вдоль реки вместе с Лилой.

Отрубленная голова хранила молчание, и Адесса была рада не слышать его насмешек и не смотреть на разлагающееся лицо. Может, Владелец заставил его замолчать навсегда. Но Адессу беспокоило то, что Лила, кажется, вообще не слышала Максима.

Когда девушка рассказала, что случилось с Ильдакаром, Адессе показалось, что из-под ног уходит земля. Она без конца спрашивала себя, было ли убийство Максима достаточно важной целью. Теперь он мертв, и что ей осталось, кроме как нести его голову в Ильдакар? В город, которого больше не существовало.

Даже это у нее отобрали. Пустоту заполнял лишь ехидный смех Максима, но теперь Лила дала ей новую миссию. Бэннон ничего не значил для Адессы, но она волновалась за свою сестру Морасит. Значит, задача Лилы была и ее задачей. Кроме того, ей нравилась идея убить короля Скорбь.

Две женщины могли бежать часами, изредка прерываясь на краткий отдых. Лила спешила, потому что змеиные корабли, хотя и бросают якорь время от времени, быстро плывут по реке Киллрейвен. Чтобы план осуществился, придется опередить три корабля и расставить ловушку.

Звериная тропа превратилась сначала в пешую, а потом и в настоящую дорогу, когда они достигли окраины рыбацкой деревушки. Женщины обошли поселение по широкой дуге, потому что встреча с людьми лишь задержала бы их. Когда они наткнулись на охотника, который брел домой с выпотрошенным олененком на плечах, мужчина был так ошарашен видом бегущих на него Морасит, что бросил добычу и схватился за лук. Две женщины, почти не замедлив шага, промчались мимо.

— Предупреди своих! — крикнула через плечо Лила. — Идут норукайские корабли, и они убьют людей в деревне и сожгут ваши дома. Уведи всех в безопасное место.

Мужчина устался на них, но они уже скрылись в лесу.

— Похоже, мы опережаем налетчиков, — заметила Адесса. — Иначе деревня была бы уже уничтожена.

Лила ускорила:

— У нас есть шанс устроить засаду, если найдем подходящее место.

Ближе к вечеру они заметили мыс. Лила остановилась и критически огляделась. Морасит улыбнулась.

— Можем сложить здесь костер, и на норукайских кораблях обязательно его заметят. Мы будем дразнить их и заставим подойти ближе.

— Это станет для них вызовом, — с хищной ухмылкой ответила Адесса. — Если король Скорбь не трус, он встретится со мной.

Близился закат. Корабли налетчиков приближались, но они встанут на якорь для ночевки. Две Морасит ходили по зарослям, ломая высохшие ветви и собирая сухую болотную траву. Все это они складывали в кучу на косе, чтобы потом зажечь большой костер.

Адесса нашла поваленное дерево с полой сердцевиной, из которого можно было изготовить барабан. Вместе они подтащили его к краю воды, чтобы Адесса могла сидеть перед костром, ритмично и громко стуча по полому бревну. Тем или иным способом она привлечет внимание норукайцев.

Две женщины ждали наступления темноты; шум реки стал более громким и зловещим. Адесса смотрела на пустую водную гладь, выглядывая что-то в полумраке и прислушиваясь.

Наконец, она улыбнулась своей напарнице:

— Ты это слышишь?

Над водой разносились грубые голоса и скрип дерева.

Лила сунула кинжал в ножны, проверила нож-эйджаил на боку и Крепыша, которого носила на спине.

— Я буду готова. Устрой диверсию, а я спасу Бэннона. Вот наша миссия.

Адесса ответила волчьим оскалом, а затем посмотрела на мешок.

— Мы привлечем их внимание, не переживай.

Лила помчалась вдоль берега, чтобы занять позицию в кустах, а Адесса тем временем разожгла костер. Пламя быстро охватило тростник и траву, став жарким. Сигнальный огонь взвился ввысь, привлекая внимание змеиных кораблей.

Когда она шагнула к полому бревну, из мешка донесся приглушенный голос:

— Владелец хочет заполучить тебя.

— Владелец получит всех нас в свое время. Я хочу, чтобы тебя он забрал сейчас.

— Бедняжка Адесса... — сально и насмешливо произнес Максим.

— Тихо! — Эхо крика Адессы разнеслось по реке, и она услышала удивленные голоса с норукайских судов.

Она села рядом с полым бревном, скрестив ноги, и принялась бить по нему веткой, издавая громкий стук. Когда голова Максима продолжила издеваться над ней, она просто застучала громче, пытаясь заглушить его голос.

Грозные змеиные корабли приблизились, привлеченные ярким костром и ритмичным стуком, и тогда Адесса встала и пошла к воде. Ее силуэт был четко различим на фоне яркого пламени. С кораблей доносились насмешливые крики; грубые налетчики указывали на нее пальцем, словно она была глупой девчонкой.

Она крикнула достаточно громко, чтобы перекрыть улюлюканья:

— Я Морасит из Ильдакара, и я вызываю на бой короля Скорбь. Сегодня я собираюсь кое-кого убить.

Змеиные корабли, едва видневшиеся в последнем закатном свете, приближались по основному руслу реки. В ответ на ее вызов над водой раздались сильные крики.

Адесса уверенно стояла в полный рост, взывая к ним:

— Скорбь слишком труслив, чтобы встретиться со мной лицом к лицу? Очень хорошо, пусть придет менее значимого норукайца или двух, если думает, что этого достаточно для битвы с Морасит.

С ведущего корабля на воду с плеском спустили небольшую лодку. Двое широкоплечих норукайцев с безобразными шрамами, превратившими их лица в гримасы, гребли к пятачку земли с костром, где дожидалась Адесса. У каждого мужчины было зловещее оружие, которое она проигнорировала. У нее были короткий меч, кинжал и нож-эйджаил — рукоять с рунами, о которой норукайцы не знали. Еще при ней был окровавленный мешок с головой; она отказалась оставлять на берегу трофей. Максим пойдет с ней.

Она пошла по неглубокой воде навстречу к лодке. Адесса сердито смотрела на норукайцев, словно они ее оскорбили.

— Я разочарована столь скромным эскортом. Норукайцы еще недостаточно меня боятся.

Налетчики зарычали, словно были не в состоянии говорить по-человечески.

Она забралась в лодку, которая еще не успела пристать к берегу, и величественно уселась на носу. Пока норукайцы гребли к змеиному кораблю, она сидела к ним спиной, пристроив испачканный мешок у себя на коленях.

Норукайцы столпились вдоль борта верхней палубы, наблюдая за ней со странным любопытством. Адесса снизу

вверх смотрела на их лица, пытаясь вычислить, кто из них Скорбь.

Она увидела покрытого шрамами белокожего мужчину, который вертел головой во все стороны, чтобы разглядеть ее получше.

— Мой Скорбь! — Альбинос склонил голову к стоявшему рядом мужчине, у которого на талии была толстая цепь, а в плечо вживлены костяные шипы. — Мой Скорбь, король Скорбь! Заставь ее скорбеть.

Закрепив мешок на поясе, Адесса покинула лодку и вскарабкалась по веревочной лестнице, опущенной с борта корабля. Она не выказывала страха перед налетчиками.

— Смерть витает в воздухе, — зашептал из мешка Максим. — Кто-то умрет. С кем ты будешь сражаться? Кого убьешь, или кто убьет тебя? Лучше приготовься, Адесса.

— Помолчи. — Забравшаяся на палубу Адесса уверенно стояла на вымытых досках. Когда вокруг столпились норукайцы, она демонстративно достала меч. — Король Скорбь достаточно храбр, чтобы со мной встретиться? Я хочу его крови.

Налетчики грубо расхохотались. Скорбь шагнул вперед. Он действительно был пугающим человеком.

— С чего мне тратить свое время на драку с тобой? Если я захочу поупражняться, то норукайцы — более достойные соперники.

— Ты сразишься со мной, потому что я хочу тебя убить, — сказала Адесса.

Норукайцы смеялись над ее дерзостью, и даже Скорбь усмехнулся.

— Женщина не всегда получает то, чего хочет. Я разочаровал многих, кто меня страстно желал.

Покрытые шрамами моряки прыснули со смеху. Адесса молча смотрела на короля. Скорбь заметил окровавленный мешок у нее на поясе.

— Что это? Подарок для меня?

Она положила мешок на бочку и приспустила ткань, показывая гниющую голову.

Шаман-альбинос принялся восторженно скакать вокруг.

— Топор рубит древесину. Меч рубит кости!

— Тихо, Мелок. — Когда Скорбь наклонился ближе, уголки его рта со шрамами опустились. — Кто это? Зачем мне такой подарок?

— Этот подарок не тебе. Это главнокомандующий волшебник Максим из Ильдакара. Мне приказали принести его голову. — Адесса оставалась каменно спокойной. Теперь ее руки были свободны, и она дотронулась до короткого меча. — Я собираюсь сделать из твоей башки второй трофей.

Норукайцы подступили ближе, собираясь позабавиться во время предстоящей битвы. Уже совсем стемнело, поэтому они принесли фонари, чтобы осветить палубу, и освободили место для боя. Скорбь держал в правой руке грозный боевой топор.

— Ладно, давай поиграем, — сказал он.

Эти двое столкнулись лицом к лицу.

Глава 32

Армия Утроса, раздосадованная и разозленная тем, что на смертоносном лугу погибло так много солдат, маршировала к горам. Временно руководивший ими первый командующий Енох ехал на боевом коне, завернувшись в малиновую накидку, обозначающую его ранг. Медный шлем блестел на солнце, а тело казалось сделанным из железа, твер-

же и прочнее камня, в который на многие века были превращены солдаты.

Поскольку генерал отправился в Ороганг, Еноху пришлось возглавить более сотни тысяч бойцов. Но он никогда не умел вдохновлять подчиненных так, как это делал Утрос. После пробуждения от заклинания окаменения погибло уже немало солдат; все они потеряли свои семьи много веков назад, когда в последний раз выступили из дома под знаменами генерала Утроса.

Именно Утрос вдохновлял их неугасимую верность. Енох, хотя и старался сплотить армию, видел трещины, появившиеся в рядах солдат. Горстка уцелевших ильдакарцев убивала их по одному, а затем сразу сотни солдат погибли на поле ядовитых цветов, угодив в ловушку. Это стало сильным ударом по их доверию к Еноху.

В тот день Енох ехал не впереди, а среди строя, чтобы поддержать моральный дух. Несколько досаждающих нагледцов с легкостью спровоцировали его авангард, а потом гнусно обманули. К тому времени, как Енох добрался до первых рядов, широкий луг уже был усеян корчившимися в муках солдатами.

Теперь, преодолевая нескончаемые горы, Енох стиснул кулаки и ощутил, как натянулась кожа перчаток. Он хотел размазать о скалы каждого из мятежников. Даже тысяча жертв не сильно сказалась на мощи огромной армии, но произошедшее нанесло удар прямо по сердцу их морального духа.

Сейчас он был командиром армии.

У солдат не было припасов, они голодали и осознавали это, хотя и оставались в живых благодаря жуткому заклинанию, которое изменило их пищеварение и метаболизм. Инстинкт заставлял их срывать листья деревьев, траву и цветы — словно они были саранчой. Они сжирали любых живот-

ных, которых удавалось поймать. Енох подозревал, что если бы тела павших солдат не были пропитаны смертельным ядом, то наиболее отчаявшиеся воины могли бы съесть человеческую плоть. Он в спешке повел грозное войско к следующему гребню, прочь от ядовитых цветов и манящего мяса...

Енох еще быстрее погнал армию вперед, когда они поднялись в горы. Он хотел, чтобы Утрос вернулся и присоединился к ним. Армия нуждалась в своем генерале, хотя Енох с опаской думал о том, как будет объяснять вернувшемуся Утросу такой провал...

Марширующая армия растянулась на полмили, углубившись в горы и поднимаясь выше линии роста деревьев, к высокому перевалу впереди.

Подняв кулак в перчатке, Енох громко обратился к передним рядам, которые потом передадут его слова дальше:

— Разведчики нашли впереди большое горное озеро! Там мы разобьем лагерь и заночуем. Всего час, и мы будем на месте.

Наконец они дошли до окруженной скалами чаши под последней грядой высоких пиков, где их ждало горное озеро. Здесь будет последняя стоянка перед энергичным рывком к перевалу Кол Адаир. Первые ряды стали устраиваться у озера, находя пяточки сухой земли, где можно было заночевать.

Первозданная висячая долина создавала ощущение умиротворения и поражала красотой. Енох глубоко вдохнул свежий холодный воздух. Суровые неприступные скалы были по-своему прекрасны. Озеро, питаемое талым снегом и горными ручьями, отражало пелену вечерних облаков, словно огромное зеркало.

Солдаты разбивали лагерь и собирали скудные дрова для костров, создавая успокаивающий шум. Обычно было

больше болтовни, громогласных вызовов и азартных игр, но сейчас войско выглядело угрюмым и измученным.

Енох посвятил жизнь армейской службе. Он гордо маршировал под знаменем генерала Утроса, но оставил надежду завести настоящую семью или уйти в отставку, чтобы довольствоваться маленькой фермой и фруктовым садом за пределами Ороганга. Теперь генерал возложил на него немалую ответственность, и Енох получал удовольствие от руководства такой великой армией; но, если Утрос вскоре не вернется, часть солдат дезертирует, чтобы жить как нравится.

Нескончаемый поток солдат продолжал прибывать в долину. Сержанты по снабжению набирали в бочки питьевую воду, а повара готовили скудный ужин из оставшихся припасов. Остальные бойцы снимали с себя доспехи и бежали к холодной воде, чтобы умыться. Они брызгали на лица, споласкивали грязные волосы. Хотя вода была ледяной, некоторые поплыли к выступающим из воды камням. Наконец, их напряжение начало спадать, словно смытая дорожная пыль. Некоторые даже смастерили из ивовых прутьев удочки и принялись ловить форель.

Вдруг среди людей на берегу воцарилась странная тишина, и Енох ощутил, как в воздухе что-то изменилось. Несколько пловцов в шоке завопили, а потом скрылись под водой — и больше не появились. Другие стояли на берегу и настороженно выглядывали врага.

Стоявший в отдалении от берега Енох крикнул:

— Берегитесь воды!

Он протолкался через солдат, пытаясь добраться до озера.

Воины, столпившиеся у берега, зачарованно смотрели в глубокую воду и ахали. Несколько человек прямо в доспе-

хах шагнули в воду, словно соблазненные непреодолимой силой; они глубоко нырнули, но так и не вынырнули.

Подбегали все новые солдаты. Один из младших офицеров закричал на свой отряд, хватая за плечо сопротивлявшегося солдата, чтобы оттянуть его от берега, но потом тоже уставился на воду, словно под воздействием заклинания. Он упал на колени и погрузился в воду прямо в кольчуге. Проплыв немного вдаль, он утонул.

Вместо того чтобы испугаться, солдаты на берегу начали с тоской и удивлением выкрикивать имена:

— Элис! Элис, как ты здесь оказалась? Я так скучал по тебе...

— Джейн! Ох, и наши дорогие дочери! Я спасу вас. Я иду к вам!

— Мам, я тебя слышу! Я вижу тебя. Мам, подожди меня.

Солдаты с одержимой сосредоточенностью смотрели в воду, не слыша товарищей, которые были прямо рядом с ними. Они видели лишь то, что захватило их взор и разум. Отчаянно и безрассудно они бросались в воду и плыли прочь от берега. Еще больше воинов бросилось вперед в попытке остановить товарищей, но зачарованные мужчины сопротивлялись, отказываясь от спасения. В считанные мгновения спасители попадали в плен той же иллюзии и тоже оказывались обречены.

Они тянули вперед руки, некоторые рыдали.

— Я думал, ты умерла. Как ты здесь оказалась?

— Я иду к тебе.

Енох должен был спасти своих людей.

— Отступайте! Уходите от озера. — Он рванул вперед, расталкивая солдат, тряся за плечи и толкая на землю. — Вы совсем сдурели? Вода опасна. Назад! — Он сбивал солдат с ног и кричал другим, чтобы они спасали товарищей и оттаскивали от берега любой ценой. — Не смотрите в воду!

— Енох колотил мужчин, расталкивая их и пробиваясь к берегу. Это безумие, сущее безумие! Он не видел, что напало на его войско.

Когда Енох посмотрел в озеро, вспененное борющимися мужчинами, то увидел участок гладкой воды, под поверхностью которого виднелись лица. Он услышал голоса, от которых сердце затрепетало. Стиснув зубы, он попытался заставить себя отвернуться... но взгляд женщины поймал его, как силки кролика. Он узнал ее лицо, улыбку с милым сколом на переднем зубе, кудрявые каштановые волосы, изогнутые брови, которые привлекли его внимание, когда она в первый раз ему улыбнулась — когда-то давным-давно.

— Камилла? — прошептал он и вдруг понял, что не слышит царившего вокруг шума. Больше его ничто не интересовало. Это невозможно!

Само упоминание имени придало видению сил. Она протянула тонкие пальчики и дотронулась до поверхности воды снизу.

— Енох, любовь моя. Я ждала тебя, ждала целую вечность.

Ему показалось, что тело снова обратилось в камень.

— Камилла?

— Енох, почему ты не вернулся ко мне? Ты оставил меня. Это было так давно!

Отношения с ней были самыми близкими к любви из тех, что он себе позволял. Камилла была служанкой в таверне Ороганга, и он виделся с ней каждый раз, как возвращался в столицу. Она всегда была готова согреть его постель, но он отказывался жениться на ней, потому что был предан военному делу. Он знал, что будет уходить на долгие месяцы или годы и скорее всего погибнет на далеком поле боя; он слишком ценил Камиллу, чтобы привязывать к себе.

Но она сама посвятила себя ему, говорила, что обожает его. У них было двое сынишек, которых Енох едва знал — Аарон и Алекс. Как только он подумал о них, мальчики появились под водой рядом с Камиллой. У них были ясные глаза, веснушки и курносые носы; в их лицах сквозили его черты.

— Отец, иди к нам, — в унисон воскликнули мальчики.

У Еноха перехватило дыхание. Он не удержался и подался вперед. У него заныло сердце.

— Да, я оставил тебя много лет назад, хотя и не должен был.

Рядом в воде были тысячи солдат, но он не слышал и не видел ничего, кроме своих близких, мерцавших под поверхностью горного озера.

— Иди к нам, — умоляла Камилла. — Владелец хочет тебя заполучить. Ты порядком задержался.

Рядом с любимой женщиной Еноха и двумя сыновьями появилось лицо седого отца. Старик многое дал ему и преподал много непростых жизненных уроков. Отец всегда сохранял чувство юмора и мудрость.

Мир Еноха перевернулся. Глубокая вода словно взывала к нему.

— Ты принадлежишь преисподней, как и мы, — сказал старик.

Вспомнив о долге, Енох постарался упорядочить мысли и заговорить твердым командирским тоном:

— Кто вы такие? Мой отец и семья давно мертвы.

— Да, мертвы. И тебе следовало бы, — сказал юный Алекс пугающе взрослым голосом.

— Иди к нам, — снова сказала Камилла.

— Теперь, когда все солдаты пробудились, Владелец жаждет заполучить ваши души. Он знает, чего лишился, — сказал отец Еноха. — Знает, что у него отобрали на все эти

долгие годы. Ты принадлежишь преисподней. Все вы должны быть с нами.

Голос отца приобрел знакомую суровость, и Енох вздрогнул от выговора.

— Ты должен был оказаться с нами много веков назад, — сказал Аарон. — Теперь Владелец хочет тебя заполучить.

— Он хочет всех вас, — произнесли все они в унисон.

С неимоверным усилием Енох разорвал контакт. Он зажмурился и замотал головой, заставляя себя отшатнуться и побрести к берегу, где и рухнул на землю. Шум вокруг вернулся неконтролируемой волной. Уставившись в небеса, он вдруг слышал все стоны и вопли солдат. Они умирали сотнями, принося себя в жертву озеру, отдавая себя Владетелю.

— Нет! — Енох заставил себя подняться.

Армия гибла на его глазах, целыми рядами забегая в озеро. Это было намного хуже, чем поле ядовитых цветов. Последние подразделения, подходившие к озеру, видели, что происходит что-то ужасное, но не понимали, что именно.

Енох ворвался в расположение основных сил, и проревел команду тоном, которому научил его генерал Утрос:

— Не слушайте! Не смотрите в воду. Держитесь от нее подальше!

Он знал, что солдат на берегу уже можно считать погибшими. В воде уже плавало много тел. Он сам рыдал, отворачиваясь от отчаянной мольбы родных, но все же отказался идти легким путем.

— Спасайте кого можете, — заорал он ближайшему лейтенанту, — но не приближайтесь к воде!

Перепуганные солдаты передавали другим его приказы, и предупреждение об опасности распространилось со скоростью лесного пожара. Енох боролся со своими же солдатами, оттаскивая от берега кого мог. Те, кто подошел к воде

слишком близко, с ужасом смотрели на утонувших, но еще не понимали опасности.

По расчерченному боевыми шрамами лицу Еноха катились слезы, пока он пытался заставить армию обойти озеро и направиться сразу к горному перевалу.

— Покинуть лагерь! Идем дальше! Здесь нельзя останавливаться.

Он вскочил на коня и рванул в галоп, уводя их от ловушки. Десятки тысяч солдат в замешательстве и ужасе следовали за ним в холодные горы. Еноху казалось, что сердце снова обратилось в камень. Он ехал к перевалу, задаваясь вопросом, действительно ли его армия жива, или эти солдаты на самом деле давно умерли и просто не осознавали этого.

Глава 33

Никки, крайне истощенная и ослабевшая от потери крови, погрузилась в глубокий сон, больше походивший на беспамятство. Мрра осталась в прохладной спальне, чтобы оберегать сестру-пуму. Большая кошка свернулась в клубок рядом с Никки, чтобы та ощущала касание густого мягкого меха и мощного кошачьего тела.

Кровожадные жисс были заперты в тюрьме, где голодали и сокращались в численности, а Прячущиеся люди смогли вернуть себе город и выходить на солнечный свет.

Через толстую пелену сна пробились громкие звуки. Никки очнулась из-за суматохи внутри каменных зданий. Колдунья рывком села, не обращая внимания на никуда не отступившую усталость. Мрра пружинисто поднялась и повернулась к остаткам расколотой двери, которую накануне сама разодрала когтями, чтобы вырваться из заточения.

Никки соскользнула с кровати. Голова пульсировала от боли, колени дрожали, из-за сотен укусов ее бледная кожа была покрыта багровыми волдырями. Она попыталась встряхнуться, чтобы картинка перед глазами не расплывалась.

— Идем, Мрра. Посмотрим, что там.

Никки вместе с кошкой бежали по освещенным факелами коридорам к главному входу. Прячущиеся столпились у высокого дверного проема, глядя на солнечный свет так, словно все еще его боялись.

Присевшая в тени юная Аша повернулась к ней со смесью отчаяния и надежды на лице.

— Никки, нам нужна твоя помощь!

Когда девочка схватила ее за руку, Никки вздрогнула, ощущая боль от кровоподтеков и укусов. Усталость была ошеломительной.

— Я уже спасла вас. Жисс сбежали?

Мужчина, стоявший рядом, покачал головой.

— Нет, не жисс — армия! Он вернулся!

— Какая армия? — Она была удивлена таким заявлением и не совсем понимала, в чем дело.

— Тысяча солдат с символом императора Кергана! Сайрус сказал, что это генерал Утрос. — Аша поникла головой. — А теперь он мертв.

Бессмыслица какая-то.

— Генерал Утрос где-то далеко. Зачем ему приходить сюда?

— Здесь его столица, — сказал другой мужчина, кутавшийся в серый плащ. — С ним две колдуньи. Сайрус и десяток последователей вышли генералу навстречу, но колдуньи обратили их в кости и пепел.

От такой новости Никки ощутила прилив сил, хотя в ушах еще звенело, а голова пульсировала от боли. Она про-

бралась мимо людей в тусклых одеждах и остановилась перед высоким дверным проемом.

— Две колдуньи?

Солнечный свет бликовал на многочисленных щитах, мечах, кольчугах и доспехах. Сотни всадников заполнили главную площадь. Генерал Утрос в рогатом шлеме и золотой маске сидел на вороном жеребце. Рядом стояли две лысые женщины с разрисованной кожей.

Не колеблясь, Никки вышла на яркий свет, чтобы встретиться с ними.

* * *

В воздухе витал запах горелой плоти. Утрос держал поводья, разглядывая испепеленные тела в серых одеждах. Теперь ему нужны новые пленники, которых можно допросить.

Ава выглядела удрученной из-за того, что разочаровала генерала.

— Уверена, они собирались атаковать.

— Взгляни на тени, — сказала Рува. — Там прячется еще больше людей. Они наводнили твой город — то, что от него осталось. Мы должны избавиться от них.

В почерневших до костей руках погибших были отличные мечи. Утрос задумался, не были ли скрытные люди в серых плащах остатками потерянной армии, оставленной в руинах. Уже настороженно он оглядывал огромные башни и резьбу на стенах, изображавшую сильно преувеличенную славу Железного Клыка. Город стал производить более злое впечатление после того, как колдуньи уничтожили первых нападавших — или это были переговорщики? Любопытствующие? Их не следовало убивать так быстро.

— Я генерал Утрос, и я вернулся в Ороганг, — крикнул он, обращаясь к теням. — Если ваш император не достоин, тогда я стану вашим новым правителем.

Его громкие слова спугнули голубей с высоких карнизов. Солдаты наводнили площадь, выстроив коней рядами. Он слышал бряцанье амуниции, скрип кожаных доспехов и музыкальный звон доставаемых из ножен мечей, пока они ждали ответа в зловещей тишине.

— Покажитесь! — крикнула Ава. — Склонитесь пред генералом Утросом.

— Прячутся, как жуки в гниющем бревне, — пробормотала Рува. Она с отвращением посмотрела на почерневшие тела, лежавшие на плитах впереди. — Мы уничтожим их всех, чтобы вернуть твой город.

Бледные люди явно боялись обычного солнечного света, и Утрос решил, что они просто мусорщики, человеческие отбросы, которым не место в прославленной столице.

Утрос повернулся к своим солдатам:

— Разбейтесь на отряды и пройдите по основным зданиям. Зачистите их и соберите людей. Мы их допросим.

Он развернулся лицом к внушительному дворцу, где когда-то восседал на троне Железный Клык. Утрос помнил тянувшиеся к небесам башни, контрфорсы и арочные окна, ныне заложённые кирпичом.

Но главный вход был открыт, и внутри сгрудились фигуры. Наверняка они видели, как Ава и Рува сожгли первую группу посланцев, и он планировал вселить в их сердца еще больший страх. Он собирался заехать на вороном жеребце через ворота и направиться прямо к тронному залу, как герой-завоеватель.

Одинокая гордая фигурка смело вышла на солнечный свет. Черное платье, облежавшее стройную фигуру, разительно отличалось от изорванных серых лохмотьев осталь-

ных. Ее светлые волосы были неровно острижены, а пронизательные голубые глаза смотрели на него так, словно рядом не было ни солдат, ни колдуний. Она смотрела на него, и только на него.

— Я готовилась нанести тебе поражение в Ильдакаре, генерал Утрос, — сказала Никки. — Но теперь я вышвырну тебя из Ороганга.

* * *

Яркое солнце подчеркивало красные пятна на ее коже, но Никки собрала все свои силы. Она не осмеливалась позволить Утросу или его колдуньям увидеть, насколько она исчерпала силы в ночной битве.

Ава и Рува прожигали ее взглядами, а потом одновременно подняли руки, готовясь напасть. Никки ощутила волны призванного ими дара и приготовилась поднять щиты. Она твердо намеревалась уничтожить сестер, но ее настоящим врагом был древний генерал.

Никки обратилась к подавленным Прячущимся людям, наблюдавшим из теней дверных проемов и окон.

— Взгляните на человека, статуе которого вы поклонялись, на человека, о котором говорилось в легендах. Это генерал Утрос. — Она перевела взгляд на почерневшие тела, распластанные на плитах перед черным жеребцом. — Сайрус и последователи боготворили его, хотели предложить ему свои мечи — и он просто стер их с лица земли. Что же он тогда сделает с остальными? Генерал Утрос не ваш герой. Он хочет покорить Древний мир ради себя.

— Мы думали, ты сгинула вместе с Ильдакаром, — проорывал Утрос. — Кто эти люди, кроющиеся в тених Ороганга? Почему они наводнили мою столицу?

— Они потомки тех, кто сверг императора Кергана и объявил город своим. — Никки сделала еще шаг вперед. — Тебе здесь не рады.

Ава и Рува воззвали к дару, и над их головами возник клубок гневных облаков. Поднявшийся ветер напугал лошадей древней армии.

Никки создала невидимый щит, чтобы отразить первую атаку, и это потребовало тревожно много усилий. Не показывая слабости, она неотрывно смотрела на Утросу.

— Если великий командир нуждается в прислужниках для защиты, то легенды о генерале Утресе сильно преувеличены.

Близнецы зарычали, согнув пальцы для новой атаки.

Утрос жестом остановил их:

— Я не нуждаюсь в защите, но могу позволить Аве и Руве поиграть.

Он перестал их сдерживать. Близнецы плавно зашагали к Никки, напоминая рептилий на горячих камнях. Она встретила их улыбкой, которая была острее любого клинка.

— Вы пытались убить меня и моих друзей, атаковали меня моими же волосами. — Никки дотронулась до неровных светлых прядей. — Настало время сполна вам отплатить.

Усилием мысли она создала на ладони огонь волшебника — мерцающий и обжигающий шар, — который швырнула в собравшихся на площади солдат. Расплескавшийся огонь испепелил пятерых; ряды войска смешались.

В каменных зданиях позади нее распахнулись тяжелые двери, и из них появилась толпа Прячущихся людей, разозленных увиденным и вдохновленных словами Никки. Крича, они побежали вперед в удивительно скоординированной атаке, сжимая в руках оружие из арсенала, который Сайрус и его последователи хранили долгие века.

Армия генерала развернула лошадей, и их стройные ряды дрогнули, когда они столкнулись с прозрачными противниками, в огромном количестве хлынувшими на них из каждого здания.

Утрос поднял лицо в золотой маске и выкрикнул приказ:

— Стереть их в порошок! Наша численность в десять раз больше!

На площади разразилась настоящая битва. Древние солдаты рубили закутанных в плащи противников. Но все больше Прячущихся появлялось из зданий, и их численность возрастала с каждой минутой.

Ава послала в Никки волну ослепительного света, но щит отразил взрыв. От усилий Никки пошатнулась, но тут же укрепила защиту, пытаясь отыскать больше сил в глубине себя. Она двинулась к близнецам. Рува сделала жест, словно махнула хлыстом, и черная буря над головой превратилась в зловещий ураган. Никки ответила завесой воздуха, которая повалила одну сестру на другую. Генерал пытался удержать под контролем своего жеребца, который взвился на дыбы.

Под безрассудной атакой Прячущихся людей древние солдаты смешали строй и вступили в поединки. Многие поворачивали своих скакунов на месте, чтобы те копытами били бледных людей. Другие рубили нападавших мечами. Все прибывавшие Прячущиеся кололи боевых коней, рубили по ногам солдат и стаскивали их с седел. В воздухе звенели крики и лязг оружия.

Среди шума Никки услышала первобытный рык, и Мрра бросилась в бой. Большая пума прыгала на древних солдат, разрывая глотки и полосуюя грудные клетки.

Продвигаясь вперед, Никки развела ладони и послала волны ветра, которые разметали всадников, словно те были фигурками на доске для игры в хар'кур. Прячущиеся беспо-

рядочно атаковали острыми клинками, в то время как Мрра разила врага когтями и клыками.

Утрос пустил коня в галоп, рванув на другую сторону площади. Каждая из близняшек послала в Никки обжигающую молнию, но колдунья успешно их отразила. Молнии срикошетили, расколов плиты. Взгляд Никки был направлен на ее настоящего врага — Утроса.

Осторожно манипулируя даром, Никки нащупала резонансную частоту гранитного монолита, высившегося на тридцать футов над генералом. Состоявшая из сегментов колонна содрогалась и раскачивалась, пока она перемещала камни основания. Когда Никки ослабила основание колонны, по нижнему блоку побежали трещины, и вскоре он обратился в пыль. Огромный столп начал падать на Утроса.

Он спрыгнул с коня и побежал в сторону, а напуганный жеребец умчался прочь. С невообразимым грохотом монолит раскололся на десятки частей, и во все стороны брызнули обломки.

— Ты мой, Утрос, — сказала Никки, шагая к нему. — Не убегай.

Генерал повернул к ней закрытое золотой полумаской лицо и достал длинный меч из ножен у бедра.

— Убегать? Да я тебя расплющу.

Сосредоточенная на генерале Никки была застигнута врасплох, когда Ава и Рува атаковали ее со спины. Черная ткань платья задымилась, обжигая кожу, но Никки потушила ее силой мысли. Ноги дрожали от напряжения, но она шла вперед. Воздух обжигал горло и ноздри.

Пока в центральном комплексе Ороганга разворачивалось сражение, Никки мысленно насмехалась над павшей статуей императора Кергана, у которой были отломаны руки и голова, а черты размыты временем. Неподалеку, среди прочих монументов, стоял пустой и безмолвный колодец

загадочной сильфиды. Никки подумала, что неплохо было бы швырнуть генерала Утроса в эту бездонную яму.

Объединив усилия против ее контратаки, близнецы обрушили на Никки еще одну молнию, но она усилила щиты и развернулась к ним. Утрос — всего лишь человек, и неважно, насколько он силен и прославлен в легендах. Но две колдуньи действительно отвлекали.

Ава запрыгнула на торс статуи Кергана и вызвала очередную молнию, ослепившую Никки. Стоявшая внизу Рува с силой ударила пяткой о землю, посылая ударную волну, от которой по плитам площади прошла рябь. Выбрав правильный момент, Никки подпрыгнула. Она приземлилась на неустойчивые плиты уже после того, как волна прошла под ней. Никки ответила ударом молнии — чистой энергией, призванной с небес. Близнецы отчаянно создали щиты, которые трещали и искрились.

— Я сильнее вас, — сказала Никки.

Близнецы отступили на соседнюю площадь, и Никки последовала за ними, пообещав себе их уничтожить. Оставшийся без коня генерал ринулся к ним, обнажив меч и приготовившись сражаться вместе с колдуньями. Они собрались под огромной статуей Утроса, нависавшей над площадью.

Ава и Рува развернулись к ней, создавая магическую защиту для своего командира. Никки сжала воздух, выковав из него невидимый нож, и полоснула им. Рува поспешно подняла щит и почти полностью заблокировала атаку, но невидимый клинок Никки оставил длинный порез на ее правой руке. Рува закричала от боли, и ее сестра швырнула в Никки ударную волну, переплетенную со стеной огня.

Никки увернулась, и сокрушительный магический удар прошел мимо, врезавшись в основание статуи Утроса. По ногам, больше походившим на столбы, побежали трещины.

Рува взвыла, увидев трещины на мускулистых каменных ногах. Обе женщины закричали, когда на них начала падать громадная статуя. Утрос и Рува выскочили из зоны поражения, но Ава бросилась в другую сторону. Она отшатнулась на два шага, когда каменная фигура с грохотом рухнула на землю. Во все стороны полетела каменная крошка, поднялись клубы пыли.

— Утрос! — Ава с ужасом смотрела, разинув рот.

Никки воспользовалась моментом ее уязвимости, чтобы призвать еще один разряд молнии, в котором сплелись и перекрутились нити магии Приращения и магии Ущерба. Нейстовая энергия врезалась в Аву подобно ярко-темному копью, пронзив грудь, перебив позвоночник и выйдя из спины.

Завопила Рува. Ужасный мучительный крик едва не разорвал ее горло. Никки едва держалась на ногах после такой растраты энергии. Ее колени подкосились.

Рува перебралась через разломанную статую и подхватила упавшую сестру. Рыдая, она упала на колени, обнимая тело Авы и прижимая его к груди. Утрос, оказавшийся рядом с колдуньями, поднял меч, собираясь убить Никки. В последние секунды жизни Ава слабо обняла сестру одной рукой, но ее грудь была прожжена, и она умирала.

Никки поднялась на ноги и снова призвала дар; создав по шару огня волшебника в каждой руке, она приготовилась метнуть оба кипящих солнца в Утроса.

Рува была сломлена и морально уничтожена.

— Нет! Ты его не получишь!

Обхватив сестру одной рукой, другой она вцепилась в Утроса и зажмурилась, произнеся какое-то незнакомое для Никки заклинание.

Последним усилием Никки швырнула шары огня волшебника. Ненасытное пламя было способно прожечь любой материал. У Рувы и Утроса не было ни единого шанса.

Но прежде чем до них долетел огонь, Рува, Ава и генерал Утрос исчезли, словно их стерли из реальности. Огненные сферы ударили по разрушенной площади, но сожгли лишь пустоту.

Глава 34

Пока три змеиных корабля готовились бросить якорь на ночь, Бэннон продолжал скрести доски жесткой щеткой, хотя уже давно оттер все видимые следы крови и слизи сома. Его лодыжка была прикована к штырю в палубе, он несколько часов ползал на коленях, а стертые руки кровоточили. Несколько других рабов, включая удрученного Эрика, тоже прикованные к палубе, были вынуждены наблюдать за ним.

Бэннон знал: если удастся освободиться хотя бы на мгновение, он прыгнет за борт. Он мог бы проплыть через реку и спрятаться в зарослях — если доберется до берега. Норукайцы умело обращались с копьями с костяными наконечниками, и одно из зазубренных орудий могло пронзить его прежде, чем он будет на полпути к берегу. Тогда он не сможет помочь ни Эрику, ни другим пленникам. Он должен найти лучший способ.

В сгущающихся сумерках он увидел впереди яркий костер и услышал шум ритмичных ударов и чей-то голос. Кто-то стоял на прибрежной косе, бросая вызов змеиным кораблям. На фоне пламени выделялся силуэт стройной женщины, одетой в полосы черной кожи. Морасит!

Он сначала понадеялся, что это Лила, но потом узнал голос Адессы — жестокого лидера Морасит из тренировочных ям Ильдакара. Адесса взяла в любовники его лучшего друга Яна, а потом убила прямо на глазах у Бэннона. Он никогда ей этого не простит.

Но она была здесь и вызывала на бой короля Скорбь. Бэннон ненавидел Адессу, но она определенно не была хуже норукайцев. Ее вызов позабавил покрытых шрамами налетчиков, но Бэннон знал, что они глупы, если недооценивают Морасит. Пока пара налетчиков погребла за ней на лодке, остальные проверили оковы рабов на палубе. Корабельный плотник Гара схватила Бэннона за волосы и оттащила к борту.

— Хватит скрести. Продолжишь вылизывать палубу завтра. Снова.

Гара связала запястья Бэннона и проверила цепь на лодыжке, но сама поглядывала на нос корабля, где король Скорбь поджидал вызвавшую его на бой Морасит.

Мелок проскакал по палубе и присел на корточки рядом с Бэнноном.

— Она бросила вызов королю Скорбь! Она будет скорбеть. — Он наклонился и зашептал в ухо Бэннону: — Кровь на палубе, скреби, скреби! Вот увидишь. — Затем он поспешил на нос корабля, где Адесса встретилась с норукайским королем.

Она достала гниющую голову и положила свой жуткий трофей на бочку. Хотя разложение исказило черты лица, Бэннон узнал главнокомандующего волшебника Максима.

— Пресвятая Мать морей...

Уродливые налетчики столпились у перил, чтобы в мерцающем свете фонарей поглазеть на поединок Адессы и короля. Скорбь расхохотался и поднял тяжелый боевой топор, в то время как Адесса взялась за короткий меч.

Из-за спин налетчиков Бэннону было плохо видно битву. Внимание всех норукайцев было приковано к неожиданному развлечению. Рабы меж тем молчали, сбившись в кучу на корме корабля и стараясь оставаться незамеченными.

Сквозь насмешки, хохот и крики норукайцев Бэннон слышал шум со стороны реки и тихие всплески, двигавшиеся вдоль корпуса корабля. Он услышал глухой стук и понял, что кто-то забирается на судно! Он повернулся и увидел гибкую фигуру, перелезшую через борт и тихо перекатившуюся по палубе — еще одна Морасит. Ее кожа была покрыта выжженными рунами, а короткие каштановые волосы облепили голову. Лила! Прилив надежды заставил пульс ускориться. Он чуть не вскочил на ноги, игнорируя цепь, но ее взгляд хлестнул по нему не хуже кнута. Она подняла руку, призывая его к тишине.

Норукайцы на носу корабля ликующе закричали, когда раздался звон оружия.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал Бэннон. Внутри него бурлил оптимизм.

— Не глупи, мальчишка. Тебя спасаю, конечно же.

* * *

Адесса столкнулась с королем норукайцев, который был уродливее многих боевых зверей, с которыми она сражалась на арене. Может, Скорбь думал, что его разрезанные щеки и вживленные костяные шипы выглядят устрашающе, но Адесса сочла это еще одной причиной его убить, и она собиралась сдержать обещание. Она дала Лиле возможность освободить молодого мечника, и Адесса наслаждалась выполнением своей задачи. Бросившись на короля, она взмахнула мечом, резко выдохнув от усилия.

Король Скорбь в жилете из акульей кожи походил на быка: с широкой грудью и объемными мускулами. Он был

настолько силен, что держал тяжелый боевой топор с такой же легкостью, как кинжал. Он был удивительно ловок для своих габаритов. Прогнувшись в спине, он уклонился от острия меча Адессы. Послышались возгласы норукайцев.

Адесса вложила в замах столько сил, что потеряла равновесие, когда оружие рассекло лишь воздух. Она сумела устоять, но король тут же ударил ее в висок обитым металлом кулаком. В голове у нее зазвенело, но она успела отпрыгнуть от приближавшегося топора.

Судя по завываниям и смеху норукайцев, они были уверены, что она проиграет.

Максим смотрел на нее с бочки раздувшимися глазами. Она слышала его ехидные насмешки, но гниющая голова не говорила вслух, и остальные ничего не слышали — Максим был слишком коварен. Его смех в ее разуме был громче воплей норукайцев. Она яростно мотала головой, словно отгоняла надоедливых мошек.

Меч Адессы отбил топор, хотя и был куда меньше оружия короля. Когда большой топор пронесся мимо, Адесса пнула правой ногой короля в живот, заставив задохнуться. Разъяренный Скорбь махнул топором как дубиной — без изящества, но с такой силой, что Морасит едва избежала удара.

Норукайцы улюлюкали и свистели, подначивая ее, бросались в нее чем-то скользким, распolzавшимся по ее коже. Рыбы потроха. Обычная уловка отчаявшихся бойцов на боевой арене, поэтому она не стала отвлекаться от главного. Она не дрогнула, когда билась с измененными медведями, колючими волками и песчаными пумами, а Скорбь был всего лишь очередным чудищем.

Она и король снова столкнулись в атаке, но никому не удалось нанести смертельного урона.

Шаман-альбинос выскочил из рядов зрителей и скрылся из виду. От ерничания этого человека у Адессы бегали мурашки, но она сосредоточилась на короле, не забывая о периферическом зрении на случай предательства. Она не верила, что норукайцы сражаются по правилам.

Скорбь снова зарывал от напряжения, орудуя боевым топором. Его обитый шипами ботинок угодил в грудь рыбьих внутренностей, и он споткнулся. Его замешательство длилось не дольше удара сердца, но Адесса воспользовалась шансом. Она подняла меч в правой руке, вынудив его защищаться, а левой рукой схватилась за небольшую деревянную резную рукоять у бедра. Нож-эйджаил был особым оружием Морасит, причинявшим невообразимую боль.

Скорбь восстановил равновесие, когда она рванула к нему. Он развернул топор, чтобы заблокировать ее короткий меч — как и рассчитывала Адесса. Он даже не посмотрел на мелкий предмет в ее левой руке.

Она ударила ножом-эйджаилом подобно жалящей пчеле, пробив кожу короля. Лезвие было тонким, как игла, и не длиннее фаланги пальца, но его сила заключалась в другом. Она сомневалась, что он вообще почувствовал укол, проникший через жилет из акульей кожи — пока она не положила большой палец на руну и не активировала магию.

Ошеломляющая молния боли пронзила норукайского короля. Скорбь дернулся, все его мускулы напряглись так сильно, что могли сломать позвоночник. Покрытая шрамами нижняя челюсть широко открылась, а вырвавшийся крик был таким жутким, что напугал наблюдавших за поединком норукайцев. Они недоверчиво ахнули.

Адесса повернула нож-эйджаил, продолжая выливать на короля поток боли. Это крошечное оружие заставляло падать на колени и молить о пощаде даже самых отважных и сильных. Она надавила сильнее.

И тут голова Максима начала смеяться. Мягкий обрубок шеи прижался к дну перевернутой бочки, а отвратительные челюсти разошлись, выпустив гулкий насмешливый голос:

— Тебе его не одолеть. Иди, присоединись ко мне во смерти, дорогая Адесса! Вот чего ты заслуживаешь!

Голос был неприятным и резким. Норукайцы кричали, завывали и требовали крови. Их король корчился под натиском ножа-эйджаила, и Адесса вогнала лезвие глубже в плоть.

— Ты слаба, Адесса! — издевался Максим. — Ты знаешь это!

Она дрогнула, метнув в него ядовитый взгляд.

— Заткнись!

Она отвлеклась лишь на мгновение, но Скорбь, все еще с вонзенным в него ножом-эйджаилом, схватил ее левую руку. Он сжал запястье с невероятной силой, подкрепленной мучительной болью, и сломал кости Морасит, превратив кисть и предплечье в мягкую массу. Черная пелена непомерной боли застелила ей глаза.

Среди всеобщего шума снова засмеялся Максим.

Держа ее сломанную руку, Скорбь выхватил у нее нож-эйджаил и оттолкнул Адессу. Она попыталась поднять короткий меч, но здоровяк швырнул ее на палубу. Она ударилась головой о деревянные доски, и ее череп взорвался от боли. Она подняла колено, чтобы оттолкнуть его, но Скорбь держал ее нож-эйджаил. Он не мог активировать заклинание боли, и это оружие в его руке было шилом сапожника, но он вонзил его в горло Адессы, а потом еще раз, проткнув яремную вену. Он жестоко провел оружием по ее шее.

Адесса чувствовала, как из горла выплескивается теплая кровь. Частичка разума понимала, что она сопротивляется все слабее и слабее.

Он наносил удары крошечным лезвием снова и снова — словно мясник, отбивающий мясо. С нечленораздельным ревом Скорбь яростно вонзал в нее оружие. Сотни колотых ран покрывали ее лицо, горло и грудь. Он продолжил колоть израненную плоть даже после того, как Адесса умерла. Норукайцы взвыли, празднуя победу.

* * *

Когда Лила спрыгнула на палубу, Бэннон понял, что все это время ждал ее, и оптимизм его не подвел. Пока Адесса и Скорбь сражались на носу корабля, Лила рванула к нему, и Бэннон увидел знакомое оружие у нее на спине. Крепыш! Впервые за много дней он испытал неподдельную радость.

Лила ножом рубанула по веревке на его запястьях. Бэннон стал выкручивать веревку, пока та не разорвалась, а Морасит принялась за оковы на его лодыжке.

— Ты должна освободить и остальных, — шепнул он. — Они мои друзья.

Рабы застонали. Кто-то паниковал, кто-то впал в смятение. Эрик натянул свои цепи.

Лила жестко посмотрела на Бэннона. По ее щекам струился пот, смешанный с речной водой.

— На это нет времени, мальчишка. Я не обещала защищать остальных. Я пришла спасти тебя.

Осмотрев оковы на его лодыжке, Лила проследила цепь до штыря, воткнутого в доски палубы. Крепыш все еще был у нее на спине, и она воспользовалась кинжалом, воткнув острие в древесину и пытаясь вынуть штырь.

Норукайцы на носу корабля взревели громче, и Бэннон увидел, как Адесса упала. Король Скорбь накинута на нее, ударяя снова и снова. Кровь разлеталась в разные стороны, словно из фонтана.

— Пресвятая Мать морей, он убил ее! — простонал Бэннон.

На лице Лилы промелькнуло выражение шока и неверия. Она колебалась лишь секунду, а потом снова принялась за цепь, удвоив усилия.

— Я думала, у меня будет больше времени. — Она не смотрела на короля, который продолжал калечить упавшую Морасит. Лила тяжело дышала.

— Дай мне Крепыша! — Бэннон протянул руку. — Я помогу.

Хриплые норукайцы еще праздновали победу короля, но через палубу к ним устремилась бледная фигура. Бэннон поднял взгляд; Мелок увидел его, а потом заметил Лилу. Шаман вдруг подпрыгнул и замахал руками, крича:

— Еще одна рыба! Мы поймали еще одну рыбу!

Даже сквозь победные крики некоторые норукайцы слышали пронзительный крик Мелка и повернулись посмотреть, что его так восхитило.

Лила дергала за цепь, пытаясь вырвать штырь. Бросив попытки действовать скрытно, она рубанула по доске палубы. Бэннон пытался помочь, натянув цепь и стиснув зубы от усилия.

Мелок подскочил к ним, призывая норукайцев:

— Сюда! Сюда! Еще одна рыба! Идите быстрее!

Лила рывком поднялась и сильно ударила шамана в лицо, пытаясь заставить замолкнуть. Мелка откинуло, словно из катапульты, и он рухнул на палубу, скуля от боли и неверия, прижимая ладонь к рассеченной губе. Он свернулся в клубок и завыл. Бэннон вдруг почувствовал себя виноватым при виде страдающего альбиноса, но тут же отогнал это чувство. У них нет времени!

В передней части корабля, освещенной фонарями, гниющая голова главнокомандующего волшебника Максима

начала источать болезненный зеленый свет. Его челюсти шевелились, а желеобразные глаза светились, словно радуясь гибели Адессы. Мертвец разразился леденящим кровь смехом, всех перепугав.

Даже Бэннон его слышал, и от этого звука у него забежали мурашки. Норукайцы неуверенно попятились, затаив дыхание и уставившись на голову. Когда Максим закончил смеяться, остатки его кожи стали жидкими и сползли с черепа, растекшись по дну перевернутой бочки. А затем даже кости рассыпались на кусочки.

Но Мелок продолжал кричать. Подбежавшие норукайцы увидели Лилу и ревом объявили тревогу. Покрытые шрамами налетчики бросились к ним с оружием наготове. Лила достала Крепыша из-за спины и выставила перед собой. Она присела, словно собиралась встретиться с монстрами арены и защищать Бэннона ценой жизни. Бэннон продолжал тянуть за цепь, упершись ногами, но никак не мог вырвать штырь.

Эрик и другие рабы тоже натянули цепи, крича и отчаянно пытаясь освободиться. Бэннон подумал, что если они объединятся против норукайцев, то кому-то удастся сбежать. Но его надежда угасла, когда норукайцы с воем бросились на них.

Король Скорбь рванул вперед, стуча ботинками по палубе. Его кожа и акулий жилет были забрызганы кровью Адессы. Когда он увидел Мелка, распростертого на палубе, закрывавшего разбитое лицо и хныкающего, он взревел от ярости.

Лила была готова встретиться со всеми норукайцами, отказываясь признавать поражение, но Бэннон застонал:

— Ты умрешь, Лила. Ты не можешь меня спасти.

Он знал, что так правильно.

Ли́ла отказывалась смириться с неизбежным, но потом выражение ее лица изменилось, и Бэннон понял, что она признает его правоту.

— Не в этот раз, — прорычала она. Когда норукайцы ринулись ее убивать, она пообещала: — Я вернусь за тобой, мальчишка.

Она перепрыгнула через борт корабля, и Бэннон услышал всплеск, когда она погрузилась в воду.

Не обращая внимания на прикованных рабов, норукайцы подхватили копья и побежали к ограждению, высматривая рябь на воде. Некоторые метали оружие в воду, словно Ли́ла была речным сомом. Все они промахивались.

Бэннон был на взводе, но знал, что ее не убьют. Ли́ла скроется, а потом вернется за ним.

Потрясенный король Скорбь с несчастным видом склонился над хнычущим Мелком и покачал нескладного друга из стороны в сторону. Шаман ткнул пальцем в рассеченную губу, с которой капала кровь, и в распухшую щеку. Хотя все было залито кровью, король мягко дотронулся до разбитого лица альбиноса.

— Мне так жаль, Мелок. Я должен был тебя защитить. Должен был понять, что Адесса лишь часть плана. Они пытались обхитрить нас.

Скорбь выпрямился и зловеще посмотрел на прикованного к палубе Бэннона, руки которого были свободны. Король двинулся на него.

— Эта баба ранила моего Мелка. Теперь я заплачу за это.

Скорбь ударил своим каменным кулаком по лицу Бэннона, чуть не выбив челюсть. В голове юноши вспыхнули звезды, когда он врезался в ограждение и сполз на палубу, оглушенный.

— Ты заслуживаешь смерти, — прорычал король. — Но я подарю тебе боль.

Глава 35

На улицах Ороганга шло сражение между армией генерала и Прячущимися людьми. Командиры отрядов сплотили солдат, чтобы противостоять оборванцам, которые оказались на удивление стойкими. Но хорошо обученные солдаты Утроса не нуждались в приказах, чтобы рубить врага. Из темных зданий выбегало все больше бледных бойцов в серых одеждах. Дисциплинированная армия применяла отработанные боевые маневры, но Прячущиеся сражались с неистовством, рушившим все планы. Бой больше походил на столкновение двух грозowych фронтов.

Никки пыталась прийти в себя после того, как Рува и генерал Утрос исчезли вместе с телом погибшей колдуньи. Шум стоял оглушительный; Никки тяжело дышала, глядя на разбитое мраморное лицо упавшей статуи Утроса. Она потратила так много дара, что едва держалась на ногах. Колдунья стряхнула с черного платья каменную пыль, собираясь с силами. Она должна помочь Прячущимся людям в битве, пока их всех не перебили. Ее дар сейчас был слаб, но на поясе висели кинжалы, которые она могла пустить в ход.

На главной площади бушевала битва, и древние солдаты не сразу поняли, что их командир исчез. Они продолжали справляться с плохо обученными оборванцами, которые безрассудно на них бросались. На площади лежали тела, но Никки поняла, что Прячущиеся люди и сами повергли немало солдат. Эти привычные к самопожертвованию люди были полны решимости выиграть битву, но им противостояла тысяча обученных солдат в полном вооружении.

Бои на мечах шли на улицах, между зданий, под внушительными арками... Воины уворачивались от обломков поваленных монолитов и расколотых статуй.

Древний солдат, пошатнувшись, остановился перед Никки, подняв окровавленный меч и зловеще ухмыляясь.

Наверняка он решил, что убить ее будет просто. Он рубанул мечом, целя в живот, но она ловко увернулась, скользнула ему за спину и вонзила кинжал между ног мужчины, проведя им вверх по мягкой, но неподатливой плоти, и солдат рухнул, визжа и вопя. Она могла бы потратить чуть больше времени, чтобы его убить, но решила позволить ему лежать и кричать, а сама побежала вперед. Она должна переломить ход битвы и спасти Прячущихся людей.

Мрра издала рев, перекрывший оглушительный гвалт. Через магические узы Никки ощущала радость большой кошки и железный привкус горячей крови в пасти. Песчаная пума повалила солдата на землю и разодрала кожаный доспех. По морде Мрра струилась кровь, и она издала еще один оглушительный призывный рев.

На зов примчались мощные кошки с лоснящейся шерстью — больше десятка песчаных пум, составлявших звёриную армию, которая внушала первобытный страх. Древние воины завопили, когда крупные кошки начали валить их на землю и раздирать плоть когтями. Пумы откуда-то знали, что нужно не трогать одетых в серые плащи Прячущихся людей, и атаковали лишь солдат генерала Утреса.

Никки шагала через беспорядочный строй врагов, держа в каждой руке по окровавленному кинжалу. Отчаявшиеся солдаты звали генерала, а младшие командиры требовали приказов, но их лидер не мог ответить. Настроение сменилось подобно ураганному ветру, когда распространился слух, что Утрес покинул их. Конница начала сражаться с все нарастающим ожесточением, граничащим с отчаянием.

Несчастные Прячущиеся только-только освободились от тяжелого долга по сдерживанию жисс, а теперь они, похоже, умрут, так и не успев вкусить заслуженной свободы. Никки ощутила вспышку гнева и печали, пока пробивалась к высокому зданию дворца. Она как-нибудь сплотит бедных

людей и поможет одолеть грозного врага. Никки отказывалась признавать, что есть безвыходные ситуации.

Она остановилась оценить состояние своего дара. Когда она ощутила резонанс магии внутри, то поняла, что даже в таком состоянии остается могущественной колдуньей. Она сумеет помочь Прячущимся людям и спасти их как можно больше.

Проходя мимо пустого колодца сильфиды, Никки задействовала несколько нитей дара, чтобы создать на ладони небольшой шар огня волшебника. Она остановилась и вступила в бой, собираясь переломить ситуацию и помочь Прячущимся победить. Призвав силу, она швырнула ненасытный огонь. Вспыхнули извивающиеся языки пламени, которые превратились в еще большую вспышку, когда шар огня поглотил трех вражеских солдат. После этого огонь погас, хотя Никки надеялась на большее.

Она старалась собрать оставшиеся крупички дара, чтобы создать еще огонь. Вдруг за ее спиной послышался булькающий звук, стремительно приближавшийся.

Резко повернувшись к низкому колодцу сильфиды на площади, она увидела бурлящую ртуть, поднимавшуюся над бортиком. Вскоре перед ней оказалась человеческая фигура, наделенная ледяной красотой.

— Сильфида! — отшатнулась Никки.

Возвышавшаяся над колодцем серебряная женщина игнорировала шум битвы и смотрела только на Никки.

Почему сильфида появилась сейчас?

— Я звала тебя много раз, — сказала Никки.

— Я слышала, но я не обязана тебе повиноваться. — Лицо сильфиды исказилось от злобы. — Я принимаю твои условия. Я хочу узнать об императоре Сулакане. Расскажи мне все.

— Сильфида, не сейчас! Я призову тебя позже.

— Сейчас, — сказала сильфида. — Я доставлю тебя в Серримунди, как ты и требовала, а ты должна рассказать мне о Сулакане. Таковы условия сделки.

Никки подняла щит, пытаясь оттолкнуть сильфиду, но ей не хватило сил.

— Нет, сильфида! Не сейчас.

— Дыши!

Серебряная волна обрушилась на Никки и поглотила ее, утаскивая в глубины колодца.

Глава 36

Когда группа спустилась с суровых гор, оставив позади Кол Адаир, Натан воспрял духом.

— На этой местности мы можем увеличить отрыв от врага. — Генерал Зиммер ускорил темп, двигаясь через плодородную долину.

Натан покачивался в седле. Рядом ехала на лошади аббатиса.

— Чем скорее доберемся до Твердыни, тем больше укреплений сможем соорудить.

— Ученые годами составляли каталоги, а помнящие сортировали очень важные недостающие сведения, — задумчиво сказала Верна. — К настоящему времени они должны были отыскать множество книг со смертельными заклинаниями.

Натан смотрел на чашу долины, вспоминая, какой она была совсем недавно. На месте озер, ручьев, зеленых просторов и пышных деревьев было лишь запустение, насколько хватало глаз: потрескавшаяся сухая земля, вулканическое стекло, расселины — все это было вызвано Поглотителем

жизни, незадачливым учеником, который призвал больше магии, чем мог удержать.

— Я беспокоюсь не о поисках смертельных заклинаний, моя дорогая аббатиса, а о контроле над ужасной магией, которую можно ненароком высвободить.

Верна с сомнением посмотрела на зеленый пейзаж впереди.

— Я знаю историю Поглотителя жизни, но Виктория восстановила растительность при помощи заклинания возрождения, которое нашла в архивах. Разве не она спасла мир?

Натан щелкнул языком.

— Добрые духи, кто сказал тебе такую чушь? Виктория была столь же опасна, как и Поглотитель жизни — но в другом плане! Она тоже активировала заклинание, которого не понимала, и ее стремительно распространявшаяся растительность поглотила бы весь мир. Мы остановили ее ужасной, кошмарной ценой. — Его сердце вдруг забилося сильнее, словно темная тень Айвена смаковала болезненные воспоминания. — Бедная девочка Чертополох пожертвовала кровью своего сердца, чтобы дать Никки необходимое оружие. — Его длинные белые волосы рассыпались по плечам, когда он впился взглядом в пустынное нагорье, где находилась Твердыня. — Даже если и найдем могущественные заклинания, хватит ли нам сил и мудрости использовать их правильно? Вот что больше меня беспокоит.

* * *

Лабиринт каньонов тысячелетиями прятал Твердыню. Молодые ученые Оливер и Перетта, которым не терпелось вернуться домой, показывали путь. Лошади громко стучали копытами по камням широкого входа в каньон. Высокие коричневые стены смыкались впереди, создавая впечатле-

ние, что перед ними тупик, но то была иллюзия. Скрытый проход был достаточно широк, чтобы через него могли бок о бок пройти две лошади. Группа прошла через расщелину, свернула налево, потом резко вправо и вышла в широкий скрытый каньон, походивший на райское место.

Капитан Тревор, командовавший остатками ильдакарского эскорта, издал сухой смешок.

— Я не знаю, как мы вообще его обнаружили. Наша группа еле шла, ослабевшая и оголодавшая. Мы думали, что Ренн сбился с пути.

Орон изумленно глядел по сторонам:

— Если здесь действительно хранятся такие обширные знания, как вы говорите, то мы найдем способ одолеть генерала Утроса.

— В таком случае, — сказал Лео, — конечный результат стоит всех жертв.

Лицо леди Ольгии исказилось от горечи.

— И это говорит человек, который ничем не пожертвовал! У тебя в Ильдакаре не было ни жены, ни семьи. Что ты потерял? Эти солдаты убили моего сына!

— Как и моего, — проворчал Орон.

Натан удержался от комментариев, поскольку эти юноши, Джед и Брок, повели себя подло и причинили Бэннону много страданий. Но горюющие родители помнят ребенка таким, каким хотят помнить.

Он заговорил громче, когда они въехали в каньон Твердыни:

— Важно, что генерал Утрос и его армия никогда не должны найти это место. Самая сильная защита Твердыни — маскировка. Тысячи вражеских солдат идут стремительным маршем и наверняка голодают. Они должны пройти мимо этих каньонов.

— Тогда можем расставить ловушку, — сказала Перри, одна из самых молодых одаренных защитниц Ильдакара. — Если сумеем ее придумать.

В городе она была мастером формы и работала с деревьями и лозами, придавая им необычные очертания. Ее дар был мощным, но слишком узконаправленным, чтобы его можно было применить в крупномасштабной атаке против генерала Утроста.

— В записях Твердыни найдутся десятки новых тактик нападения, — сказала Верна. — Можем создать свою мощную армию одаренных.

Пока они двигались вперед, Натан наслаждался видом. По дну каньона бежал ручей, окаймленный фруктовыми и ореховыми рощами. На открытых лугах паслись овцы, а на крутых склонах холмов были высажены всяческие сады. Люди, пасущие стада, работавшие в садах и рыбачившие в ручье, отвлеклись от своих дел, чтобы посмотреть на группу, вошедшую в каньон.

Высокие отвесные стены были испещрены естественными нишами и выступами; в части из них располагались жилища — где для одной семьи, а где и для двух. На самом большом выступе стоял настоящий город знаний. В гроте на вершине утеса были постройки из самана и из обожженного кирпича; некоторые строения были такими высокими, что доставали до изогнутого каменного потолка. Каменщики украсили фасады орнаментами, а огромные двери главного архива были обрамлены резными арками.

Орон заслонил глаза от солнца, скептически всматриваясь в вертикальную стену.

— Как мы заберемся наверх? Где-то есть тропа?

— Там есть каменные ступени, узкие, но безопасные, — сказал Оливер. — Можете подняться по ним, если не боитесь.

— А всякий, кто боится, не должен смотреть на хранящиеся там книги и свитки, — добавила Перетта.

Орон фыркнул в ответ на завуалированное оскорбление.

Они спешили у подножия утеса под огромным альковым, и воины генерала Зиммера увели лошадей к солдатам, которые оставались в каньоне для защиты архива.

Натан стал подниматься по высеченной в камне тропе, зигзагами идущей по утесу. Он перевесил меч на другое бедро, чтобы тот не мешал идти по коварной дорожке. Он с нетерпением ждал не только возможности изучить древние документы, но и вычистить и починить одежду, заделать трещину в сапогах и заменить потертые шнурки.

Верна взбиралась следом за ним. Когда они достигли ниши, располагавшейся высоко над каньоном, Натан остановился передохнуть, тяжело дыша.

Несколько ученых Твердыни выбежали навстречу, чтобы поприветствовать вернувшихся.

— Натан! И аббатиса Верна!

Он узнал Глорию, немолодую главу помнящих, которая хранила в памяти каждое слово бесчисленных книг. Круглолицая женщина с короткими темными волосами, небрежно подстриженными, шагала рядом с ученым-архивариусом Франклином — усердным и серьезным человеком, руководившим всеми учениками Твердыни.

Сестры Света, которые оставались в архиве, тоже вышли из главного здания.

— Вы вернулись, — сказала сестра по имени Мэб. — Вы побывали в Ильдакаре, а теперь вернулись. Расскажите, что видели.

— Ильдакар действительно столь величественен, как рассказывал Ренн? — спросила другая сестра, Арабелла. — А где он сам? Остался?

Натан сделал глубокий вдох.

— Нам и правда есть что рассказать, но хороших новостей, боюсь, нет. Мы снова должны искать в Твердыне знания, чтобы защитить весь мир.

Глава 37

Вокруг генерала Утроса зашипел свет, потрескивающая сеть поглотила его и унесла от Ороганга, сражающихся солдат, рыдающей Рувы и ее мертвой сестры. Его тело онемело, и он совершенно ослеп.

Дезориентированный и невесомый, он кувыркался в пустоте. Утрос кричал, его череп казался банкой, с которой откручивают крышку, а мысли выли, распадаясь на части. Его кости удлинялись, запутывались и болтались мягкими лентами. Воздух, мир и само существование вокруг него свернулись, а затем развернулись, и он услышал крик снаружи и внутри, обернувший его мысли.

Это сделала Рува — он знал. Колдунья активировала некую экстремальную форму магии, чтобы спасти их, и вот он оказался здесь. Свет вокруг Утроса разгорался все ярче, пока не превратился в стену расплавленной боли, которая через некоторое время рассыпалась. Мир снова развернулся, и его куда-то выкинуло.

Пред ним выкристаллизовалась реальность: горный пейзаж и небо. Он пробежал два шага вперед, а затем ноги не смогли его больше держать. Утрос рухнул на колени и в последний момент выставил перед собой ладони. Он не мог дышать. Его грудь сдавило, словно под невероятной тяжестью камней.

Рядом в ярком свете молнии появилась Рува, прижимавшая к себе труп сестры. Дым и запах горелой плоти поднимались от обугленной дыры в груди Авы.

Утрос поднял затуманенный взгляд. Его золотая полумаска сползла на глаза, и он поправил ее. Рогатый шлем упал на землю и покатился по камням и низкой клочковатой растительности. Впереди он увидел многочисленных вооруженных солдат — военный лагерь. Заприметив вспышку заклинания Рувы, они повернулись в его сторону и увидели своего командира.

— Генерал! — закричал один солдат. — Генерал Утрос вернулся!

Утрос глубоко вдохнул резкий воздух и взглянул на горные пики. Значит, его огромное войско уже пересекло высшую точку гор и спускалось по западной стороне хребта.

Это было лишено смысла.

— Но мы были в Ороганге. Как мы здесь оказались? — Он повернулся к горюющей колдунье, которая все еще обнимала безжизненное тело сестры. — Что ты сделала?

Рува издала нечеловеческий горестный вопль. Бледные руки ее сестры безвольно повисли, пальцы были скрючены в предсмертной судороге. Рува раскачивалась, размазывая сажу и засохшую кровь. Утрос с сочувствием встряхнул ее за плечи, пытаясь привести в чувство.

— Рува, скажи мне, что произошло! Как мы здесь оказались?

Похоже, они были в сотнях миль от Ороганга.

Колдунья позволила телу Авы соскользнуть ей на колени. Вместо глаз у мертвой женщины были почерневшие глазницы. Молния Никки, в которой смешались магии Приращения и Ущерба, прошла сквозь сердце Авы и выжгла глаза.

К ним подбежали солдаты, находившиеся поблизости. Когда новости распространились, подоспели офицеры, и Утрос увидел первого командующего Еноха. У генерала по-

что не оставалось времени, чтобы добиться от колдуньи ответа.

— Что ты с нами сделала? — затряс он ее. — Ты бросила тысячу солдат в Ороганге в самый разгар битвы. Говори, быстро!

В горле Рувы заклокотал мстительный гневный рык.

— Я не могла позволить тебе умереть, возлюбленный Утрос. Никки убила мою сестру. Мне пришлось увести нас отсюда, чтобы спасти тебя. Ава...

— Но как? Как давно ты умеешь путешествовать таким способом?

— Не умею, — сказала она. — Я не думала, что это сработает, но у меня не было выбора. Очень давно мы с Авой узнали об опасном заклинании пожирания расстояния, которое стирает все мили между двумя точками. У меня было много якорей среди солдат: я использовала их памятные вещи — вроде меча и упряжи первого командующего Еноха. Я притянула нас сюда, хотя и думала, что мы можем умереть в процессе. — Краска на ее лице была размазана из-за слез. — Я сделала это для тебя. Моя сестра погибла, и я должна была тебя спасти.

Он ощутил укол сочувствия к Руве. Тела близнецов были соединены с рождения, у них была непостижимая связь, их дар был переплетен, а мысли практически идентичны. Даже когда их разделили, Ава и Рува остались неразлучными. А теперь одна сестра погибла.

— Мне тебя жаль. — Он познал ужасную боль, когда потерял возлюбленную Мэджел, но Руве было намного хуже. — Вы всегда были преданы мне, я никогда в вас не сомневался. Ты и твоя сестра были лучшими из нас, самыми лучшими.

— Прости, что я оставила армию, — сказала Рува. — Солдаты остались без командира в пустом городе.

— Это тысяча моих лучших солдат, — попытался утешить ее Утрос. — Если они не смогут стереть в порошок горстку оборванцев, живущих в тени, то не заслуживают быть частью моей армии. — Он нежно улыбнулся половиной лица. — Фактически теперь у меня есть сильный гарнизон в Ороганге, и как только солдаты избавятся от паразитов, то смогут объявить столицу моей. — Он погладил колдунью по щеке, еще больше размазав краску. — Мы невольно разместили первый оккупационный отряд, который поможет восстановить империю.

— Я не смогу перенести нас туда. — Лицо колдуньи смягчилось. — Заклинание расстояния слишком опасно. Я чуть не потеряла нас в пустоте, из которой мы могли никогда не вернуться. Я даже использовала частицу дара Авы, когда ее дух отделился от тела.

Утрос помог Руве подняться. Ее мертвая сестра лежала на траве.

— Я не хочу возвращаться в Ороганг. Я там, где и должен быть — со своей армией. Я должен вести ее через Древний мир.

К ним кинулся первый командующий Енох. На его лице были написаны облегчение и невысказанные вопросы. Он упал на колено, прижал к сердцу кулак и склонил голову перед генералом.

— Вы здесь! Как такое возможно? — Он с ужасом посмотрел на труп Авы. — Что случилось, сэр?

— Я вернулся. Остальное неважно, — сказал Утрос.

Подбежали другие командиры подразделений и любопытствующие солдаты, которым не терпелось узнать подробности. Они опустили на колено. Утрос сделал Еноху знак подняться.

— Докладывай, первый командующий. Расскажи, как шли дела в мое отсутствие.

Нервный и расстроенный Енох ненадолго отвел взгляд, а затем собрался с духом для доклада.

— Ваша армия перешла через перевал Кол Адаир, сэр, и мы спустились в предгорья. Солдаты продолжают идти дальше, но они очень голодны. Даже под действием заклинания.

— Они выживут. — Утрос посмотрел на Руву, и колдунья отрывисто кивнула.

— Но мы понесли много потерь, пока вас не было, генерал. — Енох заколебался, но потом рассказал о поле ядовитых цветов и горном озере, где множество солдат шагнули в воду за своими умершими возлюбленными.

— Владетель и духи, — прошептал Утрос.

— Я не виню их, сэр, — сказал Енох. — Я тоже это чувствовал. Я видел свою Камиллу, двух сыновей и даже отца. Я едва смог вырваться. Мы потеряли больше тысячи воинов, прежде чем мне удалось увести армию.

Утрос принял очередной удар, нанесенный по солдатам, следовавшим за ним под знаменами Железного Клыка.

— Владетель желает нас заполучить, сэр, — продолжил Енох. — Он знает, что мы избегали его пятнадцать столетий, и теперь мы отмечены — более сотни тысяч душ. Всем нам давно следовало оказаться в преисподней. Мы фактически мертвы, но все еще маршируем.

Утроста накрыла вспышка гнева.

— Владетель пока еще не может нас получить. Мне нужна армия, и нам предстоит война.

* * *

Мучительно сопротивляясь горю и одновременно разжигая в себе жажду мести, Рува вымыла тело сестры и при помощи бритвенно-острого ножа сбрила все волосы с ее холодного тела, не оставив ни намека на них.

Рува с благоговением взялась за этот последний ритуал для сестры. Она вложила в выжженные глазницы Авы маленькие круглые камешки и обернула грудь прокипяченной белой тканью, чтобы прикрыть черную дыру на месте сердца. Когда Ава снова стала чистой, Рува смешала в горшках новые краски: в одном кроваво-красную, а в другом абсолютно черную. Она нанесла новые узоры на бледную кожу Авы, а затем повторила символы на своем теле.

Когда Рува объявила, что она и сестра готовы, генерал Утрос приказал двум солдатам отнести носилки и осторожно поставить их на погребальный костер. Если не считать белой ткани, закрывавшей выжженную дыру в груди, стройная женщина была обнаженной.

Опустив руки вдоль тела, Утрос повернулся к Руве:

— Ты моя колдунья. Я верю, что ты будешь сильной.

— Я не могу быть такой же сильной без сестры, — сказала Рува. — Но я сделаю для тебя все, что потребуется.

— Как и все мы, генерал, — сказал первый командующий Енох.

Солдаты одобрительно загомонили. Утрос дождался, пока крики стихнут, а затем приказал принести факелы и зажечь костер. Сухие ивовые ветви быстро занялись, и вскоре разгорелось настоящее пламя.

— Пока что Владетелю придется довольствоваться Авой, — крикнул Утрос своей армии. — Остальные нужны здесь!

Ревущее пламя было таким ярким и горячим, что Утросу пришлось отступить. Остолбеневшая Рува стояла рядом с костром, пока огонь делал плоть сестры черной и стирал нарисованные узоры. Кожа Авы потрескалась, лицо исчезло в языках огня, и остался лишь череп с двумя камешками в глазницах. От сильного жара кожа Рувы раскраснелась, но она не собиралась отходить. Утрос схватил ее за руку и от-

тащил прочь, прижимая плечи худощавой колдуньи к своему нагруднику.

Когда оранжевый огонь пожрал останки Авы, пламя сместилось и закружилось, будто угли подхватил вихрь. Цвет изменился с ярко-желтого на болезненно зеленый, когда кости Авы в центре костра рассыпались. Из пламени появилось полупрозрачное зеленое видение, зыбкое и мерцающее.

Солдаты ахнули в суеверном ужасе. Рува издала низкий стон, в котором слышалось удивление, а не страх. Видение приняло форму и стало ярче; Утрос узнал погибшую колдунью.

— Ава, ты не в преисподней! — закричала Рува.

— Я не могу туда пойти. — Призрак Авы засиял, выделяясь на фоне костра, в котором распались на части ее почерневшие кости.

Утрос удерживал Руvu железной хваткой, хотя колдунья пыталась вырваться и броситься в огонь. Ему нужно было знать, какую цель преследует Ава.

— Твой дух решил остаться с нами? Владелец позволил это?

— Мы близнецы, — ответила мерцающая Ава. — Мы связаны сердцем, разумом и душой. Мы разделяем один хань. Владелец пометил нас обоих. Во младенчестве, когда наши тела разделили, мы ненадолго умерли и прошли через завесу, но целитель вернул нас к жизни и вырвал наши души из преисподней. Владелец знает о нас. Он ждет нас... но ему нужны мы обе. — Мерцающий дух завис перед Рувой. — Моя сестра должна пройти через завесу вместе со мной. Я не могу пойти одна.

Рува с тоской посмотрела на сестру, но прижалась спиной к груди генерала.

— Нет, я должна остаться здесь. Ты знаешь.

— Значит, и я должна остаться! — засмеялась Ава. — Ты якорь, который держит мой дух в этом мире. Я застряла между жизнью и смертью. — Зеленоватый дух пролетел прямо через первого командующего Еноха, шокировав его, а затем стал кружить возле солдат, которые разбежались в панике. Она проплыла через огонь, нисколько не пострадав от него. — Я дух, не скованный физической формой. Я могу пойти куда пожелаю и увидеть все, что захочу.

Она подлетела к Утросу. Он не боялся, но был заинтригован. Ее призрачное лицо оказалось очень близко к нему.

— А потом я могу доложить обо всем тебе. — Она улыбнулась. — Возлюбленный Утрос, я буду твоим идеальным шпионом!

Глава 38

Лила нырнула в реку с кормы корабля и ушла на глубину. Норукайцы с криками метали копья в воду, но она не поплыла к берегу, как они ожидали. Вместо этого она с силой гребла по течению, пытаясь оторваться от трех стоявших на якоре кораблей. Когда ее легкие были готовы взорваться, она всплыла на поверхность и заставила себя тихонько вдохнуть. Далеко позади она еще слышала голоса налетчиков, разозленных ее бегством. Она подозревала, что Бэннону придется заплатить за ее неудачу, но он выдержит. Она его закалила.

Лила закинула руку на плывущее по реке бревно, чтобы удерживаться на поверхности, пока течение несло ее вдаль. Змеиные корабли встали на якорь на ночевку, и Морасит сможет преодолеть приличное расстояние, если всю ночь будет плыть по течению. Она окажется далеко впереди и

сможет предпринять еще одну попытку освободить Бэннона.

Отдыхая, она позволила мыслям плыть, подобно темной воде вокруг. Лила размышляла, почему она потерпела неудачу, а Адесса — столь жестокое поражение. Лила чувствовала уныние и опустошенность; она не раз видела, как сестры Морасит и их воспитанники гибнут в бою, но Адесса отличалась от них и казалась непобедимой. Она сражалась с норукайским королем, чтобы Лила могла спасти Бэннона, и обе они не преуспели. Адесса умерла, а юный мечник так и остался в плену.

— Я не оставлю тебя им, мальчишка, — пробормотала она, пока речная вода плескалась о бревно.

Ухватившись руками и ногами за ветки, Лила задремала на час или два и проснулась, когда ее ступни задело какое-то большое скользкое существо под водой. Переполошившись, она схватила за кинжал. Меч по-прежнему был закреплен на спине, но она могла не успеть его достать. В свете тусклой зари, окрасившей небо на востоке, она увидела крупных существ, плывущих рядом. Гладкие коричневые тела были длиной с лодку, но речные сомы не проявляли агрессии и были опасны лишь из-за своих размеров. Лила затянула ноги на бревно, и сом проплыл мимо, свернув в расширяющуюся протоку.

В рассветных лучах Лила огляделась и поняла, что преодолела за ночь немалое расстояние. Зрелище наполнило ее трепетом, а потом и тревогой.

Река расширялась, переходя в дельту, состоявшую из многочисленных протоков и песчаных отмелей. Там, где земля кончалась, она увидела, как река впадает в океан — огромное пространство голубой воды, тянувшееся до самого горизонта. Лила никогда в жизни такого не видела. Здесь заканчивалась река Киллрейвен.

Она отпустила бревно и поплыла к низкой отмели, поросшей пучками травы. Лила значительно опередила змеиные корабли, но они скоро сюда явятся на пути к морю. Как только большие корабли пройдут через устье и окажутся в открытом океане, Лила уже не сможет их догнать. Оставался последний шанс спасти Бэннона. Она должна остановить их.

* * *

В течение получаса после бегства Лилы король Скорбь нянчился с Мелком, касаясь разбитого лица шамана и обхватив большой рукой его костлявые плечи. Утешая друга-альбиноса, он словно еще больше разозлился.

— Я заставлю их всех скорбеть.

Пока корабли стояли на якоре, прикованный к палубе Бэннон не имел возможности избежать гнева короля Скорбь. Крупный мужчина прошагал к нему, гулко стуча по палубе тяжелыми ботинками. Его боевой топор все еще был измазан кровью Адессы.

Штырь, к которому вела цепь Бэннона, по-прежнему был на месте; когда юноша потянул за него, то почувствовал царапины и синяки, оставленные браслетом на лодыжке. Большой Эрик сидел рядом в темноте, подтянув колени к груди; его плечи подрагивали от сдерживаемых рыданий.

Бэннон приготовился, уверенный, что Скорбь собирается отрубить ему голову, но тут к ним подскочил Мелок. Шаман с разбитым лицом выглядел жалко, но дотронулся до руки короля, чтобы остановить его. Скорбь стряхнул его руку и встал над Бэнноном, подняв оружие. Молодой человек лишь смотрел на него, зная, что не может никуда деться, и норукайский король с глухим стуком опустил тяжелое оружие на доски палубы, расколов древесину, чтобы высвободить штырь.

Мелок качнул головой и радостно хлопнул в ладоши.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Скорбь вырвал цепь и потащил Бэннона за ногу к пятну света от лампы.

— Очисти палубу от крови и избавься от тела бабы. Скорми ее сомам. — Скорбь пнул Эрика. — Эй ты! Помоги ему!

Здоровяк вздрогнул и застонал, не двигаясь с места.

— Я сделаю все сам, — сказал Бэннон, поднимаясь и хватаясь за щетку. — Оставь моего друга в покое. — Как только слова сорвались с его губ, он понял, что сболтнул лишнего.

— У тебя нет друзей, — сказал король.

Бросив топор, он обхватил большими руками голову Эрика, сдавив его виски и щеки. Глаза пленника расширились, рот раскрылся в вопле. Мускулы короля вздулись, когда он резко повернул голову пленника в сторону. Раздался треск костей, и Эрик засучил ногами по палубе, лязгая цепью.

Бэннону стало дурно; колени подкосились, но он заставил себя устоять. Другие норукайцы столпились вокруг, следя, чтобы он не попытался прыгнуть за борт, но Бэннона словно парализовало при виде мертвого товарища. Но король еще не закончил. Зарывав, он повернул голову Эрика еще сильнее, ломая шейные позвонки, растягивая кожу и сухожилия. Теперь голова смотрела в противоположном направлении. Еще одним грубым рывком Скорбь крутанул голову; шея разорвалась, и он отделил голову Эрика от плеч, вырвав кусок позвоночника, с которого свисал спинной мозг.

Скорбь швырнул безвольное тело на доски палубы:

— Теперь тебе нужно убрать еще и это месиво.

Остальные рабы жалобно скулили, но Бэннон лишил короля удовольствия лицезреть его реакцию. Он сжимал и разжимал кулаки, ощущая убийственную ярость по отношению к норукайцам и их королю, а также смятение из-за того, что позволил другу погибнуть. Если б у него был шанс...

Король небрежно выкинул голову Эрика за борт, и Бэннон услышал, как она плюхнулась в темную воду, в которой Лила исчезла больше часа назад. Юноша представлял, как она вернется, и они вместе убьют десятки уродливых налетчиков... Но этого будет недостаточно.

— Убери бабу, — усмехнулся Скорбь, — а я избавлюсь от этого мусора. — С очевидным удовольствием он поднял топор и резко опустил его, отрубив ногу Эрика чуть выше железного браслета, чтобы освободить тело от цепи.

Мелок пронзительно рассмеялся:

— Топор действительно рубит кости!

Бэннон знал, что альбинос спас его, остановив короля, но он мог бы спасти и Эрика. Глаза Мелка блестели, пока он безумно скакал вокруг. Скорбь перекинул безголовое тело через борт змеиноного корабля. Желая помочь, Мелок подбежал, схватил отрубленную ногу Эрика и запустил в реку. Она издала меньший всплеск по сравнению с крупным телом.

— Корми рыб! — закричал Мелок. — Пусть они растут большие.

Бэннон успокаивал себя мыслью, что однажды он освободится и убьет короля Скорбь.

Одеревенело двигаясь из-за боли, он пошел на нос, где на досках лежало изуродованное тело Адессы. Ее лицо, горло и грудь напоминали отбивную. Король думал, что наказывает Бэннона, заставляя смотреть на тело лидера Морасит, но юноша ненавидел Адессу. Впрочем, он не испытывал

восторга при виде ее тела. Он никак не мог понять, почему Адесса приняла участие в плане Лилы, но она отвлекла норукайцев, давая Лиле шанс, хотя этого и оказалось недостаточно.

Бэннон закинул на плечо изрубленную Морасит и скринулся, когда ощутил кожей ее влажную изрезанную плоть, сочившуюся кровью. Тело было слишком легким для такого грозного воина, как Адесса. Норукайские матросы наблюдали, забавляясь, как он кинул ее тело за борт, в темноту.

— Корми рыб! — надрывался Мелок. — Больших рыб.

У Бэннона скрутило живот, когда он повернулся к распавшемуся черепу Максима и сползшей с него гнилой плоти. Он задрожал при воспоминании о маниакальном смехе и насмешливом голосе мертвеца. Он боялся, что дух убитого волшебника может вернуться. Бэннон наклонил бочку и позволил останкам соскользнуть за борт, к телу Адессы.

Большая часть норукайцев бездельничала и храпела весь остаток ночи, хотя Бэннона охраняли стражники. Он сосредоточился на оттирании крови, периодически ополаскивая палубу речной водой из ведра. Работа не сильно отличалась от отмывания рыбьих внутренностей и слизи, разве что останки принадлежали людям.

Словно желая составить компанию, Мелок донимал его несколько часов, хотя и говорил невнятно из-за разбитой губы. Бэннон старался игнорировать надоедливую шамана, но каждый раз, когда видел бесчисленные отметины рыбьих зубов на белой коже, вздрагивал при мысли о том, через что пришлось пройти этому изгою.

С утренней зарей, когда палуба была вымыта уже пять раз, норукайцы приковали Бэннона среди рабов, а Мелок пристроился возле деревянного ящика, свернулся в клубок и заснул.

Когда рассвело достаточно, чтобы было видно русло реки, норукайцы подняли якоря и расправили темные паруса, собираясь снова идти по течению. Рабы вели себя тихо, сидя под палящим солнцем и пытаясь не терять надежду. Если они пробовали поговорить друг с другом, норукайцы их били.

Ближе к полудню команда заметно заволновалась, когда впереди показалось устье. Широкая дельта реки впадала в огромное водное пространство.

— Жду не дождусь, когда снова окажемся в океане, — сказала Гара, а затем горестно присвистнула. — Мои корабли созданы для открытого моря.

С тоской в сердце Бэннон вспомнил, как проводил время на парусных кораблях — даже на обреченном «Бегущем по волнам». Когда он жил на острове Кирия, то смотрел на изящные парусники, плывущие в такие места, о которых он мог только мечтать. Он всегда хотел ходить по морям, а теперь оказался пленником ужасных налетчиков. У него не было надежды на побег, если только Мелок не поможет...

Когда корабли налетчиков вошли в дельту, с носа судна послышались удивленные крики. Норукайцы поспешили туда. Некоторые налетчики гоготали и насмехались, указывая за борт. Бэннон натянул цепь, пытаясь разглядеть причину оживления, но слишком много массивных тел загораживало ему обзор.

Король Скорбь, стоявший возле резного змея на носу корабля, сердито фыркнул.

— Могу убить ее с той же легкостью, что и предыдущую. Взять ее.

Расширяющееся устье изобиловало отмелями и возвышенностями, преграждавшими прямой путь к океану. На песчаном островке посреди реки стояла женщина, поджидавшая змеиные корабли. Лила.

* * *

Бэннон смотрел, как норукайцы затаскивают на борт новую пленницу — связанную, как убитый на охоте зверь. Ей связали запястья и лодыжки, словно боялись ее — и не без причины. Они с силой швырнули Лилу на палубу, и она издала приглушенный стон, когда ее голова ударилась о доски. Морасит непокорно посмотрела на налетчиков.

Когда она увидела Бэннона, каменное выражение ее лица смягчилось, а глаза блеснули. Мелок, изображая раболепный страх, умчался от женщины, которая его ударила.

Скорбь наклонился, чтобы отобрать у Лилы сначала кинжал, а потом — с опаской — и нож-эйджаил.

— Ты больше непустишь это в ход. — Он выкинул оба орудия за борт, а затем вытащил меч, привязанный к ее спине — Крепыша.

Сердце Бэннона забилося быстрее при виде верного оружия. Он купил тусклый клинок у кузнеца в Танимуре. Натан учил его обращаться с оружием на борту «Бегущего», и Бэннон убил этим мечом немало врагов, в том числе и норукайцев. Он принялся бороться с цепью. Если только он сможет взять оружие, такой знакомый клинок...

— Уродливый меч, — сказал Скорбь и бесцеремонно швырнул его в реку.

Бэннон подавил крик разочарования. Крепыш! Меч закружился в воздухе и с плеском ушел в глубокую реку. Змеиные корабли шли на парусах, направляясь к открытому морю. Бэннон обмяк. Крепыша больше нет, он утонул в дельте реки.

Лиле удалось сесть прямо, и Мелок подпрыгнул к ней, не решаясь подойти вплотную к Морасит. Его щека и рот распухли и были расцвечены синяками, а кровь из разбитой губы запеклась на бледной коже.

Бросив взгляд на пострадавшее лицо шамана, Скорбь грозно посмотрел на Лилу сверху вниз.

— Это за то, что ты сделала с моим Мелком. — Он сильно ударил ее по лицу, повалив на палубу. Из разбитых губ и носа потекла кровь. Хотя Лила не издала ни звука, Бэннон застонал, понимая, что сейчас произойдет.

Змеиные корабли покинули побережье и направились в море.

Глава 39

После воссоединения в Твердыне Натан и его товарищи стали готовиться защитить мир. Времени оставалось не так много.

Даже самые стойкие бойцы не надеялись отбить огромную армию, если Утрос найдет изолированный архив, поэтому лучшая защита — продолжать прятаться в лабиринте каньонов. На стремительном марше к побережью у генерала не было причин исследовать боковые каньоны, поэтому ученым ничто не угрожало.

Натан стоял перед главным зданием и смотрел в глубину алькова на оплавленное и скомканное хранилище пророчеств, окна которого превратились в царапины во влажной глине. Оно было разрушено глупым учеником, который случайно активировал заклинание Плачущего Камня, не понимая, как его контролировать. Натан вздыхал, глядя на очередное напоминание о том, как опасны знания архива.

Его внутренности скрутило от ужаса при мысли о том, сколько наивных и неподготовленных ученых рыщут в архиве в поисках столь же мощной магии. А если еще один ретивый, но самонадеянный ученый наложит опасное заклинание, которое выйдет из-под контроля? Они с аббати-

сой Верной и сестрами Света все изучат, прежде чем позволят кому-то пустить в ход столь разрушительную силу.

Он поглаживал подбородок, разглядывая зеленый каньон, сады и отары овец. Эти живущие в изоляции люди исчезли для всего мира тысячи лет назад, еще во время Великой войны. Когда Сулакан приказал уничтожить все магические знания, многие отважные волшебники тайно собирали старые книги и свитки, сохраняя информацию в таких глухих местах. Возможно, теперь это знание будет использовано для защиты от генерала Утроса.

Натан вздохнул. Каждый раз, когда был повержен один ужасный враг, тут же появлялся другой. Эта закономерность вызывала разочарование, но, возможно, ему следует взглянуть на ситуацию с другой стороны. На каждого врага, угрожавшего миру, находились защитники вроде него самого, Никки, Ричарда и Кэлен, которые выступали против тирании и оказывались сильнее зла, снова и снова.

Этот раз не станет исключением.

Сделав еще один глоток свежего воздуха и одиночества, Натан снова повернулся к главному зданию архива, в котором содержалось слишком много книг, требующих прочтения. Где-то на их страницах крылось хотя бы одно хорошее решение.

Внутри библиотечного зала со сводчатым потолком стояли учебные столы, освещенные парящими над ними огоньками — молодые ученики использовали это простенькое заклинание для практики. Ученые сидели за отдельными партами или длинными столами, заваленными книгами. Все они искали новые идеи — неординарное заклинание, способное остановить древнюю армию. Глория распределяла названия книг среди помнящих, чтобы те мысленно пробежались по тексту. Обычные ученые листали том за томом,

классифицируя книги, чтобы сестры Света могли выбрать книги для более пристального изучения.

Натана впечатлило, насколько они погружены в поиски. Мужчины и женщины склонились над выпцветшими словами, сравнивая записи и расшифровывая почти забытые диалекты. Воздух в зале чуть ли не пульсировал от напряженного мыслительного процесса.

Верна подняла взгляд от длинного свитка, раскатанного на главном столе. Послушница Эмбер, сестры Мэб, Шэрон и Арабелла сидели рядом с аббатисой, передавая друг другу книги и показывая особенно интересные абзацы.

— Ты можешь читать документы с того места, где стоишь, Натан? — спросила Верна, заприметив в дверях волшебника. — Острота твоего зрения феноменальна.

— Я размышлял, моя дорогая аббатиса. — Он подошел и сел на скамью рядом с Эмбер.

— Эти мы еще не просмотрели. — Аббатиса с видом школьной учительницы вручила ему стопку книг. — Из пяти сотен изученных сегодня томов мы отложили пятнадцать, на которые стоит взглянуть еще раз. Непростая работа.

— Ну-ну, пятнадцать — лучше, чем ничего. — Он открыл обложку первой книги с морскими картами. Натан задумался, как такая книга оказалась вдали от побережья, но вряд ли в ней есть что-то полезное против наступающей армии. Он отложил том в сторону.

Следующие несколько часов Натан провел в монотонной работе, читая корешки и заголовки, иногда узнавая автора. Некоторые книги были написаны на наречии Ильдакара, которому его научила Эльза во время их пребывания в городе. Некоторые языки были незнакомы, поэтому он возвращал книги в стопку в надежде, что кто-то другой сможет

прочесть. Попалось несколько книг на древнед'харианском, а от одной по его коже забегали мурашки.

Он склонился над страницами:

— Это язык Сотворения.

— Хороший знак. В книге может содержаться что-то невероятно мощное, — сказала Верна. — Если сможешь ее прочесть.

Натан воспринял это как вызов:

— Я немного разбираюсь в языке Сотворения, но потребуется потратить немало усилий, чтобы истолковать его.

Он потратил на книгу целый час, пока ученые и сестры занимались десятками других томов, разбирая их, изучая и откладывая в сторону.

— Слишком сложно, даже для меня, — цокнув языком, наконец был вынужден признать волшебник. — Я знаток структурированных заклинаний, но эти слова базируются на чем-то мне неизвестном. Если б только здесь был Ричард! Мальчик намного искуснее меня в работе со структурированными заклинаниями.

— Да, Ричард был самым лучшим нашим учеником и единственным боевым чародеем, родившимся за тысячи лет. — Верна закрыла книгу в обложке из зеленой кожи, на которой виднелось пятно засохшей крови. — Но сейчас его с нами нет. Придется рассчитывать только на себя. — Она указала на забитые полки вдоль стен библиотеки, потом на бесчисленные коридоры, архивы и хранилища, второстепенные здания и даже огромные сундуки, давным-давно запечатанные заклинанием. — Этого должно хватить.

— Нам только нужно отыскать ответ, моя дорогая, — сказал он.

* * *

Натан остался один в своей маленькой аскетичной комнате и погрузился в глубокий сон. Он еще не восстановил силы после долгого и трудного путешествия. Его разум и сердце страдали от утраты дорогой Эльзы. Ильдакар исчез, и он не знал, живы ли Никки и Бэннон.

Он ворочался на узкой постели. Во сне он вернулся в Ильдакар, но воспоминания были мрачны. Сердце билось как барабан, и он все глубже погружался в сон. Краем сознания он понял, что видит все чужими глазами. Натан оказался на боевой арене, но тело ощущалось по-другому, было твердым и мускулистым. Он провел рукой по жилету, ощутив вместо привычной белой рубашки с оборками шкуру песчаной пумы... той, которую сам убил и освеживал. Которую убил Айвен!

Сердце главного укротителя грохотало в его груди. Айвен был жестоким человеком, который наслаждался мучениями воспитанных им тварей. Он избивал их, чтобы они подчинялись, и ценил их лишь потому, что они служили орудиями для убийства.

Натан, захваченный непрошеным сном, ощутил прилив возбуждения, когда вспомнил издевательства над запертым в клетке огромным боевым медведем. Повелители плоти создали тварь для арены, и Айвен при помощи дара мог управлять слабым разумом существа. Он вспомнил, как тыкал медведя острой палкой, заставляя монстра биться о железные прутья клетки. Его когти были способны разорвать лошадь.

Глубоко спавший Натан заерзал, пытаясь отогнать кошмар. Айвен был мертв, его загрызли собственные животные. Сердце мужчины снова сделало Натана волшебником, и теперь это были дар и сердце Натана, а не Айвена!

Остававшаяся внутри часть духа главного укротителя призвала воспоминания о мучениях чудовищных быков с ветвистыми рогами и колючих кабанов с острыми клыками. Айвен сам сражался с каждой тварью, прежде чем выпустить ее на арену.

Во сне Натан сжал кулаки, ощутив в воздухе запах крови и пыли. Он подстрекал и толкал трех песчаных пум, пока они не набросились на него, угрожая когтями и клыками, но Айвен лишь засмеялся и оттолкнул их. Натан видел, как песчаные пумы повернулись к нему, оскалившись. Они прыгнули, готовые разорвать его на части...

Он проснулся, весь мокрый от пота. Натан стиснул кулаки, потрясенный воспоминаниями своего сердца, и понял, что эта его часть, которая наслаждается пытками, — не настоящая его часть, а просто остатки порчи из сердца главного укротителя.

— Оставь меня в покое. Убирайся из моей головы! — Усилием воли он изгнал Айвена, и мертвец снова стал лишь шепотом в разуме и сердце.

Дрожа и понимая, что больше не сможет уснуть, Натан подошел к небольшому столику и достал книгу жизни. Он открыл ее на последних пустых страницах, где записывал свои настоящие мысли и приключения. Вот что он хотел запомнить.

Глава 40

Сильфида серебряным вихрем уносила Никки прочь от Ороганга. Она так отчаянно хотела уйти, неоднократно пыталась призвать сильфиду, но безуспешно. Никки не могла покинуть город посреди сражения! Если она не поможет

Прячущимся людям, то армия Утроса захватит древнюю столицу. Все ее обитатели будут убиты.

Но сильфида схватила ее, наполнила собой и унесла прочь. Никки не смогла вырваться. Расплавленное серебро хлынуло в рот и нос, проникнув в легкие, и уволокло ее. Она не хотела идти! Она ощущала себя маленьким ребенком, который безуспешно пытается отбиться от взрослого.

Никки потеряла счет времени и расстоянию. Она была беспомощна, и обращались с ней совсем не нежно. Эта мятежная сильфида была злобной, и Никки во время путешествия испытывала первобытный страх, что задохнется и утонет. Она кувыркалась в потоке, не ощущая своего тела.

Наконец, после еще одной вечности, ее вышвырнуло в реальный мир. Их прибытие вовсе не было спокойным. Сильфида вырвалась из колодца в храме Серримунди, и металлическая пена вскипела над краем, выкинув Никки на землю. Она распласталась на мостовой, исторгая из себя жидкость и очищая легкие, рот и нос.

Колдунья встала на колени, оглянувшись на колодец, и крикнула:

— Почему ты меня забрала? Я сейчас не хочу путешествовать!

Ороганг был на другом конце этих земель. Даже без руководства генерала Утроса тысяча вымуштрованных солдат быстро расправится с одетыми в серое оборванцами. Она думала о Мрра и других песчаных пумах, которые противостояли древним солдатам, а также о почти необученных Прячущихся людях, которые сражались за свои жизни, защищая руины города — их дом.

Никки подняла взгляд на подвижную ртуть сильфиды, возвышавшейся над колодцем:

— Я много раз звала тебя, но ты не отвечала. Почему сейчас явилась? Почему забрала меня, когда я была нужна в Ороганге?

Лицо создания предвещало грозу и было искажено от гнева, а волосы струились и извивались подобно серебряной лаве. У сильфиды были высокие скулы и тонкие губы, и при жизни она наверняка была красивой, но сейчас казалась пустой и нечеловеческой.

— Потому что я так захотела, — раздраженно заявила сильфида. — Я хотела больше никогда не ощущать твой вкус, больше никогда не служить тебе. Ты предательница. Ты обманула меня.

Никки поднялась и без страха посмотрела в лицо сильфиды.

— Я служила своей цели, а твоя цель не существует уже тысячи лет.

— До тех пор, пока я существую, мое дело не мертво. — Созданное из металла одеяние сильфиды мерцало, изменяясь. Ее серебряные щеки затвердели, а рот скривился в усмешке. — А теперь ты расскажешь мне все, что я должна знать. Я выполнила твое требование и доставила тебя в Серримунди. Расскажи мне о Сулакане!

Сильфида стала выглядеть еще более впечатляюще и устрашающе, когда извлекла из глубин колодца больше серебра и увеличилась в размерах. Ее стальные локоны извивались подобно свернутым кнутам.

При виде этой картины Никки вспомнила огромную фигуру, высеченную у входа в гавань Серримунди, — Мать морей, защитницу Древнего мира, суровую, но благосклонную богиню, которой поклонялись многие жители побережья. Мать морей выглядела в точности как сильфида. Несомненно, в незапамятные времена какой-нибудь суеверный горожанин увидел сильфиду, вообразил, что это божество, и

создал целую религию на основе этого заблуждения. Но Никки знала, что сильфида — не богиня, а лишь существо, измененное древними волшебниками.

— Я расскажу тебе о Сулакане. — Никки не сводила глаз со сверкающей женщины. — Я сама с ним сражалась и помогала его одолеть, но именно лорд Ричард Рал окончательно его уничтожил.

Обезумевшая сильфида, нависнув над Никки, слушала, как та рассказывает историю Сулакана: как он основал Народный Альянс и приказал волшебникам создать армию нелюдей, чтобы сражаться с Новым миром, как он в конце концов был повержен и заперт за великим барьером.

Пока серебряная женщина слушала, на ее лице появилось выражение досады, а плечи поникли, но потом она выпрямилась с горьким гневом.

— Если Сулакан умер три тысячи лет назад, то как он вернулся? Почему он не победил?

— Он был воскрешен кровью Ричарда Рала — благодаря предателю Ханнису Арку. Сулакан вернулся с армией бездушных полулюдей, но все они были стерты с лица земли. Потерпели полное поражение.

Никки, вынужденная выполнить свое обещание, описала последнюю войну в Темных землях, рассказала о том, как армия Д'Хары сражалась с ордами нежити и как Ричард Рал уничтожил Сулакана под Садам Жизни в Народном Дворце.

— Сулакан исчез, вышвырнутый обратно в преисподнюю. — В ее голосе прозвучали нотки жестокого удовлетворения, когда она заканчивала рассказ. — Лорд Рал — боевой чародей. Он изменил основы мира, используя язык Сотворения, а Сулакан был слишком слаб, чтобы одолеть его. Император потерпел полную неудачу. — Ее голос стал громче, в нем зазвучало еще больше силы, злости и удовлетворения. Никки скрестила руки на груди. — Сулакан мертв

и никогда не вернется. Твоего дела, Народного Альянса, больше не существует. — Сокрушительные новости были единственным оружием Никки, чтобы наказать сильфида за то, что та сотворила. — Твое дело не только больше не существует, но и бесполезно. И всегда было бесполезно. Планы Сулакана были обречены на провал с самого начала. Ты — единственное, что от них осталось.

Сильфида съежилась, словно эти слова хлестнули ее ключей плетью. Ртутное лицо растягивалось, теряло очертания, искажалось, а потом ее рот расплылся в жутком рыке.

— Ты лжешь!

Несгибаемая Никки стояла перед колодцем:

— Ты знаешь, что нет. Ты понимаешь, что я говорю правду. Много лет назад ты отдала свою жизнь ни за что.

Жидкий металл посветлел, словно раскалился добела, и превратился в аморфную расплавленную фигуру. Прекрасная женщина стала свирепым демоном. Ее тело увеличилось, а руки удлинились в щупальца, оканчивающиеся изогнутыми когтями. Никки кинулась на мостовую и перекатилась, подныривая под удар, но сильфида полностью утратила человеческие очертания, и из ее торса вырвались еще четыре щупальца.

— Так отправься со мной в путешествие, из которого никогда не вернешься! — Крючковатые щупальца хлестанули по Никки. — Я утащу тебя вниз, и ты навсегда останешься внутри меня. Я утоплю тебя и сокрошу твои легкие, и ты будешь такой же мертвой, как мой хозяин Сулакан.

Серебряная рука обвила Никки, словно железным прут, но колдунья призвала дар, чтобы направить тепло в серебряную конечность, и та превратилась в жидкость. Никки вырвалась и поднырнула под обрубок, чтобы оказаться по дальше. Ее черное платье дымилось, а кожа на руках покраснела от ожогов.

Никки пятилась, давая себе время, чтобы создать огонь волшебника. Она метнула шипящую сферу в сильфиду, но серебряная завеса окружила огонь и поглотила разрушительное пламя. Металлическое тело бурлило и крутилось, но каким-то образом поглотило энергию.

Никки отступала от колодца сильфиды, пока не уперлась в стену пустого храма. К ней тянулись серебряные щупальца, гибкие, как горячий воск, и твердые, как сталь. Они обрушились вниз, пытаясь раздавить Никки, но та снова уклонилась. Удар разбил каменный пол храма, а обратное движение одного из щупалец раскололо статую Матери морей, превратив ту в груду обломков.

На щупальцах появились шипы, когда они хлестнули мимо Никки. Она призвала острые молнии и ударила ими по сильфиде, оставляя неровные дыры в ртути, которые, впрочем, быстро зарастали. Щупальце обернулось вокруг руки Никки и сжало сильнее наручников, в то время как еще одно обхватило за талию и сдавило так сильно, что она не могла сделать вдох. Многочисленные конечности потащили ее к колодцу спиной вперед.

— Я утащу тебя на глубину, и ты больше не сможешь дышать!

Никки сопротивлялась, но текучая сильфида постоянно меняла форму, восстанавливаясь от любых повреждений. Колдунья использовала все свои магические силы во время битвы с Авой и Рувой, а до этого с облаком жисс, и все это очень ее ослабило. Никки была истощена, но не собиралась умирать. Она поняла, что у нее хватит сил лишь на один удар, но она не осмеливалась тратить свой последний шанс на очередную неудачу.

Когда щупальца подтащили ее ближе к отверстию колодца, Никки нашла другую цель и решила рискнуть. Она использовала разрушительную энергию, сотрясая землю, а

затем нанесла последний мощный удар молнией — но не по сильфиде. Вместо этого она ударила по круглой каменной стене колодца, запечатывая глубокую яму. Взрывная волна пришла сразу с нескольких сторон, и каменные блоки попадали внутрь, блокируя отверстие колодца.

Сильфида завизжала, когда стены начали рушиться. Падавшие блоки отрубили сразу три ртутных щупальца, и металлические обрубки упали на потрескавшийся пол храма. Завывая, сильфида отступила и нырнула в бесконечные туннели. Падавшие блоки запечатали колодец. Тяжело дыша, Никки поползла вперед и спланила края камней, скрепив их друг с другом.

Она упала на колени, но дело еще было не закончено. Подняв руки и призвав дар, она изменила форму неустойчивых каменных блоков, сделав их податливыми и гладкими, пока они не сложились в непроницаемую крышку, которая навеки запечатала колодец сильфиды. Она повалилась на землю в полном изнеможении, едва соображая.

Что-то холодное и металлическое схватило ее за ногу, как рука умирающего. Она брыкнула ногой, чтобы вырваться. Три отрубленных щупальца извивались подобно безголовым змеям. Теперь они утратили серебряный цвет и потускнели. Их дерганье замедлилось, и щупальца замерли. Теперь они были словно не из металла, а из черной маслянистой слизи, которая утекала в щели меж каменных плит.

Никки снова поднялась на ноги, с трудом вдыхая воздух. Бледно-желтый отсвет рассвета просачивался в храм Матери морей. Она вернулась в Серримунди, как и хотела, но Мрра и Прячущиеся люди остались очень далеко. Теперь у нее не было способа вернуться в Ороганг, чтобы успеть помочь им. Колодец сильфиды запечатан, и она больше никогда не сможет путешествовать этим способом. Она даже не

знала, выжила ли сильфида после такого. Никки застряла в Серримунди, но ей нужно было готовиться к другой войне.

Она услышала за спиной тихий плач и страдальческие вздохи. Она повернулась, готовая к новой битве. Ее черное дорожное платье было изорвано, светлые волосы спутались в потный клубок, но она по-прежнему была Никки, Госпожой Смерть, и могла одолеть любого, кто ей угрожает.

Возле входа в храм стояли пятеро перепуганных просителей. Они пришли с рассветом, неся корзины фруктов и рыбы в качестве подношения, но выронили свою ношу, увидев, как Никки сражается с жуткой серебряной сущностью. Теперь просители во все глаза смотрели на расколотую статую и разрушенный колодец.

— Мать морей, — прорыдал один из них. — Ты убила Мать морей!

— Ваша Мать морей была не такой, какой вы ее считали, — резким тоном сказала Никки и направилась к выходу. — А теперь отведите меня к хозяину порта.

Глава 41

Ученые Твердыни трудились дни напролет, просматривая огромное количество документов. Кухонные работники подавали обед прямо в библиотеку, чтобы ученые не прерывали лихорадочные поиски. Армия генерала Утроса неустанно маршировала по горам, и времени оставалось мало. В Твердыне надеялись, что архив так и останется скрытым, раз ни одна из древних военных сил не знала о его местоположении. Но опасность грозила всему Древнему миру, и Натан не собирался просто прятаться. В этой сокровищнице магических знаний они обязательно найдут то, что не

позволит генералу Утросу захватить все города и земли Древнего мира.

Натан и Верна шли по коридорам к хранилищу документов, больше похожему на пещеру. Возле каменных стен стояли высокие стеллажи, полные книг, — одни были навалены беспорядочными стопками, другие аккуратно расставлены. Натан чувствовал запах пыли, бумаги и кожи. Он слышал, как внутри зала работники сортируют и расставляют книги, обсуждая находки.

Войдя в дверь, он пробежал пальцами по корешкам книг на первой полке. Его ногти стучали, переходя от одной обложки к другой.

— Меня будоражит огромное количество томов, моя дорогая аббатиса. — Он криво усмехнулся. — Возможно, если бы меня заперли здесь на тысячу лет, я смог бы просмотреть их все.

— Один человек и тысяча лет, — сказала Верна, — или тысячи ученых, работающих вместе. Мы можем потратить столько же часов за гораздо меньшее время, но знания будут разрозненными и неполными. Как нам узнать, какие части нужно соединить?

Он погладил подбородок:

— Добрые духи, нужно так много всего организовать. Мы знаем, каким мощным может быть правильное заклинание — и каким опасным.

— Мы лишены роскоши проявлять осторожность, — сказала Верна. — Если найдем что-то действенное, нам останется лишь надеяться, что мы сможем это контролировать. Я уверена в своих способностях, и ты в своих тоже никогда не сомневался. — Она пристально посмотрела на Натана. — На самом деле сестры Света боялись тебя до ужаса.

— Боялись до ужаса? Аббатиса Энн никогда не страдала такими глупостями. Она приходила ко мне и составляла

компанию, даже когда я был разъярен из-за пророческих видений. Ах, как мне ее не хватает.

Прямо у входа в хранилище документов стоял крошечный стол. Грузный мужчина с челкой сидел, сгорбившись над открытой книгой, и записывал названия книг, с которыми к нему подходили ученые. Его перо вертелось шмелем, когда он выцарапывал слова, погружалось в чернильницу подобно жалу и записывало очередную строчку, ни разу не позволив чернилам капнуть на бумагу.

Молодые мужчины и женщины, нагруженные томами, сновали между полками, соблюдая тишину, которая казалась естественной в священной библиотеке. Зал был освещен лишь заклинаниями иллюминации, так как свечи и факелы могли поджечь книги и свитки.

Худощавый мужчина нес стопку книг, достающую ему до самого носа, а его коллеги забирали книги и расставляли по полкам. Взмолвленная женщина, похожая на мышку, толкала тележку с томами, которые относились к другому залу хранилища.

Ученый-архивариус Франклин вместе с сестрами Родой и Арабеллой руководил группой послушниц. Одежда Франклина была мятой, а глаза запавшими и налитыми кровью.

Когда он увидел Натана с Верной, то с облегчением улыбнулся:

— Я рад доложить о значительном прогрессе. Мы принесли в этот зал книги, в которых содержатся мощные заклинания. — Он со вздохом указал на полки, ломившиеся от книг. — Вам лучше всего начать с этого. Когда закончите, мы принесем новые книги.

— Что ж, тогда приступим, — сказал Натан.

— Я слышала, вы уже нашли заклинание Плачущего Камня, от которого расплавился архив пророчеств, — ска-

зала Верна. — Один из ваших учеников не смог удержать магию под контролем.

— Элберт глупец, раз попытался это сделать, — сказал Франклин. — Он не был помешанным на власти или излишне амбициозным, но был неподготовленным и не склонным просчитывать последствия.

— Он был слишком глуп даже для того, чтобы осознать, что он глупец, — сказал Натан, цокнув языком. — Это самый опасный вид.

Аббатиса была больше заинтригована, чем напугана.

— Нам следует взять на заметку столь мощное заклинание. Оно должно быть основано на магии плетения, привязанной к самой структуре камня, и способно расплавить горный склон.

— Расплавить склон горы? Против генерала Утроса? — Натану стало не по себе. — А если не сможешь остановить заклинание, когда оно будет активировано?

Верна взяла с полки выпцветшую серую книгу и заглянула в нее, но мысли ее были заняты другим.

— Этот вариант стоит рассматривать как крайнюю меру.

Франклин указал на витиеватую урну из голубого фарфора, стоявшую на полке.

— Мы нашли это в покоях Элберта после того, как он расплавил архив пророчеств. Я решил держать этот предмет рядом с документами о заклинании Плачущего Камня. — Он снял с урны крышку, и Натан с Верной заглянули внутрь. — Это необходимый компонент заклинания.

Натан увидел на дне урны мелкий белый песок с необычным отливом.

— Добрые духи, это же магический песок!

Верна кивнула:

— Я понимаю, как он может быть ключом к запуску великого заклинания. — Она обеспокоенно посмотрела на

Натана. — Если Элберт использовал половину урны, не зная, что делает, то неудивительно, что стены обрушились! Так много силы! Нам повезло, что он не уничтожил весь архив.

— Так это не просто песок? — спросил ученый-архивариус. — Мы собирались выбросить его, когда наводили порядок.

— О нет, не делайте этого! — задохнулся Натан.

Верна бережно забрала урну из рук Франклина:

— Мы его сохраним. Магический песок могущественный и редкий, и даже несколько крупинок могут стать катализатором высвобождения невероятно мощной магии. — Она закрыла урну фарфоровой крышкой. — Это очень важно.

Двое ученых, ставивших книги на полки в дальнем конце зала, вскрикнули от удивления. Натан услышал приглушенный стук книг, водопадом посыпавшихся на пол.

— Дух! — Юноша обежал стеллаж. — Дух в архивах!

Послышались новые крики, и Натан с Верной побежали к последнему ряду книжных стопок. Еще один каскад потревоженных книг посыпался на пол, разметав повсюду страницы. Деревянные полки задребезжали. Ученая споткнулась о край своего одеяния и растянулась на полу, выронив из рук гору свитков.

Стройная, но нематериальная женская фигура летела к ним, окруженная зеленым сиянием. Она была лысой, кожу ее покрывали нарисованные символы, и она присутствовала здесь не во плоти, больше напоминая тень человеческого существа.

Сапоги Натана заскользили по гладкому каменному полу, когда он резко остановился.

— Ты одна из колдуний генерала!

Женский образ задрожал, и мстительная жестокость исказила красивое лицо. Мерцающая фигура обрела резкие до остроты очертания.

— Какой миленький архив. Какие интересные знания.

— Убирайся из этого места! — властно крикнула Верна. Другие сестры Света встали рядом с ней.

Призрак лишь рассмеялся.

— Я нашла вас! Теперь я знаю, где вы прячетесь. — В ее голосе звучал леденящий холод зимнего ветра.

— Какая из них? — требовательно спросил Натан, шагнув к зеленоватому духу. — Какая колдунья? Ава или Рува?

— Та, которая мертва. Я Ава. — Она взлетела к потолку, а потом устремилась вниз, не связанная гравитацией и физической формой. — Никки убила меня, но я все еще здесь. Я помогу всех вас уничтожить!

Когда светящаяся фигура ринулась на них, Натан хлестнул даром, чтобы защитить всех. Часть его разума радовалась тому факту, что Никки еще жива и сразилась с колдуньей. Когда дух оказался ближе, Натан призвал ветер, который пронесся прямо через нематериальную форму и лишь переверорошил груды книг на полках позади Авы.

— Я здесь, но не здесь!

Ава с хохотом пролетела сквозь книжные стеллажи, но сделала себя достаточно материальной, чтобы отправить книги в полет. Натан и Верна пригнулись, когда Ава обрушила на них град фолиантов. Книга с острыми краями угодила Франклину в лоб, и он повалился на полки.

Ава издевательски смеялась, становясь выше; ее зеленое сияние разгорелось ярче.

— Я скажу генералу Утросу об этом магическом архиве и приведу сюда армию. Сестра поможет ему обыскать архив и заполучить все знания. Вы обречены, — потешалась она.

Встревоженная Верна подняла щит:

— Блокируй ее, Натан! Мы можем поймать ее и запереть тут. — Сестры Рода и Арабелла тоже обратились к своему дару и объединили усилия. — Мы не можем позволить ей сбежать, раз она узнала местоположение Твердыни.

Натан помог сплести невидимую стену магии, но дух Авы был слишком шустрым и нематериальным. Она проскользнула мимо, метнувшись вдоль рядов полок и распутив молодых ученых.

Сидевший за маленьким столом грузный писарь покачнулся на своем шатком стуле, когда дух пронесся мимо. Чернильница опрокинулась, залив чернилами журнал, и фонтан черной жидкости взвился в воздух. Ава промчалась по стеллажам архива подобно призрачному тарану, беспорядочно раскидывая книги. Деревянные полки затрещали и выгнулись, чуть ли не ломаясь.

Дух Авы достиг каменной стены и исчез прямо в скале, оставив после себя лишь хаос кружащих в воздухе бумаг и падающих книг.

Франклин огорченно застонал, разглядывая последствия шторма в библиотеке. Повсюду валялись книги с поврежденными корешками и вырванными страницами, а то и лишенные обложек.

Натан с глубочайшим беспокойством посмотрел на Верну.

— Мы больше не можем скрываться. Генерал Утрос знает, где мы.

* * *

После очередного дня марша по предгорьям генерал стоял и смотрел на костер, пытаясь что-то прочитать в пламени. Он с горечью думал обо всем, что потерял, о своей преданности императору, о запретной любви к императрице, о скорби по умершей Аве. Утрос взвалил на свои плечи от-

ветственность за множество тысяч преданных солдат, которые умерли, служа ему. Будет ли достаточно, если он завоеует весь континент?

Рува села на корточки у огня, ожесточенная и потрясенная потерей сестры. Когда Ава стала духом, разбитое сердце Рувы скрутила еще большая решимость, и теперь разукрашенная колдунья смотрела в пламя вместе с генералом. Оба они потерялись в своих мыслях.

Пламя вспыхнуло ярче, и из огня поднялась нематериальная фигура Авы — такая же идеальная, как и при жизни. Сестры отличались лишь зеркальными шрамами на внешней стороне ног. Рува ахнула и раскрыла руки для объятия. Ава подплыла ближе и приняла позу Рувы; их ауры слились в одно целое.

Генерал Утрос повернулся к странной двойственной фигуре, ожидая отчета от призрачной шпионки. Первый командующий Енох, завидев бестелесный образ, тоже поспешил к ним из своего шатра, стоявшего по соседству.

Когда Ава заговорила, губы Рувы зашевелились в унисон. Их голоса звучали в унисон, нагоняя жуть.

— Возлюбленный Утрос, у меня крайне важная информация. Я рыскала по землям, выслеживала связи, и нашла волшебника Натана Рала и его раздражающих товарищей. — Ее лицо засияло от предвкушения. — В нескольких днях пути отсюда есть скрытый архив с магическими знаниями. В бесчисленных книгах хранится невообразимая магия и опустошительные заклинания, которые Рува может использовать, чтобы помочь тебе подчинить земли. Если захватишь Твердыню, генерал, то мы сможем распоряжаться этими знаниями. — На ее мерцающем лице появилась улыбка. — Тогда твоя победа гарантирована.

Утрос никогда не задумывался ни о чем подобном. Арсенал забытых магических знаний?

— Ты можешь сказать, где искать архив?

— Да, возлюбленный Утрос, — синхронно ответили женщины. — Он спрятан в боковом каньоне и практически лишен защиты. Они полагались на маскировку. Мы с легкостью захватим архив.

Утрос улыбнулся. Даже ночью он носил золотую маску в качестве напоминания о том, кем был раньше.

Он посмотрел на Еноха:

— Наша новая цель — Твердыня, первый командующий.

— Он посмотрел на разбросанные по холмам яркие костры военного лагеря, которые напоминали мигающие глаза. — Как только заполучим архив, мы выпотрошим его.

Глава 42

Вокруг норукайских кораблей раскинулось открытое море; берег скрылся за горизонтом. Бэннон не испытывал никакой радости при виде этих просторов, хотя в его памяти и всплыло воспоминание о том, как однажды он и Ян стояли на берегу острова Кирия и смотрели на проплывающие корабли. Оба они мечтали повидать мир, но Бэннон больше хотел сбежать от отца. Он содрогнулся от ужаса, думая о том, что король Скорбь везет их на Норукайские острова.

Под палубой надсмотрщик бил в барабан, а несчастные рабы, прикованные к скамьям, налегали на весла, чтобы ускорить змеиные корабли — слабого бриза было недостаточно.

Когда Лила попала на борт, ее избили до потери сознания и швырнули на палубу рядом с Бэнноном, тоже приковав к лодыжке цепь — раньше она принадлежала Эрику. Теперь покрытая кровоподтеками Морасит была такой же пленницей, как и он. Бэннон никак не мог понять, почему она поз-

волила схватить себя. Добровольно! Ему это казалось глупым риском.

Пока она неподвижно лежала под палящим солнцем, он разглядывал символы на ее коже. Руны защищали ее от магии, но не помогли против жестоких норукайцев. Ее тело было все в синяках.

Наконец Лила застонала, и ее веки приоткрылись. Она мгновенно проснулась, полностью придя в сознание. Морасит дернула за цепь, прикованную к лодыжке, и ее гримаса подсказала Бэннону, что ей больно. Когда ее взгляд встретился с его, она заметно расслабилась.

— Значит, я смогла. Я помню все весьма... смутно.

— Ты определенно привлекла их внимание, — вырвалось у него. А затем Бэннона понесло: — Такая глупая выходка! Зачем? Теперь мы оба в плену, и твое положение ничуть не лучше моего.

— Я там же, где и ты, — сказала Лила, словно этого было достаточно. — Этого я и хотела.

— Но почему? Чего ты надеешься добиться?

— Если б эти корабли уплыли, я никогда бы тебя больше не увидела. Был только один способ остаться с тобой. И теперь у нас есть шанс.

Бэннон опустил голову, и длинные пряди скрыли его лицо.

— Шанс? Ты сводишь меня с ума. Я не понимаю, что ты задумала.

— Это же очевидно. — Она нахмурилась. — Норукайские корабли направлялись в море, и это была моя последняя возможность перехватить их. Если они уплывут в океан, как мне тебя спасти?

— Сейчас это не слишком походит на спасение, — возразил он.

— Ну я же еще не закончила. — Она снова поморщилась, когда повернулась осмотреть синяки. Лила согнула и разогнула пальцы, провела языком по запекшейся крови на разбитых губах. — Я поправлюсь. — Она принялась тянуть в разные стороны путы на запястьях, пока завязанная веревка не окрасилась кровью. — В конце концов я освобожусь от веревки, но с цепью на ноге будут проблемы.

Он посмотрел на открытое водное пространство, но больше не видел линию берега — только бескрайний океан.

— Я в тебе не сомневаюсь, Лила. Я знаю, на что ты способна.

— Ну конечно же не сомневаешься — я никогда не давала повода.

Теперь она была беспомощна, и Бэннон боялся, что норукайцы утащат ее на другой конец палубы и изнасилуют, хотя большинство налетчиков, кажется, предпочитало крепких норукаек, и их ночные любовные игрища на верхней палубе больше походили на драку. И все же он видел, как норукайцы насиловали трех ильдакарских пленниц, обращаясь с ними так жестоко, что две сошли с ума, а третья умерла — ее тело выкинули за борт. Они считали рабов «ходячим мясом». Лила была красивой женщиной со стройным хорошо сложенным телом. Он боялся того, что может случиться, и чувствовал болезненную неотвратимость.

В первую ночь в море ухмыляющийся молодой норукаец со свежими красными шрамами на лице схватил цепь Лилы, отстегнул от палубы, и потащил Морасит прочь. Она не кричала, а свернулась словно пружина и приготовилась.

— Оставь ее в покое! — Бэннон бросился за ней, насколько хватало цепи.

Норукаец засмеялся, но Бэннона больше ранило то, что Лила обернулась и грубо сказала:

— Молчи, мальчишка! Ты делаешь только хуже. Я сама справлюсь.

Она потянула за свою цепь, пытаясь вырвать ее у налетчика, но норукаец дернул за стальные звенья, чуть не вывихнув ей плечо.

После того как норукаец затащил ее в тень, отбрасываемую ящиками с украденными припасами, Бэннон напрягся, ожидая услышать ее голос. Он был уверен, что Лила бросит вызов насильнику, но она не сказала ни слова. Он слышал возню, рычание, а потом крик — но он принадлежал не Лиле.

Норукаец, шатаясь, выскочил из мрака. Пьяный от боли, он едва брел по палубе. Лила, держа свою цепь на весу, пошла к Бэннону. Несколько норукайцев выбежали, заслышав стоны товарища. Он прижимал ладони к промежности, и между его пальцев сочилась кровь. Разъяренные налетчики устали на Лилу, но она вызывающе посмотрела на них, продемонстрировав кусок плоти на ладони:

— Я оторвала ему яйца, но на этом остановилась. Если кто-то другой попытается взять меня силой, я еще и заставлю его съесть собственную мошонку. — Она швырнула на палубу кровавый комок.

Несостоявшийся насильник захныкал, а затем рухнул в лужу крови. Норукайцы наступали на Лилу, готовые разорвать ее на части.

Бэннон надеялся, что длины его цепи хватит, чтобы сражаться. Лила твердо стояла на ногах, готовая умереть.

К ним подошел король Скорбь. Увидев извивающегося и стонущего мужчину на палубе, а также окровавленную мошонку рядом с ним, король захохотал. Через пару секунд другие норукайцы тоже разразились смехом.

— Бросьте это ничтожество за борт, — сказал Скорбь.

Они кинули в море стонущего налетчика, который был еще жив.

Лила вернулась на свое место рядом с Бэнноном. Рассерженные норукайцы некоторое время прожигали ее взглядами, а потом громогласно заявили, что на их вкус она слишком тощая.

* * *

На следующий день, когда несколько пленников были доведены до изнеможения в трюме, надсмотрщик при помощи криков, рычания и щелчков кнута выгнал их на палубу. Боско освободил Лилу и Бэннона от оков и приказал спускаться к скамьям. Надсмотрщик источал отвратительную вонь, и даже морской бриз не мог ее развеять.

В разгар знойного полудня Бэннон и Лила сидели рядом и тянули весла. Лила была другом, иногда любовницей, но никогда многословным собеседником. Пока они налегали на весла, Лила с ненавистью взирала на норукайцев, но в ее глазах виднелся расчетливый блеск.

Мелок пришел поболтать. Он боялся Лилы, но в то же время был очарован ею. Неуклюжим шепотом, перекрывавшим треск весел, он принялся секретничать с Бэнноном:

— Красивая леди. Опасная леди. — На его бледном лице был пурпурно-желтый след от ее удара. — Но для Мелка у нее нет любви. Не для меня. У меня никогда не будет любви.

— Разрежь мои путы, и я буду любить тебя, пока не разорву на мелкие кусочки, — прорычала Лила.

Мелок поспешно удрал и, бросив последний взгляд на Бэннона, поднялся по деревянной лестнице на верхнюю палубу.

— Тяни! — заорал надсмотрщик.

Корабли плыли на север от устья реки уже несколько дней. Скорбь расхаживал по палубе, а Мелок следовал за ним, словно щенок.

— Скоро мы будем в бастионе. — Король положил руку с обитыми железом костяшками на щуплое плечо шамана.

— Бастион! — вскрикнул Мелок. — Дом! — Он подбежал к Бэннону, наклонился и повторил: — Дом!

Лицо короля Скорбь потемнело, когда он повернулся к шаману.

— Я надеялся, что Ильдакар станет центром моей новой империи. Что пошло не так? Чего ты не предвидел? Мы должны были победить!

В блеклых глазах Мелка светилось что-то, граничащее с безумием.

— Будет война, большая война! Я обещаю войну. Много кораблей. Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть!

— Скоро, — поклялся король.

Змеиные корабли плыли вперед. Для Бэннона и Лилы бесконечные дни проходили словно в тумане; они то были прикованы на открытой палубе, то потели в тесном трюме на веслах. Когда поднимался ветер и натягивал паруса, весла убирали, и связанным рабам оставалось лишь бояться своей судьбы.

Однажды днем раздался крик дозорного с вершины мачты:

— Сэлки в воде! По правому борту.

Скорбь подошел на нос судна, приставил ладонь ко лбу и всмотрелся в волны. Бэннон приподнялся, чтобы осмотреть воду.

— Ты их видишь? — спросил он у Лилы.

— Что за сэлки?

Прищурившись от бликов на воде, он ощутил трепет ужаса, когда заметил пять плывущих фигур.

— Они выглядят как люди, но определенно не люди.

— Рыбный народ? — поморщила лоб Лила.

— Не самое плохое описание. Это люди, очень давно измененные так, чтобы они могли жить в воде. Когтями они способны рвать акул на части. — Несмотря на жаркое солнце, его сотрясла дрожь. — Натан говорил, что во время Великой войны, которая шла тысячи лет назад, могущественные волшебники воздействовали магией на пленных, давая им жабры и изменяя кожу, создавая морскую армию. Война давно закончилась, и сэлки построили настоящую подводную цивилизацию. Они ненавидят людей и охотятся на корабли. — Он тяжело сглотнул, когда его захлестнули воспоминания. — Они напали на «Бегущий по волнам», когда мы плыли на юг. Ночью сэлки взобрались на корабль и убили всю команду, чтобы отомстить ныряльщикам за жемчужинами желаний, которые разграбили их рифы. Никки, Натан и я были единственными выжившими, когда «Бегущий» разбился у Призрачного берега. Королева сэлков каким-то образом связана со мной и не хотела меня убивать... Чего бы это ни стоило. Но их было невозможно остановить.

— Сейчас шансов больше, ведь я буду сражаться вместе с тобой, — сказала Лила. — А я Морасит.

Бэннону думалось, что со связанными руками и скованными ногами даже Лила не сможет дать достойный отпор сэлкам.

Норукайцы стояли вдоль борта, держа копья с костяными наконечниками и готовясь швырнуть их в плывущие фигуры, но сэлки держались поодаль.

— Подплывайте ближе, чтобы мы вас перебили! — взревел король.

Сэлки оставались вне пределов досягаемости.

— Рыбы-сэлки! — застонал от восхищения Мелок. — Рыбий народ! — Он нервно провел ладонями по бугристым шрамам на животе. — Не хочу, чтобы меня выпотрошили, король Скорбь, мой Скорбь.

Король сердито посмотрел на него сверху вниз:

— Я не позволю им тебя выпотрошить, Мелок.

— Неправильно! Неправильно! Неправильно! — нараспев повторял шаман.

Словно от скуки, сэлки подплыли ближе, пока норукайцы удваивали дозорных.

— Не знаю, почему королева сэллок пощадила меня в первый раз, — погрузившись в воспоминания, тихо и задумчиво сказал Бэннон.

Когда он был еще маленьким, то украл небольшую рыбацкую лодку и уплыл прочь от Кирии без карт и знания моря. Он дрейфовал несколько дней, пока не закончились еда и вода. Он страдал от жаркого солнца и впал в отчаяние, уверенный, что умрет в море.

— Я слышал истории о сэлках, — сказал он Лиле, — но никогда не видел их. Я думал, это просто рассказы рыбаков, но той ночью, когда появился морской туман, я свернулся в клубок в лодке и заснул. В темноте кто-то вытолкал мою лодку к острову. Когда я проснулся, то был уже дома. Лодку вытащили на скалистый берег. Я увидел лишь след перепончатой ступни на песке. — Бэннон посмотрел на Лилу. — Когда они атаковали «Бегущего по волнам», королева сэллок словно узнала меня.

Лила недоверчиво глянула на него:

— Мне кажется, ты переоцениваешь свой шарм, мальчишка. — Ее голос был невыразительным, но он подумал, что она его дразнит. — Но если королева захочет стать твоей любовницей, я буду с ней драться.

Он вздрогнул от этой мысли:

— Я не хочу встречи с ней.

Глава 43

После того как дух Авы вихрем пронесся по архиву, обитатели Твердыни были в состоянии повышенной готовности. Генерал Зиммер отослал разведчиков из каньона следить за армией, которая уже спускалась с гор. Натан созвал экстренное совещание, чтобы обсудить, как можно подготовиться к приходу столь подавляющей силы.

— Не уверена, что у нас есть какие-либо приемлемые варианты, — с жестким скептицизмом заговорила Верна, когда они с Натаном спешили в зал собраний. — Архив больше не спрятать, и Утрос уже на подходе. Как мы можем защитить Твердыню?

Натан цокнул языком.

— Уверен, мы что-нибудь найдем, моя дорогая, если хорошенько подумаем.

— Говоришь как наивный глупец. — Она обогнала его и первой вошла в большой зал собраний.

— Я предпочитаю термин «оптимист». Помни, я уже помогал спасать мир раньше.

Вот только действовал он вместе с Никки, Ричардом и многими другими. Он знал, что Никки все еще жива, но она была где-то далеко и каким-то образом убила колдунью Аву.

В ответ аббатиса лишь закатила глаза.

Франклин и Глория сидели за ораторским столом перед взволнованной аудиторией. Зиммер неловко ерзал в кресле; начищенная д'харианская броня придавала ему официальный вид, будто он собирался предстать перед самим лордом Ралом. Натан и Верна заняли оставшиеся места за столом

перед собравшейся толпой. Ученые с сосредоточенными лицами заполняли комнату, рассаживаясь на скамьях или вставая плечом к плечу. Низкий гул голосов не был непри-
нужденным, как обычно на таких встречах.

Торн и Лайес были вооружены. Восемь сестер Света сидели с уверенным видом и наблюдали за аббатисой, ожидая начала обсуждения. Оливер и Перетта держались рядом с Эмбер.

Глория кивнула помнящим, в то время как обитатели Твердыни задавали друг другу вопросы. Ученый-архивариус Франклин сложил руки перед собой, ожидая, пока толпа затихнет. У входа в зал стояли неодаренные слуги, встревоженно вслушиваясь в разговоры.

— Довольно тратить время впустую, — прочистив горло, заговорил Натан. — Кто-то должен призвать собрание к порядку, хотя я считаю, что совещания занимают слишком много времени, которое лучше потратить на действия. Вражеская армия прекрасно знает, где нас найти. Сто тысяч солдат захватят архив, если не отыщем способ остановить их.

— Как мы остановим такие силы? — воскликнул один из помнящих.

— Убив их, — вставила Торн, как будто ответ был очевиден.

Верна выглядела недовольной.

— Отличное предложение, но бесполезное. Мы должны помешать им захватить знания архива. Они не могут их получить!

— Судя по темпу их шествия, они примерно в четырех днях пути, — сказал Зиммер. — Но разведчики полагают, что они набирают скорость.

По залу прокатилась волна тревожного шепота.

— Солдаты измождены и голодны, они пожирают все, что попадаете им на глаза, — сказала Лайес.

— Тем не менее, продолжают маршировать, — добавила Торн. — Во время последней вылазки мы убили шестерых.

— Каждая, — добавила Лайес. — Для ровного счета.

— Мы не можем остановить их по одному или по двое, — расстроено проговорил капитан Тревор.

— Лабиринт узких каньонов, отвесные скалы, высокая мяса защищают Твердыню, — объяснил Зиммер. — Небольшое число бойцов сможет удерживать узкий проход в устье каньона. При должной подготовке мы могли бы устроить засаду врагу, убить тысячи, когда они вольются в каньон.

— Нагромождение их тел образует еще одну оборонительную стену, — сказала Лайес, наслаждаясь этой мыслью.

— Вы довольно амбициозны, генерал, — сказал Натан, — но с таким количеством воинов, которые отказываются сдаваться, Утрос сокрушит нас, каковы бы ни были его потери. Солдаты будут наступать снова и снова. Мертвая колдунья расскажет ему об архиве, и он захочет овладеть хранящимися здесь знаниями. Он не отступится.

— Но мы можем попытаться сдержать их, — сказал волшебник Лео. — Так ведь?

— Это невероятный риск, — отметил Франклин. — Мы должны эвакуировать как можно больше людей. Я не позволю всем этим невинным семьям ютиться здесь в ожидании расправы. Мы должны признать, что Твердыня может пасть. Мы могли бы погрузить в повозки наиболее важные фолианты и увезти их в высокогорье.

— Я согласна, — сказала Глория. — Если вместе с ними отправить моих помнящих, они заберут знания, которые хранят в своих умах, а это эквивалентно тысячам книг.

— Знания архива слишком опасны, — сказала Верна. — Мы не должны допустить, чтобы эта информация попала в руки врага. Ни в коем случае!

— Потребовались многие годы, чтобы собрать здесь все эти труды, — сказал Франклин. — Даже если увезем полные фургоны книг, то спасем всего лишь крупички. Это просто невозможно! Мы еще даже их не рассортировали.

— Мы не можем переместить архив, — сказал Натан. — Это очевидно. Кто выберет тома, которые надо спасти? Даже если мы просто спрячем самые опасные книги в пещерах, что тогда? Имея неограниченное количество солдат для обыска окрестностей, Утрос найдет книги. И дух его колдуньи может летать повсюду.

— Мы не смеем позволить генералу Утросу получить ни одну из этих книг. Знания слишком опасны, — настаивала Верна.

— Мои помнящие хранят информацию, — сказала Глория, — но если их схватят и будут пытаться... — Она посмотрела на своих последователей в синих одеждах. — Кто знает, что их заставят рассказать?

В толпе послышались стоны ужаса. Ученые горячо спорили.

Зиммер поднялся и скрестил руки на закованной в броню груди.

— Мы должны защищать Твердыню. Эвакуируйте всех гражданских, но мои защитники должны помешать армии прорваться в каньон. Останемся и сделаем все возможное, чтобы препятствовать вторжению.

— Ава точно знает, что содержится в архиве, — сказал Натан. — Похоже, ее сестра Рува еще жива, если только Никки не убила и ее. — Он погладил подбородок.

— Она всего лишь одна колдунья, — сказал Орон.

— С ней сотня тысяч солдат, — отметил Лео.

— Все волшебники Ильдакара смогли нанести лишь царапину этой гигантской армии, — сказала Ольгия. — Здесь мы, считай, беззащитны.

Зиммер опустил кулаки на стол:

— Давайте будем реалистами. — Его щеки были покрыты черной щетиной, а лоб блестел от пота. — У нас есть пять десятков д'харианских солдат, а также несколько городских стражников из Ильдакара. С нами Орон и Лео, Ольгия и Перри из Ильдакара, Натан, аббатиса Верна, сестры Света и несколько одаренных ученых Твердыни, которые могут сражаться с помощью магии. — Он глубоко вздохнул. — Даже учитывая естественную защиту здешних каньонов, я сомневаюсь, что мы выстоим против генерала Утроса и его армии.

— Но мы попытаемся, — сказал капитан Тревор. — Будем сражаться до последнего и заставим их заплатить очень высокую цену!

— Но они все равно прорвутся, — перебила его Верна. — Независимо от того, сколь храбры и отчаянны наши защитники, если мы не удержим вход в каньоне, все будет потеряно. Если архив попадет в руки врага, то все пропало! — Голос ее зазвенел от гнева. — С этими опасными знаниями Утрос сокрушит Древний мир. — Она положила ладонь на рукав Натана, словно черпая силы. — Сестры Света чтят знания, и для меня это тяжелое решение, но оно единственно верное. — Она оглядела комнату, и взгляд ее наконец остановился на Глории и Франклине. — Если армия прорвется, мы должны уничтожить Твердыню.

— Но мы не закончили работу! — ахнул Франклин.

— Еще нужно запомнить столько томов! — воскликнула Глория.

— Утрос перетряхнет архив. Он найдет те смертоносные заклинания, которые ищем мы, и использует, чтобы уничтожить мир.

Натан почувствовал, как сердце в груди забилося громче, и поморщился, когда его пронзила сильная боль.

— Я помню, как Ричард разрушил Дворец Пророков. Великое строение, хранившее так много информации. — Он прикусил нижнюю губу. — Но мир выжил без этих знаний. Я ценю уверенность и отвагу генерала Зиммера, но Верна указала мне, что неуместный оптимизм — удел глупцов.

— Но подумайте обо всех жертвах, которые потребовались ради создания Твердыни! — простонала Глория.

— Магия Твердыни принадлежит человечеству, тем, кто знает, как ее использовать, — высказалась Перетта.

— Во благо, а не во зло, — сказал Натан. — Мы должны смотреть фактам в лицо. Этот архив был укрыт саваном на протяжении трех тысяч лет, и никто не использовал магию ни во благо, ни во вред. Наша цивилизация, тем не менее, худо-бедно развивалась. Мир не стоял на месте. — Он постучал ногтями по деревянной поверхности стола. — Однако вскоре после открытия архива Роланд злоупотребил заклинанием и превратил себя в Поглотителя жизни — ненасытного монстра. Виктория пошла по его стопам. Лучше, чтобы эта магия вообще никогда не была открыта. Мы были бы в большей безопасности.

Глория отвела взгляд, смущенная упоминанием о своей наставнице. Остальные помнящие стали перешептываться.

— А еще был студент Элберт, — суровым тоном подхватила Верна. — Он расплавил архив пророчеств заклинанием Плачущего Камня, которое не мог контролировать. И все это лишь случайности! Подумайте, насколько хуже будет, если Утрос намеренно использует знания, чтобы уничтожить любого, кто ему противостоит.

— Мы все равно должны попытаться защитить каньон, — стоял на своем Зиммер. — Мои люди готовы. Мы можем все спланировать, расставить ловушки, убить множество врагов. У нас никогда не будет лучшей позиции для отпора. — Он сглотнул. — Но если мы потерпим неудачу, если генерал Утрос пройдет в каньон, сможем ли мы уничтожить архив? Только тогда, не раньше?

— Как мы это сделаем? — спросила Ольгия. — Сожжем все книги? Запечатаем туннели? Как мы можем сделать это достаточно быстро, если вражеская армия прорвется?

У Верны было отстраненное выражение лица, и Натан нахмурился, глядя на нее.

— О чем ты думаешь, моя дорогая?

— Заклинание Плачущего Камня. Быть может, просто нужно использовать его в полную силу.

Глава 44

Покинув порушенный храм сильфиды, Никки направилась в гавань Серримунди, где все еще ощущались последствия налета норукайцев. На входе в устье гавани возвышалась скала с высеченной в камне фигурой Матери морей. Затонувшие корабли с расколотыми мачтами торчали из воды, походя на чьи-то цепкие руки. Несколько доков были разбиты, сваи вырваны с корнем и повалены.

Гавань представляла собой полосу препятствий из затопленных грузовых судов, рыбацких лодок и уничтоженных змеиных кораблей. Рыбаки, пришлые моряки, мореходы Серримунди и портовые рабочие сообща восстанавливали город. Некоторые корабли сгорели до ватерлинии, другие накренились, набрав воду в трюмы. Подобно жукам-мусорщикам, счищающим мясо с трупа до костей, портовые

рабочие ползали по затонувшему кораблю, который блокировал главные доки. Пилами, ломami и молотками они разбирали судно до шпангоутов и кия.

— Обвяжите веревкой самый нижний шпангоут под ватерлинией, — крикнул мужчина с голым торсом, загорелой лысиной и густой черной бородой. Стоя в конце причала, он бросил моток веревки в воду. — Лебедкой мы вытащим проклятый змеиный корабль из главного канала.

Четверо мускулистых парней подхватили веревку и поплыли к полузатонувшему змеиному кораблю. Никки узнала высокомерных ныряльщиков за жемчужинами желаний и удивилась, что они трудятся наравне со всеми. Пловцы достигли обломков и глубоко нырнули, потянув за собой веревку. Мужчины на небольших шлюпках оттаскивали плавающие обломки на каменистый пляж в дальнем конце гавани, где другие вытаскивали их из воды. Люди складывали хорошие доски и бревна выше линии прилива, а остальное сжигали в большом костре.

Несмотря на масштабное восстановление Серримунди, Никки была уверена, что норукайцы нанесут новый удар. Не так давно она прибыла сюда, чтобы предупредить народ об армии генерала Утроста, но им пришлось столкнуться с кровожадными налетчиками. Убитый ею капитан Кор хвалился, что норукайцы также атаковали Илдакар.

Да, у Никки еще много врагов.

Она наткнулась на тучного торговца, одетого не по сезону тепло: на нем была темная шерстяная куртка поверх жилета, застегнутого на все пуговицы. Перед открытым складом были навалены в кучу обгоревшие деревянные ящики. Мужчина вскрывал их монтировкой и осматривал содержимое. Он работал один.

Никки остановилась перед ним.

— Где найти хозяина порта Отто?

Торговец сильно вспотел в своей теплой одежде.

— Я разорен. Я потерял половину своего товара.

— По крайней мере, ты не потерял свою жизнь.

Торговец выдохнул через сжатые зубы, неохотно соглашаясь.

— Хозяин порта осматривает поврежденные корабли. — Он указал на один из главных доков. — Поищите на борту «Туманной девы».

Никки знала этот корабль. На нем она сражалась с норукайцами и убила Кора. Когда она ушла, торговец вытащил зеленые и синие шелка из ящика, нахмурившись при виде пропитавшей ткань крови.

— Загублено, все загублено.

Не потребовалось много времени, чтобы найти трехмачтовое грузовое судно. Команда старательно отскребала с палубы кровавые пятна. Один человек повис на высокой рее, орудуя снастями с ловкостью паука.

— Хозяин порта! — крикнула она, подходя ближе.

Матросы подошли к поручням, чтобы посмотреть на нее. Некоторые заликовали.

— Это Никки. Мы снова в безопасности!

— Вы не в безопасности, пока не научитесь защищаться, — ответила она и без приглашения поднялась по сходням на палубу.

Хозяин порта Отто сидел на бочке рядом с Гэнли. Капитан «Туманной девы» был обручен с дочерью Отто. Хозяин порта взглянул на Никки из-под широкополой шляпы. Взгляд его карамельных глаз был тяжелым после стольких смертей и крови.

— Никки! Я думал, ты вернулась в Ильдакар.

— Я пыталась. Как долго меня не было?

Отто задумчиво почесал бороду:

— Норукайцы напали десять дней назад. — Он глубоко вздохнул. — Без тебя мою милую Ширу, ее деток, да и меня самого убили бы. Ты заставила нас проявить стойкость. Серримунди никогда этого не забудет.

Капитан Гэнли шагнул к ней с радостной улыбкой, будто намереваясь обнять, но замешкался при виде ее холодности.

— Здесь так много разрушений, что на восстановление города уйдет не один год.

— Если норукайцы не нападут снова, — сказала Никки, и оба мужчины побледнели. — И не забывайте об армии генерала Утроса. Не время расслабляться.

— Неужели все действительно так плохо? — спросил Отто. — Серримунди процветал на протяжении столетий. Мы сохранили нашу независимость даже при Имперском Ордене.

— Это другое, — ответила Никки. — Утрос намерен завоевать Древний мир, а норукайцы — дикие звери. Они хотят совершать набеги и грабить, а не заниматься мирной торговлей.

Дозорный на высокой скале у входа в гавань ударил в бронзовый гонг; загорелся сигнальный костер, поднимая в воздух клубы бледного дыма.

Отто прикрыл глаза ладонью:

— Приближается корабль.

В воздухе повисло напряжение, как перед грозой. Люди столпились у доков, глядя на устье гавани и гигантскую Мать морей. Они боялись, что это норукайские змеиные корабли.

Гэнли с трудом сглотнул.

— Мы еще не готовы к новой битве.

Когда дозорный еще два раза ударил в гонг, Отто заметно расслабился. Никки ждала отчета.

— Что это значит?

— Это не военный корабль, — сказал Отто. — Призыва к оружию не прозвучало.

Низкое судно с залатанными серыми парусами проскользнуло мимо гигантской каменной фигуры. Корпус был темным и грязным, но корабль легко и быстро вошел в гавань.

— Охотники на кракенов, — с отвращением произнес Гэнли.

— Не просто охотники, — сказал Отто. — Это «Преследователь», корабль моего брата Джаред.

Пока темный корабль ловко скользил меж затонувшими судами и торчащими мачтами, Никки восхищалась мастерством капитана. Капитан Джаред, казалось, знал каждый парус, каждый такелажный канат, каждую причуду ветров и течений. Он держал курс и лавировал в тесном пространстве. На палубе «Преследователя» толпились сотни потрепанных мужчин, женщин и детей. Нагруженное таким количеством пассажиров кракенобойное судно опасно низко сидело в воде, но капитан умело направил его к ближайшему свободному месту на пирсе. На носу стоял темноволосый мужчина. Щербинка между передними зубами, глаза и нос были совсем как у Отто.

Никки направилась за хозяином порта туда, где пришвартовывался «Преследователь». На причал перекинули три узкие доски, и по ним стали торопливо сходить беженцы, желавшие поскорее вернуться на сушу. Плачущая девочка вцепилась в руку матери, на голове которой виднелись воспаленные красные кровоподтеки. Люди сошли с «Преследователя» и столпились у пирса, дезориентированные и потерянные. Некоторые упали на колени, восхваляя Мать морей. На многих были окровавленные повязки, бинты и лубки, у кого-то — просто синяки.

Никки и Отто пробирались через толпу шумных беженцев, задавая вопросы. Люди были грязными и выглядели потрясенными.

— Норукайцы уничтожили Эффрен, — сказал мужчина с черным фингалом. — Наш город сожжен дотла. Сотни людей взяты в плен, наших женщин изнасиловали.

Пожилая женщина рядом с ним застонала.

— Десять змеиных кораблей пришли ночью под командованием человека по имени Ларс.

— Норукайцы никогда не нападали на Эффрен. Они не заходят так далеко на север, — добавил мужчина. — Некоторые из нас спрятались в погребах. Другие бежали в горы. Те, кто остался сражаться... — Он с трудом сглотнул, не в силах подобрать слов.

— Всех, кто сопротивлялся, убили, — закончила за него старуха.

Никки ощутила вспышку гнева.

— Я убила капитана Кора, но я помню Ларса. Они прибыли в Ильдакар с партией рабов.

Беженцы торопились, хотя идти было некуда. Никки и хозяин порта продолжили протискиваться через толпу к кракенобойному судну. Еще на подходе они почувствовали зловоние. Корпус и палуба «Преследователя» были пропитаны жиром и давно затвердевшей слизью. Она помнила охотников на кракенов со времен жизни в Танимуре; туда часто приходили корабли, груженные вонючим мясом кракена, жиром и кожей.

После высадки беженцев капитан Джаред спрыгнул с носа судна и направился к ним.

— Брат, похоже, со времени моего отбытия в Серримунди было некоторое волнение.

— На нас напали норукайцы, — сказал Отто. — Мы одолели их, но не без потерь.

— Вам повезло больше, чем Эффрену, это я тебе гарантирую, — сказал Джаред, и лицо его потемнело. — Норукайцы не оставили ничего, кроме развалин и трупов. Когда мы прибыли туда, я погрузил на лодку столько выживших, сколько смог, и доставил их сюда. Некоторые остались разбирать завалы.

Отто посмотрел на людей, бесцельно бредущих по докам.

— Беженцы смогут зарабатывать себе на пропитание, помогая нам отстраиваться, но из-за разбитой гавани и перепуганных торговцев припасов осталось не так много, чтобы прокормить всех.

— Вы справитесь, — сказала Никки, не допуская возражений. — Все эти люди — потенциальные бойцы, которые помогут отразить очередную атаку норукайцев или противостоять армии генерала Утроста. Они нужны вам.

Джаред одарил ее ослепительной улыбкой, обнажив щель между передними зубами.

— А это кто? — Даже после суровых испытаний и спасения несчастных беженцев, толпившихся на борту его корабля, капитан был необычайно весел.

— Это я предупредила Серримунди, чтобы они усилили оборону, пусть и с опозданием. — Она говорила ровным тоном, не испытывая удовлетворения от своей правоты. Ей было любопытно узнать точную и свежую информацию. — Если капитан Ларс напал на Эффрен, это значит, что на побережье орудует не один отряд норукайцев. Другие корабли вполне могут ударить по Серримунди и остальным городам.

Джаред мрачно кивнул:

— Выжившие в Эффрене говорят, что с побережья Ларрикан уже несколько дней не было никаких вестей, а это дальше на юг. Полагаю, этот город мы также найдем в руинах.

Никки знала, что великая армия генерала Утроса приближается, а теперь еще и норукайцы...

Она повернулась к хозяину порта:

— Мне нужно на север, в Танимуру, к местному д'харианскому гарнизону. Древний мир должен объединиться. — Когда Отто непонимающе посмотрел на нее, не реагируя так быстро, как ей того хотелось, она рывкнула: — Мне нужна быстрая лошадь, чтобы я могла доскакать в Танимуру по побережью. Я хочу уехать в течение часа.

— Зачем вам вонючая лошадь? — усмехнулся Джаред. — За столько дней в седле вы все отобьете и покроетесь пылью. — Он указал на серые залатанные паруса «Преследователя» и произнес с искренней гордостью, будто восхваляя красивую женщину: — Мой корабль в десять раз быстрее лошади, если у нас будет попутный ветер.

Никки решила, что под парусом и правда будет куда быстрее.

— Мой дар обеспечит нам попутный ветер.

Джаред рассмеялся:

— Колдунья на борту моего корабля. Это освежит обстановку.

— На кракенобойных судах свежести очень не хватает, — скорчив гримасу, сказал Отто. — Но это лучший вариант, Никки, если стерпите вонь.

Она подумала обо всех испытаниях, выпавших на ее долю.

— Дурной запах я переживу.

Глава 45

После выхода в открытое море норукайцы стали нетерпеливыми и шумными. Они стучали в щиты и топали по па-

палубе, словно их набег на Ильдакар можно было назвать победой, а не поражением.

Когда солнце село, они начали скандировать:

— Змеиный бог! Змеиному богу нужна кровь.

Мелок размахивал руками в воздухе:

— Змеиный бог спасет нас, но он голоден. — Шаман вцепился в короля. — Змеиному богу нужна кровь, мой король, мой Скорбь.

Король хмуро посмотрел на него сверху вниз:

— Ты уверен, что змеиный бог спасет нас? У тебя было видение?

— Змеиный бог спасет часть из нас, но я не скажу, кого именно! — Мелок захихикал. — Секрет!

Король Скорбь окинул взглядом прикованных к палубе рабов, жавшихся друг к другу, и его взгляд остановился на самом слабом и измученном пленнике.

— Возьми вон того. Разожжем аппетит змеиного бога.

Раб стонал и сопротивлялся; остальные пленники вжались в борт корабля, словно желали стать невидимыми. Бэннон натянул цепь, пытаясь освободиться — хотя и понятия не имел, чем помочь бедняге. Лила волком смотрела на короля, возясь со своими узами; вскоре ее запястья начали кровоточить.

Скорбь на всякий случай заехал Бэннону по скуле, а потом потерял к нему интерес. Обреченный тощий раб боролся, но безуспешно. На нем не было рубашки, и кожа на дочерна загоревшей спине покрылась волдырями и шелушилась. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как мужчина был мелким дворянином в Ильдакаре.

Налетчики ринулись к борту корабля и принялись стучать по древесине древками копий, боевыми молотами и рукоятями мечей, громогласно призывая монстра из толщи воды.

— Змеиный бог глубоко! — закричал Мелок. — Но он голоден! Змеиный бог спасет. — Он резко съежился и захныкал. — Но не всех.

Норукайцы не стали устраивать церемоний. Скорбь просто подтащил пленника к борту и заставил склониться над водой. Одним яростным взмахом кинжала он перерезал мужчине горло. Кровь фонтаном хлынула из глубокой раны, и Скорбь, ухватив раба за пояс, склонил того над волнами, чтобы кровь стекала по корпусу корабля в море.

Норукайцы продолжали в предвкушении колотить по палубе, в то время как пленники стонали от ужаса.

— Змеиный бог глубоко, — сказал Мелок, — но он будет есть.

Когда поток крови иссяк, Скорбь перекинул тело за борт. Мертвец дрейфовал позади трех кораблей и медленно тонул, но змеиный бог не появлялся, хотя они провели в напряженном молчаливом ожидании уже много минут. Норукайцы разочарованно заворчали.

Бэннона сжигал гнев из-за потери товарища по несчастью. Лила кипела от злости, молча наблюдая за жертвоприношением. Исподволь она продолжала бороться с путами, выкручивая и раздирая запястья; но даже если она избавится от веревки на руках, цепь по-прежнему будет приковывать ее к палубе.

* * *

Ночью змеиные корабли продолжили идти под парусами; норукайцы ориентировались по звездам. Связанный Бэннон лежал при тусклом свете фонаря и никак не мог заснуть. Лежавшая Лила напоминала свернутую пружину. Присутствие девушки несколько успокаивало. Темные паруса сливались с ночным небом, и их можно было заметить только

когда они заслоняли звезды. Он слушал плеск волн, ласкавших корпус корабля.

Мелок свернулся на палубе и заснул. Вскоре он проснулся и торопливо перебрался на другое место, где уснул вновь. Шаман выглядел нервным.

Бэннон знал, что даже если ему с Лилой удастся освободиться, бежать некуда. Они находились посреди океана и ни за что не сумеют доплыть до берега. Он лежал на палубе, стиснув зубы. Лила лежала так тихо, что он не понимал, спит она или бодрствует. Его пульс отсчитывал секунды нахождения в плену, заставляя ценить каждый миг, пока он еще жив. Как только корабли достигнут Норукайских островов, ситуация может измениться к худшему.

Слушая бриз, треск парусов, скрип дерева, шепот волн и храп норукайцев, он уловил другой звук — влажные шорохи, словно кто-то ползет вверх по корпусу. Лила мгновенно насторожилась, села прямо и начала возиться с веревкой на запястьях.

На Бэннона накатила волна ледяного ужаса, когда он увидел тень, поднявшуюся над перилами и скользнувшую на палубу. В следующий миг появился второй силуэт.

Вдруг с двух соседних кораблей послышались встревоженные крики. С палуб доносились звуки сильных ударов, звон стали и шум битвы. Бэннон вскочил и натянул цепь. Лила стояла рядом, напоминая загнанного в угол сторожевого пса.

Разбуженные норукайцы хватались за оружие, готовые к битве. Бэннон увидел третье покрытое чешуей существо, перебравшееся через борт на палубу. Оно двигалось с прытью мелких рыбешек, снующих в ручье. Появилось еще пятеро силуэтов с блестящими от влаги и слизи телами. У них были большие глаза и широкие рты, полные острых игольчатых зубов, а жаберные щели на шеях походили на влаж-

ные раны. Перепончатые руки оканчивались мощными когтями.

— Сэлки... — У Бэннона скрутило живот, а затем он заорал что есть мочи: — Сэлки! — Цепь обжигала лодыжку, пока он боролся с веревкой на запястьях. Он рывкнул на толпу просыпавшихся норукайцев: — Освободите нас! Я не хочу умирать, как выпотрошенная рыба. Дайте хотя бы сразиться! — Он знал, что сделают с ними сэлки.

Лила скривилась, выворачивая запястья, и по ее предплечьям потекли новые струйки крови.

— Я не позволю им тебя убить, мальчишка, — по крайней мере, без боя.

Разбуженные налетчики схватили боевые топоры, молоты и искривленные мечи, а сэлки все лезли на корабль. Морской народ был зеленовато-серым, и лишь на плавниках были яркие неровные полосы синего оттенка. Сэлки бросились на норукайцев, размахивая когтями и вспарывая грудные клетки.

Одна сэлка схватила норукайку за предплечье и яростно вонзила зубы. Клыки прошли через кожу и кости, отделив руку, и меч женщины с лязгом упал на палубу. Словно не замечая боли, норукайка замахнулась и ткнула окровавленной культей в лицо сэлке, выбив той глаз неровным обломком кости.

Сэлки по трое наваливались на налетчиков, разрывая на части, перерезая горла, отрывая покрытые шрамами челюсти, вспарывая грудные клетки и пожирая трепещущие красные сердца. Но норукайцы тоже убили немало сэлок. Король Скорбь одним взмахом боевого топора обезглавил сразу двух тварей. Головы покатались по доскам, разекая широкие пасти и напоминая рыб, умирающих под палящим солнцем.

Мелок бледным пугалом метался по освещенной звездами палубе и размахивал руками.

— Рыбий народ. Рыбий народ! Не хочу, чтобы меня съели рыбы!

Взмахом мощной руки Скорбь оттолкнул шамана к бочкам с водой на носу корабля:

— Осторожнее, Мелок. Держись позади меня.

Рабы ныряли в любое укрытие, которое только могли найти, и гремели цепями в отчаянных попытках освободиться. Бэннон дернул ногой, и воткнувший в палубу штырь качнулся, но устоял.

Одна сэлка-самка выглядела величественнее остальных; ее золотисто-зеленая чешуя была покрыта леопардовыми пятнами. Яркие глаза смотрели на норукайцев так, словно перед ней был сервирован банкет. Бэннон узнал королеву сэлков.

Норукайский воин подбежал к ней, замахиваясь шипастой булавой, но королева воткнула острый коготь ему под подбородок — словно рыбак, насадивший на крючок карпа. Королева оторвала мужчину от палубы и швырнула за борт, будто бесполезный хлам.

Ближайший к Бэннону и Лиле мускулистый сэлка подошел к пленникам, вытянув когти на перепончатых руках. Он счел прикованных рабов легкой добычей.

Вскрикнув от усилия, Лиля наконец освободила запястья и отбросила веревку. Когда сэлка-самец подобрался ближе, она схватила цепь на лодыжке и потянула что было сил. Крепление с треском вырвалось из палубы как раз в тот момент, когда противник бросился на них, и этого оружия ей было достаточно. Лиля взмахнула гремющими звеньями, взрезав острым концом штыря кожу на лице существа. Он прижал перепончатые руки к изуродованному рту, невнятно что-то бормоча. Лиля снова стегнула цепью ему по голове,

раздробив висок. Сэлка упал в лужу слизи и крови возле ее ног.

Оглядевшись, она опустилась на колени рядом с Бэнноном и стала возиться с толстым узлом веревки на его запястьях, до крови обламывая ногти. Наконец, веревка поддавалась. Юноша согнул руки в локтях, готовый пустить в ход кулаки, если не останется ничего другого, но штырь все еще крепил его цепь к палубе.

Приблизились еще трое оскалившихся сэлок, готовые убить Лилу в отместку за товарища. Бэннон метнулся к креплению, не обращая внимания на вспышку боли, которая пронзила лодыжку и стрельнула по ноге. Тяжелый штырь пошатнулся.

Когда сэлки приблизились к ней, Лила развернулась, держа свою цепь, защищая Бэннона. Он тянул за свободные звенья, раскачивая штырь и чувствуя, как раскалывается дерево.

— Почти... почти!

Лила размахивала цепью, свистя в воздухе наконечником, и сэлки отпрянули. Мощным усилием Бэннон, наконец, вырвал свою цепь. Он не ожидал этого, и упал на колени. Теперь сэлки повернулись и к нему.

Неожиданно к ним скользнула королева, изящная и необычайно красивая.

— Не этого, — сурово прошипела она приказ своим последователям. Она задержала взгляд золотистых глаз на Бэнноне и настойчиво потребовала: — Не этого. — Королева указала на него когтистым пальцем и добавила: — Я помню.

Трое сэлок понуро отступили, а королева бросилась на норукайцев. Остальные сэлки оставили связанных рабов, удовлетворившись множеством других жертв, которых дозволялось убить.

Король Скорбь взревел, рубя врагов боевым топором. Он продолжал сражаться, залитый кровью и слизью. Мертвый морской народ лежал по всей палубе. Мелок скрючился среди бочек и ящиков на носу змеиного корабля.

— Мой король, король Скорбь! Я буду скорбеть!

Скрежеща зубами и щелкая челюстями, норукайка бросилась на перехват королеве:

— Я выпотрошу тебя, сука!

Она прошла мимо рабов, будто их вообще не существовало. Бэннон взмахнул вырванной цепью, угодив в толстую ногу норукайки, и повалил ее на палубу. Ее лицо перекошилось от удивления, и она бросилась на Бэннона, но он ударил цепью по виску, проломив череп. Женщина хрюкнула, а затем рухнула на палубу; из ее ушей и рта текла кровь.

Королева сэлок увидела, что он сделал, и издала одобрительное шипение. Лила тоже это заметила.

— Не заигрывай с ней, мальчишка.

Королева сэлок выбрала дюжего короля норукайцев в качестве следующей цели. Она двинулась вперед, неистово красивая и грациозная, как сама смерть. Когда Скорбь увидел ее, то признал в ней главного противника. Тяжелым взмахом он погрузил топор в грудь ближайшего сэлки. Изогнутое лезвие глубоко вонзилось в плоть сквозь треснутые кости, и Скорбь надавил сапогом на грудь существа, чтобы вырвать оружие.

Он повернулся к королеве. Четверо воинов-сэлок окружили ее с боков, а Скорбь занял позицию у узкой носовой части. Резная фигура змеиного бога взидала в темноту.

По всей палубе сэлки и норукайцы сражались, убивали и умирали, превращая вычищенные доски в кровавую топь. Скорбь щелкнул покрытыми шрамами челюстями и уставился на королеву. Она, в свою очередь, растопырила перепончатые когтистые пальцы и присела, не боясь его огром-

ного топора. Все сэлки приготовились прыгнуть одновременно, собираясь разорвать короля на части. Скорбь замахнулся, чтобы сражаться не на жизнь, а на смерть.

Внезапно между ними промелькнула бледная фигура. Мелок вопил, размахивая руками. По его белому лицу текли слезы.

— Нет, нет! Ты не отнимешь у меня короля. Мой король!

— Он бросился на королеву сэлоч, безоружный, беззащитный.

Молниеносным движением она вонзила когти в живот Мелка ниже пупка, затем резко дернула руку вверх, распоров его от паха до грудины, словно потрошив рыбу. Внутренности Мелка выскользнули из огромной раны.

— Мой король... — булькнул он, рухнув на колени.

— Мелок! — Изуродованный рот норукайского короля открылся в полном недоумении.

Бэннон почувствовал отвращение и ужас. Он терпеть не мог альбиноса со шрамами, но такое...

Вторым жестом королева сэлоч разорвала горло Мелку и швырнула шамана на палубу, как окровавленную белую тряпку.

— Нет! — вырвался крик из горла и сердца короля Скорбь, будто только что пришел конец всей его вселенной.

— Нееет!

В безумной кровавой ярости он бросился вперед, и к нему присоединились выжившие норукайцы, удвоив натиск.

Глава 46

— Времени больше нет, — объявил Зиммер.

Все в Твердыне понимали, что он прав. Несколько д'харианских разведчиков вернулось с известиями о том, что армия уже пересекает плодородную долину, оставляя разрушения на своем пути.

— В этом нет никаких сомнений, сэр, — доложил покрытый пылью паренек. — Генерал Утрос направляется прямо в эти каньоны. — Он вытер пот со лба. — Они намерены захватить Твердыню.

— Ава указала путь, — сказала Верна; ее ноздри трепетали от гнева.

Натан не спал с самого первого экстренного совещания и подозревал, что пройдет немало времени, прежде чем снова сможет выспаться.

Он повернулся к Верне:

— Пришло время эвакуировать местных жителей и ученых в безопасное место. Некоторые останутся дать последний бой. Мы неплохо потрудились над укреплениями и, возможно, сможем спасти Твердыню.

По всему каньону неодаренные рабочие упаковывали все, что можно было унести. Многие жаловались на необходимость оставить все нажитое.

— Мы не можем бросить тут все, — сказал пастух, который пытался загнать стадо в конец каньона, где тропинки круто поднимались к высокому плато.

Натан покачал головой:

— Спасай семью. Тебе придется начинать все заново, но ты не сможешь этого сделать, если погибнешь.

Пастух упрямо продолжал подгонять овец.

Натан беспокойно расхаживал взад-вперед, положив руку на изысканный меч у бедра. В лавках Твердыни он купил новую одежду: темно-синий жилет, подчеркивавший голу-

бые глаза, и прекрасный дорожный плащ, который подобало носить настоящему искателю приключений.

Мужчины и женщины с грустью покидали жилища в скале, торопливо спускаясь по каменным ступеням и деревянным лестницам. Родители вели детей к извилистым тропкам, уходившим к высокогорью. Торн и Лайес сопровождали их как бдительные стражи.

Д'харианские солдаты неустанно тренировались и разрабатывали действенные способы удержать узкий вход в каньон. Генерал Зиммер и волшебники все еще были уверены, что смогут остановить врага. Рабочие вырыли ямы, возвели баррикады из пик и установили многочисленные скрытые ловушки. Солдаты взбирались на скалы и заготавливали камни, которые вскоре сбросят на древнюю армию.

В каньоне был замечен дух Авы, но Ольга успела позаниматься с многочисленными одаренными учениками, обучив их заклинаниям искажения, маскирующим чарам и туманным завесам. Им удалось сбить с толку злой дух.

Мастер формы Перри вместе с несколькими проворными солдатами поднялась на скалу над входом в каньон, по пути формируя из камня поручни и ступени. Десять д'харианских солдат расположились в засаде на высоте, и при каждом были лук и корзина стрел. Как только захватчики приблизятся к преграждающим вход отвесным скалам, на них обрушится ливень стрел. Орон, Ольга и Лео обсуждали, как использовать магию против врага.

Верна с Натаном наблюдали за приготовлениями. Аббатиса поджала губы, напряженно нахмурившись.

— Если эта горстка защитников сможет удержать каньон, то я успокоюсь. — Она вздохнула. — И очень удивлюсь. Если ты потерпишь неудачу, я буду готова обрушить скалы и уничтожить эту опасную библиотеку. Я изучила заклина-

ние Плачущего Камня. Оно запечатает архив, и знания никогда не попадут в руки врага.

Он вздрогнул под ее стальным взглядом:

— Будь очень осторожна, моя дорогая аббатиса. Мы уже видели, что могущественная магия может уподобиться неконтролируемому лесному пожару.

Она скептически нахмурилась:

— Ты имеешь в виду Элберта и разрушенное хранилище пророчеств? Мы видели, что происходит, когда неподготовленный новичок не может совладать со своим даром. У меня немного больше опыта. — Лицо Верны смягчилось, и она положила руку на плечо Натана. — Но я буду осторожна.

Они поднялись по узкой каменной тропке к главному архиву. В залах и туннелях ученые в суматохе сортировали наиболее важные документы, а помнящие пролистывали тома, сохраняя тексты в памяти.

Франклин не мог решить, какие тома спасти, поскольку их было слишком много.

— Скоро мы должны уйти, но что мне делать? Мы каталогизировали только незначительную часть книг. Как мы узнаем, какие из них самые нужные? — Он провел ладонями по каштановым волосам. — Когда Саймона убили, я стал ученым-архивариусом, но я не знал, что мне предстоит сделать такой выбор. В хрониках я останусь человеком, который позволил уничтожить Твердыню. Ради чего?

— Чтобы спасти мир, — сказала Верна. — Это не бесполезный шаг.

Натан постарался, чтобы в его голосе звучал оптимизм:

— Если сможем отбить гигантскую армию, нам не придется уничтожать архив; все смогут вернуться домой и отпраздновать это событие.

Аббатиса Верна фыркнула и направилась к восьми сестрам Света, корпевшим над книгами по опасной магии в надежде изучить новые заклинания, которые можно испробовать на Утресе. Они уже обнаружили несколько техник и хотели бы их освоить, но время было на исходе.

Юная Эмбер покраснела и имела потрясенный вид. Она рассматривала несколько разложенных перед ней книг, но не могла решить, какую прочесть первой.

— Теперь я знаю, что чувствовал мой брат, когда командующий оставил его защищать бухту Ренда. У него тоже было всего пятьдесят солдат.

— У него было гораздо больше, моя дорогая, — сказал Натан, пытаясь успокоить ее. — Он весьма изобретателен, а жители бухты Ренда были настроены дать норукайцам отпор. Мы действуем так же. — Он завернулся в новый плащ, наслаждаясь мягкостью ткани. — Правда, у армии Утреса намного больше бойцов, чем было налетчиков в бухте Ренда...

Эмбер кивнула.

— Если Норкросс сделал это, то и я смогу. Я скучаю по брату. Как думаете, мы когда-нибудь увидимся?

Натан одарил ее ободряющей улыбкой.

— Конечно.

— При условии, что переживем следующие два дня, — поправила Верна.

— Вечный пессимист, — фыркнул Натан.

Верне было не до смеха.

— Как уже много раз говорила, я реалист. Сейчас важно, чтобы все люди оказались в безопасности. Здесь останутся только бойцы — солдаты и одаренные.

— Мы будем обороняться изо всех сил, — сказал Натан. — Тебе нужно еще раз взглянуть на заклинание Плачущего Камня или ты уверена, что запомнила все аспекты?

— Я уверена, и у меня есть магический песок, — сказала Верна. — Если защита не выдержит, тогда и только тогда я запущу заклинание и расплавлю скалу. — Она одарила его жесткой улыбкой. — Обещаю ждать до последнего момента, но если мне действительно понадобится задействовать заклинание, то я уничтожу как можно больше солдат врага.

Глава 47

Королева сэлк разорвала Мелка на части и швырнула тело в лужу из его же крови и внутренностей. Король Скорбь обезумел. Он превратился в монстра с остекленевшими глазами, наполненными яростью. Он издал бессловесный первобытный рев, который заставил бы содрогнуться волков. Скорбь одной рукой взмахнул боевым топором, а другой выхватил разделочный нож. Одним ударом он отсек голову ближайшей сэлке, и королева отскочила, как грациозная рыба. С ее когтей все еще капала кровь Мелка, а протяжное шипение походило на издевательский смех.

Королева мягко приземлилась на перепончатые ступни, оказавшись вне досягаемости его оружия. Скорбь бросился на нее, словно бешеный бык, размахивая топором из стороны в сторону, но она увернулась и ускользнула.

Временами на поле боя Бэннон погружался в красный туман, превращаясь в боевой вихрь. После он не мог вспомнить, что делал, лишь видел тела своих многочисленных жертв. Он оставался жив, хотя и с сотней ран, о которых не помнил. Сейчас Скорбь пребывал в таком же неистовстве.

Три сэлки навалились на короля, но он в ярости рубил их конечности и головы. Скорбь метнул разделочный нож в королеву, но она отклонилась; лезвие скользнуло мимо, едва задев чешую на груди, и вонзилось в широкую спину но-

рукайца, сражавшегося с другой сэлкой. Норукаец потянулся за спину, удивленно нашаривая кинжал, а противник воспользовался заминкой и разорвал горло налетчика.

Бэннон стоял среди криков, воплей и звона мечей на палубе корабля. Его запястья были свободны, а железная цепь на лодыжке больше не крепилась к палубе. Он был готов сражаться насмерть, хоть и знал, что вряд ли выживет в этой резне.

Лила медлить не стала. Желая сражаться, она выхватила искривленный меч из отрубленной руки на палубе.

— Вооружайся, мальчишка! — рявкнула она, отпихнув конечность и вскинув клинок. — Даже если королева сэлоч не хочет убивать тебя, этого желают норукайцы.

Скребя цепью по доскам палубы, Бэннон подбежал к мертвому налетчику в луже крови и забрал меч. Он взмахнул оружием, чтобы почувствовать баланс.

— Не Крепыш, но сойдет. — Ему нравилось ощущать вес стали в руке, слышать свист лезвия, рассекающего воздух.

Две сэлки с шипением приблизились, готовые убивать, но узнали Бэннона и решили выбрать другую цель. Другие рабы беспомощно стонали, по-прежнему прикованные к палубе.

— Это не наша битва, Лила, — принял решение Бэннон. — Пусть сэлки и норукайцы убивают друг друга. Прикрой меня, пока я освобождаю пленников.

Она заняла позицию рядом с рабами, держа меч наготове, чтобы сразиться с любым приблизившимся врагом. Бэннон наклонился и перерезал путы на их запястьях. Лила протянула рабам прочные ножи, которые подобрала на палубе с мертвого норукайца.

— Вытаскивайте штыри. Рубите доски, если будет нужно.

— Мелок! — Заорал король, широко открыв рот; его язык болтался, как лоскут мяса. — Мелок был моим защитником. — Несмотря на то, что королева сэлок пряталась среди других бойцов, Скорбь приблизился к ней и замахнулся топором. — Мелок был моим другом!

Королева ушла вниз и в сторону; лезвие топора ранило ее в плечо. Пятнистый гребень на ее голове и спине вспыхнул, как полотно пилы, и по чешуйчатой коже потекла кровь. Он загнал королеву в угол у борта, но она перепрыгнула через борт и по изящной дуге вошла в морские волны. Когда королева сбежала, Скорбь взревел в небо так громко, словно хотел расколоть небесный свод.

Звуки боя эхом раздавались с двух соседних кораблей. Бэннон знал, что у тех рабов не было его защиты. Окинув взглядом палубу, он насчитал около пятидесяти мертвых сэлок, и еще больше изрубленных тел упало за борт вместе с убитыми норукайцами. В темных волнах кишели сэлки. Одни пиروвали, поедая плавающие тела норукайцев, в то время как другие взбирались по корпусам змеиных кораблей.

На окровавленной палубе Лила поворачивалась из стороны в сторону, выставив перед собой меч. На ее напряженном лице не было страха, и Бэннон восхитился ее красотой. Жестокость была частью натуры Морасит.

— Я рад, что ты здесь, — тихо просипел Бэннон.

Несколько сэлок атаковали корабеля Гару, вцепившись в ее спутанные седые косы. Она врезала одному существу массивным кулаком, другого ударила мечом, но два новых противника вцепились острыми зубами ей в плечо и бок, тисками сжимая челюсти. Гара продолжала бороться, хотя они рвали ее плоть. Не устояв, она перевалилась через борт, и все трое упали в воду. Еще несколько сэлок принялись

обдирать Гару до костей. Кровавая вода казалась темным вином.

Неожиданно морской народ заметался в ужасе. Вместо громкого шипения теперь повсюду слышались бурные всплески. Королева сэлок издала резкий призывный крик.

Какая-то огромная тень двигалась под водой. Существо изогнулось, и длинный зазубренный плавник прорезал водную гладь между двумя отставшими змеиными кораблями. Существо скользило, проходя через стаи сэлок острым лезвием. Некоторые метнулись прочь, блеснув чешуей и уходя на глубину.

— Пресвятая Мать морей! — ахнул Бэннон.

Огромная змеиная голова с плавниками по бокам поднялась над водой, щелкая челюстями, выдыхая воду и пар. Морской змей возвышался подобно мачте норукайского корабля. Жабры его раздулись, блеснули колючие плавники. Он издал оглушительный рев, молниеносно метнулся вниз, и выхватил из воды четырех сэлок.

— Змеиный бог! — заликовали норукайцы. — Змеиный бог!

Налетчики воодушевились и удвоили натиск, а сэлки пятились в первобытном ужасе, когда над ними навис монстр. Бэннон подумал, что пролитая в кровь и вспененная вода привлекли подводного хищника. Или всему причиной кровавое жертвоприношение на закате?

Змеиный бог метался за добычей, словно лиса в курятнике. Налетчики на палубе теснили морской народ, рубя на куски с дикой отрешенностью. Сэлки не могли спастись в воде, ведь там поджидал змеиный бог. Отчаявшиеся создания успели убить еще нескольких норукайцев, но вскоре погибли от рук налетчиков. Сэлки в море удирали во все стороны, спасаясь от разъяренного змеиного бога.

Охваченные боевым азартом норукайцы выбросили тела сэлок за борт, устроив пир морскому змею. Норукайцы верили, что их народ также был частью змеинобога, и они делились своей кровью с кровью змея. Без церемоний они побросали в волны и убитых товарищей.

Король Скорбь стоял возле резной фигуры на носу корабля, не обращая внимания на победу. Он опустился на колени и прижал к себе истерзанное тело Мелка, рыдая и раскачиваясь. Кровь запачкала его мускулистую грудь.

— Мой Мелок, мой друг!

Перешептываясь, норукайцы попятились в благоговейном страхе, когда огромный морской змей поднялся над носом корабля. С его гигантской головы стекали вода и кровь. Огромные глаза уставились на короля, и монстр разинул пасть, обнажив мечеподобные клыки, между которыми застряли кусочки плоти. Змей видел отчаяние короля и ждал.

Скорбь прижимал мертвого шамана к груди, разрываясь от нерешительности. Он встретился взглядом со змеиным богом, затем медленно кивнул.

— Он твой. Мелок — часть тебя, часть всех нас. — Он осторожно положил мертвого альбиноса на палубу и отошел.

Змеиный бог склонил гибкую шею и подобрал челюстями тело Мелка, словно в знак почтения. Изящным движением змей подбросил истерзанное тело в воздух, поймал пастью и проглотил альбиноса целиком. Некоторое время змей властно нависал над тремя кораблями норукайцев, а потом опустился в волны и заскользил прочь, уходя на глубину.

В ночи раздался общий вздох облегчения. Норукайцы принялись подсчитывать потери и перевязывать раны. В воде плавало множество тел, и вскоре появились привлечен-

ные кровью акулы. Они пожирали то, что не съел змеинный бог.

Бэннон и Лила все еще сжимали в руках мечи, готовые защищаться. Рабы сбились в кучу, оцепенев от ужаса, хотя некоторые были готовы сражаться добытым оружием. Впрочем, шансов не было. Бэннон и Лила наблюдали за приближением побитых норукайцев, которые были не в настроении для новой драки. Скорбь растолкал налетчиков и сердито посмотрел на Бэннона и Лилу. Что-то внутри короля надломилось. Его лицо исказилось, когда он заговорил с Бэнноном.

— Ты нравился Мелку.

— Не знаю почему, — сказал Бэннон. — Он говорил о видениях, но не рассказывал, что именно видел.

Борясь с душевной болью, Скорбь сжал рукоять боевого топора. Бэннон посмотрел на Лилу и понял, что она прикидывает, позволить ли снова захватить себя в плен или сражаться насмерть, с горсткой испуганных рабов в качестве союзников. Даже после кровопролитной битвы с морскими монстрами норукайцы все еще во много раз превосходили числом. Лила была готова умереть, чтобы защитить его и убить короля Скорбь, но Бэннон не мог позволить ей погибнуть.

— Не сейчас, — сурово прошептал он.

— Я больше не в настроении биться, — заорал на нее Скорбь, — но я убью тебя, если дашь повод.

Лила напряженно взглянула на Бэннона, затем положила меч, но это не выглядело как поражение.

— Не хочу, чтобы они убили тебя, мальчишка. Будет и другой раз.

Кладя меч рядом с ее оружием, дрожа от усталости и страха, Бэннон надеялся, что она права.

Глава 48

Верна подготовилась к прибытию армии генерала Утроса: она изучила отвесные скалы вокруг главного скального свеса. Они с Натаном обсудили нюансы заклинания Плачущего Камня, разбираясь, как именно нужно размягчить камень, чтобы захоронить весь архив, как окаменелости в известняке. Неудивительно, что наивный ученик Элберт стал причиной катастрофы. Подобная магия была подобна гадюке, которая может атаковать, если ее неправильно удерживать.

— Здешние знания могут изменить мир. — В голосе Натана сквозило отчаяние. — Волшебники древности знали много больше нас и обладали великим могуществом. В правильных руках знания Твердыни могли бы улучшить жизнь людей, исцелить ужасные болезни, предотвратить бедствия и голод. Если бы только правильный человек использовал их с благими намерениями... — Он погладил подбородок. — В этом и есть подвох, не так ли? Если генерал Утрос и его колдуньи при помощи архива будут господствовать над миром, то причинят людям невероятные страдания.

Верна разделяла его глубокую озабоченность.

— Я воспользуюсь заклинанием только в крайнем случае, если защита не выдержит. Но я рада, что у нас есть такая возможность. Как бы все ни сложилось, генерал Утрос никогда не получит этот архив.

Натан неловко по-отечески обнял ее за плечи:

— Не могу не согласиться, моя дорогая, но я беспокоюсь о тебе.

Она с вызовом улыбнулась:

— Я давно не послушница, Натан. Хочешь, я сотворю защитную сеть, и мы проверим, что все линии заклинания должным образом соединены в стенах и туннелях? У нас хватает магического песка, чтобы установить границы и

связи, которые понадобятся. — Верна тихо вздохнула; его рука по-прежнему лежала у нее на плече. — У нас с тобой часто бывали разногласия, но доверься мне. Я знаю, вы делаете все, чтобы преградить путь армии. Ни в коем случае не сомневаюсь в ваших способностях, но, если волшебникам и д'харианским солдатам придется отступить, я должна быть здесь, чтобы привести в действие заклинание. Если понадобится.

Верна и Натан стояли под огромным скальным навесом и смотрели на каньон внизу, в котором остались только солдаты Зиммера, готовящиеся к последнему бою. Все ловушки были установлены, заклинания из архива приведены в действие; защитники заняли позиции.

— Думаю, моя работа самая простая, — сказала Верна.

Ловкие послушники, забравшиеся на скалу при помощи веревок, добавляли по несколько крупиц магического песка в определенные места высокого защищенного архива. Они отыскивали ниши в скале или вырезали выемки, чтобы расположить крупницы в нужных точках и закрепить магические линии. Верна также указала им расположение точек в глубине туннелей. Линии образовывали сложные трехмерные связи заклинания, которое пронизывало весь библиотечный комплекс. Ученики использовали все содержимое фарфоровой урны — до единой песчинки.

Верна была готова.

* * *

Сидя верхом на черном жеребце, генерал Утрос взирает на высокие стены каньона, смыкавшиеся вокруг его армии. Позднее утреннее солнце светило сквозь пыльное небо, отбрасывая тени на скалы. Рядом улыбалась Рува. Ее тело было покрыто яркими красками — черной, малиновой, белой, — образуя нужные ей узоры.

Следуя указаниям духа Авы, армия продвигалась через лабиринт. Высокие стены отражали стук копыт, звон упряжи, шорохи солдат, поправляющих доспехи, щиты и оружие. Генерал был окружен эхом от шепота возбужденных голосов. Они почти у цели.

Утрос сдвинул свой тяжелый шлем:

— Они знают, что мы идем.

Улыбка Рувы стала жестче:

— Даже моя магия не сможет скрыть такую многочисленную армию, возлюбленный Утрос.

— Это ни к чему. Я хочу, чтобы они видели нас и боялись.

Благодаря Аве они отыщут скрытый каньон. Впрочем, Натан Рал или другие одаренные вызвали столько искажений и иллюзий, что дух мертвой колдуньи не смог узнать так много, как генералу бы хотелось. Детали обороны были ему неизвестны. Его разведчики уже обнаружили узкий секретный проход в скале, ведущий к каньону Твердыни и великому архиву. Шестеро разведчиков так и не вернулись — их схватили или убили. Но Утрос не испытывал недостатка в людях. Двое из отряда вернулись с донесением, и этого достаточно.

Авангард выстроился клином, и первая тысяча солдат устремилась к каньону. Они готовы были прорваться через любую оборону, чтобы достигнуть секретного архива. Утрос мог не считаться с потерями и посылать вперед тысячу за тысячей солдат, пока они не захватят поселение. Этому не мешает даже самое решительное сопротивление.

Едва они сдвинулись с места, перед Утросом замерцал дух Авы:

— Когда завоюем Твердыню, мы будем обладать всеми ее могущественными знаниями и заклинаниями, которым никто не сможет противостоять — возможно, даже сам

Владелец! Мы будем непобедимы. — Она подплыла к сестре, ехавшей на гнедой кобыле, и ее призрачное тело слилось с телом Рувы. Близнецы заговорили в унисон: — Вместе мы уничтожим последних волшебников Ильдакара, и тогда твоя армия пронесется по Древнему миру. Никто нам не помешает.

— Скажи, если узнаешь что-то об их планах, — повелел Утрос.

Ава исчезла в зеленоватой дымке.

Ведущие лошади фыркали и брели вперед. Утрос чувствовал напряжение и возбуждение; он был готов к жестокой резне. Пехотинцы маршировали стройными рядами, приготовив оружие. По мере сужения главного каньона солдатам приходилось перестраиваться, образуя человеческий таран.

— Подступим ближе. — Рува беспокойно ерзала в седле. — Мы почти у входа.

Утрос прищипорил своего вороного жеребца. Когда передние ряды приблизились к высокой отвесной стене, где скрывалась расщелина, солдаты нерешительно остановились.

Генерал дождался донесения, передаваемого от одного командира роты к другому.

— Сплошная стена, генерал. Нет никакого прохода, о котором нам сказали. Здесь тупик.

— Не может быть, — сказал Утрос.

— Сестра видела проход, — вмешалась Рува. — Он должен быть.

Генерал и колдунья протиснулись мимо солдат вперед. Гладкая каменная стена действительно выглядела монолитной.

— Они как-то запечатали вход? Закрыли каньон?

— Если так, то мы взорвем его. — Рува пристально посмотрела на препятствие. — Но я что-то чувствую... — Она осмотрела отвесную скалу, затем пальцем прочертила в воздухе линии, помогая себе сосредоточиться. — Жители Твердыни хорошо умеют прятаться. Здесь есть что-то кроме камня. — Она рассмеялась. — Это не сплошная стена, мой генерал! Просто иллюзия, маскировочное поле.

Она вытянула обе руки и задействовала дар, отчего по воздуху пошла рябь. Волна искажения прошла сквозь препятствие подобно тысяче выпущенных духов. Завеса прогнулась и поблекла под натиском Рувы, словно обычный мираж.

— Теперь можем войти.

Солдаты издали радостный клич, вскинули мечи и приготовились к атаке, но вдруг земля под ногами начала вскипать. Песок и камни, устилавшие каньон, стали мягкими, и солдаты неловко попятились, то и дело поскальзываясь. Поверхность была неустойчивой не просто так: земля изрыгала из себя немыслимое количество скорпионов, каждый размером с мужскую ладонь — настоящий поток жалящих членистоногих с тонкими ногами, крючковатыми жалами и щелкающими челюстями.

Солдаты завопили, наталкиваясь друг на друга, хлопая руками, топя и рубя мечами в попытке избавиться от смертоносных существ. Скорпионы жалили их и ползали по павшим.

Рува, словно не замечая произошедшего, продолжала срывать маскировочную завесу, пока та не исчезла и не открыла гладкую стену утеса, в которой была трещина, достаточно широкая для прохода.

— Сюда!

Пока из-под земли выползали все новые скорпионы, Утрос поднял меч и закричал:

— Это вход! Прорывайтесь через скорпионов. Сапоги и доспехи защитят вас.

Первые испуганные и дезорганизованные солдаты ринулись вперед. Вопреки обещанию генерала, на дне каньона лежало уже больше сотни мужчин, погибших от скорпионьего яда.

— Поехали! — Утрос пришпорил коня; Рува держалась рядом.

Без дальнейших понуканий авангард ворвался в узкий проход. Когда маскировочная завеса спала, генерал увидел бойцов на вершине утеса. Среди них было несколько человек в балахонах волшебников. Утрос заметил засаду слишком поздно, когда армия уже вошла в бутылочное горлышко, спасаясь от скорпионов.

Выжившие волшебники Ильдакара начали контратаку.

* * *

Внутри каньона стояли д'харианские солдаты, готовые дать последний бой — всего сотня против сотни тысяч. Вопиющее, невозможное неравенство. Натан стоял рядом с генералом Зиммером, Ольгией, Перри и пятью сестрами Света. Занявшие позицию на внешней стене Орон и Лео были первой линией обороны — вместе с установленными ловушками. Используя богатый опыт, Ольгия сплела маскировочное заклинание. Непроницаемая иллюзия вызвала замешательство и задержала врага, но Натан и не рассчитывал, что маскировка по-настоящему обманет армию. Тем не менее, этот трюк отвлек авангард, и ловушка со скорпионами сработала.

Успех их плана зависел от множества маленьких побед, а не от одного сокрушительного удара, и у защитников было припасено немало слабых, но новаторских атак. Генерал

Утрос не сможет избежать всех. И все же они были лишь горсткой бойцов против огромного войска...

Стоя внутри главного каньона за высокими стенами, они слышали, как началась атака Лео и Орона, когда те призывали скорпионов.

Натан повернулся к Зиммеру и сказал таким тоном, словно они беседовали за ужином:

— Не могу сосчитать, сколько раз я вступал в битву с крайне малыми шансами на успех и был уверен, что погибну. — Он печально улыбнулся. — И все же я здесь, живой и готовый сражаться.

— Недалек тот день, волшебник, когда твои опасения сбудутся, — сказал Зиммер.

— Может, мне и тысяча лет, но мне еще есть чем заняться в жизни. — Натан поправил голубой плащ.

В рубашке с оборками и новом жилете он выглядел ослепительно. При нем был и изысканный меч — на случай, если придется сражаться традиционным способом.

Оливер и Перетта отступили в каньон, поднырнув под воткнутые в землю острые пики, служившие простой, но эффективной защитой от приближавшихся солдат.

— Они идут!

Натан улыбнулся с хитрым злорадством. Он не сомневался, что колдунья Рува сможет сорвать маскировочный саван Ольгии; на самом деле, на это они и рассчитывали, ведь как только иллюзия развеется, армия ринется вперед сломя голову, спасаясь от скорпионов. Враги не будут ожидать второго маскировочного поля, за которым спрятаны острые копыя.

Первые солдаты Утроса начали выбегать из бутылочного горлышка в каньон Твердыни, но не успели далеко продвигнуться, угодив в скрытые глубокие траншеи. Тонкий слой песка, поддерживаемый полем левитации, закрывал ямы и

создавал иллюзию твердой почвы. Как только солдаты наступили на иллюзию, песок и камни обрушились. Они с криком падали на копья внизу. Первая сотня погибла, даже не осознав, что происходит. Эта жуткая неожиданная смерть деморализовала следующие ряды людей, спасавшихся от ядовитых скорпионов. Они не могли ни отступить, ни двинуться вперед.

Но позади продолжали напирать тысячи убежавших от скорпионов захватчиков. Солдаты видели траншеи и копья, но не могли избежать падения. Огромная численность обладала над осторожностью. Все новые тела падали на копья поверх сотен других солдат, погибших перед ними. В считанные минуты траншеи оказались заполнены до краев. Многие раненые еще шевелились и стонали, но следующие ряды утрамбовывали их, желая прорваться в каньон.

Д'харианцы, устроившие засаду над узким проходом, сбрасывали камни и поливали солдат стрелами. Это была настоящая кровавая бойня. Лео, Орон и две сестры Света при помощи дара обрушивали на захватчиков молнии и ветер. Лео, бывший владелец яксеновых скотобоев, был опытен в магии зимней погоды. Со своего высокого гнезда на скале он создавал покровы из мокрого снега и льда, которые сталкивал на ряды выживших после скорпионов и копий.

Рассеяв маскировочное поле, Рува впала в неистовство и принялась атаковать волшебников, швыряя в них все, что могла. Лео балансировал на выступе возле гребня стены, и колдунья взорвала камень под его ногами. Выступ обрушился. Разинув рот от изумления, Лео вместе с каскадом камней начал падать на дно каньона. Его балахон развевался в полете, а Лео не переставал отчаянно посылать магические вспышки. Ему удалось отколоть кусок противоположной скалы, обрушив камни на скопление солдат, а потом он

сам оказался погребен под каменной лавиной. Суровые зимние ветры и снег исчезли.

Ольгия призвала завитки тумана, которые превратились в дымчатые завесы и ухудшили видимость. Солдаты спотыкались, наталкивались друг на друга, а туманная вуаль все уплотнялась, ослепляя их. В дымке появились зловещие силуэты, и захватчики атаковали воображаемого врага, убивая своих же. Хотя туман и отвлек армию, она все равно продвигалась, атакуя вслепую.

Лорд Орон и сестры продолжили атаки с высокого утеса над бутылочным горлышком, но они не могли остановить Утроса. Захватчики маршировали по тысячам трупов товарищей. Генерал в рогатом шлеме и золотой маске походил на демона, когда подгонял их.

— Готовьтесь! — обратился Зиммер к шеренге защитников, занявших позиции недалеко от входа в каньон. — Мы должны удержать проход.

Натан воззвал к своему дару и приготовился сражаться с приближающейся мешаниной мечей и солдат.

Рува, стоявшая снаружи узкого прохода, призвала еще больше магии и создала мощный взрыв, от которого скала содрогнулась. Изломанная молния породила в камне утеса трещины, отколов целые глыбы. Оглушительная атака колдуньи разрушила участок стены, превратив его в камнепад. Когда стих рев и осела пыль, оказалось, что проход стал в три раза шире.

Не обращая внимания на огромные потери, тысячи солдат с воем ринулись в скрытый каньон. Путь им преграждали лишь Натан и горстка защитников.

Глава 49

Аббатиса Верна осталась одна в опустевшем главном алькове. Она наблюдала за битвой в узком устье каньона, где Натан, генерал Зиммер и их решительные солдаты приготoвились сдерживать вражескую армию. Верну восхищала их уверенность. Натан уже не раз доказывал, что он намного сильнее, чем она думала. Он сбежал из Дворца Пророков после тысячелетнего заточения, избежал от железного ошейника Рада-Хань — а это считалось невозможным. С тех пор он проделал большую работу и добился поразительных успехов.

Размышляя о днях во Дворце, Верна подумала и об Уоррене, усердном и отзывчивом ученом, который покори́л ее сердце. Она так сильно его любила. Верна старалась не вспоминать о его гибели в сражении с войском Имперского Ордена. Эта потеря чуть не раздавила ее.

Когда они с Уорреном наконец разглядели друг друга, Верна захотела провести с ним всю свою жизнь, но история их любви вскоре трагически оборвалась. Это было ужасно несправедливо. Она предпочитала смаковать драгоценные воспоминания о том, что у них было, вместо того чтобы горевать о том, чего они не успели. Прошел уже не один год, но ей по-прежнему не хватало Уоррена. Насколько другой была бы ее жизнь, если...

Под свист ветра она шагнула к краю и посмотрела на ручей, текущий по дну каньона. Белые овцы в отсутствие пастухов разбрелись и бесцельно щипали траву. Жилища в скалах были пусты, и Верна надеялась, что ушедшие оттуда люди будут в безопасности. Если каким-то чудом Натану и защитникам удастся удержать вход и отогнать вражескую армию, люди смогут вернуться домой.

Она вспомнила, как ей, Ренну и их небольшому отряду удалось спровоцировать сход крупной лавины чуть ниже

Кол Адаира, уничтожив одним махом десять тысяч древних солдат. Натан, одаренные Ильдакара, сестры Света, ученые Твердыни и д'харианские солдаты способны сделать не меньше! Может, у них все-таки получится.

Но Верна была слишком практична, чтобы верить, что они смогут постоянно сдерживать нападение врага — несмотря на всю самоуверенность Натана. Она знала, что случится дальше, и была готова.

Покинутый каньон был таким пустым и тихим, что Верна на короткое время ощутила себя в убаюкивающей безопасности. Рядом сновали ласточки, устроившие гнезда в небольших нишах в скалах. Птицы беззаботно щебетали, и аббатиса позволила себе улыбнуться, наслаждаясь спокойствием. Она знала, что это не продлится долго.

За пределами каньона послышались рев, крики и лязг оружия, когда генерал Утрос нарвался на первую линию обороны и ловушек. Д'харианские силы сформировали сплошной барьер на выходе из узкого прохода. Натан и его одаренные товарищи заняли позиции у внешней стены. Даже с высокого утеса Верна могла ощутить напряжение в воздухе.

Когда первые ряды врага прорвались через бутылочное горлышко, обе стороны пустили в ход магию. Ударные волны с шумом пронеслись через узкий вход в каньон, скала содрогнулась и раскололась, разрушившись с обеих сторон. Передние ряды захватчиков хлынули через пролом, напоминая стаю волков.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Верна наблюдала, как Натан создавал шары огня волшебника и швырял в наступавшего врага. Яростное пламя поглотило немало древних воинов. Торн и Лайес двигались стремительно, походя на жалящих ос, нанося удары, уклоняясь и вонзая ножи в противников.

Восемь сестер Света создали стены из воздуха и отбросили солдат прямо на мечи их товарищей. Одаренные ученые Твердыни, изучившие всего по несколько заклинаний, откалывали и сбрасывали куски скал. Ольгия создала толстые завитки тумана, и эта бесформенная дымка ослепила рвавшихся вперед солдат. За туманом последовала прицельная молния, выкосившая десятки врагов. Перри превратила пятачок земли в зыбучий песок, в котором утонул первый ряд захватчиков.

Но на место каждого десятка убитых приходила сотня новых. Захватчики были подобны морской волне, накатывающей на берег. Д'харианские солдаты встретили их яростным сопротивлением. Зиммер выкрикивал команды, бросаясь в бой и не боясь рисковать собой.

Верна стояла в алькове одна, за спиной ее были безмолвные здания архива. Она сжала кулаки от отчаяния. Силы генерала Утроса продолжали прибывать, бесконечным потоком проходя через разрушенное бутылочное горлышко, сотня за сотней. Даже если первая волна захлебнется, в конечном итоге армия все равно затопит каньон и сокрушат сопротивление благодаря одной лишь своей численности.

Она знала, что это произойдет, и предупреждала Натана, но защитники все равно настаивали на битве. Не терять надежды — хорошо, но также не стоит быть безрассудным.

Верна знала: скоро настанет ее черед. Она прислушивалась к гулким звукам битвы внизу, крикам команд и боли, взрывам и камнепадам, лязгу клинков. С острой болью она сожалела, что Уоррена нет здесь, чтобы помочь ей. Уж они бы тут устроили!

Верна знала наизусть заклинание Плачущего Камня. Стоя перед внушительными сооружениями, теснившимися в алькове, она смотрела на руины расплавленного архива пророчеств. Теперь она намеревалась сделать то же самое

со всем утесом и обрушить на вражескую армию волну расплавленного камня. Натану и оставшимся в живых защитникам нужно успеть отступить в безопасное место, как и ей.

Она приготовилась сделать необходимое. Посредством дара она могла увидеть структуру заклинания, наложенного на скальный склон и туннели. Сложное переплетение сетей, полей, выстроенных на схлопывающихся пространствах, ждало только момента, когда она потянет за первую нить и запустит цепную реакцию, которая уничтожит опасные знания архива.

— Ты никогда не заполучишь это место, Утрос, — дала себе клятву Верна.

Задействовав заклинание, она по лестницам и уступам заберется в безопасное место на вершине плато, и оттуда направится к месту встречи. Остальные тоже отступят в высокогорье, где перегруппируются.

Жирный черный дым, смешанный с маскирующим туманом, поднимался снизу после того, как Натан уничтожил огнем волшебника очередную группу нападавших. Ряды древней армии все еще пробивались сквозь разрушенное бутылочное горлышко. Верна заметила рогатый шлем генерала Утроста и бледную колдунью, ехавшую верхом на коне. Эти двое появились из густых завитков тумана. Перед ними был ударный отряд из нескольких тысяч солдат, и новая атака прорвала линию обороны, отбросив назад одаренных бойцов и д'харианские войска.

— Пора уходить, Натан, — прошептала Верна, как будто он мог услышать ее. — Уходи! Сейчас же!

Придя к тому же выводу, Зиммер вскинул меч и scomандовал отступление. К счастью, он был мудрым командиром, способным предвидеть исход битвы.

— Отступайте к дальнему концу каньона! — услышала она его крик столь же отчетливо, как удар меча.

Д'харианские солдаты сражались еще несколько мгновений, желая убить напоследок одного-двух вражеских воинов. Каждая из двух Морасит пыталась увеличить число своих жертв. Но уже пала дюжина защитников Твердыни, и они не могли позволить себе новых потерь.

Натан, прикрывая отступление, создал бушующую стену огня волшебника — раскаленную полосу, испепелившую подступающие ряды противника. Но как только магическое пламя рассеялось, хлынула следующая волна, топча тела павших товарищей.

Как только оголовавшие захватчики увидели окруженную высокими скалами зеленую долину с фруктовыми садами, овцами и пышной растительностью, они бросились вперед с внезапным приступом отчаяния. Натан, генерал Зиммер и оставшиеся защитники отступали в глубину каньона, где были крутые тропы, ведущие в высокогорье. Теперь древних солдат ничто не могло остановить. Вражеская армия ринулась вперед разъяренным пчелиным роем.

Со своей позиции Верна наблюдала, как вооруженная орда наводняет защищенный каньон. Она знала, что их последняя линия обороны пала, и не осталось ни малейшего шанса на победу. Пришло время сделать то, к чему она готовилась с самого начала. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, медленно выдохнула, вдохнула еще раз и представила, что Уоррен рядом; это согрело ей душу и придало сил.

Аббатиса прижала ладонь к каменной стене алькова. Перед Натаном она не выказывала колебаний, но на самом деле заклинание Плачущего Камня пугало ее. Тысячи лет назад его создали самые могущественные волшебники мира, гораздо более мудрые и искусные, чем любая аббатиса сестер Света.

Это заклинание станет ее окончательным решением. Дар позволял ей чувствовать крупинки магического песка в нужных ключевых точках. Верна могла ощутить сеть, которая оплела весь архив; каждая точка привязки находилась в хрупком равновесии. Она не осмеливалась задействовать заклинание слишком рано, потому что Натан и остальные должны успеть уйти; как только заклинание будет запущено, она вскарабкается на альков и окажется в безопасности.

Она смотрела, как защитники мчатся по каньону вниз, спасая свои жизни. Они рассредоточивались, ныряя в боковые каньоны, избегая по крутым расщелинам и забираясь выше. Все было продумано заранее, и они точно знали, что делать. Некоторые из древних солдат бросились вдогонку, но основная масса атакующих собралась под возвышающимся недоступным архивом — их главной целью.словно герой-победитель, генерал Утрос проехал на черном жеребце сквозь ряды солдат и повернул голову в рогатом шлеме к огромному алькову высоко на скале.

Даже с такого расстояния Верна ощутила его пристальный взгляд.

— Я не позволю тебе завладеть этим местом. — Она закрыла глаза, коснулась дара и потянула за линии силы священной сети, пронизывающей скалу. — Я плачу, чтобы заплакал камень. — В ее глазах заблестели слезы сожаления по всем тем знаниям, что будут утрачены.

Она воспламенила магический песок в узлах своей сети; огненные струи прошли сквозь камень и воздух, соединив точки сложной структуры заклинания, разработанной ею и Натаном. Едва она задействовала заклинание, сила хлынула, отскочила, срикошетила, словно отпущенная пружина. Она улыбнулась: теперь заклинание завершит свою работу, что бы ни случилось.

Когда твердый камень стены алькова смягчился и превратился под ее пальцами в глину, она поняла, что пора уходить. Линии трансформации пронзили скальную породу, разрушая ее минеральную структуру. Грохот доносился из глубин мезы — это рушились туннели; но основное преобразование камня происходило здесь, на внешней стене.

Верна подбежала к деревянной лестнице, которая была прикреплена к поверхности скалы и вела к выступам над входом в альков. Она услышала низкий рокот, и великолепные здания внутри грота пошатнулись. Фундаменты их расплавились, и строения повалились как деревья под топором дровосека. Кирпичи и каменные блоки выскакивали из стен, будто сломанные зубы, и сталкивались друг с другом в воздухе. Внешняя стена утеса потекла как воск, когда твердая порода превратилась в грязь, оседая каменными слезами. Сводчатый проем алькова стал опускаться, словно опухшее веко.

Верна торопливо карабкалась по лестнице. Прочные деревянные перекладки не были затронуты распространяющимся заклинанием, но конец лестницы погрузился в мягкий камень, из-за чего ступени наклонились и стали неустойчивыми. Изменения происходили быстрее, чем она ожидала. Уже разрушенный архив пророчеств полностью исчез под сводом алькова, стекавшего на него сверху.

Она подтянулась выше и остановилась над зевом алькова, чтобы посмотреть, как опускается стена каньона. Каменная волна захлестнула первых вражеских солдат, и торжествующий рев армии захватчиков сменился воплями ужаса. Они попытались бежать, но не смогли спастись от потока жидкой породы. Достигнув верхней ступеньки лестницы, Верна ухватила за каменные поручни, закрепленные в скале, и нашла опору для ноги. Пока она поднималась на вершину плато, к безопасности, заклинание продолжало

разрастаться, каскадом захватывая утес. Многочисленные хранилища магических знаний внутри меса были заполнены камнем, все туннели исчезли. Бесчисленные полки с книгами теперь походили на древние кости, вмурованные в камень.

Верна с облегчением рассмеялась, когда шуршащий звук перерос в оглушительный рев. Ей удалось! Этого было достаточно. Набравшая мощь магия звенела в ее теле, и она потянулась к дару, чтобы найти соединительные узлы и остановить заклинание Плачущего Камня. Магический песок закрепил ключевые вершины заклинания, но, когда утес обрушился, их положение изменилось, а могущественные песчинки залило слоем камня. Четкий рисунок заклинания был нарушен.

Заклинание уподобилось вырвавшемуся на свободу монстру.

Встревоженная Верна стиснула зубы и использовала дар, чтобы натянуть распускавшиеся сети, точно всадник, пытающийся обуздать дикую лошадь. В какой-то момент она вдруг вспомнила, как Ричард Рал учил ее мягче работать с поводьями лошади, что облегчало управление животным. Ричард заботился о лошадях так же, как и о людях. Она так многому научилась у Ричарда... Но сейчас он не мог помочь.

Заклинание Плачущего Камня лишь разрасталось, не собираясь слабеть. Верна выступила катализатором и высвободила силу, накопленную в древнем архиве, и теперь разрушительная магия распространялась подобно пожару.

Пока она боролась с неконтролируемыми чарами, рядом в воздухе возникла мерцающая болезненно-зеленая фигура колдуньи Авы.

— Я вижу твоё заклинание! — ее глухой голос перешел в визг. — Ты не остановишь генерала.

Верна держалась за поручни на скале, зная, что неосязаемый дух едва ли может навредить ей напрямую.

— Я не могу позволить тебе сделать это! — Ава угрожающе нависла над ней, пытаясь напугать аббатису.

Но Верна была не из робкого десятка. Пока заклинание ревело, охватывая скалу, она помахала в воздухе свободной рукой, пытаясь отогнать дух, но Ава заслонила ей обзор, дезориентировав.

Заклинание Плачущего Камня металось и извивалось, и внимание Верны ускользнуло. Ава отвлекла ее в критический момент.

Поднимаясь по устойчивому камню над альковым, Верна подумала, что находится в безопасности, но, к ее ужасу, скалы над ней тоже начали расползаться. Заклинание вышло далеко за свои границы.

— Нет, это невозможно!

Утес стекал вниз, хороня ряды вражеской армии. Поток камня накрыл тысячи солдат, прорвавшихся в каньон.

Ава совершила последний дерзкий выпад в сторону аббатисы, превратившись в мираж с едва осязаемой формой. Но когда стены рухнули, дух вскрикнул от ужаса и исчез, устремившись к генералу.

Верна напрягла мышцы, пытаясь добраться до того места, где могла бы удержаться и попробовать сдержать плавающий камень. Она поднялась еще на несколько метров, но камни под ногами уподобились жидкой грязи. Каменный выступ в руке стал мягким как масло.

И она сорвалась.

Она падала со скалы, пытаясь удержаться за оползающую поверхность утеса. Ее пальцы уцепились за мягкий камень и погрузились в него до самых костяшек, но собственный вес тянул ее вниз, и в каменной породе оставались длинные борозды.

Верна попробовала остановить падение при помощи дара, одновременно пытаясь ослабить действие заклинания. Несмотря на все ее заверения в том, что она сможет справиться с высвобожденной силой заклинания, его сети и поля вышли из-под ее контроля. Она скатывалась по расплавленной породе, погружаясь в нее все глубже.

Последним всплеском магии она отклонила поля и приостановила действие заклинания, чтобы камень под ее ногами затвердел. Но это не сработало. Она оказалась зажата в каменном кулаке, повиснув вниз головой над каньоном, и смотрела, как гибнет все больше солдат в древних доспехах. Высвободиться она не могла, но скала продолжала таять. Камень тек вокруг нее, и вскоре Верну захлестнула каменная волна.

Ее последние мысли были полны надежды, что дух ее наконец воссоединится с духом Уоррена за завесой, и они проведут вместе вечность.

Глава 50

После атаки сэлок три поврежденных змеиных корабля неторопливо шли по спокойному океану к Норукайским островам. Сэлки успели убить более сорока налетчиков, пока не прибыл змеиный бог. Теперь выжившие зализывали раны, зашивали глубокие порезы и восхищались шрамами. Они хотели вернуться домой.

На главном судне осталось в живых лишь десять рабов; этого было слишком мало, чтобы управляться с веслами, поэтому норукайцам пришлось трудиться наравне с рабами. Они жаловались, что им приходится грести, как ходячему мясу.

Король Скорбь был подавлен после смерти Мелка и не собирался выслушивать их нытье. Говорил он мало, только гаркал приказы, едва сдерживаясь, чтобы кого-нибудь не убить. Он обрушил свой обитый железом кулак на голову мужчины, отпиравшегося от черной работы, и раскроил череп. Другие члены команды быстро прекратили жалобы.

— Помните, кто ваш король, — прорычал Скорбь, затем понизил голос. — Помните о Мелке. Мы все скорбим.

Бэннон и Лила гребли под гнетущий стук барабана надсмотрщика Боско.

— Мы оба могли погибнуть в ночном сражении, — пробормотал Бэннон. — Надеюсь, Норукайские острова не хуже смерти.

Лицо Лилы потемнело.

— Я решила сохранить тебе жизнь, мальчишка. Теперь мы должны решить, как лучше провести остаток наших дней. — Цепи ее звякнули, когда она навалилась на весло. — Норукайцы задолжали мне много своей крови. У нас еще будет шанс.

Бэннон был с ней согласен.

Змеиные корабли плыли еще два дня, пока дозорный не увидел первый из островов. Это были зловещие каменные глыбы, едва торчащие из воды и напоминающие гнилые зубы, но налетчики радостно загомонили при виде дома. Впрочем, сделали они это не слишком громко, все еще опасаясь гнева короля Скорбь. Тот стоял на носу корабля, положив большую ладонь на фигуру змеиного бога. Он впился взглядом в главный остров — черный, чудовищный, с грубыми очертаниями и узкой защищенной гаванью. На высшей точке острова стояла крепость. Ее отвесные стены, сложенные из тщательно подогнанных черных каменных блоков, нависали над бьющимися волнами.

— Бастион, — глухо произнес Скорбь.

У опасных рифов пенились волны, но норукайцы умело направляли три своих судна к узкой гавани. Десятки змеиных кораблей стояли на якоре в водах архипелага, а в сухих доках строились новые.

Лила мрачно нахмурилась при виде этой картины:

— Почти сотня кораблей была уничтожена в Ильдакаре, но здесь по меньшей мере еще столько же.

Некоторые змеиные корабли были старыми и потрепанными, но на многих виднелись свежая древесина и новые синие паруса.

— Они продолжали строить корабли даже после того, как король с флотом отправился завоевывать Ильдакар. — У Бэннона пересохло в горле. Генерал Утрос уже вел армию по суше, а огромный норукайский флот выглядел готовым грабить прибрежные города. Здесь бы Бэннону не помешала помощь Никки и Натана. — Как Древний мир переживет это, Лила? Как мы можем их остановить?

— Мы найдем способ освободиться, — негромко, но твердо сказала Лила. — Мы одолеем их всех.

Скорбь молча стоял на палубе, точно застывшая гневная статуя. Он сжимал боевой топор и выглядел готовым зарубить любого, кто даст повод. Однако мрачное настроение короля не могло сдержать волнение других норукайцев. Они оживились при виде большого скопления кораблей.

Три судна вошли в защищенную гавань главного острова. Некоторые из грубых налетчиков переговаривались, желая поскорее увидеть своих жен и мужей.

Одна норукайка указала на выделявшиеся змеиные корабли в главной гавани:

— Смотрите, Ларс вернулся! — Она заскрежетала зубами, под шрамами на ее лице заходили желваки.

С отвращением Бэннон вспомнил Ларса, одного из трех норукайских капитанов, которые прибыли в Ильдакар про-

давать рабов. Бэннон, подстрекаемый Амосом, Джедом и Броксом, устроил драку с Ларсом и его спутниками.

— Пресвятая Мать морей, если бы мне выпал шанс убить его. Из-за него меня приговорили к тренировочным ямам.

Лила рассмеялась:

— Я понимаю, почему ты ненавидишь этого человека, мальчишка, но вспомни, как тебе в итоге повезло. Если бы не глупая уличная драка, ты бы никогда не стал моим воспитанником. Теперь ты способен убить многих норукайцев.

— Обещаю применить все то, чему ты меня научила, — сказал Бэннон. — Как только появится возможность.

На крутых склонах вокруг бастиона виднелись висячие сады, от которых по отвесной скале тянулись пучки сочной травы. Норукайцы поселились на продуваемом всеми ветрами острове, поэтому выращивали все, что могли, а остальное добывали в набегах.

Когда три корабля пришвартовались к пирсу, налетчики сняли цепи с лодыжек рабов, но руки оставили связанными.

— Ведите их в бастион к остальным рабам, — прорычал Скорбь, — пускай работают, пока не переломятся. — Он скривил покрытые шрамами губы. — Или не умрут.

Вдоль причала к ним шла женщина, телосложением походившая на медведицу. Из-под кожаной юбки, усыпанной медными заклепками, торчали массивные голые ноги в сапогах до колен. Плотное облачение из акульей кожи едва сдерживало огромную грудь. Квадратное лицо очарованием походило на наковальню, а нечесанные рыжие волосы были заплетены в пять длинных кос, походивших на щупальца. Когда она открыла рот в приветственном выкрике, то стала еще больше похожа на змею.

— Король Скорбь, я устала ждать тебя. — Голос ее был таким громким, что болтовня сходящей на берег команды

стихла. — Я готова вновь стать твоей любовницей. Не упusti свой шанс!

Женщина шагнула к королю, будто намеревалась напасть. Некоторые норукайцы усмехнулись, но лицо короля было мрачным.

— Атта. Я не вспоминал о тебе с самого нашего отбытия.

— Я тоже не теряла времени, — рявкнула Атта. — У меня были другие любовники, но они оказались совершенно непригодными. Когда я увидела твои корабли, то решила дать тебе еще один шанс. — Она сильно ударила короля по плечу, считая это флиртом. Когда он ударил ее в ответ, заставив пошатнуться, Атта только рассмеялась.

Бэннон вспомнил это имя. В своих многочисленных надоедливых монологах Мелок упоминал какую-то Атту.

— Однажды Скорбь был ранен так сильно, что ему пришлось пропустить набег, — прошептал Бэннон Лиле. — Атта высмеяла его за это. Скорбь сломал ей челюсть, так что ей тоже пришлось остаться.

— Ах, вот как они стали любовниками, — заключила Лила.

Похоже, она считала, что в таких ухаживаниях нет ничего необычного. Услышав слова Лилы, Атта повернулась к ней с презрительной усмешкой, глядя на стройную Морасит так, словно та была выпотрошенной рыбешкой на рынке.

— А ты кто такая? — Она нахмурилась при виде черного кожаного наряда Лилы. — Думаешь, сможешь соблазнить моего Скорбь? Ты сломаешься под ним.

— Если он попытается это сделать, я сама ему что-нибудь сломаю, — возразила Морасит.

Норукайцы приснули со смеху, и мускулистая женщина ударила Лилу по и без того покрытому синяками лицу. Лила пошатнулась, но удержалась на ногах. Король Скорбь вос-

пользовался этим и зашагал прочь по пирсу, не обращая внимания на женщину. Атта фыркнула и поспешила за ним.

Бэннона и рабов вывели из доков и потащили вверх по крутым тропкам. Вскоре они достигли внушительного каменного основания бастиона, где путь в массивную крепость преграждали низкие зарешеченные ворота. Железные створки повернулись на скрипучих петлях, и показался норукайский стражник, сердито глядевший на рабов.

— Всех вас отведут на кухни. Предстоит подготовка к пиршеству по случаю возвращения домой.

Вереница рабов со связанными руками, пошатываясь, следовала за Бэнноном и Лилой по сырому холодному коридору. Прохладный ветер и морская сырость делали обстановку угнетающей. С соляных наростов на потолке капала вода, а пол был скользким от слизких водорослей. Черный кожаный наряд Лилы почти не прикрывал тело, но она не выказывала признаков неудобства и выглядела донельзя решительной.

Стражник вел их все дальше. Потолок был столь низок, что приходилось нагибаться. Другие стражники замыкали строй, подгоняя рабов, если они двигались слишком медленно. Они поднялись по винтовой лестнице и двинулись дальше по коридорам, освещенным чадящими факелами.

Без окон и солнечного света Бэннон утратил чувство направления, но Лиля молча отмечала и запоминала каждый шаг. Наконец они вошли в похожее на пещеру шумное помещение с раскаленными печами, бочками муки, большими каменными столешницами и тощими работниками, готовящими огромное количество еды. Рыба жарилась на решетках над очагами с ревущим огнем, а в больших котлах томилось рыбное рагу.

Запахи оглушали не хуже грохота кастрюль и сковородок. Голод Бэннона набирал силу со скоростью лесного по-

жара. Много дней он питался только рыбьими потрохами и помоями, и теперь у него подкашивались ноги от аромата пекущегося хлеба и подгоревшей рыбы.

— Еда! — крикнул один из пленников позади него, вытягивая связанные запястья в попытке схватить узелок с хлебом со стола.

На него набросился кухонный раб:

— Стой! Не трогай. — Он поднял левую руку, показав обрубок запястья. — Или они отсекут руку, а потом приготовят ее и съедят. — Новоприбывшие дрогнули, несмотря на текущие слюни от окружавших яств.

К стражникам, прихрамывая, подошел старик, чтобы поприветствовать.

— Новые рабы? Сколько? — Лицо его было таким морщинистым, что походило на высушенную солнцем изюмину. Глаза старика блуждали по новичкам. — Десять. Очень хорошо. Король Скорбь уже давно не заменял работников бастиона.

Стражник только хмыкнул и подтащил Бэннона к морщинистому старому рабу, радуясь избавлению от своих подопечных. Это дело казалось ему унижительным.

Старик взял кухонный нож и перерезал веревки на запястьях Бэннона, затем методично повторил те же действия с остальными, освобождая пленников и бормоча себе под нос:

— Двадцать буханок хлеба, три бочонка соленой рыбы, пять тарелок маринованных скальных водорослей, по одной на каждый стол. — Когда он разрезал путы одной рабыни, она упала, но старик подхватил ее за окровавленные запястья и заставил подняться. — На это нет времени! У всех нас есть работа. Если король Скорбь разочаруется в угощениях, тогда он съест тебя.

Бэннон не думал, что это была пустая угроза.

— Соленая рыба, копченая рыба и свежая рыба для короля, — продолжил бормотать старик, а затем тяжело вздохнул. — Хотя король ненавидит рыбу. И козлятину не любит. — Он обратился к новоприбывшим: — Меня зовут Эммет, и я здесь, чтобы помочь вам — помочь служить королю Скорбь. Большинство рабов бастиона долго не живут, но я здесь уже десять лет, дольше любого другого пленника. Следуйте моим наставлениям, и я позабочусь, чтобы вы выжили.

— Зачем тебе это? — требовательно спросила Лила.

— Мне нужны помощники. — Эммет понизил голос, хотя из норукайцев на кухне была лишь рослая женщина у дальнего входа, которая стояла со скучающим и разочарованным видом. Он собрал новоприбывших и прошептал заговорщицким, настойчивым тоном: — Я помогу вам остаться в живых, но вы должны меня слушаться. Если доставите проблемы, король сломает вам кости и не даст им правильно срастись — просто чтобы вы помнили о своем проступке. — Он посмотрел вниз на свою искалеченную ногу.

Лила согнула пальцы и нахмурилась, глядя на свои изодранные запястья.

— Моя цель — убить как можно больше норукайцев. Вот почему я позволила схватить себя. Я собираюсь освободить Бэннона, а потом сбегу. — Она посмотрела на испуганных рабов, думая, что они слабы. — Если будете полезны, мы можем взять вас с собой.

Эммет дрогнул.

— Так ты не выживешь! Норукайцы убьют тебя. Поверь мне, я видел это много раз.

— Ты меня не знаешь, — сказала Лила.

— И меня, — добавил Бэннон. — Она Морасит, а я прошел через тренировочные ямы Ильдакара. Возможно, у нас будет больше шансов, чем у наших предшественников.

— Тогда я не смогу помочь вам выжить, — застонал глубоко опечаленный Эммет, а потом резко вскинул голову, качнув седыми волосами, забранными в хвост, и переключился на текущие дела. — Прямо сейчас у нас полно работы. Расстанетесь со своими жизнями позже, когда закончится пир. Сейчас нет времени приводить кого-либо из вас в порядок и не до свежей одежды. Но ты... — Он посмотрел на Лилу и ее скудный черный кожаный наряд. — Да, тебе я дам старый серый балахон, чтобы прикрыться.

— Я горжусь своим телом, — оскорбилась Лила. — На мне облачение Морасит.

— Этот наряд делает тебя объектом вожделения. — Эммет выглядел взбешенным. — Хочешь, чтобы тебя передавали от стола к столу в пиршественном зале, полном похотливых норукайцев и норукаек?

— Они могут попытаться, — сказала Лила. — И пожалеют.

Бэннон вспомнил искалеченного Лилой насильника на борту змеинового корабля, но повторять этот опыт он больше не хотел.

— Лила, лучше не привлекать к себе внимания, — попытался он ее убедить. — Давай сами выберем время для битвы. Не сейчас.

Эммет принес серое изодранное шерстяное одеяние, и Бэннон взмолился:

— Просто надень это.

— Возможно, ты прав, мальчишка, — признала она и натянула бесформенный балахон, скрывший ее тело. — Но мне это не нравится.

Эммет заломил руки:

— Пойдемте, пора подавать еду. Капитан Ларс уже в пиршественном зале, и скоро прибудет король Скорбь. От вас требуется прислуживать.

— Возможно, меня заставят приносить им еду, — сказала Лила, — но прислуживать я не буду.

Когда старик сглотнул, на его обвисшей шее собрались морщины.

Он покачал головой:

— Я искренне надеюсь, что все вы переживете эту трапезу.

Глава 51

Краkenобойный корабль быстро шел по морю, направляясь на север, к Танимуре. С помощью дара Никки призвала попутный ветер, который не только натянул покрытые заплатками паруса, но и разогнал зловоние, пропитавшее судно. Все беженцы сошли с борта «Преследователя» в Серримунди, и теперь корабль был почти пуст. Капитан использовал эту возможность, приказав команде заняться починкой и чисткой судна.

— Соскребите хотя бы несколько слоев засохшей слизи. Я хочу видеть текстуру дерева.

— Слизь? Прежде вы называли это лаком, капитан! — со смехом отозвался один из мужчин с оголенным торсом. У него не хватало передних зубов, из-за чего он шепелявил.

— Порадуйте меня, — улыбнулся Джаред. — Уже скоро мы покроем все новой слизью кракена. Если заметим очередное чудище, я готов к охоте.

Команда одобрительно загомонила, но Никки не желала ни малейшей задержки.

— Мы должны как можно скорее добраться до Танимумы, капитан. Нет времени на охоту.

— Не успеете оглянуться, как уже будем там, колдунья.
— Джаред пренебрежительно усмехнулся. — Помните, что вы собирались проехать весь путь на вонючей лошади?

Команда захихикала, сочтя такой способ передвижения нелепым.

В тот вечер Никки ужинала вместе с капитаном в его каюте. Единственным блюдом было упругое мясо кракена. Джаред с аппетитом уплетал свой кусок, а Никки ела без особого удовольствия.

— Я пробовала и похуже, — сказала она, и Джаред воспринял это как комплимент.

В корабельной команде насчитывалось пятнадцать человек. Они работали вместе уже много лет, что было необычным — на многих кораблях команда менялась в каждом порту. Охота на кракена была тяжелой, грязной и вонючей работой, зачастую неблагодарной. Кракеноловы держались особняком даже в портовых тавернах — к ним относились еще хуже, чем к матросам грузовых кораблей. Никки могла утверждать, что стойкий аромат слизи не смывался даже после неоднократных походов в баню, поэтому эти люди смирились с участью и наслаждались работой.

Джаред безмерно гордился тем, скольких кракенов он убил и сколько раз доставил свой груз в города вдоль побережья.

— Ценители мяса кракена с нетерпением ждут моего прибытия. Всякий раз, когда приходим в порт, нас встречают громогласными приветствиями. — Он одарил ее щегольской улыбкой.

— Вас приветствуют все почитатели мяса кракена? — спросила она. — Должно быть, их не очень много.

— У них взыскательный вкус. — Он отрезал кусок серого мяса и с довольным видом прожевал его, запив глотком эля.

Никки поймала себя на том, что делает все больше и больше глотков горького пива, чтобы перебить вкус мяса.

— Я буду рад вернуться к охоте на кракена, как только мы одолеем врагов, о которых вы говорите.

— Эта война будет долгой, а скоро наше положение станет еще более затруднительным. Потому мне и нужно добраться до Танимуры и привлечь д'харианский гарнизон. — Она прикусила нижнюю губу. — Я только надеюсь, что подкрепление от лорда Рала уже прибыло. В свой прошлый визит я отправила ему важное сообщение.

Никки почувствовала укол боли при мысли, что она находится так далеко от Ричарда — человека, которого по-настоящему любила. Они с Натаном взяли на себя миссию распространить вести о Д'Харианской империи, и теперь ей нужна помощь Ричарда. Если он отправит мощную армию в Танимуру, чтобы защитить ее от двойной угрозы, они смогут победить. Ричард никогда ее не подводил.

— Просто доставьте меня в Танимуру, капитан, — сказала она, — и вы окажете нам большую услугу в этой войне.

* * *

Пока «Преследователь» входил в гавань Танимуры, Никки смотрела на выбеленные здания города, который она так хорошо знала. Дома жались друг к другу, образуя неровные линии улиц и переулков. На крышах развевались знамена с цветами Д'Хары и стилизованной буквой «Р». Гавань заполнили рыбацкие лодки и грузовые суда, но больше радовали десятки больших судов, переоборудованные в военные корабли д'харианского флота. Зрелище ее удовлетворило. Было видно, что генерал Линден внял предупреждению и всерьез занялся обороной.

Гавань Танимуры была намного больше укромной гавани Серримунди. Подгоняемое магическим ветром кракенобой-

ное судно взяло прямой курс на доки. «Преследователь» прошел мимо пустого острова Халзбанд, соединенного с городом изящными мостами. На острове когда-то возвышался Дворец Пророков, где Никки много десятилетий провела в качестве сестры Света — и сестры Тьмы. Здесь она обучалась и служила — не только Дворцу, но и Владетелю подземного мира. Теперь на острове остались лишь камни. Ричард Рал запустил заклинание, которое пронизывало весь дворец, и разрушил гигантское сооружение.

Джаред стоял рядом с ней, держась за поручни.

— Ах, Танимура! Люблю запах этой гавани.

Никки ощущала лишь вонь от слизи, пропитавшей корабль.

— Хорошо быть дома, — сказала она без теплоты в голосе. Это место было связано со слишком мрачными воспоминаниями.

Как только «Преследователь» причалил, Никки сошла на берег, желая поскорее добраться до гарнизона.

— Мой корабль в вашем распоряжении, если когда-нибудь снова понадобится, колдунья! — крикнул вслед капитан Джаред, когда она спускалась по трапу.

— Я запомню это. Ваш корабль быстр.

— И капитан хорош, — сказал он.

Никки не ответила, пробираясь сквозь портовую толчею. Мулы тянули повозки, нагруженные тяжелыми ящиками; мужчины складывали тюки сена и мешки с зерном, а торговцы договаривались о цене. Знакомые виды и звуки навевали воспоминания о том времени, когда она была послушницей, верной Имперскому Ордену, потому что ее мать вбила в нее эти учения. Это воспитание направило ее по темному пути, и все становилось только хуже, пока судьба не столкнула ее с человеком по имени Ричард Рал...

Колдунья шагала по улицам в сторону д'харианского гарнизона. Несколько недель назад генерал Линден отправил в Народный Дворец всадника, который должен был передать ее послание и просьбу о помощи. Никки знала, что Ричард поверит ее предупреждениям о генерале Утресе. Большое подкрепление, возможно, еще не прибыло, но наверняка уже в пути. Она надеялась, что Ричард хотя бы прислал ответ. Она так давно ничего о нем не слышала.

Приближаясь к гарнизону, она с облегчением увидела солдат в кольчугах и кожаных доспехах, патрулирующих улицы, и офицеров в ярких плащах. Слухи распространялись быстрее нее, и к тому времени, когда она достигла ворот в стене гарнизона, многие солдаты выстроились вдоль ее пути, желая услышать новости.

— Это колдунья!

— Никки вернулась.

— Госпожа Смерть!

Взволнованные солдаты расступились, когда Никки прошла через плац и мимо казарм устремилась к двухэтажному зданию штаба. Он был построен из свежей древесины и только недавно побелен, чтобы соответствовать общей архитектуре Танимуры.

Писари за столами у входа оторвались от записей, но она прошла мимо, не сказав ни слова. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Никки не сомневалась, что генерал Линден уже ждет ее.

Действительно, он сидел за своим столом, сложив руки. Линден был худощавым тридцатилетним мужчиной, молодым для своего высокого звания, но получившим повышение после того, как в предыдущей войне погибло слишком много офицеров. На его левой щеке виднелось родимое винное пятно, а кривой нос был сломан не единожды.

Он серьезно кивнул ей в знак приветствия:

— Я не ожидал, что вы вернетесь так скоро, колдунья. Мы прилагаем все усилия, чтобы укрепить оборону города. Мы построили военные корабли и переоборудовали другие суда, чтобы обезопасить гавань. Наши патрули на воде удвоены. Численность войск значительно возросла, и мы становимся сильнее с каждым днем.

— Хорошо, — сказала Никки. — Генерал Утрос движется дальше, как я и опасалась, а норукайцы опустошают прибрежные города. Серримунди не так давно подвергся нападению, как и Эффрен, и, возможно, побережье Ларрикан. Обстановка накаляется.

— Да, мы получили донесения. — Линден постучал пальцем по столу. Перед ним были разложены бумаги — он готовился к ее приходу. — Мы направили помощь в Серримунди после последнего набега норукайцев и активно рекрутируем людей среди горожан и жителей деревень. Я хочу расширить армию, чтобы в каждом крупном городе были хорошо вооруженные силы для защиты от других набегов.

Она шагнула вперед и схватилась за край стола.

— Не заблуждайтесь, генерал, это не просто набег. Древняя армия Утроса заключила союз с норукайским королем Скорбь. Вместе они захватят Древний мир. Мое сообщение доставили в Д'Хару? — задала она интересующий ее вопрос. — Лорд Рал отправил д'харианскую армию защитить нас? Если ваш посыльный прибыл так быстро, как я надеюсь, войска уже должны быть в пути. Они нам скоро понадобятся.

На лбу Линдена появились тревожные морщинки. Он неосознанно потер родимое пятно большим пальцем.

— Лорд Рал прислал ответ. Он говорит, что хотел бы помочь Танимуре и другим городам, но... в настоящее время это невозможно. Ни он, ни Д'Хара не смогут нам помочь.

Глава 52

Обессиленный Натан, измазанный кровью убитых им врагов, карабкался по скалам в конце узкого бокового каньона. Он хватался за уступы, стремясь добраться до необжитого высокогорья, где можно было укрыться. Ольгия не оставала, как и десять д`харианских солдат, которые отступили вместе с ними. По указанию генерала Зиммера защитники разделились на множество отрядов, выбрав разные маршруты.

Один из раненых воинов, задиристый картежник, потерял много крови из-за глубокой раны в боку. За ним тянулся красный след, пока он с трудом поднимался все выше. Натан не был уверен, что этот человек долго продержится. У волшебника оставалось мало сил, но он мог бы исцелить эту рану, остановись они ненадолго передохнуть, но это было рискованно. Утрос бросил за ними в погоню тысячи воинов, и враг неотступно приближался.

Наконец добравшись до верха скалы, Натан обернулся и увидел, как заклинание Плачущего Камня разрушает Твердыню. Каменная крыша архива обвалилась, навсегда запечатав туннели и библиотечные помещения. Стены растаяли и осели, как оползень, погребая под собой часть армии. Даже с такого расстояния Натан чувствовал магическую структуру, которая резонировала по линиям силы. Отвесные стены начали таять, будто воск, разрушение продолжалось, а он все смотрел, не веря своим глазам. Верна планировала только завалить вход в альков и запечатать книги и свитки, а потом сразу должна была уйти. Но процесс не прекращался.

— Добрые духи, она разрушает весь каньон!

Он увидел крошечную фигурку Верны над оседающим альковым. Она пыталась забраться наверх, но сам камень под ней был нестабилен. Натан точно почувствовал момент,

когда она потеряла контроль над могущественным заклинанием. Как будто свирепая собака вдруг набросилась на хозяина.

Ольгия и солдаты рядом с ним наблюдали, как половина каньона Твердыни обратилась в жижу, и поток камня покатился вниз, поглощая бесчисленных древних воинов. Со стоном отчаяния Натан смотрел, как аббатиса Верна сползает и погружается в текучую скалу. Она отчаянно пыталась выбраться, но камень проглотил ее.

Мир погрузился в тишину, когда на него обрушился шок. Сердце защемило от нахлынувших воспоминаний. Так много в его жизни было связано с аббатисой. Натан никогда не любил Верну так, как ее предшественницу, аббатису Энн, но теперь, наблюдая, как она умирает, он ощутил сокрушительную боль. Слезы заблестели в лазурных глазах и потекли по щекам. Эльза поступила так же. Она высвободила мощную магию, чтобы спасти их, хотя и знала, что это уничтожит ее. Теперь обе эти замечательные женщины ушли, пожертвовав своими жизнями, чтобы нанести урон армии генерала Утроса.

После смерти Верны ее заклинание исчезло, магические линии распались, поля и сети исчезли. Камень снова затвердел.

Однако пока беглецы стояли, застыв в ужасе, они забыли о преследователях. На них с криком бросился один из изможденных вражеских солдат с зазубренным мечом. Раненый картежник сидел на камне, переводя дух, но тут же вскочил и из последних сил отразил меч нападавшего и вонзил кинжал в горло врага. При этом он получил еще одну глубокую колотую рану. Умирая, картежник перевалился через край обрыва и вместе с древним солдатом покатился вниз в кровавом клубке рук и ног.

Хотя отряд Натана добрался до высокогорных пустошей, их все еще преследовали. Подавив горестные мысли, он нашел в себе силы призвать огонь волшебника, по сфере в каждую руку. Охваченный гневом из-за смерти Верны, он швырнул их в сторону преследователей. Вражеские воины вскинули руки в латных перчатках, пытаясь отразить огонь, но непреодолимое inferно превратило их в пепел.

Натан упал на колени и зарыдал. Его длинные белые волосы были спутаны, новый жилет и вышитый плащ были испачканы кровью и пеплом. Во время битвы у входа в каньон, он и его одаренные товарищи отчаянно использовали все уловки, все заклинания, которые знали. Пятерых он даже убил своим мечом, и теперь его рука болела от звонких ударов.

К нему подошла Ольгия, крепкая женщина в юбке и накидке из усиленного шелка, которые выдержали битву. Лицо ее покрывали алые брызги, одна из тугих кос была срезана ножом и свисала возле уха, будто обезглавленная змея. Выражение ее лица было напряженным, словно из нее выжали весь дар, но женщина цеплялась за жизнь и свою решимость.

— Нам больше не нужно беспокоиться о преследовании, Натан, — кивнула она в сторону черных пятен, оставшихся после огня волшебника. — Мы можем позаботиться о тех, кому удастся прорваться.

Натан вытер щеки и оглянулся на каньон. Каменный поток затвердел. Солдаты застряли в нем, словно мухи в янтаре.

— Я знаю. Аббатиса Верна сделала то, что было нужно. Ни генерал Утрос, ни кто-либо другой не заполучит опасные знания из архива. Он потерян навсегда.

— Так нужно для защиты мира, — сказала Ольгия. — Мы все с этим согласны.

— Это правда, но Верны больше нет... как и Эльзы. С каждой такой победой мы теряем часть самих себя и часть нашего наследия. Что от нас останется, когда все будет сказано и сделано? — Он отвернулся, чтобы больше не смотреть на руины некогда мирного каньона. Он даже не мог почувствовать удовлетворения от вражеских потерь. Сколько древних солдат погибло? Тысячи? Десятки тысяч?

Верна была мертва, а костяк армии Утроста все еще находился там. Даже после разрушения Твердыни он продолжит маршировать по Древнему миру.

— Давайте доберемся до места встречи, — прорычал Натан, — и посмотрим, сколько нас осталось.

* * *

Они преодолели запутанный путь по каньонам, оставив Твердыню позади, и вскоре встретились с другими группами. Торн и Лайес возглавляли отряд из шестерых солдат, Ренделла и горстки потрясенных ученых Твердыни. Отмеченную рунами кожу Морасит покрывали запекшаяся кровь, копоть и мелкие раны, но они были заряжены энергией, словно все происходящее — лишь увлекательная игра в Джа'Ла.

Торн окинула взглядом свою напарницу:

— Мы убили столько, что обе сбились со счета.

— Поэтому пока что ничья. Начнем счет заново, мне прямо не терпится, — сказала Лайес.

Другая женщина кивнула:

— И убитых будет еще больше.

Когда все отряды прибыли во временный лагерь, Орон с явным облегчением встретил Натана, Ольгию и Перри.

— Хорошо. Мы не могли позволить себе потерять еще кого-то из одаренных.

— Мы уже потеряли слишком многих, — сказал Натан.

— Кого еще нет? — спросила Ольгия, оглядываясь и считая людей по головам.

Орон рассказал, как волшебник Лео упал с края скалы, когда Рува взорвала камень. Были убиты не только д'харианские солдаты, но и двое ильдакарских стражников капитана Тревора. Перри присела на корточки и покачала головой.

— От нашего великого Ильдакара почти ничего не осталось.

— Мы остались, — сказал лорд Орон.

— От Древнего мира мало что останется после марша Утроса, — сказал Натан. — Ах, Верна... бедная Верна.

Сестер Света глубоко потрясла потеря аббатисы. Сестры Рода и Элдин присоединились к Натану у небольшого костра.

— Когда перемещение звезд уничтожило пророчество, это сильно ударило по смыслу существования ордена, — сказала Рода. — Но Верна не сдавалась. Она помогла нам найти новую цель.

— Нет, Верна не сдалась, — согласился Натан. — Она помогла всем, в том числе и мне.

К ним подошли и другие сестры, чтобы поделиться воспоминаниями об аббатисе. Натан горько рассмеялся, и когда Мэб удивленно посмотрела на него, он произнес:

— Учитывая мою обиду на сестер Света, очень иронично, что именно вы меня утешаете.

— Мы все должны утешать друг друга, потому что нам всем больно, — присоединилась Эмбер. — Но еще мы должны продолжать двигаться. — Она огляделась в поисках поддержки. — Мы собираемся идти дальше, так ведь? Генерал Утрос и его армия продолжают марш к побережью. Мой брат Норкросс сейчас в бухте Ренда. Он поможет нам сражаться.

— Да, моя дорогая, — сказал Натан. — Мы должны добраться до бухты Ренда раньше, чем это сделает армия.

Глава 53

Норукайское праздничное пиршество в честь короля Скорбь и капитана Ларса было громким, буйным и жестоким. Бэннон счел его отвратительным.

Новые рабы кухонь бастиона были покрыты засохшей кровью, синяками и ссадинами после атаки сэлок и ежедневных побоев на змеиных кораблях. Перегруженный работой боязливый старик Эммет, прихрамывая, наполнял блюда едой, пока козлятина шипела на вертеле.

Главный раб выкрикивал приказы угрюмым подручным, время от времени останавливаясь для поспешных наставлений растерявшимся новичкам.

— Возьмите жареного козла! У королевского трона есть подставка. Он сам нарежет мясо, и я молюсь, чтобы в нем не оказалось слишком много крови — если король вообще захочет сегодня есть козлятину. Я не осмелюсь сказать ему, что мясо не успело пропечься. — Эммет тяжело вздохнул. — Я видел, как Скорбь ест сырое мясо — может, сегодня у него именно такое настроение? Жаль, что у нас только козлятина и рыба...

Один из кухонных рабов, понурый мужчина со шрамом на щеке, взялся за один конец вертела. К нему подтолкнули новопривывшего, чтобы тот взялся за другой конец, и они побрели со своей ношей в зал в сопровождении норукайского стражника. Зажаренную целиком рыбу сняли с решеток и разложили на блюда. Рабы уносили горшки с засоленной рыбой, шатаясь под их тяжестью. Когда один такой сосуд сунули в руки Бэннону, он заглянул внутрь и увидел серые

куски рыбы, пропитанные соленой водой, уксусом и щелоком. Вонь напомнила отвратительную законсервированную рыбу — основное пропитание в неурожайные годы на острове Кирия. Держа горшок на вытянутых руках, Бэннон последовал за рабами с вертелом.

Эммет вручил Лиле бронзовый кувшин с вином, и она бросила на старика яростный взгляд.

— Не желаю угождать этим мерзким тварям. — Казалось, ей было не по себе в бесформенной одежде, скрывающей стройное тело.

— Я тоже, но мое желание жить сильнее моего отвращения, и если хочешь выжить, то нужно помогать. — В голосе старика звучали умоляющие нотки. — После пиршества я смогу подробно объяснить, как все устроено в Бастионе и как прожить еще один день, месяц или год.

Когда норукайские стражники покинули кухню, сопровождая прислугу, Лила медленно и демонстративно плюнула в кувшин с вином. Другие рабы наблюдали за ней, потрясенные, но возбужденные.

Эммет пришел в ужас.

— Они разрежут тебя на куски и зажарят, если узнают! Морасит с вызовом посмотрела на него:

— Они меня не видели, и ты ничего им не скажешь.

Бэннон, выходявший из кухни с засоленной рыбой, видел, что сделала Лила. Подражая ее непокорности, юноша набрал полный рот слюны и плюнул в горшок.

— Пресвятая Мать морей, мы должны бороться всеми доступными способами.

Коридор за кухнями вел в шумный пиршественный зал со стенами из черного камня. Потолок опирался на закопченные балки. С крюков на стропилах свисали высохшие головы — видимо, то были враги короля Скорбь.

Пиршество напоминало поле боя — норукайцы хвалились, стучали по столам кулаками, требовали еду и выкрикивали оскорбления. За шестью длинными столами расселись воины, щеголявшие множеством отвратительных шрамов на лицах, головах и плечах. Воительницы выглядели столь же уродливо, как и мужчины. Все они рычали друг на друга и обменивались ударами. Это, как понял Бэннон, было грубой формой ухаживания.

За главным столом на массивном троне, похожем на орудие пыток, сидел поникший король Скорбь. Костяные шипы, вживленные в его плечи, торчали сквозь жилет из акульей кожи, будто выпирающие зубы. Король сгорбился, угрюмый и ошестинившийся, глухой к шуму разговоров и буйству гостей. Положив на стол сжатые кулаки, он смотрел прямо перед собой. Рядом лежало перевернутое кресло. Скорбь разбил его о столешницу, чтобы никто никогда больше не мог сидеть на нем. Вероятно, это было кресло Мелка.

Здоровячка Атта сидела по другую сторону от трона, будто заявляя свои права на короля, но Скорбь почти не обращал на нее внимания. За вторым столом, точно какая-то знаменитость, восседал недавно вернувшийся капитан Ларс. Бэннон повстречал этого человека еще в Ильдакаре и возненавидел. Ларс уже успел выпить, и Бэннон задался вопросом, вспомнит ли его этот отвратительный налетчик.

Король Скорбь внезапно сел прямо и грохнул по столу кулаком.

— Я вынес тебе смертный приговор, Ларс.

Разговоры быстро перешли в неровное бормотание.

Капитан налетчиков прервался на полуслове, поставил кружку и повернулся к королю.

— Ты велел мне пойти и умереть в битве, король Скорбь. Я совершал набег за набегом и собственноручно убил по

меньшей мере сотню слабаков. Я умру, как ты и приказал, но сначала убью еще немало отбросов.

Норукайцы приветствовали браваду, но короля это не забавляло.

— На тебе все еще висит клеймо труса из-за неудачи в бухте Ренда. Ты должен искупить вину перед змеиным богом за то, что проиграл простому ходячему мясу.

Щеки Ларса вспыхнули от стыда.

— Я понимаю, мой король, и я заставлю их заплатить. Я бы не вернулся, но мне нужна провизия и пополнение команды. Здесь построили много новых змеиных кораблей. Если хочешь, чтобы я оставил все побережье в огне, мне нужно больше кораблей. — Он поднял кружку, и норукайцы взревели.

— У нас много кораблей, — сказал Скорбь, — а видения Мелка обещали, что их будет еще больше. — Он уставился на пустое блюдо перед собой.

Слуги внесли дымящуюся тушу козла и положили концы вертела на раздвоенные стойки подставки. От жареного мяса исходил пикантный аромат, который наполнил зал и ненадолго перекрыл зловоние немытых и покрытых кровью воинов. Скорбь поморщился.

Бэннон молча поставил горшок с рыбой прямо перед Ларсом. Норукайский капитан наклонился вперед и принялся, затем рыгнул.

— Такое блюдо мне по вкусу. — Он посмотрел на Бэннона, встретился с ним глазами и помешкал. Юноша ждал, что он узнает его и взорвется, но Ларс сказал только: — Вот же уродец.

Ларс запустил руку в горшок и зачерпнул верхние кусочки студенистой рыбы. Плевков Бэннона смешался с рассолом, и Ларс зачавкал с удовлетворенным хрюканьем.

На главный стол подали тарелки с рыбой, но король Скорбь проигнорировал их — видимо, не было аппетита. Атта жадно поглядывала на тушу козла, но все ждали, пока король отрежет первый кусок. Наконец Атта взяла его пустую тарелку и встала.

— Мне доставляет удовольствие служить тебе, Скорбь. И позже ты можешь с таким же удовольствием меня отблагодарить. — Своим кинжалом она проткнула дымящуюся ляжку, отрезала кусок полусырого мяса, положила на тарелку и поставила перед королем. Потом она отрезала такой же кусок мяса себе, села рядом и принялась за еду.

Скорбь наконец начал есть, словно не чувствуя вкуса козлятины и не испытывая от пира никакого удовольствия.

— Скоро мы отправимся на войну, — сказал он, и, судя по тону, это единственное, чего он ждал с нетерпением.

Вошла Лила с кувшином вина. В свободном шерстяном платье ее было не узнать. Она шла уверенно, будто уже победила каждого в этом зале. Чопорно подойдя к королю, она наполнила его кубок вином. Скорбь одним глотком осушил половину кубка, не обращая на нее внимания. Лила с возмущением повернулась, чтобы налить вина Атте, но Скорбь гневно оттолкнул Морасит. Казалось, охваченный горем король не понимает, что делает, но Лила покачнулась, и половина вина из кувшина вылилась на Атту.

Норукайка взорвалась. Словно атакующая гадюка, она вскочила, задев свою тарелку, и козлятина полетела на пол. Рефлексы Морасит защитили Лилу — она уронила бронзовый кувшин, тот звякнул о каменные плиты пола, и красное вино разлилось, будто кровь. Атта отвела кулак, и мышцы на ее мясистой руке заметно надулись.

Бэннон кинулся на помощь, но Лила в этом не нуждалась. Ее рука взметнулась вверх и поймала метнувшийся к ней кулак Атты. Норукайка напряглась, ее мышцы очерти-

лись, когда Лила отразила удар. Атта посмотрела сердитым взглядом, поднажала, а Лила стиснула зубы, усилив хватку, и прошептала:

— Это была случайность. — Она бросила взгляд на короля, который по-прежнему не понимал, что наделал, и снова повернулась к Атте. — Я... извиняюсь. — Это прозвучало так, будто слова вырвали из ее горла.

Пересилив себя, Атта отдернула кулак:

— Случайность!

Прежде чем Лила успела двинуться, женщина с лицом, напоминающим наковальню, ударила ее по щеке. Девушка тут же приняла боевую стойку, но заставила себя не ударить в ответ.

— Я Морасит. Прими мои извинения, но на большее не рассчитывай, — сказала она ледяным голосом.

Скорбь наконец обратил на это внимание. Он встал и ударил Лилу кулаком по голове с такой силой, что Морасит осела на пол.

Атта оглядела ее:

— Приговариваю тебя к смертной казни — как Скорбь приговорил Ларса. И мне может потребоваться много времени, чтобы убить тебя.

— Можешь попробовать, — парировала Лила.

Эммет и несколько рабов уже спешили в зал с корзинами хлеба, подносами с жареной и копченой рыбой, а также мисками маринованной лебеды.

— Следующее блюдо! — сказал старик, отвлекая их. — Впереди еще много еды и разнообразных десертов.

Эммет захромал к главному столу, пока собравшиеся налетчики ожидали вторую смену блюд. Ловко двигаясь, несмотря на хромоту, старик протиснулся между столами и схватил ошеломленную Лилу за локоть.

— Ну-ка, не стой тут без дела! На кухне полно работы.
— Он вцепился в руку Бэннона и повел обоих прочь. — Быстро! Мы не смеем заставлять ждать короля Скорбь.

Пока Атта продолжала сверлить их убийственным взглядом, Эммет уводил их по темным коридорам в относительную безопасность кухонь.

* * *

В течение следующих нескольких дней, пока рабы бастиона понуро выполняли свои обязанности, Атта выбрала Лилу своим главным объектом для издевательств. Норукайка находила поводы столкнуться с ней в коридорах и прижать к стене в попытке спровоцировать.

— Давай, сразись со мной, и я убью тебя!

— Остановись! — попытался было вмешаться Бэннон. — Мы просто выполняем свою работу.

— Ее работа — умереть. — Атта приблизила лицо к Лиле. — Скорбь мой любовник. Я знаю, ты хочешь его.

— Я хочу его смерти, — сказала Лила, — но если мне придется сначала убить тебя, то так даже лучше.

— Если ты убьешь Атту, король убьет тебя сам, — быстро шепнул ей Бэннон.

— Если прикончу ее, король лишь посмеется над ее слабостью, — громко возразила Лила. — Хочешь, чтобы я сразилась с тобой? — бросила она вызов Атте. — Дай оружие, и посмотрим, кто уцелеет.

Мускулистая рука Атты впечатала ее в стену:

— Я не дам тебе ничего, даже смерти. Еще рано.

Норукайка зашагала прочь, оставив Лилу в покое. Она одернула свободное шерстяное одеяние, которое считала оскорбительным.

Она и Бэннон работали вместе всякий раз, когда могли. Эммет помогал, давая схожие задания, но, когда норукайцы

поняли, что двое близки, надсмотрщики насильно разделили их. Тем не менее, им довольно часто удавалось видаться, и тогда они искали возможность сбежать из бастиона. Но в крепости было слишком много вооруженных гневных норукайцев.

— Старый Эммет знает тут каждый угол, — сказал Бэннон. — Он мог бы помочь нам сбежать.

Лила была настроена скептически.

— После стольких лет рабства старик и думать забыл о свободе. Он помнит только о том, что нужно бояться за свою жизнь. — Она покачала головой. — Я обещала спасти тебя, и я найду способ.

— И я обещал биться на твоей стороне. Ты учила меня сражаться с боевыми медведями и песчаными пумами. Я смогу справиться с несколькими норукайцами в честном бою.

Лила улыбнулась:

— Все же у тебя есть потенциал, мальчишка.

* * *

На следующий день, когда Лила следила за котлом с кипящим рыбным рагу, на кухню ворвалась Атта, задрав нос.

— Уже полдень. Король Скорбь голоден. — Она подошла к Лиле и принялась к содержимому котла. — Что-то плохо пахнет. Я думала, у варева дурной запах. — Она снова втянула носом воздух. — А это всего лишь вонь от твоих вшей.

Под суровым взглядом Лилы она схватила железный ковш, зачерпнула его до краев и отхлебнула. Затем Атта медленно вылила горячую жидкость на плечо Лилы, где сквозь дыру в одежде виднелась обнаженная кожа. Морасит вздрогнула, но не издала ни звука, когда горячий бульон потек по руке. Она просто вызывающе смотрела на Атту.

— Пожалуйста, Атта! — хромой Эммет поспешил к ним.
— Не убивай моих людей. Король Скорбь велел тебе не убивать их.

— Но я не обещала не вредить им. — Атта посмотрела на заживающие синяки на лице Лилы и свежий красный след от ожога на плече. Удовлетворенная, она покинула кухню.

Бэннон подбежал к Лиле с тряпкой, смоченной в прохладной воде, и прижал ее к обожженной коже. Теперь, когда Атта ушла, Лила позволила себе поморщиться.

Эммет переступал с ноги на ногу, и Бэннон выплеснул на старика свое раздражение:

— Вот почему ты должен помочь нам сбежать! Мы должны найти способ.

Глава 54

Никки была ошеломлена словами генерала Линдена. Только сейчас она поняла, как сильно надеялась на Ричарда и д'харианскую армию.

— Как это он не пошлет войска? Я недостаточно четко обозначила угрозу, исходящую от древней армии и норукайского флота?

— Нет, все предельно ясно, колдунья, — сказал Линден, нервно перебирая бумаги. — Лорд Рал сообщил, что сейчас нет свободных сил, да и такая армия не успеет прибыть вовремя.

Никки отошла в сторону, пытаясь справиться с беспокойством о серьезности ситуации. Она знала Ричарда. Возможно, лучше Никки его знала только Кэлен. Ричард понимал, что она обратится с такой просьбой о помощи только в безнадежном случае. Он отказал бы, только если бы действительно не мог помочь. Теперь у нее появился новый повод

для беспокойства — что же за проблема возникла у Ричарда? Теперь ответственность за защиту Танимуры и других городов на юге целиком лежала на ее плечах. Ричард доверял ей.

Она снова повернулась к Линдену, когда ей пришла в голову идея.

— Ричард не мог просто оставить нас. Должно быть, он передал что-то еще.

Линден кивнул, с неуверенной улыбкой выдвинул ящик стола, и достал кожаный сверток.

— Да, он прислал это. — Генерал положил сверток на стол. — Он сказал, вы поймете, что с этим делать.

Никки осторожно развернула кожу, гадая, какое послание там обнаружит. К ее удивлению, вместо письма в свертке оказалась костяная шкатулка, каждая грань которой была длиною в дюйм. Повертев кубик и изучив его более детально, она поняла, что эта маленькая вещица обладает огромной важностью.

— Мы побоялись открывать шкатулку, колдунья. — Линден был сосредоточен и любопытен. — Что это?

Ногтем она нашла щель крышки и открыла шкатулку. Внутри кубика завис в воздухе вращающийся шарик света — не больше горошины. Сфера была освещена изнутри сетью тонких линий и крошечных искр света. Она поняла, что это, и сосредоточилась сильнее.

— Это новое структурированное заклинание.

Направив дар, она ощутила, что эта горошинка света обладает той же силой, что и уникальная магия Замка Волшебника, которую мог понять только Ричард. Заклинание каким-то образом было связано с древней защитной сущностью самого Замка.

Линден смотрел на нее так, словно его распирало от вопросов.

— Что бы это ни было, оно предназначено для нашей защиты, — сказала Никки. — И я должна это использовать.

В поисках ответов она еще раз заглянула в кожаный сверток, но там не было ни послания от Ричарда, ни подсказки. Ей придется разбираться самой. Послание должно быть на самой костяной шкатулке.

Она захлопнула крышку, скрывая светящуюся жемчужину заклинания. Твердые белые грани куба были испещрены мелкой гравировкой: линиями, узорами и символами. Сначала она не могла разобрать их, но потом узнала язык Сотворения — его понимал Ричард, и он знал, что Никки тоже его понимает. Вот оно, послание!

Даже если генерал Линден или посыльный открыли сверток и осмотрели содержимое, — а она полагала, что так и было, — они не поняли, что значат эти символы. Только тот, кто знаком с древним языком Сотворения, способен прочесть эти символы и открыть шкатулку. Только Ричард мог так поступить. Он знал, что никто, кроме Никки, не сможет расшифровать символы. Пока она не могла перевести их, и лишь удивлялась древней силе, которую они защищали.

Ричард не стал бы использовать заклинания на языке Сотворения, если бы содержимое шкатулки не было крайне важным и столь же опасным. Это было личным посланием Ричарда для Никки и ни для кого другого. Когда она посмотрела на маленькую костяную шкатулку, ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться — она держала в руках прямую связь с Ричардом. Он словно нашептывал ей решение. Но какое?

После долгого изучения символов она смогла их разгадать, но все еще не понимала ответа: «Жизнь для живых. Смерть для мертвых». Как это использовать?

Никки была озадачена. Раз ставки так высоки, почему Ричард не мог все нормально объяснить? Она рассказала ему о колоссальной угрозе, исходящей от пробудившейся армии. Она рассчитывала на Ричарда, нуждалась в его мудрости и силе, а теперь была расстроена тем, что он не дал ей прямого ответа.

Линден неуверенно улыбался, надеясь на хорошие известия. Отвлекаясь от головоломки, она отдала короткие распоряжения:

— Я должна запустить контрольную сеть, чтобы изучить созданное Ричардом заклинание. Мне нужно место для работы — пустая комната, где меня никто не побеспокоит.

Линден вскочил из-за стола и позвал солдат. Всего за несколько минут они повытаскивали стулья из комнаты для переговоров, расположенной чуть дальше по коридору. Никки последовала за ними в пустое помещение, поглощенная догадками.

Она знала, что для этой шкатулки мало стандартной контрольной сети. Ей нужно изучить заклинание изнутри, разобрать каждый элемент его структуры. Она собралась с духом, понимая, что для создания такой сети потребуется магия Ущерба. Но выбора не было.

Никки оглядела выбеленные стены и деревянный пол большой пустой комнаты в штабе гарнизона. Линден и солдаты нетерпеливо ждали за дверью.

— Это место подойдет, — сказала она, глядя на крошечную шкатулку. — Проследите, чтобы меня не беспокоили. Многое зависит от того, что я здесь узнаю.

Увлеченная загадкой структурированного заклинания колдунья не обращала внимания на солдат, которые отступили подальше от двери.

Одним из своих кинжалов она разрезала ладонь, не обращая внимания на боль и интересуясь лишь количеством

крови. Ее понадобится много. Стоя посреди комнаты, она при помощи капающей крови принялась рисовать на полу Благодать. Этот могущественный узор рисовали кровью только при самых редких обстоятельствах, но Никки сейчас нуждалась в этой силе. Внутренний и внешний круги, представлявшие подземный мир и мир живых, были разделены квадратом, а восьмиконечная звезда в центре символизировала свет Создателя, который расходился по всей Благодати. Весь процесс начертания сложного символа занял почти час.

Когда узор был готов, Никки встала в центре магического символа на полу. Закрыв глаза и удерживая костяную шкатулку в неповрежденной ладони, другой рукой она подняла маленькую крышку. Затем открыла себя своей силой.

Закрыв глаза и погрузившись в мысли, Никки не чувствовала ничего, кроме подобия невесомости. Она дрейфовала, исследовала и прощупывала, раскидывая контрольную сеть в поисках ответов.

Только когда Никки открыла глаза, она поняла, что парит в воздухе, медленно вращаясь в нескольких футах от пола над кроваткой Благодатью. Через открытую дверь она видела Линдена и любопытствующих солдат, удивленно наблюдавших за ней, но они были неподвижны — точно статуи. Она не слышала ни движения воздуха, ни биения собственного сердца. Казалось, сама жизнь остановилась.

Вглядевшись, она увидела, что опутана светящимися зелеными линиями, которые образовывали сложную структуру. Никки была живым центром контрольной сети структурированного заклинания. Повернув голову, она также поняла, что одна из ее ног находится за внешним кругом Благодати, который представляет подземный мир.

Сама того не осознавая, Никки активировала контрольную сеть, как и планировала. Она потянулась, изучая све-

тящиеся линии, поднимающиеся от Благодати, опутавшие ее тело и светящуюся жемчужину внутри костяной шкатулки. Но сеть ответов не дала. Как бы Никки ни старалась, магия не отзывалась, а предназначение структурированного заклинания оставалась загадкой. Намерения Ричарда яснее не стали.

Расстроенная, она отозвала свою силу и убрала сеть, погасив световые линии. Они втянулись в мерцающую сферу внутри шкатулки. Никки осторожно опустила на пол и почувствовала под ногами твердое дерево, но разум ее все еще казался отключенным от реальности. Она замерла на мгновение, восстанавливая равновесие.

Стоявшие в коридоре Линден и солдаты не решились предложить ей помощь. Вытерев кровотокающую ладонь о черное платье, Никки снова закрыла шкатулку и спрятала в карман. Ее глубоко печалило, что посылка Ричарда казалась бесполезной — или непостижимой. Она надеялась на чудо, но теперь придется разбираться со всем самой.

Генерал Линден прочистил горло:

— Что вы обнаружили, колдунья? Вы поняли, какое оружие прислал нам лорд Рал?

Она обратила на него свой холодный голубой взор:

— Боюсь, мы обречены.

Глава 55

Каменная волна, подобно приливу, погребла передние ряды верных бойцов Утроса, которые продолжали следовать за ним, даже потеряв все. Генерал взирает на неровную каменную массу, покрывавшую дно каньона, и подыскивал слова.

— Наша судьба навсегда связана с камнем, — наконец произнес генерал.

Рядом бушевала Рува, едва сдерживая бурлящую внутри магию.

— Эти люди отдали жизни за тебя, возлюбленный Утрос. Они знали, что ты не дрогнешь и завоюешь мир, как и поклялся. — Она смотрела на вмурованные в камень тела. — И их жертва поможет тебе достичь цели.

— Как? — огрызнулся Утрос. — Как это мне поможет? — Он оглядывал картину разрушений и массовой бойни.

Рухнувшая стена каньона теперь походила на оползень, запекшийся на жарком солнце. Тысячи трупов казались насекомыми, попавшими в смолу. Солдаты Утроста были облачены в лучшие доспехи, их мечи были остры, подготовка превосходна, и они могли сражаться с любым врагом, — но как можно подготовиться к такому? Поднятые вверх руки все еще сжимали мечи, кое-где из камня торчали лишь латные перчатки и ноги в сапогах.

Поблизости виднелась голова солдата в съехавшем набок шлеме; на его лице застыла гримаса судорожного вдоха. Все остальное его тело находилось в камне. Он все еще мог дышать, но был сдавлен породой. Он открывал и закрывал рот, выпучив глаза и пытаясь глотнуть воздуха. Умиравший не мог произнести ни слова — в его груди не осталось места. Изможденное лицо синело, и он медленно задышался.

Утрос склонился над ним:

— Я ничем не могу тебе помочь. — Сердце его разрывалось от печали и желания мести. — Благодарю за службу и сожалею о твоей жертве. — Он обнажил меч. — Это все, что я могу сделать. — Он отсек мужчине голову, и из обрубка на камни хлынула кровь.

Он приказал солдатам сделать то же с другими воинами, чье положение было безнадежно. Так было правильно, но Утроса мутило.

Только чудом он остался жив. Когда каньон начал плавиться, Рува и Ава спасли его, преградив путь. Защитники крепко стояли в бутылочном горлышке, а солдатам генерала приходилось пробиваться через скопище ядовитых скорпионов, ямы с шипами и маскировочную завесу, которая скрывала сам каньон. Натан и другие одаренные сражались и отступали, сражались и отступали, заманивая их все дальше.

Утрос был одурачен. Он поверил, что это последняя линия обороны. Его армия поверила в свою победу, как только они увидели альков в скале и здания архивов, а Рува зашипела в предвкушении могущественных знаний.

Армия неистово бросилась на штурм, и Утрос никак не смог бы остановить их. Они ворвались в скрытый каньон, как разнуздавший буйного скакуна всадник. Утрос хотел быть в первых рядах, но Рува вынудила его держаться позади. Голодающие солдаты набросились на фруктовые сады и поля. Они налетели на стада перепуганных овец и рвали их на куски, поедая сырое мясо. Прежде чем он смог насладиться победой, Рува почувствовала отклик невероятно могущественного заклинания... а затем скалы потекли вниз расплавленной лавиной.

К нему подлетел безумный мерцающий дух Авы:

— Прочь! Здесь небезопасно! Мощное заклинание! Я попытаюсь остановить ее, генерал!

Рува повторила движения сестры и использовала дар, чтобы отбросить Утроса к скалам бутылочного горлышка. В этот миг каменная волна с ревом обрушилась на передние ряды армии, убив огромное количество солдат.

Теперь, глядя на ужасающие последствия заклинания, генерал пытался подсчитать потери. К счастью, основная часть армии даже не вошла в скрытый каньон, оставшись в высокогорной пустоши — не меньше девяноста тысяч воинов.

Подъехал первый командующий Енох. Лицо его было пепельно-серым от вида бесчисленных сдавленных тел, тянувшихся рук, застывших в ужасе мертвых лиц. Он прочистил горло, будто хотел выплюнуть тяжелые слова, которые собрался произнести.

— Владелец потребовал гораздо больше, сэр. Он знает о нас, и мы нужны ему все.

— Владетелю пока придется довольствоваться тем, что он уже получил, — сказал Утрос. — С нас достаточно!

Ава перед ними замерцала, на ее лице появилось смещение.

— Он тянет меня с еще большей силой. Ему нужна моя сестра. Ему нужна я!

— Благодаря нашей преданности тебе, — вмешалась Рува, — у нас есть силы противостоять ему, возлюбленный Утрос. Преданность сильнее любви. — Она прищурилась. — Преданность сильнее смерти.

— Мы забили овцу, сэр, — отвлек их Енох, — и зажарим, чтобы накормить всех первых командиров. Но остальные еще страдают от голода.

— Потому что они голодны, — сказал Утрос. — Даже если они все еще двигаются и маршируют.

— Нет! Их поддерживает наше заклинание. — Рува будто оправдывалась. — Они продолжают идти, даже несмотря на снедающий их голод. Они будут жить до тех пор, пока не превратятся в ходячие скелеты!

Утрос с отвращением наблюдал, как его солдаты подобно саранче расползаются по каньону. Они срывали листья и

нежные ветви с фруктовых деревьев, пожирали любые найденные фрукты, дочиста обирали огороды, вламывались в жилища на скальных склонах, в надежде отыскать даже самые маленькие крохи пищи.

И что гораздо хуже, хотя и не удивительно при таком темном заклинании сохранения, голодные воины бежали по затвердевшему камню, выискивая мертвых или умирающих солдат, попавших в каменную ловушку. Нет, они не пытались спасти товарищей, не искали выживших. Они хватали торчавшие из скалы руки, ноги или головы и отрывали полоски плоти, сдирая мясо и поедая останки. Они ломали кости и высасывали костный мозг, лакали кровь и грызли любой кусочек кожи, мышц или сухожилий и двигались дальше в поисках большего.

Призрак Авы стоял перед Утросом и наблюдал.

— Им нужна пища. Они будут поддерживать себя любым способом. Это по-прежнему твои воины.

Рува уже объясняла, что заклинание сохранения не сможет поддерживать армию слишком долго.

— Любая пища, которую они найдут, — она сделала паузу и сказала более твердым голосом, чтобы подчеркнуть свою мысль, — любая пища даст им энергию, чтобы продолжать идти.

Думая о своей легенде, о своей чести, Утрос почувствовал тошноту.

— Что происходит с моей армией? Что происходит со мной? — Он собрал всю решимость, сосредоточился на конечной цели, на причине своего существования после всех этих столетий. — Мы заплатим любую цену. Мы приняли это решение очень давно, и сейчас слишком поздно что-то менять. — Он прошел мимо искалеченных останков солдат, чтобы посмотреть на отвесный утес, который теперь был

непреодолимым препятствием. Архив Твердыни был полностью утрачен.

— Они уничтожили все знания. — Он взглянул на дух Авы. — Можешь спасти хоть что-то? Пройти сквозь камень в призрачной форме и найти хотя бы свиток, хоть один том? Вообще что-нибудь?

Ее неосязаемый дух замерцал:

— Это невозможно. Сами книги обратились в камень. Свитки окаменели. — Когда она слилась с Рувой, оба близнеца сказали: — Они предпочли уничтожить знания, лишь бы не позволить нам получить их.

— Такое отчаяние показывает, как сильно они нас боятся, — сказал Енох.

— Это был мудрый тактический ход, — кивнул Утрос. — Хотел бы я, чтобы Рува использовала столь мощную магию для моих завоеваний, но нам это и не нужно. — Он повысил голос, чтобы солдаты могли его услышать. — Не верьте, что нам нужна такая поддержка! Моей армии достаточно.

Несколько солдат, желая отомстить, пробирались к дальнему концу каньона в надежде перехватить защитников, бежавших в горную пустошь, но Утрос знал, что Натан и остальные уже давно ушли.

— Сегодня мы пируем тем, что у нас есть, — сказал он, — но отдыхать долго мы не смеем. Армия должна двигаться дальше. Наша цель — добраться до моря, по пути завоевывать любые города. Норукайцы уже, должно быть, разоряют побережье. Король Скорбь ведет войну. — Он повернулся так, что на его золотой полумаске блеснул солнечный свет. — Мою войну.

Глава 56

На следующий день в бастионе царило оживление, и норукайцы стягивались к защищенной гавани.

— Военный флот вернулся! — разносился по залам голос стражника.

Налетчики ликовали, но рабы восприняли новость без энтузиазма.

Из открытого окна верхней башни Бэннон и Лила смотрели на десятки прибывавших змеиных кораблей. Бэннон успел досчитать до пятидесяти.

Лила поняла, что это за корабли.

— Это поврежденные суда налетчиков с реки под Ильдакаром. Корабелы закончили ремонт.

Бэннон не забыл о разбитых судах. Норукайские корабли и рабы трудились день и ночь, пока не приготовили их к плаванью. Присоединившись к флоту Ларса и сотне новых змеиных кораблей, построенных в отсутствие короля, эти суда превратили флот норукайцев в неудержимую силу. Они разорят все побережье.

— Пресвятая Мать морей! Мы должны бежать отсюда! Это важно как никогда, — воскликнул Бэннон. — Мы должны предупредить людей о предстоящих нападениях. Как они смогут защитить себя?

— Это очень важно, но шансы на побег стали еще меньше, — сказала Лила. — В бастионе теперь вдвое больше норукайцев, которые будут наблюдать за нами каждое мгновение.

Бэннон смотрел, как подходят восстановленные корабли — точно стая волков к раненому оленю. Некоторые суда встали на якорь у отдаленных островов архипелага, в то время как другие пришвартовались у самого бастиона. Их команды были готовы к бурным празднествам и военным приготовлениям.

Подумав об этом, он медленно улыбнулся.

— А вот тут я с тобой не согласен, Лила. Наши шансы только возросли! Подумай о пьяных гуляниях. В бастионе воцарится полный хаос, и рабов загрузят бесконечными поручениями. Кто за всем этим проследит? А кто будет следить за мной и тобой? Может, даже Атта перестанет к тебе цепляться?

Лила поморщилась от боли в набухших синяках и заживающем ожоге.

— У нас может появиться возможность, но нет ресурсов. Куда идти?

— Если выскользнем из бастиона, то уж где-нибудь спрячемся.

Лилу это не убедило.

— И что тогда? Мы все равно находимся на острове, окруженном змеиными кораблями.

— Эммет должен нам помочь. — Бэннон знал, что это их единственный шанс.

Когда новопривывшие ввалились в бастион, старый кухонный слуга был поражен свалившейся на него ответственностью и страхом расправы, если пирушка не выдастся на славу. Капитаны ворвались в гигантскую крепость, заполнив и приемный, и тронный залы, где Скорбь выслушивал их доклады. Король оставался мрачным после потери Мелка, но ярость оживила его. Когда восстановленные корабли вернулись из Ильдакара, он решил, что единственный способ избавиться от печали — это опустошить Древний мир.

На кухне творилась суматоха. В разогретых печах выпекали хлеб, и буханку за буханкой складывали в деревянные тележки. Кладовые почти опустели, но, к счастью, Ларс кое-что добыл в набегах.

Эммету и его подопечным еще предстояло готовить еду. Вокруг суетились рабы, и хромающий старик еле успевал руководить. Вышколенные рабы выполняли свои обязанности, но новички часто роняли тарелки или проливали содержимое супниц.

Бэннон с Лилой зажали Эммета в углу у выхода из кухни.

— Это наш шанс. Норукайцы напьются, будут шуметь и буянить. Помоги нам сбежать.

Ступор старика сменился удивлением, а затем ужасом.

— Вам нельзя бежать. Они убьют вас! — Он даже начал заикался. — Я-я не могу потерять двух рабов. Нужно обслуживать норукайцев. Так приказал король Скорбь.

— Король Скорбь не должен быть твоим хозяином, — сказала Лила. — Ты видел прибывшие военные корабли и знаешь, что он строит флот. Мы должны уйти, чтобы поднять тревогу по всему побережью, и это может быть наш последний шанс.

— Мы думаем не только о своем спасении, — сказал Бэннон. — Добудь нам лодку, пусть и небольшую, и мы уплывем. На материке мы оповестим города и деревни. Им следует готовиться к обороне. Люди должны знать, что надвигается война. Подумай, сколько невинных будет убито.

Эммет выглядел растерянным.

— Я знаю намерения короля Скорбь. Я здесь уже десять лет. Увы, я, возможно, единственный выживший из моей деревни.

— Как только начнутся набеги, таких деревень будет неслетное количество, — сказал Бэннон. — Некоторые мы можем спасти, но только если ты поможешь нам бежать.

— Я... но как? Если б я знал, то давно бы сам сбежал. — Его тонкий голос дрогнул.

— Уверен? — тихо спросила Лила. — Хватило бы отваги сбежать?

Эммет теребил забранные в хвост волосы, наматывая седые пряди на пальцы.

— Нет... Я-я так не думаю.

— Но ты можешь помочь нам! — взмолился Бэннон, а затем снова понизил голос до шепота. — Пройдут дни, прежде чем они поймут, что нас нет, если вообще заметят. Король Скорбь не станет связывать тебя с нашим побегом. Пресвятая Мать морей, пожалуйста!

Эммет боролся с совестью, заламывая пальцы. Морщинистое лицо исказила печаль, и Бэннон, безмолвно умоляя его, увидел, как что-то внутри старика сломалось.

— Я-я знаю, как спуститься к воде. Тропа крутая и используется редко. Она ведет к небольшому скальному причалу. Полагаю, там вы найдете лодку. Иногда норукайцы ловят остройгой рыбу в узких бухтах.

— Неплохо для начала, — сказал Бэннон, не раздумывая.

— Мы справимся, — согласилась Лила.

На лбу Эммета выступил пот, когда он огляделся по сторонам. Старик ссутулился и заковылял по коридору, покидая хаос кухонь.

— Пойдемте со мной! У нас не так много времени.

Они свернули в боковой коридор, затем пошли вниз по узким каменным ступеням, покрытым скользким мхом. Спуск был крутым, и они придерживались за стену, чтобы сохранить равновесие. Старый раб часто оглядывался, тоскливо смотря вверх по лестнице, словно отчаянно желая вернуться к своим обязанностям. Он морщился от боли, когда неудачно ставил ногу.

Бэннон не собирался отказываться от побега, но если они с Лилой сейчас уплывут на лодке, то у них не будет ни воды, ни еды, ни одежды, ни одеял, ни даже каких-либо карт.

Они могли бы сбегать на кухню, захватить кое-какие припасы... Он прогнал эти мысли прочь. Это была их первая возможность побега. Даже если они с Лилой погибнут в открытом море, то умрут почти что свободными.

Видавшая виды лестница снова повернула и вывела их на широкую площадку, куда через маленькие зарешеченные ворота проникал дневной свет. Бэннон глубоко вдохнул свежий соленый воздух, который пришел на смену темноте. Он слышал, как снаружи бьются о скалы волны.

Он сдвинул металлический засов. Покрытые коркой соли и ржавчины петли протестующе застонали, но они с Лилой сумели распахнуть ворота к свободе.

Каменный причал выдавался в беспокойную воду. К столбам были привязаны две маленькие лодки. Одна прогнила и была наполовину заполнена водой, но другая была достаточно большой, чтобы вместить двух или трех человек вместе с уловом. На ней имелаась мачта, а на носу лежала свернутая серая парусина. На дне лодки нашлась пара весел.

Бэннон сдержал свое разочарование.

— Я надеялся на что-то лучшее, но и меньшего не ожидал.

— Если придется, мы пересечем океан на весельной лодке, — сказала Лила.

— Вам придется, — сказал Эммет.

— Два человека могут управиться с такой лодкой. — Бэннон цеплялся за крупички оптимизма. — У нас получится.

Эммет поежился, отчаянно желая убежать обратно, пока норукайцы не заметили его отсутствие. Бэннон посмотрел на него и подумал о долгих годах плена.

— Пойдем с нами, Эммет. Спасайся! Вместе мы выживем.

Старик был ошеломлен этим предложением.

— Н-нет, я не могу. Я не смею.

— Ты никогда не покинешь короля Скорбь, если не пойдешь с нами сейчас, — сказала Лила. С отвращением она дернула за потрепанный ворот шерстяного одеяния, разорвала его и сбросила бесформенное платье. Она с гордостью носила облачение Морасит.

Старый раб колебался, но в итоге покачал головой.

— Я не могу! Остальные рабы...

— Все остальные тоже сбежали бы, если б могли. Это твой шанс! Я тебя умоляю, Эммет, — воскликнул Бэннон.

Но старик был слишком напуган.

— Уходите, — отмахнулся он. — Не упускайте возможность. Я-я давно лишился своего шанса. Я продолжу служить. — Он тяжело сглотнул. — Пока не умру.

— Пока не умрешь, — произнес Бэннон, и это прозвучало как пророчество.

— Давай в лодку, мальчишка, — нетерпеливо шикнула Лила. — Пирушка становится все громче. Норукайцы опьянели, и наступает ночь. Если у нас есть хоть какой-то шанс, то только сейчас.

Бэннон забрался в старую рыбацкую лодку, бросив последний взгляд на ворота, но Эммет уже проковылял внутрь, закрыл решетку и исчез в тенях.

— Ты умеешь ходить под парусом, мальчишка. — Лила грациозно запрыгнула в лодку. — Уводи нас отсюда.

Бэннон отвязал от столба веревку и оттолкнулся веслом от причала. Осторожно гребя, он обогнул прибрежные камни, вокруг которых плескались волны, и повел лодку в море. Оглянувшись на черный бастион, высившийся позади, юноша вздрогнул.

Глава 57

Поскольку Никки должна была остаться в Танимуре, чтобы помочь городу выстроить оборону, она временно обосновалась в главной казарме гарнизона — в маленькой комнате с узкой койкой и письменным столом. Впрочем, этого было достаточно.

Генерал Линден проводил ее в комнату и встал в дверях. Он все еще нервничал после того, как увидел ее работу с Благодатью и контрольной сетью.

— Хотел бы я предоставить более подходящую комнату, но гарнизон переполнен прибывшими солдатами и командирами, а также добровольцами из городской стражи. — Он потоптался у двери. — Завтра я поручу своему адъютанту подготовить для вас комнату побольше в одном из пансионатов.

— Мне не требуются излишества, генерал. Я провела несколько дней на борту кракенобойного судна. — Она глубоко вдохнула запах свежей древесины и чистого постельного белья. — И здесь значительно лучше.

Линден поморщил нос.

— Мне показалось, что я учуял какой-то странный запах. Теперь я понял, в чем дело.

— Я мало отдыхала еще с первого визита в Серримунди, но здесь я хорошо высплусь. — Она чувствовала себя совершенно разбитой, силы ее иссякли. Дар Никки был ее величайшим оружием, и точно так же, как солдату требовалось наточить меч перед битвой, ей нужно было восстановить силы.

Генерал Линден коротко поклонился и закрыл дверь, оставив ее в одиночестве. Только тогда Никки позволила себе немного расслабиться. Она никогда не могла расслабиться полностью, но нуждалась в отдыхе и силах.

Прежде чем провалиться в сон, в котором всю ночь ее будут мучать вопросы, Никки снова достала маленькую костяную шкатулку, присланную Ричардом. Она открыла крышку, прощупала ее своим даром, но ответы по-прежнему ускользали. Чувство разочарования усилилось. Почему Ричард отправил такое скрытое послание? Почему не дал прямой ответ? Сейчас не время для игр! Она ясно дала понять, с какой невероятной угрозой они столкнулись. Если Утрос и норукайские налетчики завоюют Древний мир, они наверняка двинутся на север, в Д'Хару.

И все же ответ Ричарда был... таким?

Она поставила открытую шкатулку на шерстяное одеяло и склонилась над вращающейся магической жемчужиной. Никки уловила слабый металлический треск. Что она должна сделать? Почему Ричард решил, что она поймет послание на языке Сотворения? После стольких лет, проведенных рядом, они с Ричардом были так тесно связаны, что Никки знала его мысли, его сердце. Она любила его, но потом смирилась с его бессмертной преданностью Кэлен и решила стать вторым по значимости человеком в его жизни. Никки верила, что добилась этого.

Ее магическая сила была мощнее, чем у любой другой колдуньи. Ей и Натану выпала миссия окончательно присоединить Древний мир к Д'Харианской империи. Но она знала Ричарда, и понимала, как работает его разум. Она часто могла предугадать его мысли и действия, и он в такой же степени понимал Никки.

Отправляя это странное послание, Ричард знал, что она, и только она, поймет его. Решение было, нужно только разгадать его...

— Этот предмет — все, что мне нужно, — напомнила она себе, все еще пребывая в растерянности. — В нем каким-то образом содержится ключ. — Ричард рассчитывал

на нее. Никки уставилась на костяную шкатулку, пытаясь найти недостающую деталь, понять, как она может использовать это загадочное структурированное заклинание.

Примерно через час она сдалась. Слишком вымотанная, чтобы думать дальше, Никки решила, что после хорошего отдыха мысли прояснятся. Она закрыла и спрятала шкатулку, затем откинулась на кровать, беспокоясь, что беспорядочные мысли не дадут уснуть. Но спустя несколько мгновений, едва закрыв глаза, она погрузилась в глубокий сон.

В спокойной пустоте сна мысли Никки преодолели огромное расстояние. К своему удивлению, колдунья ощутила сестру-пуму и увидела мир зоркими кошачьими глазами. Никки против ее воли унесли с поля битвы в Ороганге, и теперь ее переполняла радость от того, что большая кошка все еще жива. В заброшенной столице хозяйничала кровавая армия, и Никки опасалась, что Мрра и Прячущиеся люди уже мертвы. Наверняка они сражались до последнего. Но ее песчаной пуме каким-то образом удалось скрыться.

Теперь, благодаря связи во сне, Никки узнала, что Мрра бежит по холмам и лесам, направляясь к ней. Из-за путешествия в сильфиде их разделяло большое расстояние. Она чувствовала усталость своей сестры-пумы, боль в подушечках огромных лап, но Мрра неотступно приближалась.

Благодаря чутью зверя она поняла, что большая кошка не одна. С ней был ее прайд, и Никки искренне обрадовалась, что многие из них выжили в Ороганге.

Никки спала в казармах Танимуры и одновременно бежала вместе с сестрой. Связь их была прочна, и Мрра следовала за этим неукротимым зовом. Да, пумы приближались! Каким бы долгим и тяжким ни было путешествие через пустоши и горы, Мрра найдет ее.

Однако Никки уловила кое-что еще и поняла, что большие кошки были не одни. К Танимуре приближались дру-

гие воины, двигавшиеся на максимальной скорости. Мрра мало обращала на них внимание, поэтому Никки не могла сказать, кто это, но знала, что они приближаются. Армии собирались вместе...

Проснувшись на следующее утро, Никки не только чувствовала себя отдохнувшей, но и ощутила искру надежды, которая придала ей не меньше сил, чем долгий отдых.

Глава 58

Большинство беженцев из Твердыни рассеялись по пустынной местности, а Натан и уцелевшие защитники направились напрямик на запад, стремясь добраться до побережья и подготовить крупные города к войне. Они выбивались из сил, зная, что должны опередить армию генерала Утрора.

Их группа миновала небольшие фермерские поселения отважных жителей, вернувшихся на свои земли, что когда-то были иссушены Поглотителем жизни. Сердце Натана заныло, когда однажды ночью они остановились напоить лошадей и попросить еды у семей первых поселенцев. Эти люди обосновались рядом с ручьем, возделывали землю, сеяли зерновые, успели построить несколько домов и даже школу. Когда их отряд приблизился, жители увели в загон четырех дойных коров, которые недовольно замычали. Местные вышли на улицу, с подозрением глядя на большой вооруженный отряд.

Орон выпрямился в седле и тихо произнес:

— Они думают, что мы армия.

— Они не обрадуются новостям, которые мы принесли.

— Натан погладил свой подбородок.

Семьи поселенцев собрались в сумерках, чтобы встретить всадников.

Бородатый фермер в широкополой кожаной шляпе шагнул вперед:

— У нас почти нечем поживиться, если вы собирались разорить наши земли.

Генерал Зиммер, ехавший первым, натянул поводья лошади и остановился.

— Мы не причиним вам вреда, однако предупреждаем — за нами по пятам идет вражеская армия численностью в сотню тысяч. Они заберут все, что у вас есть, и вы не сможете их остановить.

Натан наклонился в седле и добавил:

— Собирайте вещи и бегите в холмы, если вам дороги ваши жизни.

Фермеры были встревожены.

— Но мы не можем бросить наши дома! Поглотитель жизни мертв, и мы только успели отстроить деревню.

— Знаю. — Натан поправил измятый плащ. — Я видел, какой была эта долина раньше, но вы сможете отстроиться заново. Пожалуйста, прислушайтесь к нашим словам. Не оставляйте врагу ни кусочка еды. Идите и спрячьтесь в лесах на несколько дней. — Он знал, что его слова звучат жестоко. — Когда они уйдут, вы сможете начать все сначала, но, по крайней мере, вы будете живы.

Бородатый фермер выглядел сердитым.

— Кто вы такие, чтобы говорить нам это? Зачем вы заманили сюда эту армию?

— Армия придет сюда, будем мы здесь или нет, — сказал Зиммер. — Генерал Утрос на подходе.

Торн и Лайес, которые следовали за отрядом на своих двоих, сказали:

— Мы убиваем столько, сколько можем, но потребуется много времени, чтобы уничтожить их всех.

Лошади напились воды из ручья. Натан опустился на колени на мягкий песок, зачерпнул воду и поднес ее к губам. У взволнованных фермерских семей почти не было лишней еды, и отступающие защитники взяли только то, что им предложили. Генерал Зиммер повел отряд вперед, а потревоженные поселенцы уже суетились, собирая все, что могли унести.

Отряд покрывал милю за милей, и Натан испытывал странное чувство, что все вокруг знакомо: этим путем он уже проходил с Бэнноном и Никки, только в другую сторону. Оливер и Перетта ехали вместе на лошади, указывая на ориентиры, которые запомнили во время путешествия в Танимуру. Эмбер, ехавшая рядом, задумчиво смотрела вперед.

— Через неделю мы будем в бухте Ренда, да, генерал? Мой брат поможет. Уверена, он построил там внушительные укрепления.

Зиммер окинул молодую послушницу печальным взглядом:

— Я не сомневаюсь, что капитан Норкросс добился значительных успехов, но не могу себе представить, какая оборона может остановить армию генерала Утроса.

Орон фыркнул:

— Если даже Илдакар не одолел их, на что надеяться рыбацкой деревушке?

— А нам на что надеяться? — спросила сестра Рода. — Их не остановила даже жертва аббатисы.

— Я не потерплю подобных разговоров! Надежду создаем мы сами, — сказал Натан. — Гигантские армии уже терпели поражение, как и непобедимые враги. Вспомните о Даркене Рале, об Имперском Ордене и императоре Джегане.

Подумайте о Сулакане и полчищах его полулюдей. Утрос — следующий, кого нужно одолеть, и мы сделаем это!

Приободрившись, группа двинулась дальше.

Несколько дней спустя они достигли последней гряды холмов перед спуском в долину реки, впадавшей в океан. Они остановились и оглянулись на длинный пройденный путь. Даже издалека была видна пыль от многих тысяч марширующих солдат Утроста и вытоптанная ими земля.

— Они не отстают, — заметил капитан Тревор. — Как они могут двигаться так быстро?

— Как они вообще еще живы, когда должны были умереть столетия назад? — спросила сестра Мэб.

Натан поморщился, когда острая боль пронзила его грудь. Сердце колотилось так, словно стремилось прорваться через длинный шрам, и он с силой прижал ладонь к груди.

— Оставь меня в покое, — рыкнул он себе под нос, но сердце Айвена продолжало биться в нетерпеливом предвкушении насилия.

* * *

Группа шла по дороге вдоль расширяющейся реки и, наконец, достигла окраин и пастбищ бухты Ренда. Этим ясным солнечным утром казалось, что в мире все в порядке. Мальчик, пасущий овец и озорных ягнят, поприветствовал их, с удивлением оглядывая генерала Зиммера и потрепанный в боях отряд. Копна темных волос пастушка была такой же лохматой, как шерсть овец.

— Вы пришли помочь нам сразить норукайцев, если они вернуться?

Эмбер направила свою лошадь вперед:

— Они возвращались?

— Один раз. — Лицо мальчика исказилось тревогой, но в следующий миг он усмехнулся. — Но мы сражались и прогнали их!

Эмбер просияла.

— Я так и знала!

Натан склонился со своей лошади:

— Будь хорошим парнем, сбегай, найди главу поселения Таддеуса и скажи ему о нашем прибытии. У нас срочные новости.

Мальчик смущенно оглянулся на овец:

— Я не могу оставить стадо. Я за них отвечаю.

— Никуда твои овцы не денутся. Беги, ну же! Так быстро, как только сможешь.

Повелительные нотки в голосе волшебника встряхнули мальчика, и он сорвался с места, помчавшись к поселению.

Теплые воспоминания о бухте Ренда наполнили сердце Натана и на время прогнали тень Айвена. Он чувствовал привязанность к этому поселению, которое они с Никки и Бэнноном обнаружили после кораблекрушения. Жители бухты радушно встретили странников, а те помогли им отбить жуткий набег норукайцев.

Сейчас, въезжая в оживленное поселение, они устало поднимали руки в знак приветствия. Зеваки вышли им навстречу. По улицам промчался капитан Норкросс, сверкая д'харианскими доспехами, и подошел, чтобы представиться генералу Зиммеру. Голоса и радостные возгласы на главной площади переросли в громкий гул. Все было похоже на торжественное возвращение домой.

Таддеус, бородатый крепкий рыбак, говорил негромко, но уверенно. С тех пор как Натан видел его в последний раз, новый глава поселения вжился в свою роль.

— Добро пожаловать домой после долгого путешествия! Пастушок сказал, что вы выглядите усталыми и голодными,

и я распорядился, чтобы на постоялом дворе приготовили еду. — Он почесал бороду. — После всего, что вы сделали для спасения бухты Ренда, я просто обязан проявить гостеприимство. — Оглядев гостей еще раз, Таддеус заметил Натана. — Волшебник! Никак не ожидал, что вы вернетесь.

— Да, теперь я действительно волшебник. Мой дар вернулся... и он нам всем понадобится.

— Где Никки? — Глава поселения оглядел запыленную группу путешественников. — И молодой мечник Бэннон? Со своим клинком он был как вихрь. Думаю, он убил не меньше двадцати норукайцев.

Натан нахмурился:

— Нам пришлось разделиться. — Он указал на отряд: — Но с нами еще несколько одаренных, и нам есть что рассказать.

Не в силах больше сдерживаться, Эмбер бросилась обнимать брата, который колебался между желанием заключить ее в объятия и попыткой сохранить лицо перед командиром.

— Я передаю командование вам, генерал, — удалось ему выдать из себя. — Бухта Ренда ваша.

— И нам предстоит немало приготовлений. — Зиммер взглянул на Норкросса. — Я хочу посмотреть, что вы сделали, пока меня не было.

Вытянувшись по стойке смирно, молодой офицер начал доклад:

— Оборона усилена, и она уже доказала свою эффективность. Всего месяц назад мы отразили серьезную атаку норукайцев. Работоторговцы бежали, как побитые собаки. — Он позволил себе улыбнуться. — Они усвоили урок, и я сомневаюсь, что они вернутся.

— Нам и без норукайцев есть о чем беспокоиться, — сказал Натан.

Орон выехал вперед с кислым выражением лица и, не представившись, заговорил:

— У нас не так много времени — два или три дня.

— Если повезет, — добавила леди Ольгия.

— Два или три дня? — спросил Таддеус. — До чего?

Все больше жителей подходили ближе, страшась того, что предстояло услышать.

— Нам на пятки наступает гигантская армия, — сообщил Натан. — Около ста тысяч воинов, и бухта Ренда прямо на их пути.

Пока люди ахали, Зиммер оценивал осадные башни, возвышавшиеся по обе стороны бухты, высокие стены, построенные вокруг гавани, впечатляющие оборонительные сооружения, рассчитанные на защиту от нападений норукайцев. Поодаль стояли на якоре три больших парусных корабля, доставивших д'харианские экспедиционные силы.

— Вы хорошо подготовились к набегам норукайцев, — сказал он, затем понизил голос, — но мы никак не можем спасти бухту Ренда от Утроса и его армии.

Глава 59

Украденная норукайская лодка покачивалась, когда порывы ветра ударили в парус. Руки Бэннона были стерты веслами до волдырей и болели. Пока он отдыхал, Лила усердно работала веслами. Оба они получили закалку на змеиных кораблях, и теперь гребли ради собственного спасения.

Вчера они сбежали с Норукайских островов и исчезли в сгущающихся сумерках прежде, чем в бастионе заметили их отсутствие. Пьяное веселье осталось позади — как и бедня-

га Эммет, который нашел в себе храбрость помочь им бежать, но не осмелился пойти с ними.

Отплывая, Бэннон ни на что не надеялся до тех пор, пока не наступила ночь. Ни один из норукайских кораблей не смог бы преследовать их в кромешной тьме. Даже Бэннон не знал, куда они направляются. Маленькая лодка уносила их в открытый океан; у них не было карт, еды и воды. Бэннон имел лишь смутное представление о том, в каком направлении находится материк, но Лила ни на мгновение в нем не сомневалась.

Когда на следующее утро взошло солнце, они высматривали хоть какие-нибудь признаки суши и преследующих их змеиных кораблей, а после провели инвентаризацию вещей в лодке — моток веревки, сеть и копье с костяным наконечником. В течение всего дня Лила протыкала воду копьем и после почти сотни попыток попала в рыбу и бросила улов в лодку.

— А теперь мы ужинаем. — Зазубренным наконечником копья она вспорола рыбе брюхо и осторожно удалила внутренности. — Нам они понадобятся. В них есть влага.

Бэннон поморщился от неприятных воспоминаний, но согласился.

— Мы ели и похуже. Пресвятая Мать морей, вспомни уроки, которые преподали нам норукайцы! Мы ели рыбы потроха и часами работали на веслах, а теперь это поможет нам выжить.

Лила усмехнулась, поднимая копье:

— Я бы лично выразила королю Скорбь свою признательность, как и этой гнусной Атте.

Бэннон заставил себя усмехнуться:

— Лодку я разворачивать не буду, даже если ты настаиваешь.

Она недоуменно нахмурилась:

— Я же не серьезно.

— Как и я. Временами тебя очень трудно понять.

— Мои мысли предельно ясны. Тебе следует приложить больше усилий.

На лице Лилы красовались фиолетовые и желтые синяки, и Бэннон подозревал, что выглядит не лучше с рассеченной губой и подбитым глазом. В бастионе у них не хватало времени, чтобы посмотреться в зеркала.

Они съели сырую рыбу; после Бэннон взялся за весла, а Лила снова уселась с копьём, высматривая в воде новую добычу.

На третий день они были измучены палящим солнцем, но все еще не видели никаких признаков материка или какого-либо острова. В тот день единственной небольшой переменной в монотонности было раскинувшееся на воде темное пятно. Бэннон узнал эти водоросли и потянулся за борт, чтобы вытащить несколько пучков.

— Внутри пузырьков жидкость. — Он с силой потянул за скользкие зеленые ленточки. Округлые наросты на них служили буйками, удерживая листья растения на поверхности.

— Если будешь пить соленую воду, это в итоге убьет тебя, — предупредила Лила. — Жажда будет только усиливаться.

— Нет, вода в пузырях профильтрована водорослями. На вкус она резкая и ужасная, но ее можно пить. — Большими пальцами он надавил на мягкий шарик, вскрыл и отделил кожуцу. Узелок содержал всего одну или две ложки жидкости, которую он предложил Лиле.

Она скептически нахмурилась:

— Ты уверен?

— Все рыбаки на острове Кирия знают это.

— Тогда почему ты сначала даешь это мне? Чтобы проверить, не яд ли это?

— Нет, просто из вежливости, — разочарованно ответил Бэннон.

— Спасибо. Иногда я этого не замечаю. — Она выпила, поморщилась, затем проглотила. — Такая же вкуснятина, как рыбы потроха.

— Рад, что тебе понравилось.

Бэннон провел рукой по водоросли, нащупал еще один пузырек, разорвал его и высосал жидкость. У нее был резкий привкус йода, и ему пришлось пить через силу, но рот и горло нуждались в воде. Рыболовным копьём они нарезали водорослей и загрузили в лодку двадцать клубеньков, пока дрейфовали среди морской растительности.

Водоросли служили местом обитания рыб; Лила ловко поймала шесть штук голыми руками и бросила в лодку. Бэннон наслаждался трапезой.

— Спасибо тебе, Лила, за все. Ты ведь обещала спасти мне жизнь.

— Я еще не спасла тебя, мальчишка.

— Я пока еще жив. Это уже успех.

Ветер усилился, поднимая волны, а серые облака сгустились и теперь походили на дымный пудинг. Рыбацкая лодка ускорила, но Бэннон понятия не имел, в правильном ли направлении они движутся. Он видел много океанских штормов на острове Кирия; они с матерью укрывались в их небольшом доме, а отец злился на погоду, которая мешала ему пойти в таверну.

Парус натянулся под порывами ветра. Длинные волосы Бэннона взвились. Когда из облаков хлынул дождь, они с Лилой обрадовались первым каплям. Дождь усиливался, и они подняли лица к небу, позволяя каплям омыwać их по-

крытые солью щеки, открывая рты, чтобы поймать хоть каплю влаги.

— У нас нет емкостей, — простонал он. — Весь этот дождь прольется впустую.

— Пей сколько влезет, — сказала Ли́ла. Как птенец, выпрашивающий червяка у матери, она открыла рот и подняла лицо к небу.

Бэннон сложил ладони пригоршней, набрал несколько глотков воды и втянул ее потрескавшимися губами. Он повторял процедуру снова и снова, ему не терпелось собрать как можно больше дождевой воды. Дно лодки наполнялось лужицами, но вода эта была грязная.

— У нас нет ни горшков, ни мисок, ничего! А этот дождь льет как из ведра! Пресвятая Мать морей.

— Твоя одежда, — указала Ли́ла. — Сними рубашку и штаны.

— Что? — Он коснулся своей уже промокшей хлопковой рубашки.

— Сейчас же раздевайся, мальчишка. — Она дернула его за одежду.

Через несколько мгновений он уже сидел в лодке в одном исподнем. Ли́ла расстелила его рубашку и штаны, чтобы они промокли под дождем, затем свернула их в ком.

— Это удержит немного воды на день или два. — Она коснулась черных полосок кожи на своей груди и бедрах. — Я бы сделала то же самое, но моя одежда не подходит. — Она нахмурилась. — Может, мне не следовало выбрасывать тот балахон.

Когда ветер стал еще сильнее, Бэннон испугался, что порвется парус или сломается пополам единственная мачта. Они поспешно сняли полотнище и сложили ткань так, чтобы образовались карманы для воды.

Шторм набирал силу, и Бэннон обмотал веревку вокруг себя и Лилы, привязав ее к планширу.

— Если кого-то из нас выбросит за борт, мы покойники. Это удержит нас в лодке.

— Надеюсь, она не перевернется, — сказала Лила. Ее непослушные каштановые волосы прилипли к голове, а по покрытому синяками лицу стекала дождевая вода.

— Это шанс, который мы должны использовать.

Шторм бушевал несколько часов, и хотя Бэннона мучила морская болезнь, лодка уцелела. Ближе к полуночи дождь прекратился, его сменил густой туман, окутавший их липким одеялом и скрывший из виду горизонт. Впрочем, смотреть все равно было не на что. Они с Лилой промокли и замерзли, а из-за обожженной солнцем кожи холод казался невыносимым. Бэннон увидел, что Лила дрожит, и его тоже затрясло.

— Не думаю, что мы когда-нибудь доберемся до земли, Бэннон Фермер, — понуро сказала она. Когда она назвала его по имени, Бэннон понял, насколько она серьезна. — Возможно, я все-таки не спасу тебя, но я пыталась.

Они блуждали в непроглядном тумане и были совсем одни среди бушующих волн.

— Я не знаю, где мы находимся и как далеко уплыли, — произнес Бэннон, — но я не сдамся, и ты тоже. Быть может, теперь моя очередь спасти тебя.

— Наша первая задача — сохранить тепло, — сказала она, обнимая его и увлекая на дно лодки. Когда вокруг захлопала собранная дождевая вода, Бэннон тоже обнял девушку и притянул ее ближе. Лила прижалась всем телом.

— Мы можем поделиться теплом, — сказал он. — Я слышал, это помогает, когда люди страдают от переохлаждения.

Лила уткнулась лицом в его обнаженную грудь.

— Да, я верю, что это помогает.

Они лежали вместе, а шум и покачивание волн убаюкивали, как колыбельная. На какое-то время Бэннон забыл, что они потерялись, и заснул в объятиях Лилы.

На следующее утро он пробудился от странного и неожиданного звука — отдаленного шипения и рева. Он моргнул и сел, высвобождаясь из объятий Лилы. Морасит мгновенно проснулась и села рядом.

— Что это за звук? — спросила она, будто их могли атаковать.

Туман поредел, оставив лишь сероватую пелену, которая рассеивалась под первыми лучами солнца. Еще не видя суши, Бэннон узнал звук волн, разбивающихся о берег.

— Вот оно! Мы отыскиали сушу. — Он встал так быстро, что лодка покачнулась. — Я не знаю как, но мы нашли берег. Это чудо.

— Это не будет чудом, если мы туда не доберемся, — сказала Лила.

Они подняли парус и поймали бриз, который погнал их к берегу. Он вспомнил, как когда-то давно точно так же заблудился и дрейфовал в маленькой лодке вдали от Кирии, в тумане...

Он оглянулся на море в противоположной от берега стороне, заслонив глаза рукой от яркого утреннего света, и увидел мелькнувшие в волнах человекоподобные фигуры. У них были гладкие головы, змеиные зрачки и широкие рты, полные клыков. На него нахлынул страх. Если сэлки нападут сейчас, они с Лилой ни за что не смогут от них отбиться!

Но потом он понял, что сэлки не будут атаковать. Они спасли его и Лилу. Должно быть, посреди ночи морской народ подхватил лодку и пригнал к берегу.

Ли́ла была слишком сосредоточена на суше, чтобы заметить сэлок. Она села на планшир и взялась за весла, гребя изо всех сил. Когда Бэннон снова оглянулся, сэлки уже исчезли в волнах.

Когда они приблизились к берегу, Бэннон увидел устье реки, бухту и здания большого поселения, а также многочисленные рыбацкие лодки, отправлявшиеся на утренний лов рыбы. Бэннон кричал и махал руками, хотя до гавани было еще далеко.

— Мы спасены!

— Мы не знаем, где находимся, но эти люди помогут нам. — Ли́ла продолжала налегать на весла. — Мы предупредим их о флоте норукайцев, который непременно скоро появится.

Бэннон продолжал разглядывать лодки в гавани и здания на берегу. Он увидел перекинутый через реку мост, и внезапно его осенило.

— Я знаю, где мы находимся, Ли́ла.

На одной из рыбацких лодок их уже заметили, и Бэннон видел крошечные машущие им фигурки. Ли́ла налегла на весла сильнее, когда лодка направилась в их сторону.

— Это бухта Ренда, — сказал Бэннон.

Глава 60

Шумные празднества продолжались, налетчики готовились к полномасштабной войне. Но Мелок был мертв. Король Скорбь восседал на своем величественном троне, окруженный возбужденными норукайцами, но отделенный от них стеной гнева и горя.

Мелок мертв!

Ларс пировал, пил и похвалялся, будто успех его набегов означал, что он прощен, но Скорбь не был расположен его прощать. Веселье продолжалось, праздничные столы были заставлены рыбой, хлебом, выращенными на скалах растениями и даже ветчиной с сосисками, привезенными с недавних набегов, но королю кусок в горло не лез. Он сжимал и разжимал кулаки, чувствуя, как железные накладки впиываются в костяшки пальцев. Шрамы на щеках пошли рябью, когда он стиснул челюсти. Он издал протяжное шипение, словно змеиный бог, но никто не расслышал этого среди грохота кулаков, смеха и криков.

Мелок мертв! Его шаман, его советник, его друг...

Восстановленные змеиные корабли вернулись из Ильдара — от сотни кораблей остался пятьдесят один, но они были все также опасны. Вместе с флотом Ларса и более семи десятков новых кораблей они составляли мощный норукайский флот. Если союзник генерал Утрос выполнил обещание, и его огромная армия марширует к побережью, эти две силы будут доминировать в Древнем мире. Норукайский народ, изгнанный с материка императором Сулаканом тысячи лет назад, теперь снова завладеет миром. Люди короля Скорбь разорвут в клочья все побережье.

В других обстоятельствах он бы наслаждался мыслями о крови и насилии, но теперь Мелок был мертв.

Когда ярость достигла точки кипения, он вскочил и издал бессловесный рев, эхом разнесшийся по залу и заставивший резко стихнуть крики и веселье. Норукайцы ошеломленно воззрились на короля, затем Ларс поднял кулак и тоже издал рев; остальные налетчики подхватили его, и стены бастиона содрогнулись от воодушевления.

Но Мелок по-прежнему был мертв.

Скорбь медленно сошел по каменным ступеням трона навстречу кричащим норукайцам. Неверно истолковав его

расположение духа, некоторые хлопали его по плечам и спине, но король не обращал на них внимания. В другой раз он, возможно, нанес бы сокрушительный удар, но сейчас не желал тратить на них время и свой гнев.

Двое рабов принесли очередного жареного козленка, на этот раз тощего, поскольку большая часть стада на острове уже была забита. Скорбь все равно не любил козлятину.

Ему нужно было выместить на ком-то раздражение, но он не знал, с чего начать. Приплясывающий рядом Мелок мог бы произнести странные и загадочные слова... Почему шаман не предвидел свою смерть? Он мог бы спастись! Как он мог не предвидеть атаку сэлок, как мог не знать, что их скользкая королева разорвет его на части? Он был плохим шаманом, если не предсказал нечто столь важное!

Или он что-то видел? Скорбь вспомнил лепет Мелка за день до нападения сэлок, когда они принесли в жертву раба: «Змеиный бог спасет некоторых из нас. Но я не скажу, кого!». Неужели он что-то знал? Но почему никого не предупредил?

Королю хотелось разбить кому-нибудь лицо. Он понял, что на самом деле хотел выпустить кишки кому-то из рабов и посмотреть, как жертва корчится в агонии в луже крови — так же, как Мелок.

Подняв глаза, он увидел Эммета, покрытого морщинами старика, бывшего неотъемлемой частью бастиона еще до того, как Скорбь убил своего отца. Мелок подбил его убить короля Сурового и завладеть короной. Альбинос предвидел это и помог королю Скорбь выбрать идеальное время. Почему Мелок не смог избежать собственной смерти?

Топор рубит древесину. Меч рубит кости. Да что это вообще значит? Хоть кто-то в состоянии понять?

Когда Эммет принес плетеный хлеб с начинкой из дробленых орехов, Скорбь заметил, что хромой старик испуган

больше обычного — может, потому что его и рабов дразнят многочисленные норукайцы. Скорбь оглядел обеденный зал в поисках жертвы. Он не заметил ни Бэннона, ни Морасит Лилу и вдруг понял, что не видел их уже несколько дней, занятый приготовлениями к войне.

Он был удивлен, что Атта до сих пор не убила Лилу, которую считала соперницей. Тощая Морасит не вызывала у короля желания, потому что ее хрупкое тело наверняка не выдержало бы напора его страсти. Но сейчас это казалось не такой уж плохой идеей. Да, он выпотрошит Бэннона, затем швырнет Лилу на обеденный стол и овладеет ею прямо на глазах у своих людей. Он может задушить ее, когда закончит, и это порадует Атту. Возможно, так он наконец избавится от хандры.

Он посмотрел на прислуживающих рабов, но не увидел Лилу или Бэннона.

Старый Эммет услужливо предложил ему ореховый хлеб:

— Это очень вкусно, мой король. Его испекли специально к празднованию предстоящего завоевания.

Скорбь выбил поднос из рук раба и схватил его за длинный хвост, заставив запрокинуть голову.

— Где Бэннон и Лила? Я хочу видеть их немедленно.

Старик побледнел.

— Они... Уверен, они заняты другой работой, мой король.

Атта терлась возле Ларса — наверняка, чтобы вызвать ревность короля, — но теперь оттолкнула опального капитана и подошла к королю.

— Да, где эта костлявая сучка? Я мечтаю утопить ее в ведре с мочой всех этих мужчин. — Она громко расхохоталась.

— Приведи их, — приказал Эммету король. — Живо!

Старый раб захромал прочь, как раненый олень, спасающийся от лесного пожара. Он где-то прятался почти час, но потерявший терпение король отправил нескольких норукайцев притащить Эммета в обеденный зал. Бэннона и Лилы нигде не было. Стражники обыскали бастион и вернулись к королю докладом, от которого он пришел в бешенство: они опросили каждого раба, но этих двоих уже давно никто не видел.

— Я... Я ничего не знаю, мой король, — прохныкал Эммет, но ужас на лице старика выдавал, что он лжет.

Скорбь швырнул покалеченного раба на стол, и тот повалился на спину среди тарелок. Борьба с Эмметом раззадорила короля норукайцев, и он стукнул головой старика о доски стола. Правой рукой он выхватил кинжал с пояса и вонзил его в плечо Эммета, пригвоздив к столу. Морщинистый старик задохнулся от боли.

— Я ничего не знаю, мой король! Не знаю.

Допрос был долгим, и Скорбь наслаждался процессом. Это доставило ему радость впервые за последние дни. К тому времени, как он отрезал Эммету левое ухо и по две фаланги на двух пальцах, в зал вошел еще один норукаец с докладом.

— С пристани пропала рыбацкая лодка, король Скорбь. Кто-то взял ее!

— Нет, нет! — скулил Эммет. Его многочисленные раны кровоточили. — Может, ее сорвал шторм и унес в море.

— Или они украли лодку и сбежали, — прорычал Скорбь. Потеряв терпение, он отрезал старику второе ухо. Держа отрезанную плоть двумя пальцами, он покачивал ее перед лицом Эммета. — Расскажи мне то, что я хочу узнать, иначе отрежу от тебя еще много кусочков. — Он снова качнул кровавым трофеем.

Наконец Эммет не выдержал и разрыдался. Скорбь выдернул кинжал из плеча старого раба, освобождая его. Эммет поднялся, дрожа и истекая кровью, а затем разразился потоком слов, объясняя, как помог Бэннону и Лиле сбежать. Признание стало для старика катарсисом. Он соскользнул со стола и упал на колени, моля короля Скорбь о пощаде.

Настроение у короля испортилось, и он созвал в обеденный зал всех напуганных рабов.

— Наш флот скоро отправится на войну! Приказываю устроить достойный пир, чтобы отпраздновать нашу неминуемую победу.

Норукайцы оглушительно завопили, ликуя. Когда Скорбь громогласно объявил распоряжения, рабы затрепетали, а Эммет разразился новым потоком бессловесных рыданий. Король вдруг понял, что проголодался.

* * *

Ларс и пять других выдающихся норукайских капитанов сидели за главным столом. Атта держалась рядом с королем, похотливо глядя на него своими коровьими глазами, но его внимание всецело занимали рабы, медленно вошедшие в обеденный зал. На плечах они несли, словно носилки с раненым воином, огромное блюдо. Напуганные рабы не осмеливались поднять взгляд, когда ставили блюдо с жареным мясом перед королем Скорбь.

Почерневшее морщинистое тело старого раба лежало в позе эмбриона. Эммета зажарили заживо в пламени печей — норукайцы знали, что ужас и боль улучшают вкус мяса.

— Он был старым и жилистым, — сказал Скорбь. — Полагаю, мясо у него жесткое и едва съедобное.

Атта кинжалом проколола хрустящую черную кожу, обнажив сочную плоть под ней.

— Я буду наслаждаться пиром так же, как и нашей победой, король Скорбь. — Она отрезала кусок мяса из бедра Эммета, наткнула его на кинжал и протянула королю.

Он взял угощение и принялся жевать.

— Да, хорошо. Старик много лет служил бастиону, а теперь мы послужим ему. — Он поднял окованный железом кулак. — Идите все сюда, ешьте! Это наш пир перед войной.

Норукайцы подошли и принялись рвать зажаренное тело старого раба.

Глава 61

Местные жители поспешили к докам, желая посмотреть на потерпевшую крушение пару, выловленную в море, и услышать их историю. Натан давно не испытывал такой радости. Бэннон жив!

Юноша и Морасит обгорели на солнце и замарались за несколько дней дрейфа, но немного восстановили силы на борту небольшой рыбацкой лодки под управлением Кеннета. «Дейзи» доставила их в бухту Ренда, и Кеннет зазвонил в колокол.

Соседший с лодки Бэннон выглядел суровым и решительным. Он разительно отличался от того наивного юноши, которого Никки когда-то давно спасла в Танимуре. Его карие глаза просияли, когда он быстро прошагал по причалу и обнял Натана.

Волшебник похлопал его по спине:

— Добрые духи, я уже и не надеялся увидеть тебя снова, мой мальчик!

Бэннон со смехом отстранился:

— Ты избавился от балахона волшебника! Снова выглядишь как искатель приключений.

— Я никогда не переставал им быть, и теперь война требует всех моих умений в обращении с мечом и магией. — Он надолго заключил Бэннона в объятия, пребывая вне себя от радости. — Ты вернулся к нам, и это самое главное! Добрые духи, как же я рад тебя видеть.

Торн и Лайес острыми локтями растолкали толпившихся на причале людей, пробираясь к Лиле.

— Мы слышали, из моря выловили Морасит, — сказала Торн. — Хорошо, что ты здесь, Лила. Нам нужны достойные бойцы.

— Мы с Торн ведем подсчет убитых врагов, — сказала Лайес. — Учитывая размер армии, которая скоро нападет на бухту Ренда, ты быстро догонишь нас.

— Я не ударю в грязь лицом, — сказала Лила.

Над головой кружили чайки, их клич напоминал крики раненых в битве.

— Что за армия? — встревожился Бэннон. — Мы пришли предупредить о норукайском флоте. Король Скорбь с более чем сотней кораблей скоро атакует побережье и опустошит его. Нужно подготовиться.

— Норукайский флот плывет сюда? — отпрянул Натан. — Но со дня на день сюда придет армия генерала Утроста!

Бэннон побледнел:

— Норукайцы и Утрост заключили союз, но я думал, что древняя армия будет двигаться гораздо медленнее.

— Мальчишка, мы потеряли счет дням! — заметила Лила. — Я не знаю, сколько времени прошло после исчезновения Ильдакара.

Торн осмотрела побледневшие синяки на лице Морасит:

— Тебя побили. Вы двое дрались друг с другом?

— Мы побили немало норукайцев, — сказала Лила.

Из толпы жителей бухты Ренда шагнули вперед генерал Зиммер, Норкросс и Тревор.

— Хочу услышать все, что вам известно о норукайцах и их планах. Я не ожидал, что мне так скоро придется сражаться на два фронта.

Таддеус поднял руки:

— Мы все обсудим в моем кабинете в здании ратуши. Там же разработаем план.

Натан видел, что Бэннон измотан, но не мог позволить ему с Лилой заслуженный отдых. Ободряюще улыбнувшись, он шагнул вперед.

— Кое-что я могу для вас сделать прямо сейчас.

Волшебник дотронулся до синяков на лице юноши и его распухшей губы. Бэннон поморщился, когда Натан при помощи дара исцелил раны на обгоревшем веснушчатом лице. В считанные мгновения не осталось ни намека на ссадины.

Когда волшебник повернулся к Лиле, собираясь исцелить и ее, она покачала головой.

— Руны на моей коже не дадут ничего сделать. Они защищают меня от магии, в том числе и от исцеляющей. — Она вздохнула. — Ничего, я потерплю.

Когда они направились к ратуше, три Морасит зашагали в ногу. Даже после исцеления Бэннон выглядел измученным и уставшим, но его походка снова обрела упругость — он был рад вернуться к друзьям.

В кабинете Таддеус подтащил стулья к крепкому деревянному столу. Натан сел, поправив изысканный клинок у бедра и расшитый узорами плащ. Зиммер не стал садиться и теперь расхаживал вдоль стены.

Таддеус пробежался мозолистыми пальцами по корешкам гроссбухов на полке.

— В этих книгах записаны имена людей, захваченных норукайцами за последние сто лет. Мы думали, что благо-

даря капитану Норкрессу выстроили надежные укрепления. Верили, что сможем отбиться и удержать бухту Ренда. Похоже, все усилия оказались напрасны.

Бэннон и Лила по очереди рассказали о своих мытарствах в плену у норукайцев. Лила выдала четкий и сухой доклад, но юноша не сдерживал эмоций и описывал все в красках.

— Жаль, что мы всех их не убили! Не попади я в плен к королю Скорбь, все было бы совершенно иначе.

— Как бы то ни было, мы снова вместе, — с намеком на улыбку сказал Натан. — Добрые духи, я рад для разнообразия получить хорошие новости. Мы и так слишком многих потеряли.

— И продолжим нести потери, — сказал Зиммер. — Армия будет тут в считанные дни.

— Все укрепления готовы, сэр. — Раскрасневшийся Норкресс нервничал. — Сторожевые башни охраняют устье гавани от норукайцев, а жители готовы защищать свои дома. — Его глаза расширились от недоверия. — Но если у короля Скорбь больше сотни кораблей, то мы не в состоянии отбиться от такого флота. Что нам делать?

— А генерал Утрос скоро прибудет с многотысячным войском, — заметила Ольгия. — Мы окажемся между двумя вражескими силами.

Таддеус тяжело сглотнул и сказал ослабевшим голосом:

— Бухта Ренда обречена, ведь так?

— В других обстоятельствах, — заговорил Зиммер, — мы могли бы противостоять норукайцам, ведь у нас есть одаренные, д'харианские солдаты и отважные местные жители. Дозорные башни крепкие, а расставленные в бухте ловушки могут потопить несколько кораблей. Катапульты тоже нанесут немалый урон. — Голос его стал мрачным. —

Но всего этого недостаточно, если нас атакуют одновременно с двух сторон.

— Меня больше беспокоит генерал Утрос, чем норукайцы, — сказал Орон, сидевший на деревянном стуле так, словно это был трон. — Норукайцы — неуправляемые звери, а Утрос представляет большую опасность для цивилизации.

— Оба они опасны, — сказал Натан, — особенно, если у них общая цель. Мы не знаем, когда прибудет флот короля Скорбь, но нам известно, что тысячи вражеских солдат маршируют вдоль реки. Скоро они будут здесь. Как нам выстоять против них?

— Если у нас достаточно крови, — сказала Ольгия, — то мы можем создать новый саван и укрыть бухту Ренда от остального мира.

Бэннона замутило — он прекрасно понял, что предлагает Ольгия.

— Мы не можем просто прятаться, как Ильдакар, — возразил Натан. — Остальной мир нуждается в нашей помощи.

— Мои люди вооружены и готовы сражаться, — сказал Таддеус. — Мы тренировались с тех пор, как здесь разместились солдаты под командованием капитана Норкрасса. Мы не беспомощны, но нам нужна надежда.

— В этом и загвоздка, — сказал Натан, и голос его надломился. — Мы лишились аббатисы Верны. Мы потрепали силы генерала Утроса, но недостаточно. — Подняв взгляд на Зиммера, он заметил, что командир выглядит изможденным. — Генерал, есть ли у нас шанс удержать бухту Ренда? Хоть какой-то?

Зиммер долго размышлял перед ответом.

— Я пытался представить реалистичный сценарий, который может привести нас к победе. В Твердыне мы нанесли врагу ужасный урон, аббатиса Верна вызвала огромные раз-

рушения, но все же нам пришлось отступить. Бухта Ренда меньше по размеру и ее положение уязвимо. Боюсь, мой ответ отрицательный. Чтобы выжить, мы должны быть реалистами. — На его лице отразилось расстройство. — Нужно эвакуировать население. Пусть все собирают пожитки и уходят.

— Но мы столько всего пережили! — простонал Таддеус. — Снова и снова отбивали нападения, восстанавливали дома, а теперь должны все это бросить...

— Вы никогда ни встречались с кем-то вроде генерала Утроса, — сказал Орон.

— Увы, вынужден согласиться, — сказал Натан. — Многие селяне уже укрылись в предгорьях, потому что пришли к тому же выводу. Ты сам это знаешь, Таддеус.

Глава поселения мрачно кивнул:

— Сотни домов опустели после того, как вы принесли новости. Люди знают, что грядет.

— Мы должны увести остальных жителей в безопасное место, — сказала колдунья Перри. — Нам тоже нужно уходить. Мы не можем просто ждать, пока нас разобьют.

Натан погладил подбородок:

— Нужно как можно скорее отправить на север весть об опасности. Мы должны предупредить крупные города. Никки воспользовалась сильфидой и отправилась в Серримунди и Танимуру. Надеюсь, Древний мир уже занят укреплением обороны. — Его губы изогнулись в улыбке. — Колдунья может быть весьма убедительной.

— Но это никак не поможет бухте Ренда, — сказал Таддеус.

— В гавани стоят три больших парусника и десятки рыбацких лодок, — сказал капитан Норкросс. Если мы покинем город до прихода Утроса, то эти судна смогут увезти беженцев и спасти много жизней.

Таддеус положил локти на исцарапанную столешницу.

— Как мне сказать об этом людям? Некоторые захотят остаться.

— Тогда они умрут, — сказала Лила.

Зиммер продолжал ходить вдоль стены, сцепив руки за спиной.

— Другого выбора у нас нет.

Натан вспомнил изможденных и бледных вражеских солдат, атаковавших Твердыню.

— Мы не можем оставить бухту Ренда в руках врага. Они маршируют по горам и долинами, опустошая все на своем пути, но у них жесткая нехватка провизии. Они голодают. Мы не должны оставить им ни мешка кукурузы, ни куропатки, ни засохшего яблока или зернышка риса. Нужно лишить армию ресурсов и убежища. — Он пригладил длинные белые волосы и расправил плащ. — Вы знаете, что нам придется сделать. Нужно уничтожить бухту Ренда — сжечь дотла, оставив генералу Утросу лишь выжженную землю.

Глава 62

Никки и генерал Линден провели осмотр гарнизона, а потом несколько дней работали над усилением городской стражи и привлечением рекрутов. Многие новобранцы были из числа наводнивших город беженцев, спасавшихся от норукайцев.

Сотни выживших, но потрепанных людей прибывали по прибрежной дороге с юга. Они бежали с Эффрена и побережья Ларрикан. Многие были слабы и подавлены, хотели лишь какой-то стабильности в жизни. Другие же хотели отомстить, не в силах забыть кровь, огонь и кошмарную жестокость налетчиков. Из имущества у них была лишь об-

ветшалая одежда и струпья на заживающих ранах, и все они отчаянно нуждались в помощи. Но Серримунди не мог принять так много беженцев, потому что город сильно пострадал от нападения Кора.

В Танимуре Никки выслушивала их истории, одну за другой. Глядя на возмущение выживших, она понимала, что из этих людей можно создать армию — именно в этом и нуждался Древний мир. Приняв решение, она собрала их всех на площади Танимуры.

— Скоро до нас докатится настоящая война. Вы позволите норукайцам охотиться на вас и убивать ваши семьи или возьметесь за оружие и научитесь сражаться?

Их крики чуть не оглушили ее. Она заметила, что Линден удивленно смотрит на столь неожиданное и рьяное пополнение армии. Никки протянула руки к беженцам.

— Д'харианский гарнизон обеспечит вас всем необходимым. Я намерена создать тренировочные базы и в Серримунди тоже, задействовать кузнецов в каждом городе. У нас мало времени. Все должны трудиться вместе. Случившееся в Эффрене не должно повториться!

* * *

Она хотела увидеть разрушения своими глазами. Линден выделил пятьдесят солдат, и Никки, захватив с собой еще с десяток разгневанных беженцев, на быстром военном корабле отправилась в Эффрен.

Через два дня показался выжженный дочерна город. Их корабль встал на якорь возле берега, потому что все доки были сожжены. Никки отправилась на берег в сопровождении солдат и бледных выживших, которые цеплялись за тонкие как паутина нити надежды найти что-нибудь среди руин. Некоторые хотели похоронить тела родных или хотя бы отметить место их гибели.

Никки шла по руинам города, и под ее ботинками хрустели обугленные доски и кости погибших. Пожар погас несколько недель назад, но морской воздух был пропитан запахом сажи и пепла. Никки казалось, что она слышит эхо протяжных криков. Отпечаток боли, страданий и насилия останется здесь на долгие годы.

— Пресвятая Мать морей, — пробормотал один из новобранцев из Серримунди. — Эти звери ничего не оставили! Зачем армии так поступать? — Он вытер слезу, измазав щеку сажей. — Если они хотели завоевать Эффрен, то зачем уничтожили его? Зачем всех убивать? Так войну не выиграешь.

— Норукайцы приходят грабить, а не править, — сказала Никки. — Ты видел их нападение на гавань Серримунди. Ты знаешь, что они собой представляют.

Рекрут с ужасом смотрел на безмолвные мертвые руины:

— Если мы их не остановим, Серримунди ждет та же участь? Мой город уничтожат?

— Несомненно. Вот почему мы должны расправиться с ними. Капитан Кор мертв, ни один норукаец не ушел. — В ее груди потеплело от гордости. — Но Ларс все еще жив. Нам придется сокрушать их снова и снова, пока они не усвоят урок.

Никки шла по призрачному лесу бревен, обрушившихся стен и обугленных крыш. Эффрен был процветающим городом, и она могла его представить: сообщество из нескольких тысяч рыбаков, судостроителей, фермеров, лесорубов, кузнецов, лавочников и торговцев. В городе наверняка были таверны, постоянные дворы, магазины, конюшни и рынки. Теперь от всего этого остался лишь пепел. Город превратился в темное пятно, словно ударившая с небес молния стерла его с лица земли.

Никки и солдаты медленно шли по улицам. Теплые лучи солнца пробивались через облака. Дым развеялся, но некоторые рекруты и беженцы все кашляли — возможно, чтобы скрыть тошноту и горе. Она вспомнила, как помогала защитить бухту Ренда от набега норукайцев. В тот раз поселение победило.

Вспомнила она и кладбище бухты Ренда: могилы с установленными на них камнями, а еще многочисленные деревянные столбы с именами тех, кого забрали норукайцы. Именно тогда Никки возненавидела обезображенных шрамами налетчиков. Ее мнение о них не улучшилось после встречи с Ларсом, Кором и другими норукайскими торговцами, прибывшими в Ильдакар продать несчастных рабов.

Она вошла в таверну, от которой остался только обгоревший каркас. Одна стена рухнула, а другие две, сложенные из камня, еще стояли. Никки осторожно шагала по обломкам, впитывая характер этого места и заполняя пробелы при помощи воображения. Почерневшие деревянные, которые когда-то были столами и стульями, расколотый прилавок. Остов бочки эля, которая взорвалась, когда ее содержимое вскипело от жара. На глаза ей попались шесть черепов, и она не сомневалась, что можно найти и другие, если порыться в пепле.

— Что мы будем тут делать, колдунья? — спросил взволнованный новобранец, следовавший за ней.

— Я хотела увидеть все своими глазами. — Она двигалась медленно, и ее черное платье сливалось с выгоревшими обломками. Обугленные балки прогнулись от жара, напоминая кости давно погибшего дракона. — И я хотела, чтобы вы все запомнили, что сделают с нами норукайцы, если позволим им победить. — Она глубоко вздохнула, ощущая запах смерти и агонии.

Новобранец закивал. На второй его щеке тоже остался след сажи от попытки вытереть слезу.

— Мы восстановим город? — спросил беженец, у которого было вытянутое худое лицо. — Когда все будет позади, не следует ли нам попытаться? Может, начать прямо сейчас? — Он оглядел разрушенную таверну — словно бывал здесь раньше. — Хватит ли у нас мужества снова жить в Эффрене?

— Только после окончания войны, — ответила Никки. — Иначе вы дадите норукайцам новую цель для нападения. Пока что вам лучше стать бойцами.

Если Утрос с армией движется сюда, если генерал действительно объединится с норукайцами, то Древний мир умоется кровью. Причем скоро.

В сожженных домах они нашли несколько похожих на призраков крестьян, которые укрывались в холмах, а теперь пришли в разрушенный город. Они были потрясенными и оцепеневшими. Два военных врача занялись их ранами. Никки надеялась укрепить их дух и завербовать в создаваемое ею войско.

Она бы предпочла, чтобы Ричард привел д'харианскую армию и сокрушил Утроса и короля Скорбь. Но Ричард полагался на нее, и Никки не подведет. Он отправил ее в Древний мир проложить дорогу к новой золотой эпохе мира и процветания. Он полагал, что Никки сокрушит любого диктатора или новоявленного тирана.

Тогда она и представить не могла угрозу, с которой столкнулась сейчас: огромная армия из прошлого и многочисленный боевой флот.

Как в крошечной костяной шкатулке Ричарда могло содержаться все, что ей необходимо? Испачканной в саже рукой она достала из кармана небольшой кубик и посмотрела на выгравированные символы языка Сотворения, ощущая

покалывание в пальцах. Ричард был мастером в структурированных заклинаниях, а это заклинание было самым запутанным и сложным из всех, что ей доводилось видеть. При помощи дара она могла ощутить его потенциал, но не знала, как оно работает и для чего предназначено. Никки боялась, что это выше ее способностей. Но Ричард верил в нее, как она может не справиться?

Кого еще она могла спросить? Никто из одаренных в Танимуре не мог сравниться с ней в познаниях — разве что несколько из оставшихся в городе сестер Света. Когда Никки обратилась к ним, сестры с интересом исследовали артефакт, но ни одна не смогла ничего предложить, как бы сильно ни хотела помочь.

Значит, придется полагаться только на себя. Открыв изящную крышку, она уставилась на мерцающую белую сферу — пульсирующее ядро заклинания.

— Я могу с этим справиться, — твердила она себе. Она все поймет, когда настанет нужный момент.

Она с трудом сохраняла уверенность, глядя на пустоту на месте недавно процветавшего города.

Прежде чем война закончится, пострадает еще много городов. Люди сражались за свою жизнь, за дома и семьи. Набег норукайцев унес сотни, а то и тысячи жизней, но трагедия Эффрена была подобна острой палке, которая тыкала в свернувшуюся гремучую змею. Никки намеревалась вдохновить выживших нанести ответный удар, вонзив в норукайцев клыки.

Эффрен, Серримунди, побережье Ларрикан — все прибрежные города восстановятся и снова будут процветать.

Но сначала Никки спасет мир.

Глава 63

С замиранием сердца Норкросс подчинился приказу и приступил к эвакуации жителей бухты Ренда. Необходимость покинуть поселение стала для людей ударом, и их злая решимость сражаться за свой дом дрогнула пред лицом реальности. Даже все вместе они не могли выстоять против сотысячной армии.

— Это не значит, что мы сдаемся, — настаивал Натан, — но даже если каждый житель бухты убьет по сотне противников, у генерала Утроста и короля Скорбь останется достаточно воинов, чтобы стереть поселение в пыль. Мы все равно найдем способ нанести им урон.

— Я должен думать о своих людях, — согласился Таддеус. — Мы загрузим три корабля и все свободные лодки, а те, кому не хватит места, убегут на холмы и спрячутся. Мы должны увести отсюда людей. Должны!

Норкросс в сопровождении д'харианских солдат ходил по улицам, стуча во все двери. Глашатаи сообщали жителям, что они должны собрать еду и убежать. К приходу генерала Утроста бухта Ренда станет городом-призраком, лишенным всяких припасов.

Вереницы мужчин и женщин, взявших только самое ценное, тянулись к докам и садились в лодки. Плачущие дети цеплялись за руки матерей или дергали их за юбки; одна девчушка с косичками широко улыбалась, словно ей предстояло большое приключение.

Желая освободить место на «Дейзи», Кеннет выбросил за борт все ящики, бочки и инструменты. Нагруженная людьми рыбацкая лодка уже так низко сидела в воде, что Кеннет забеспокоился.

— Больше никого не могу взять, — сказал он, поднимаясь. — Идите к другим лодкам.

По донесениям разведчиков, безжалостная армия была меньше чем в дне пути от поселения, но жители вели себя спокойно. Они ждали, пока к докам причалят другие судна, в то время как «Дейзи» подняла паруса и поплыла мимо каменных дозорных башен. Когда тяжело нагруженное судно достигло открытой воды, Кеннет повернул на север. За ним последовали еще десять набитых людьми лодок. Они уплывали, надеясь скрыться из виду до того, как придут вражеские армии.

Пока люди садились в лодки, одна старуха тащила за собой двух коз. Когда она шагнула на доски причала, капитан рыбацкой лодки замахал на нее руками.

— Ты не можешь подняться на борт с животными. Места нет! Мы должны спасти в первую очередь людей.

— Но Чу и Лу почти как люди. Они мои детки. — Она приобняла коз костлявыми руками. — Я их не оставляю.

Находившиеся на борту лодки люди, испуганные и нетерпеливые, закричали на нее:

— Оставь их, Мэггз! Армия приближается.

— Знаю! Эти солдаты съедят моих Чу и Лу.

Ситуация накалялась, и Норкросс поспешил вмешаться:

— Мэм, уведите животных подальше в холмы и спрячьте там. Отпустите коз, с ними все будет в порядке, — только обязательно подальше от армии. Можете остаться с ними или вернуться и сесть в лодку, если успеете. У нас слишком мало лодок, чтобы перевозить еще и скот! — Козы жалобно заблеяли, и Норкросс нахмурился. — Какими бы милыми они ни были.

Разозленная старуха Мэггз ушла, дергая за веревки и пробиваясь через толпу к выходу из поселения.

Небольшие весельные шлюпки с пассажирами курсировали между берегом и тремя грузовыми судами, стоявшими на якоре за пределами бухты. Норкросс собирался просле-

дить за эвакуацией, а потом присоединиться к генералу Зиммеру и Таддеусу, которые уже были на борту корабля с капитаном Миллсом и руководили оттуда отступлением.

Эмбер, Рода и Элдин держались рядом с Норкроссом, в то время как остальные сестры Света трудились в городе вместе с Натаном, Ороном и оставшимися в живых одаренными защитниками. Они готовили для древней армии сюрприз.

— Мы так долго не виделись, — с улыбкой сказала брату Эмбер. — Хочу остаться с тобой.

— Я тоже скучал, — сказал он. — На борту корабля у нас будет полно времени наверстать упущенное, но сейчас все эти люди... — Он вздохнул. — Нужно эвакуировать еще тысячу!

— Я помогу, чем смогу, — сказала она, задрав подбородок. — Аббатиса Верна была очень терпелива, когда учила меня обращаться с даром. Она научила удивительным вещам. — Девушка отвела взгляд, пряча грусть. — Мне очень ее не хватает. Она была такой мудрой и доброй.

— Она погибла смертью храбрых.

— Да, — кивнула Эмбер, — но все равно она погибла. Я бы предпочла, чтобы она была с нами.

В доках появились Лила и Бэннон, раскрасневшиеся от бега. Юноша выглядел расстроенным.

— Ох уж эта семейка упрямцев! Что они собираются делать? Бросаться глиняными горшками в многотысячную армию?

Лила была раздражена не меньше.

— Это гончарная лавка, а не золотая жила, но мы не смогли их убедить. — Она сердито посмотрела на Бэннона. — А ты не дал мне оглушить их и притащить сюда.

Норкросс тяжело вздохнул — многие семьи просто отказывались уходить.

— Может, и не золотая жила, но это их дом. Я лишь надеюсь, у них хватит здравомыслия убежать, когда они увидят приближение армии.

Через час отбыли последние рыбацкие лодки. Три грузовых корабля были набиты почти до предела. Весельные шлюпки доставляли пассажиров на борт и снова возвращались к берегу за очередной партией. Когда город почти опустел, Бэннон и Лила заняли места в шлюпке и вскоре оказались на борту корабля капитана Миллса.

— Это судно гораздо лучше нашей с тобой лодки, — заметила она, и Бэннон согласился.

Норкросс и Эмбер остались организовать последние несколько рейсов. Торн и Лайес бежали по улицам, направляясь напрямик к причалу и крича:

— Вражеский авангард в часе пути отсюда!

— Мы убили только четверых, и пришлось отступить, — добавила Лайес. — Вряд ли мы их сильно замедлили. Теперь они более осторожны.

Торн нахмурилась:

— Натан приказывал не ввязываться в драку, потому что это напрасный риск. — В ее голосе слышалось разочарование. — Это кажется неправильным.

— Орон, Ольгия и Перри поддержали его. — Лайес тоже была подавленной. — Но раз уж они — все, что осталось от палаты волшебников Ильдакара, мы должны подчиниться. Они приказали нам уходить.

Две Морасит смотрели, как приближается следующая шлюпка с двумя матросами на веслах.

— Мы все должны подчиняться приказам, — сказал Норкросс. Город был совсем пуст; он видел покинутые деревянные дома, магазины, постоянные дворы, ратушу и площадь. — Для Натана и остальных осталось не так уж много лодок. Они уже заканчивают?

— Как можно что-то понять в делах волшебников? — фыркнула Лайес и перепрыгнула с причала в шлюпку, которую матросы еще не успели пришвартовать.

Вторая Морасит последовала ее примеру.

Эмбер улыбнулась брату:

— Давай отправимся на борт. Наша очередь.

Норкросс и Эмбер вместе с двумя Морасит и несколькими отставшими селянами отплыли от берега. К докам причалили несколько пустых лодок для последних пассажиров — Натана и его соратников.

Дюжие матросы уже устали грести, ведь они проделали немало рейсов. Заметив это, Торн и Лайес сдвинули их со скамьи.

— Отдохните, дайте весла нам.

Удивленные мужчины освободили места, а Морасит принялись энергично грести, направляясь к ближайшему трехмачтовому паруснику. Когда шлюпка проходила мимо высоких дозорных башен в устье бухты, Норкросс с горечью поднял взгляд на катапульты, готовые швырнуть булыжники в змеиные корабли. Он вложил много сил в постройку укреплений.

— Мы были готовы потрепать норукайцев, но нам не дали шанса.

— Он еще будет, — сказала Эмбер, сжав ладонь брата. — Это наш шанс выжить.

Шлюпка подплыла к паруснику, и Норкросс с другими пассажирами поднялся по штормтрапу на палубу, которая уже была забита жителями бухты Ренда. Капитан Миллс стоял на корме, прикрыв глаза от солнца ладонью, глубоко обеспокоенный. Матросы в маленькой лодке готовились к отплытию на берег, радуясь тому, что Морасит дали им передышку.

Норкросс оглянулся на покинутый город. Огромная армия вскоре прокатится по улицам, грабя пустые здания. Он надеялся, что Натан и остальные скоро вернутся.

Дозорный на грот-мачте наблюдал за юго-западным направлением через подзорную трубу.

— Подтверждаю, капитан! Вижу их!

Миллс зазвонил в медный колокол рядом со штурвалом, с силой раскачивая язычок.

— Приготовьтесь! Они идут.

Норкросс повернулся к морю и увидел линию зловещих кораблей с темно-синими парусами, появившихся на горизонте.

* * *

Натан ходил от здания к зданию, выцарапывая на стенах заклинания, накладывая защитные сети и устанавливая якорные точки. Он очень жалел, что с ним сейчас нет аббатисы Верны или Эльзы.

— Добрые духи, обычно я не использую свой дар для таких разрушений — только в самых крайних случаях.

— Сейчас как раз такой, — сказала Перри.

Ее дар был слабее, чем у Лео, но она была мастером формы и умело использовала магию для изменения дерева и камня. Она легко и быстро рисовала заклинания на стенах, которые становились мягкими под ее пальцами, в то время как Натану приходилось кое-как выцарапывать узоры острием ножа. Орон и Ольгия с большим удовольствием принялись за установку ловушек. Лорд Орон краской наносил петли рун, соединяя улицы и создавая довольно странный узор хитроумной ловушки. Все станет явным, как только вражеские солдаты спровоцируют небольшие структурированные заклинания на дверях главных зданий, тем самым потревожив связанные сети. Ольгия протянула маги-

ческие нити через крупные улицы и основные склады, которые определенно привлекут голодающую армию.

Натана била нервная дрожь, пока он участвовал в подготовке каскада мощнейшей магии, но он знал, что этот набор заклинаний нельзя сравнивать с заклинанием Плачущего Камня, которое вышло из-под контроля Верны. Сейчас они использовали более простой и чистый вид магии, с которым прекрасно умели управляться.

Натан нанес на карту улицы бухты Ренда и выбрал цели. Его одаренные товарищи внимательно выслушали план:

— Мы должны заманить передние ряды в зону поражения. Только после этого можно задействовать магию, не раньше.

Орон стиснул зубы:

— Если они умрут, то мне все равно, куда ударит магия.

— Мы убьем больше, если позволим им добраться до центра города, и только тогда захлопнем ловушку, — заметила сестра Шэрон. — Аббатиса убила тысячи солдат, когда обрушила стены каньона. Сделаем нечто подобное и в бухте Ренда.

— Утрос мог стать осторожнее, — заметил Натан. — Самое главное — лишить их всех припасов. Его солдаты уже голодают и больше похожи на полумертвых. Они скоро упадут от голода и усталости.

— Я бы предпочел, чтоб они сгорели, — сказал Орон.

Натан и Перри работали в ратуше над последним этапом плана. Стоя в кабинете Таддеуса и глядя на гроссбухи и книги на полках, волшебник снова опечалился.

— Знания будут уничтожены. Снова! Сможем ли мы когда-нибудь простить себя за это?

— Ты бы предпочел сохранить свои заплесневелые фолианты и позволить врагу захватить мир? — поинтересова-

лась Перри. — Несколько уничтоженных книг — не слишком большая цена за поражение вражеской армии.

— Я бы предпочел выжить и написать новые книги.

Перри закончила рисовать заклинания на стенах кабинета главы поселения:

— Теперь линии соединяют все здание до фундамента. Бухта Ренда эвакуирована, и все готово. Нужно отправляться к кораблям.

— Да, армия уже близко. — Натан, одетый в прекрасный расшитый плащ поверх жилета, с удовлетворением вышел из ратуши и встретился с остальными одаренными. — Время идти. Отступаем к гавани.

Они поспешили к докам, где их ждали спокойные голубые воды бухты Ренда. Нагруженные рыбацкие лодки уже уплыли на север, а три больших грузовых корабля стояли на якоре, полные пассажиров и готовые к отплытию. Лишь несколько шлюпок стояли у берега, ожидая Натана и других одаренных диверсантов. Он в последний раз оглянулся на опустевший город. Кажется, все жители ушли. Дома были пустыми — если не считать магических ловушек, расставленных в стратегических точках. С парусников до них донесся резкий шум: колокол звонил и звонил, объявляя тревогу.

Перри подняла взгляд:

— Что такое?

— Ничего хорошего. — Орон поспешил по улице к ждавшим их шлюпкам.

Нетерпеливые матросы подгоняли, и все они побежали быстрее.

С причала Натан увидел минимум сотню змеиных кораблей на горизонте. Они плыли прямо к бухте Ренда.

Глава 64

Генерал Утрос не вдыхал морского воздуха уже пятнадцать столетий. Давным-давно один из военных походов привел его на морское побережье, и он помнил, как смотрел на блики солнца на волнах, на парусники и рыбацкие поселения, которые хотел завоевать.

Теперь его армия неумолимым маршем двигалась вдоль реки, впадавшей в океан. Приблизившись к бухте Ренда, он снова почувствовал запах соленого бриза с привкусом свободы. Солдаты шли без остановок, час за часом. Они были изможденными и голодными, несмотря на заклинание, которое сдерживало грызущий их изнутри голод. Они вылавливали из реки рыбу, водоплавающих птиц и даже водоросли, пожирая все, что могли найти. И продолжали маршировать.

Утрос, Енох и Рува ехали верхом во главе армии. Впереди уже показалось поселение в устье реки — самое большое из всех, что им попадались после перехода через горы. По пути армия захватывала деревушки, шахтерские поселки и поселения на перекрестках дорог, которые были скудной добычей. Но бухта Ренда могла дать им много припасов и материалов.

— Сегодня мы будем сыты, — сказал первый командующий Енох, сидевший на спине высокого темного коня.

Утрос подумывал сделать этот рыбацкий порт своей новой базой, где он может встретиться с норукайским флотом. После того как король Скорбь и змеиные корабли отбыли из Ильдакара, две великие военные силы никак не общались. Их общий военный план был основан на грубых картах и смутных воспоминаниях.

Во время многодневного марша Утрос обдумывал стратегические возможности для завоевания земель. Превратить армию в единый боевой таран, чтобы сокрушить все на сво-

ем пути, или же разделить силы на десятки меньших армий и разослать их во всех направлениях? Он решит этот вопрос, когда захватит бухту Ренда.

Когда обезображенные шрамами налетчики присоединятся к его армии, они будут внушать страх своим жертвам. Утрос позволит безрассудным норукайцам напасть первыми и понести основные потери, в то время как его собственные силы останутся невредимыми. В этом и заключался смысл союза с норукайцами.

— Придет ли король Скорбь в бухту Ренда? А гадкий шаман? — голос Рувы стал едким.

— Посмотрим. Мы не нуждаемся в норукайцах, но можем их использовать. — Он подстегнул черного жеребца, направив его к окраине поселения.

Возбуждение прокатилось по рядам солдат, которые понимали, что уже почти добрались до цели — поселения, в котором полно провизии и добычи. Однако встретили их пустые пастбища, вырубленные фруктовые сады, покинутые дома, опустевшие загоны для коз, овец и рогатого скота.

— Люди сбежали, — нахмурился Утрос. — Где скот?

— Ничего удивительного, сэр, — сказал Енох. — Они должны были заметить нашу армию еще несколько дней назад. Кто осмелится противостоять нам?

Разведчики врывались в дома и выходили оттуда с одеялами, горшками и рваной одеждой, но сообщали, что кладовые пусты — все до единой. В погребках не было даже бочек. Солдаты обыскивали другие дома поблизости, но вернулись с аналогичными докладами. Войско забеспокоилось, не видя нигде пищи.

Лицо Еноха ожесточилось.

— Может, мне отправиться в поселение на вылазку, генерал? Посмотрю, что там можно найти.

Утрос раздраженно пришпорил коня:

— Идем все вместе.

Воздух задрожал, и пред ними появился мерцающий дух Авы.

— Я уже побывала там, возлюбленный Утрос. Бухта Ренда покинута, люди сбежали. — Она зависла рядом с сестрой, и ее зеленая аура стала ярче, словно близнецы подпитывались друг от друга энергией. — В поселении пусто.

— Волшебник Натан и его назойливая компания, должно быть, прибыли раньше нас и предупредили жителей, — слилась воедино голосом с сестрой Рува.

— Убьем его и людей из Твердыни! — уже в одиночку сказала Ава. — Это может смягчить Владетеля, пока мы продолжаем войну.

— Убийство этих людей — не первоочередная цель, — сказал Утрос. — Даже если поселение опустело, мы займем его и превратим в оперативный штаб. Мне нужно спланировать следующий шаг, с норукайцами или без.

Он пустил жеребца в галоп, и Енох с Рувой поскакали за ним, словно ринулись в бой. Солдаты авангарда издали боевой клич и бросились в атаку на безмолвное поселение.

На окраине Утрос заметил конюшни, фермерские дома, кузницы, лесопилку, кирпичную мастерскую, бондарню с недоделанными бочками, грудями досок и железных обручей. В центре поселения располагалась главная площадь с ратушей. Везде было пусто.

— Найдите их! — Утрос указал налево и направо: — Вон там склады и зернохранилища. В загонах и на скотных дворах должны быть животные. Докладывать о всей найденной провизии. Сержанты снабжения разделят добычу, чтобы накормить всех.

Вторгшаяся армия взревела от возбуждения. Солдаты сломали строй и поспешили по улицам, обыскивая дома.

Они выламывали двери и забегали в здания складов, но выходили оттуда растерянными, злыми и без добычи.

— Ничего, генерал, — доложил первый капитан разведчиков. — Амбары и склады пусты. Мы не нашли даже тюка сена для лошадей.

Утрос поправил рогатый шлем и устоялся вперед.

— Я завоевал брошенное поселение. — Он направил жеребца к главной площади. — Здесь должно быть хоть что-то!

Енох указал на улицы, спускавшиеся к бухте:

— Обратите внимание на доки, сэр. Все лодки ушли.

Кожаная перчатка Утроса скрипнула, когда он стиснул кулак. За пределами бухты он заметил три больших корабля, которые уходили под полными парусами. У него перехватило дыхание, когда он увидел больше сотни змеиных кораблей, преследующих три парусника, как стая волков.

— Норукайцы идут. Король Скорбь настигнет тех, кто пытается удрать.

Рува подняла пальцы и прочертила в воздухе невидимые магические линии.

— Я была бы счастлива лично убить этих паразитов, но мне хватит и того, что они умрут.

— Беглецы — не наша забота. Они уже ушли. — Утрос провел пальцем по гладкой поверхности полумаски. — Нужно выяснить, что осталось в городе. Войско нужно накормить.

Улицы были вымощены булыжником, и лошадиные копыта гулко стучали по камням, пока они мчались вперед. По пути к главной площади оголодавшие солдаты авангарда обогнали генерала и ворвались в дома и магазины. Они разбивали окна, вышибали двери и устраивали полный разгром от отчаяния. Утрос ожидал, что они отыщут за забаррика-

дированными дверями оставшихся жителей, но бухта Ренда хранила жуткую тишину.

Рядом витал дух Авы.

— Здесь ничего нет... и все же, что-то есть. Я чувствую опасность. Берегись, генерал.

Рува сидела на гнедой кобыле, вздрагивая. Ее бледная кожа покрылась мурашками.

— Я ощущаю смертельные линии силы. Это не просто пустое поселение. Натан и остальные оставили тут кое-что для нас. — Она стала рисовать в воздухе пальцем.

Ава повернулась к сестре, дотронувшись призрачными пальцами до пальцев Рувы, и вместе они проявили паутину ярких линий, определяя закономерности.

— Это ловушка. Здания не пусты. Они ждут, когда...

Когда разведчики вломились в главные склады возле ратуши, они запустили активирующую сеть. Яркие линии с шипением прошли через стены склада, и ставни распахнулись от потока яркого света и жара. Языки пламени прорвались через крышу. Охваченные огнем солдаты отступили, пытаясь потушить тлеющие кожаные доспехи. В считанные секунды склад был охвачен пламенем, словно был построен из соломы и щепы. На противоположной стороне площади вспыхнуло другое здание, третье же просто взорвалось, и его стены смертельными осколками разлетелись во все стороны.

Рува подняла обе руки:

— Я ощущаю покалывание повсюду: на этой улице, на вон той, и в том переулке! — Она с ужасом посмотрела на мостовую и увидела магические линии. — Мы оказались в самом центре этой сети.

Ратуша вдруг покрылась неровными трещинами оранжевого жара, напоминавшими молнии внутри каменных блоков. Взрыв разрушил фасад, и на них посыпались обломки.

Черный жеребец генерала заржал и пустился в галоп. Утрос пригнулся к холке, чтобы удержаться в седле. Бушующее пламя катилось по улице, каждое заклинание приводило в действие следующее.

Дух Авы летел впереди, уводя их в безопасное место. Другие лошади мчались к пристани и открытой воде. Солдаты рассыпались по улицам, пытаясь обогнать пламя, но тем самым лишь активировали ловушки одну за другой, вызывая каскад магии.

Мостовая трещала и дрожала. Магические линии тянулись по улицам, образуя закрученные узоры, соединяя здание за зданием, площадь за площадью. Улицы бухты Ренда расплавились, и все близстоящие здания загорелись от общего гобелена магии.

— Скачите! — проревел Утрос.

Поселение утонуло в огне, испепелившем множество солдат. Призвав свой дар, Рува создала ливень, и тот залил огонь рядом с ними и вниз по улице. Этого хватило, чтобы обезопасить Утроста и передние ряды, но горящие улицы позади них отрезали остальную часть армии.

Оказавшись на берегу, Утрос отвернулся от дыма и огня, чтобы сердито посмотреть на море. Норукайские корабли нагоняли грузовые суда с жителями бухты Ренда.

* * *

В отдалении от гавани два больших заполненных пассажирами парусника под командованием капитанов Стрейкера и Донелла уходили из бухты Ренда.

Все одаренные защитники поднялись на борт третьего судна, а капитан Миллс все звонил и звонил в тревожный колокол. К бухте Ренда приближались змеиные корабли.

Натан занял позицию на носу корабля, когда они снялись с якоря и поплыли за другими двумя суднами. По палубе

прокатилась волна огорчения, когда пассажиры увидели оранжевое пламя, расцветающее в центре поселения. Поднялись столбы дыма.

— Смотрите-ка, генерал Утрос нашел наш сюрприз, — улыбнулся Натан.

Орон с мрачным лицом поглаживал толстую светлую ко-су:

— Это еще не все.

Через несколько секунд появились новые вспышки. Ничего не подозревающие захватчики спустили с цепи огненный шторм. Небеса почернели от дыма, и пламя взвилось еще выше. Вскоре все поселение было охвачено огнем, который перекидывался со здания на здание, поглощал улицу за улицей.

Таддеус и другие эвакуированные из бухты Ренда смотрели на свои удаляющиеся дома и плакали. Освобожденный раб Ренделл положил руку на плечо главы поселения, желая его утешить.

Ольгию больше волновали змеиные корабли, идущие к ним.

— Как нам сражаться с норукайцами? Они быстро приближаются.

Капитан Миллс расхаживал по палубе, выкрикивая команды. Матросы ловко управлялись с такелажем, румпелем и парусами, чтобы поймать ветер и идти с максимальной возможной скоростью. Одаренные пассажиры помогали им, придавая ветру нужное направление.

Норкросс стоял рядом с генералом Зиммером, который смотрел то на горящее поселение, то на преследующий их змеиный флот.

— После столь частых стычек с Утросом будет полезно ради разнообразия сразиться с норукайцами.

Натан смотрел на дозорные башни у входа в бухту и ощущал боль в сердце, вызванную присутствием Айвена. Волшебник отогнал тьму и перевел взгляд на норукайский флот.

Змеиные корабли подгонял попутный ветер, а крепкие воины сидели на веслах, еще прибавляя скорости. Десять норукайских кораблей продолжали преследовать, в то время как остальные замедлили ход и повернули к горящей бухте Ренда, от которой поднимался дым.

Бэннон стоял рядом с Натаном и наблюдал за неумолимым приближением темно-синих парусов. Лицо юноши покраснело от гнева.

— Кажется, мне выпала возможность убить пару норукайцев. — Он дотронулся до клинка у бедра — это был обычный меч, выданный генералом Зиммером из запасов д'харианцев. — Любой меч хорош, но я скучаю по Крепышу. — Он опустил взгляд на незнакомое оружие.

— Скоро сможешь потренироваться, мальчишка, — сказала Лила. Свирепая Морасит была вооружена кинжалом и мечом, которые нашла в бухте Ренда. — Держись рядом, и у нас будет неплохой счет.

Натан знал, как много для Бэннона значил тот невзрачный меч. Крепыш был чем-то похож на рыжеволосого мечника: простой и скромный, а на самом деле смертоносный. Натан подумал об изящном клинке, который носил у бедра с отбытия из Д'Хары. Он выбрал этот меч и отличную дорожную одежду, чтобы выглядеть сногшибательно. Натан считал эффектный клинок важным аксессуаром искателя приключений, но теперь дар вернулся, а его настоящей сущностью был волшебник. Да, он мог сражаться мечом в случае необходимости, но изысканный дорогой клинок был для него не так важен, как для Бэннона.

Он расстегнул пряжку и снял ножны.

— Мой мальчик, ты его заслужил.

— О чем ты? — удивленно уставился на него Бэннон.

— Возьми мой меч. Должно быть, это лучший из когда-либо созданных клинков — судя по цене. Он служил мне во многих приключениях, как тебе прекрасно известно, но только ты оценишь его по достоинству. — Он протянул меч Бэннону. — Я дарю его тебе.

— Я никогда не пользовался таким изящным клинком, — не решался принять подарок Бэннон.

— Колешь острием и рубишь лезвием, — сказала Лила. — Ничего необычного.

Натан подтолкнул наверх к юноше:

— Лучше возьми, пока я не передумал.

Бэннон взял меч:

— Спасибо, Натан! — Изумленно он вытащил клинок из ножен. В карих глазах блеснули слезы, когда он вытянул к солнцу сверкающую сталь. — Может, король Скорбь увидит его и сбежит.

— Я бы предпочла, чтобы он подошел ближе, а ты пронзил его сердце, — сказала Лила.

Натан ощутил тепло удовлетворения:

— Дай мне меч, который тебе выдали. Не хочу быть безоружным.

Бэннон передал ему меч, а затем с гордостью надел перевязь клинка Натана.

— Этот меч больше подходит твоим умениям, — сказала Лила.

— И все же я скучаю по Крепышу, — ответил он.

— Ты сам оружие, Бэннон Фермер. А клинок — это просто клинок.

Норукайцы продолжали сокращать расстояние, и было очевидно, что скоро их отчаянная гребля принесет плоды. С

палубы Натан слышал крики злых воинов и стук барабана, управляющего гребцами.

— Они неумолимы. Но не слишком умны.

Один змеиный корабль вырвался вперед, опередив остальные. Его весла напоминали конечности многоножки. Норукаец, стоявший позади резной носовой фигуры, вызывающе закричал и взмахнул шипастым железным шаром на цепи.

— Это Боско, — узнал норукайца Бэннон. — Он заставлял нас с Лилой грести чуть ли не до смерти.

— Он высокого о себе мнения, — фыркнула Лила. — Я отсюда чую его вонь.

Бэннон глянул на нее с жесткой усмешкой:

— Одной его вони достаточно, чтобы убить врага.

Этот змеиный корабль мчался впереди остальных, словно Боско хотел захватить их в одиночку.

Эмбер, Оливер и Перетта быстро что-то обсудили.

— Мы можем помочь, — сказала Эмбер. — Смотрите.

Втроем они встали у борта плечом к плечу, высвободили дар и послали волну воды и воздуха, которая прокатилась по морю и врезалась в бок корабля Боско. Норукайцы пытались удержаться на палубе, когда волна швырнула судно в сторону, сломав несколько весел. Некоторые налетчики ринулись к снастям, другие столпились на верхней стороне накрененного судна, пытаясь восстановить равновесие. Весла снова пришли в движение, но корабль двигался хаотично.

— Мы сделали это! — ликовала троица. — Мы их остановили!

— Полный вперед! — закричал капитан Миллс. — Мы можем оторваться.

Пытаясь устоять на поврежденном корабле, Боско взмахнул кистенем, вцепившись в носовую фигуру. Он вызывающе взревел, обзывая их трусами.

Орон ждал рядом с Натаном, скривив губы в гримасе.

— До рукопашного боя не дойдет. Не сейчас. — Он нетерпеливо поднял руку и выставил перед собой ладонь. — Мы можем ударить по ним отсюда.

Натан улыбнулся:

— Наши ученики неплохо потрудились, но мы можем закончить все прямо сейчас.

Действуя вместе, два волшебника призвали две молнии. Зазубренные копья энергии ударили одновременно, взорвав нос змеиноного корабля и испарив Боско.

— Наверное, в нем скопилось много газов, — сказал Бэннон, и Лила прыснула от смеха.

Оставшиеся норукайские корабли подошли ближе, и капитан Миллс помрачнел.

— Хорошо, что у рыбацких лодок была неплохая фора. Надеюсь, они нашли гроты или другие укрытия. Норукайцы будут преследовать нас день и ночь.

Позади над бухтой Ренда поднимался дым, напоминавший наковальню в небе. Пассажиры смотрели в ту сторону, понимая, что их дома уничтожены. Флот короля Скорбь стягивался к бухте.

— Мы должны опередить их и поднять тревогу в других городах на побережье, — сказал Натан. — Они повернут назад, как только поймут, что им нас не догнать.

— Я могу кое-что сделать, — сказала Ольгия. — Я научилась этому трюку в Ильдакаре и уже использовала его в Твердыне.

Она простерла свой дар над водой вокруг и подняла в воздух крошечные капельки. Созданное ею облако тумана размером с остров раскинулось позади них дымовой заве-

сой. Белые завитки наполнили воздух, спрятав их от норукайских капитанов. Вскоре грузовые корабли полностью исчезли.

Натан улыбнулся при виде клубящегося тумана. Ольга словно впала в транс, утолщая завитки и сплетая их в огромное шелковое полотно. Змеиные корабли быстро затерялись в завесе тумана.

— Превосходно. Теперь мы безо всяких препятствий можем двигаться дальше.

Корабли плыли впереди стены тумана, под безоблачным небом, направляясь к большим городам Древнего мира.

Глава 65

Бухта Ренда бесконтрольно горела еще два дня, прежде чем пожары угасли, оставив после себя лишь пепел и каменные фундаменты. Основной норукайский флот встал за пределами гавани, в то время как несколько кораблей преследовали три парусника, спасшихся из поселения. Наконец, и они вернулись.

Утрос правил руинами.

Во время сильнейшего пожара первый командующий Енох отправил разведчиков вверх по течению, приказав держаться у воды, чтобы спастись от огня и добраться до основных сил Утроса. Тысячи воинов топорами и мечами принялись рыть противопожарные полосы. Другие выстроились в длинные цепочки, передавая ведра с водой. Несмотря на все усилия и неисчерпаемую рабочую силу, поселение продолжало гореть, и армии удалось спасти лишь несколько десятков домов и магазинов. Толку от этого было мало, ведь здания были пусты. Впоследствии, обшаривая руины в по-

исках хоть кусочка пищи, они нашли больше двухсот обугленных тел. Их кости смешались с пеплом. Снова потери...

Рува объединила дар с духом Авы, чтобы расчистить несколько сгоревших зданий и разбить лагерь командования. Генерал Утрос решил использовать один из уцелевших домов в качестве штаба.

— Я надеялся, что смогу здесь накормить солдат, — оглядев разрушения, тихо заговорил Утрос, чтобы его слышали только Енох и колдуньи. — Что им есть — пепел?

Рува скользнула к нему:

— Мое заклинание сохранения продолжит действовать. Солдаты могут идти маршем до самой Танимуры.

— А если они и Танимуру сожгут дотла? — глядя через золотую полумаску, Утрос обрушил на нее град вопросов. — И каждый город на моем пути? Что, если эти люди готовы разрушить все города Древнего мира, просто чтобы лишить меня победы? Как долго продержимся?

Рува нежно погладила его здоровую щеку:

— Мы продержимся столько, сколько необходимо, возлюбленный Утрос. Мы преданы тебе.

— Я осталась с тобой даже после смерти, — сказала мерцающая пред ним Ава, — разве не так? Твои солдаты с тобой, а не в преисподней, потому что поклялись тебе в верности. Эта война не закончится, пока ты сам не решишь ее закончить. Победа в твоих глазах, ты сам ее определяешь.

Смирившись, он прижал ладонь Рувы к своей щеке. На мгновение он позволил себе вспомнить легкие прикосновения Мэджел, вспомнить тот период жизни, когда любил и был счастлив, когда верил в прекрасное будущее для себя, своей любимой и своего императора... Когда не нужно было выбирать между преданностью и любовью. Теперь Утрос сам был себе господином и собирался взять от Древнего мира все.

Ядро огромной армии встало лагерем вдоль речной дороги по другую сторону пожарища, потому что среди сажи и пепла для них не было места. Ожидая приказов генерала, вторые командующие Хальдерс и Аррос требовали ответов у Еноха, но тот велел ждать. Первый командующий отправился в новый штаб генерала.

— Солдаты готовы, сэр, и ждут приказов. Мы должны продолжить марш? Оставим бухту Ренда и отправимся дальше? Что будем делать с норукайскими кораблями?

После долгой паузы Утрос ответил:

— Что мне действительно нужно, так это карты и разведчики. А потом уже смогу решить, куда идти. — Он сжал руку в кулак.

— Вы — легенда для всех нас, сэр, — сказал Енох. — Что бы вы ни решили, это будет правильное тактическое решение. Мы потеряли много бойцов в многочисленных стычках, и враг доставил нам больше проблем, чем мы ожидали, но ваша армия все еще способна сокрушить любой город. Тем более при помощи норукайцев.

Утрос вышел из здания и посмотрел на почерневшее поселение. Его люди ждали указаний. Он посмотрел на бухту, где собралось много змеиных кораблей, включая флагман короля Скорбь.

Он сузил глаза и кивнул сам себе.

— Возможно, я нуждаюсь в норукайцах сильнее, чем полагал, — по крайней мере, сейчас. Мы можем воспользоваться их картами, припасами и рабочей силой. Мы с королем можем спланировать нашу атаку на остальные земли. Мне нужно переговорить с ним.

Пред ними парил дух Авы.

— Я могу отправиться к кораблям и передать королю Скорбь, что ты просишь о встрече.

— Да, — сказал Утрос. — Но убедись, чтобы он понял: это не просьба.

* * *

Змеиные корабли стояли на якоре за пределами бухты Ренда и ее каменных дозорных башен, будто опасались, что невидимые защитники могут обрушить на них град метательных снарядов и пылающих стрел.

После того как Ава связалась с королем, норукайцы отправили лодку за генералом Утросом и Рувой. Они ждали, пока четверо норукайских воинов гребли к уцелевшему причалу. Мужчины угрюмо приветствовали Утроса, беззастенчиво разглядывая стройную Руву, разрисованную краской.

Она холодно посмотрела на них:

— Можете желать меня, но вам следует бояться. Вы испытаете такое сильное удовольствие, что ваши сердца взорвутся.

Двое норукайцев хмыкнули, но один смельчак расхохотался:

— Такая смерть не достойна воина, но достойна мужчины.

Четвертый же принялся дразнить ее:

— А может, ты получишь такое удовольствие, что умрешь первой!

Утрос не желал тратить время на обмен остротами.

— Довольно! Доставьте нас к королю Скорбь. Мы должны победить в войне.

Эти норукайские недолюди вызывали отвращение, и ему был ненавистен тот факт, что он — пока что — нуждался в них для достижения своих целей.

Налетчики разглядывали обгоревшие руины бухты Ренда:

— Здесь вы уже оставили свой след. Мы и сами сделали то же самое со многими деревнями.

— Может, в тебе и есть норукайская кровь, — хохотнул норукаец.

— Просто гребите к кораблю! — рявкнул Утрос.

Лодка подплыла к главному кораблю, на палубе которого их поджидала группа дерзких норукайцев.

— Значит, наши армии все-таки объединились! — Король Скорбь скрестил руки на груди и приветствовал гостей. — Я жду войну, которую ты мне обещал.

Утрос поднялся на борт:

— Для победы нужно выработать стратегию. Принеси еду, и мы переговорим в твоей каюте.

Скорбь принимался, наслаждаясь запахом дыма, который черным туманом повис над гаванью.

— Люблю запах успешного налета и разрушения слабого поселения. Надеюсь, вы забрали все имущество жителей бухты Ренда, прежде чем сжечь ее дотла.

Утрос пришел в раздражение.

— Я не жег ее — я не так глуп, чтобы разрушать столь ценное поселение. Люди расставили ловушки перед уходом, превратив бухту в пекло, когда мы пришли.

Норукайский король грубо загоготал:

— Тогда твои люди, должно быть, очень голодны!

Утрос сжал руку в кулак и стиснул зубы так сильно, что его полумаска съехала.

На норукайских кораблях было полно припасов: соленая и копченая рыба, лепешки из водорослей, твердые хлебцы, бочки с элем. Все это они привезли со своих островов. Утрос хотел бы раздать всю эту еду своим солдатам, но однажды он уже просил об этом, и новая просьба выставит его слабаком в глазах короля Скорбь.

— Просто небольшие трудности, — сказал Утрос, когда они вошли в каюту короля. — Моя армия способна идти дальше. Расскажи о других городах на побережье. В каких больше добычи? Разорим их — моих солдат нужно накормить.

Сидя на крепкой скамье, Скорбь вгрызался в кусок копченого мяса. Утрос не смог понять, чье это мясо. Король не ответил на вопрос, занятый едой. Утрос и Рува получили по оловянной тарелке с куском копченой рыбы, которую они сочли довольно вкусной.

Колдунья некоторое время молча жевала, а потом спросила:

— Где твой шаман? Мелок не помогает тебе советом?

— Мелок мертв. — Лицо короля, покрытое жуткими шрамами, помрачнело. — Теперь все они должны умереть. Все должны скорбеть.

— Нужно составить план, — нетерпеливо сказал Утрос. Как потеря этой хныкающей белой обезьяны могла сравниться с его болью от потери Авы, его драгоценной прекрасной колдуньи? — Бухта Ренда меня разочаровала. Нам нужно идти дальше, чтобы пополнить припасы.

Через приоткрытую дверь каюты доносились громкие крики и сердитое ворчание норукайцев. Коренастая уродливая женщина по имени Атта вошла в каюту, как в свою собственную. Она несла еще один кусок мяса на кости, который напомнил Утросу часть человеческой руки. Она отрывала зубами кусок плоти и принялась чавкать.

— Мои воины в полной боевой готовности. — Жесткая скамья закрипела под весом короля, когда он сменил позу. — Ларс уже совершил набег на несколько городков и деревень и может сообщить, какие остались нетронутыми. Там, где он все разрушил, уже нечем поживиться.

— Чем больше он разрушает, тем больше нам потом восстанавливать. Скажи ему, чтобы он действовал аккуратнее.

Скорбь рассмеялся, будто генерал рассказал отличную шутку.

— Мы объединим усилия, чтобы завоевать Древний мир, но я все еще не знаю, как мы потом разделим земли.

— Посмотрим, что от них останется, — сказал Утрос, — а потом уже поделим.

— Или сразимся за них. — Норукайский король переключился на кость в своей руке, оторвав еще кусок красного мяса и сухожилый.

Утрос порадовался, что золотая маска прячет выражение его лица, и постарался сохранить невозмутимость. Он отложил вилку с наткнутым куском копченой рыбы.

— В этом нет необходимости.

Норукайцы вызывали отвращение, и он считал короля Скорбь даже более гнусным, чем император Керган. Утрос планировал объединить весь Древний мир в свою новую империю, воспользовавшись норукайцами, которые были сильны и тяготели к разрушениям. Но его разум и честь противились тому, чтобы включать в состав империи таких подданных, как эти варвары. Когда война будет выиграна, он найдет способ уничтожить короля Скорбь.

Рува посмотрела на него с жесткой усмешкой, словно прочитала мысли.

— Необходимости нет, — сказала широкобедрая Атта, сядя на скамью рядом с королем, — но это может всех взбодрить. — Она протянула руку и коснулась раны на щеке короля. — Я пытаюсь решить, Скорбь, стоит ли мне становиться твоей королевой или взять на себя управление империей.

— Ты получишь то, что дам тебе я, — проворчал он.

Она мягко подула в его лицо:

— Я могу получить от тебя все, что захочу, мой Скорбь.

Он ударил ее в центр груди кулаком с железными костяшками. Удар сбил ее со скамьи, но она ухватилась за край стола и не упала. Засмеявшись, она врезала ему по челюсти. Скорбь вскочил на ноги, уронив кость, и расправил плечи с костяными шипами. Он долго смотрел в глаза Атты, а потом расслабился.

— Позже. Вечером я лягу в кровать, и мы продолжим борьбу.

— Лучше делать это в твоей каюте, Скорбь, — рассмеялась она, — потому что в моей мы вчера сломали койку! — Кокетливо, как ей казалось, посмотрев на него, норукайка неторопливо вышла из каюты, все еще сжимая в руке кость.

Утрос был нетерпелив, мрачен и серьезен. Ему нужно тщательно продумывать каждый шаг, но этот омерзительный болван, похоже, вообще не думает наперед.

— Моя армия готова к маршу. Бухта Ренда сгорела, и мы должны скорее выдвигаться. Король Скорбь, объединив наши силы, мы сможем добиться того, что нам нужно.

— У меня больше ста сорока кораблей, — фыркнул Скорбь. — Это больше, чем может выдержать побережье. Твоя армия может идти по старым имперским дорогам в глубине материка, пока норукайцы грабят прибрежные города.

— Нам нужен более конкретный план! — заявил Утрос. — Это война, а не игра.

Скорбь отшвырнул обглоданную кость и осушил кружку с элем, недовольно глядя на генерала.

— Любая война — это игра. Зачем беспокоиться?

— Мы должны согласовать цель. — Утрос попытался сдерживать раздражение. — Нашей главной задачей должна стать Танимура, сердце Древнего мира. Это лучший способ уничтожить врага.

Скорбь скрестил на груди мощные руки:

— В Танимуре есть, чем поживиться? Я о ней почти не слышал.

Информация Утроса устарела больше чем на тысячу лет, но он сохранял уверенный вид.

— Танимура — богатый город, в котором полно женщин и потенциальных рабов. Захватив и разрушив его, мы выиграем войну.

— Такого плана мне достаточно, — буркнул король Скорбь. — Значит, отправляемся на север. После удара по Танимуре можно будет неторопливо обглаживать скелет Древнего мира.

Глава 66

Покинув руины Эффрена, Никки приказала быстрому военному кораблю встать на якорь в Серримунди — она желала посмотреть, как город готовится к обороне. Судя по напряжению в воздухе, жители отнеслись к опасности серьезно. Хозяин порта Отто отправил шустрые патрульные корабли к скалистому устью гавани, а на утесе над статуей Матери морей выставил дозорных. Город в защищенной гавани оставался настороже. Дозорные придумали простую, но эффективную и быструю систему передачи сигналов на большие расстояния. Если патрульный корабль заметит норукайский флот, то сбросит на воду и подожжет плот, набитый хворостом, смолой и сырой древесиной. Плавающие костры будут испускать густой дым, заметный издалека, и дозорные на утесе объявят тревогу. Норукайские налетчики больше не застанут Серримунди врасплох.

Экспедиция Никки привезла из Эффрена беженцев, которые присоединились к толпам других, уже истощивших ре-

сурсы Серримунди. Колдунья собиралась как можно скорее вернуться в Танимуру, но сначала хотела убедиться, что Серримунди в безопасности.

В защищенной гавани бурлила жизнь. Большую часть затонувших кораблей уже разобрали, чтобы расчистить проход для крупных торговых судов. Весельные лодки и рыбацкие судна сновали меж обгоревших мачт, торчавших из воды. Бригады рабочих продолжали восстанавливать причал и возводить оборонительные сооружения.

Никки шла по причалу в новом черном платье — ее старое столько раз чинилось и стиралось, что уже превратилось в лохмотья. Платье сидело по фигуре, привлекая к ней внимание зевак. Ее светлые волосы отросли, и пряди щеко-тали шею.

На новой пристани она нашла Отто — он разговаривал с капитаном Гэнли, чья «Туманная дева» была слишком большой, чтобы безопасно пройти через затонувшие корабли. Пять других больших кораблей стояли на якоре, ожидая возможности уйти в море, но их команды не сидели без дела и крепили к корпусу железные листы, укрепляя судно.

Хозяин порта и Гэнли стояли рядом с возвышавшейся над ними стопкой ящиков. Оба повернулись к Никки.

— Колдунья, благодаря вам моя «Туманная дева» станет боевым кораблем, — сказал Гэнли. — Хотя я предпочитаю мирно торговать, перемещаясь от порта к порту.

— Каждому судну придется стать военным, пока не кончится война, — сказала Никки.

Отто нахлобучил широкополую шляпу, прикрывавшую глаза от солнца.

— К вечеру мы освободим проход, и большие корабли смогут покинуть гавань. — Он вздохнул. — Часть меня хочет, чтобы Гэнли увез в безопасное место мою дочь и внуков, чтобы я мог сосредоточиться на защите города.

— Тогда они будут в безопасности, а остальные жители Серримунди — нет, — сказал Гэнли. — Я должен сыграть свою роль, как и все мы.

— «Туманная дева» будет полезна как боевой корабль, — сказала Никки. — Она поможет защитить устье гавани, если норукайцы преодолеют рифы.

Она была рада видеть, как сотни беженцев из Эффрена, прибывшие первыми, уже вооружились и отрабатывали маневры на площадке, где раньше стояли сожженные Кором склады. Мужчины и женщины, по-прежнему одетые в лохмотья, облачились в разнообразные доспехи: кольчужные, кожаные и даже латные. Они неуклюже тренировались, неумело размахивая мечами, но с каждым часом у них получалось все лучше.

Никки кивнула на новобранцев:

— Их хватит для оборонительного отряда на случай, если норукайцы снова высадятся на берег.

— Я намерен не допустить их высадки, — сказал хозяин порта. — Наши укрепленные боевые корабли блокируют устье гавани. Налетчики ни за что не пройдут мимо Матери морей.

Гэнли выпятил подбородок:

— Цепь из пяти больших кораблей не даст им войти в гавань.

— Какая разительная перемена, — впечатлилась Никки. — Когда я предупредила вас в прошлый раз, вы были гораздо беспечнее.

Оставив мужчин, она подошла к следующему пирсу, где заприметила старика в набедренной повязке. Его голова была гладко выбрита, а тело так сильно загорело, что кожа казалась дубленой. С несвойственной старикам гибкостью он сидел на краю причала, скрестив ноги, и присматривал за четырьмя юношами, нырявшими под воду. Рядом лежали

каменные грузы различных размеров; молодые ныряльщики брали по грузу и глубоко ныряли, словно стремились утонуть. Спустя удивительно долгое время они выныривали вместе с грузом. Старик одобрительно кивал, когда они возвращали камни на причал, но почти не хвалил своих учеников.

Никки обратила внимание на татуировки на его обнаженной груди: множество цепочек из кругов, которые невозможно было сосчитать. Ее губы невольно скривились.

— Ты ныряльщик за жемчужинами желаний.

Когда старик поднял голову, на его шее проступили сухожилия.

— Я лучший ныряльщик. Меня зовут Лорен, и на меня возложено бремя обучать этих щенков и выяснять, у кого из них достаточно мощные легкие, чтобы последовать по моему пути. Некоторые умирают. — Он пожал плечами. — И тогда мне приходится нырять за каменным грузом, чтобы другие ученики могли тренироваться с ним. Это довольно хлопотно.

На поверхности воды с шумным выдохом появился юный ныряльщик. Он со стуком поставил груз на доски перед старым учителем.

— Очевидно, это было слишком просто, — сказал Лорен.

— Возьми потяжелее. — Он вручил ныряльщику огромный камень, который тут же утянул юношу под воду.

Никки хмуро посмотрела на рябь на воде:

— У меня уже был опыт общения с ныряльщиками за жемчужинами желаний, и не всегда положительный. Я Никки.

— Каждый в Серримунди знает тебя, колдунья, — фыркнул Лорен. — Мой опыт общения с ныряльщиками тоже не всегда положителен. Никто из учеников еще не приблизил-

ся к моему уровню, поэтому у них нет оснований быть высокомерными.

— Кажется, ты слишком гордишься своими достижениями, — сказала она.

— Гордость вполне оправдана, если основывается на настоящих достижениях.

Все пятеро ныряльщиков вынырнули и уцепились за край причала, глядя на учителя.

— Мы выполнили все задания, Лорен, — сказал широколицый юноша и посмотрел на Никки с хищной акульей усмешкой. Колдунья ответила такой же ухмылкой, и парень вздрогнул.

— Тогда дам вам еще больше заданий, — сказал Лорен.

— Вы еще недостаточно утомились.

Никки повернулась к старому учителю:

— Почему ты не отправишь их работать на затонувшие корабли? Пусть сделают что-то полезное для своего города.

— Ныряльщики не занимаются грязной работой! — заявил один из юношей, держась на воде.

Судя по помрачневшему лицу Лорена, юнец дал неправильный ответ.

— Вы будете делать все, что я скажу! — Он указал на свои татуировки. — Вы не станете ныряльщиками за жемчужинами желаний, пока я не скажу. У вас легкие ребенка! Вдохните немного смирения.

Во время недавнего нападения норукайцев на Серримунди Никки пристыдила четверых ныряльщиков, и они помогли ей. Она дала им бутылки с огнем волшебника, и они потопили несколько змеиных кораблей. Это почти сгладило ее впечатления от первой встречи с высокомерными ныряльщиками на борту «Бегущего по волнам», которые отравили ее и пытались изнасиловать.

— Слушайте колдунью, — свесившись за край причала, рывкнул на учеников Лорен. — Идите и помогите в гавани. Послужите Серримунди.

— С чего это вдруг? — язвительно спросил высокомерный ныряльщик, продолжая жадно поглядывать на фигуру Никки.

— Вы получите больше, чем богатство, — ответила она. — Вы докажете, что приносите пользу.

Ученики насупились, словно это интересовало их меньше всего прочего.

— Если норукайцы захватят Серримунди, они не захотят покупать жемчужины желаний... если кто-то из вас выживет.

— Идите расчищать гавань от обломков! — скомандовал Лорен. — Когда закончите, я, может, и позволю вам снова пойти к женщинам.

Барахтаясь в воде, ныряльщики огрызнулись:

— Мы ныряльщики за жемчужинами желаний! Женщины сами на нас вешаются.

Лорен сердито глянул на них:

— Перестанут, если я пушу слух, что у вас чесотка.

Придя в ужас, ныряльщики поплыли к ближайшему затонувшему кораблю и присоединились к бригадам рабочих.

С обрыва над статуей Матери морей донесся тревожный звон медного колокола, и все в гавани замерло. Даже несмотря на стук деревянных молотов и лязг брони, на берегу воцарилась тишина. Никки уставилась на дозорного на вершине утеса, который размахивал руками.

— Это норукайцы? Нам снова придется сражаться?

— Нет, не норукайцы. — Лорен склонил голову набок, прислушиваясь. Колокол прозвонил три раза, затем выдержал паузу, затем снова прозвонил три раза. — Просто грузовые корабли. Три корабля.

— Три? — переспросила Никки. — Зачем торговцам плыть вместе? Они же конкуренты.

Лорен по-прежнему сидел на причале, скрестив ноги и поджариваясь на солнышке.

— Такого я еще не видел. Наверное, случилось что-то необычное.

После того как корабли прошли через узкое устье защищенной гавани, Никки узнала, что они плыли вдоль Призрачного берега из бухты Ренда. И на борту были Натан, Бэннон и ильдакарцы.

* * *

Капитаны Миллс, Стрейкер и Донелл встали на якорь возле высокой статуи Матери морей и отправили к докам шлюпки со своими представителями.

Никки хорошо скрывала чувства, но на самом деле подетски удивилась, когда увидела на борту первой лодки мудрого волшебника с длинными белыми волосами. На нем была кружевная рубашка, жилет и длинный плащ. Позади него сидели двое: рыжеволосый мечник Бэннон Фермер и Морасит Лила в наряде из черной кожи. Никки уже и не рассчитывала увидеть их снова. Она могла только гадать, как они оказались в Серримунди, ведь в последний раз она видела их на другом конце Древнего мира.

Никки поняла, что Натан тоже не ожидал ее увидеть. Когда шлюпка приблизилась к причалу, Бэннон вскочил, энергично размахивая руками и раскачивая лодку.

— Никки! Поверить не могу, что ты здесь.

Лила схватила юношу за запястье, пытаясь уговорить.

— Я буду очень зла, если ты свалишься за борт и утонешь, мальчишка. Я слишком много сделала, чтобы сохранить тебе жизнь.

Когда лодка пришвартовалась, Бэннон спрыгнул на причал, не в силах удержаться от восторженных объятий.

— Я скучал по тебе, Никки! Мы так много пережили вместе. Я знал, что ты обо мне беспокоишься.

— Не слишком-то. — Несмотря на эти слова, Никки тоже была рада его видеть. Слова застряли у нее в горле, и она разрешила себе обнять его, на что он радостно стиснул ее с новой силой. — Я рада, что ты жив, но была занята: строила укрепления, сражалась с норукайцами и даже столкнулась с генералом Утросом. — Она высвободилась из рук Бэннона, но уже через мгновение попала в объятия Натана.

— Мы тоже! — воскликнул волшебник. — Столько всего произошло, и война следует за нами по пятам! Я так рад, что мы воссоединились. Нам нужно спасти мир.

— И раз мы вместе, теперь куда больше шансов на успех! — сказал Бэннон.

Облегчение растопило суровую решимость Никки, и она перестала противиться чувствам.

— Я действительно волновалась за вас обоих. Думала, мы разлучились навсегда, была уверена, что вы уже мертвы или заперты под саваном вечности.

— Мы тоже боялись, что ты погибла. Но я счастлив, что ты выжила! — Бэннон широко ей улыбнулся, и Лила радостно покосилась на него.

— Мы многое должны рассказать, — продолжил Натан. — Бухта Ренда уничтожена, как и Твердыня. Генерал Утрос и его армия маршируют прочь от Ильдакара, и мы не смогли их остановить.

— Флот норукайцев одновременно с Утросом атаковал бухту Ренда, — выпалил Бэннон. — У них больше сотни кораблей, и они плывут на север, опустошая побережье. Генерал Утрос идет по имперским дорогам. Спорю на что угодно — они нацелились на Танимуру.

Столпившиеся вокруг люди восприняли эти новости с тревогой и смятением.

— Как же нам противостоять им? — спросил хозяин порта Отто.

Никки поняла, что опытный волшебник Натан, который знает язык Сотворения, способен помочь ей с загадочной костяной шкатулкой Ричарда. Она ощутила, как холод в ее сердце крепчает.

— Вот чего я ждала все это время.

Глава 67

Шлюпки доставили одаренных с трех кораблей в доки Серримунди, но беженцы из бухты Ренда пока что остались на борту. Хозяин порта Отто отправил к кораблям лодки с припасами, бочками воды и провизией, но его город просто не мог вместить еще несколько тысяч людей.

Пока Никки и Отто организовывали общее собрание для обсуждения новых тревожных сведений, Бэннон с Лилой отправились исследовать окраину гавани и мыс. Дойдя до края пристани, они пошли по тропинке из гравия к высокому утесу в устье гавани. Бэннон смотрел на высеченную в камне фигуру Матери морей, нависшую над морем.

— Об этой статуе слышали даже на острове Кирия, — с улыбкой сказал юноша. — Никогда и не думал, что своими глазами увижу великую Мать морей в Серримунди. — Он повернулся к Лиле в надежде, что она разделит его восторг.

Синяки на ее лице полностью сошли, и она выглядела прекрасной... как остро заточенный нож. После побега из бастиона она всегда оставалась рядом, не выпуская юношу из вида. Даже когда они спали в обнимку в тесной каюте на борту капитана Миллса, ее тело было напряжено, словно

она была готова защищать его каждую секунду. Бэннон ни на кого не променял бы эту женщину.

— Ты часто упоминаешь Мать морей. Обычно, когда хочешь выругаться, — сказала Лила.

Стоя под внушительной статуей, Бэннон задрал голову. Он попытался представить, как скульпторы бьют молотками по темной морской скале, придавая природному образованию форму прекрасной и грозной женщины.

— Я никогда не видел настоящую Мать морей, но говорят, что в давние времена она появлялась в облике серебряной богини.

— Она красива, — неохотно признала Лила. В ее тоне было больше обиды, чем восхищения.

Огромное женское лицо выглядело благосклонным, большие пустые глаза смотрели на море за пределами гавани. Мать морей должна была защищать Серримунди ото всех врагов, но и глазом не моргнула, когда пришли норукайцы. Бэннон знал, что город спасла Никки.

Зашагав дальше, он с удовольствием положил руку на тисненные кожаные ножны с изысканным клинком — подарок Натана. Он и представить не мог, что у него когда-то будет такое великолепное оружие. Он гордился Крепышом, купленным на собственные деньги, и усердно тренировался, сжимая в руке обернутую кожей рукоять. Он сомневался, что какой-нибудь другой клинок будет лежать в его руке столь же естественно, но признавал, что меч Натана был почти таким же идеальным.

Наслаждаясь передышкой перед следующей страшной битвой, когда бы она ни произошла, он был рад прогулке с прекрасной Лилой. Он чувствовал себя другим человеком: уже не юным капустным фермером, который сбежал от унылого существования на захудалом острове и побоев от-

ца, убившего впоследствии его мать... чей друг был захвачен норукайскими работоторговцами.

Нет, то был прежний Бэннон. Теперь он много путешествовал и сражался в великих битвах; он повидал немало удивительного и был закален опытом. Сейчас у него была чистая одежда, полный желудок, отличный меч, который стоил целое состояние, и прекрасная женщина — его наставница и любовница, которая отказалась его покинуть. Он едва мог во все это поверить.

Бэннон поднял взгляд на величественную статую и пробормотал:

— Пресвятая Мать морей. — При этих словах он улыбнулся.

— Ты слишком увлечен ее красотой, мальчишка, — едко прервала его размышления Лила. — Точно так же ты пускаешь слюни и на Никки.

— Что? — Бэннон удивленно заморгал. — Пускаю слюни на Никки?

— Я наблюдала за тобой. Твое сердце бьется быстрее, когда смотришь на нее. Признаю, она привлекательна, но я тоже. Мои волосы недостаточно светлы? Грудь у нее больше моей, тебя это привлекает? — Она напряглась, словно была готова атаковать.

Бэннон не знал, что сказать. Когда-то давно он действительно был влюблен в Никки. Он флиртовал с ней и даже приносил цветы в надежде завоевать ее сердце — но цветы оказались ядовитыми. Никки насмеялась над его попытками, а когда он не отказался от своей глупой влюбленности, пригрозила смертью.

— Никки? Да она меня пугает!

Лила достала меч из ножен у бедра, а другой рукой выхватила нож-эйджаил. Бэннон прекрасно знал, какую невыносимую боль может причинить это оружие.

— А я уже не пугаю, мальчишка? Защищайся! Может, усвоишь этот урок.

Она сделала выпад длинным клинком, и он едва успел выхватить из ножен изысканный меч Натана и отбить удар. Сталь ударилась о сталь. Бэннон уже практиковался с новым мечом, сражаясь в тених с воображаемым врагом, но Лила была настроена серьезно. Она ударила снова, отступила, а затем рубанула по животу. Она бы выпустила ему кишки, но он в последний миг сумел отпрыгнуть, и острие просвистевшего клинка дотронулось до рубашки.

— Лила! Что ты творишь?

Он защищался, используя все свое умение. Богатый меч ощущался в руке иначе, у него был несколько иной баланс. Бэннон чуть изменил хват и поднял лезвие как раз вовремя, чтобы перехватить более короткий меч Лилы. Запястье завибрировало от силы удара. Они продолжили поединок под сенью Матери морей. Ботинок Бэннона проскользнул на усыпанной гравием дорожке, и Лила бросилась вперед.

— Я злюсь, когда ты хочешь другую женщину, — зло бросила она.

— Но я этого не делал! — закричал Бэннон и успешно отразил удары, когда Лила рубанула по нему еще два раза. Он немного привык к мечу, и движения стали плавнее. — Лишь ты в моих мыслях!

— Докажи! — сказала она, снова бросаясь в атаку.

Бэннон едва блокировал тяжелые удары, но Лила все не успокаивалась. Он не понимал, о чем она говорит. По мере того, как он продолжал сражаться, меч стал естественным продолжением его руки. Он изучал боевую технику Лилы, которую и так хорошо знал. Он предугадывал ее удары и контрудары. Бэннон тяжело дышал, рука его ныла, в то время как Морасит почти не вспотела.

Он усилил натиск, и наконец увидел крошечную брешь в защите, когда ее меч пошел вниз. Бэннон поднял клинок, метя ей в голову, но повернул лезвие плоской стороной и нанес ощутимый удар по ее черепу.

Лила отшатнулась и прижала ладонь к больному месту. Оказавшись на безопасном расстоянии, она опустила меч и посмотрела на него. Он ожидал увидеть в ее глазах вспышку гнева, но увидел восхищение.

— Ты дрался хорошо, мальчишка, потому что я хорошо тебя обучила. Я хотела, чтобы ты проявил себя с новым мечом. Ты должен понять, что оружие — всего лишь оружие. Ты продолжаешь хандрить, потому что утратил Крепыша, но этот клинок будет убивать врагов не хуже. Теперь ты это усвоил.

Бэннон посмотрел на свой меч:

— Ты устроила это для тренировки? Просто притворилась, что ревнуешь?

— Я не притворялась, — сказала Лила. — Наши тела идеально двигались вместе во время поединка, хотя я предпочитаю, чтобы они двигались так в постели. Теперь ты убедил, что я в центре твоего внимания. Хватит бороться. — Она заставила его отвернуться от каменной Матери морей и повела по гравийной тропе прочь от мыса. — Я хочу уйти от этой женщины, которая на нас смотрит. Нам больше не нужно драться.

* * *

Собрание с капитанами кораблей, командирами стражи и представителями городских властей состоялось во второй половине дня на пустующем складе, деревянные и кирпичные стены которого обгорели во время недавнего налета Кора. В помещении поставили скамейки, а из ящиков выстроили помост.

Когда представители собрались обсудить ситуацию, Натан оглядел толпу. Генерал Зиммер и капитан Норкросс представляли д'харианский экспедиционный корпус, который изначально размещался в Танимуре. Сестры Элдин, Рода и Мэб выступали от имени сестер Света, которые еще не успели выбрать новую аббатису. Натан сомневался, что они вообще найдут женщину, способную заменить Верну.

Никки стояла на платформе, излучая силу и уверенность и ожидая, когда публика успокоится. Одаренные из Ильдара — Перри, Ольгия и Орон — тоже были силой, с которой приходилось считаться. Жители Серримунди столпились в дверях и вдоль стен, желая присутствовать на собрании, возможно, самом важном в своей жизни.

Отто ударил молотком по деревянной стене, и гулкий грохот заставил толпу замолчать. Выступая перед аудиторией, Натан, Никки и генерал Зиммер описали ситуацию со своей точки зрения. Орон и Ольгия дополнили рассказ, поведав о своем опыте, а Бэннон подробно описал ужасных норукайцев. Глава поселения Таддеус, голос которого дрожал от горечи, рассказал, что бухту Ренда сожгли дотла, чтобы задержать генерала Утроса и убить как можно больше его солдат.

— Как скоро придут норукайцы? — крикнул Джаред, дерзкий капитан кракенобойного судна. — Если они преследовали вас от бухты Ренда, то явятся сюда со дня на день.

— Погоня быстро прекратилась, — с гордостью сообщил капитан Миллс. — Волшебники потопили их головной корабль, а Ольгия спрятала наши судна за пеленой тумана. Судя по всему, остальные змеиные корабли отступили к бухте Ренда. Наши рыбацкие лодки нашли убежище в небольших бухтах и деревнях на побережье, но мы плыли на всех парусах, чтобы распространить предупреждение.

Зиммер поскреб щеку:

— Норукайцы никуда не торопятся. По пути на север они будут нападать на другие поселения вдоль побережья, а армия генерала Утроса потратит на переход немало времени.

— Если армия пойдет в Танимуру по старым имперским дорогам, которые уходят вглубь материка, то вполне может обойти Серримунди стороной. Это одна из причин, по которой Имперский Орден почти не тронул наш город. Мы находимся в стороне. Может, нам не стоит беспокоиться из-за генерала Утроса.

— Ох, отлично! — с сарказмом воскликнул Джаред. — Сотня змеиных кораблей не доставит нам особых проблем.

— У нас и так достаточно забот, — сказала Никки. — Полагаю, их основная цель — Танимура. Генерал Линден занимается ее укреплением вместе с д'харианской армией, ополчением Танимуры и многочисленными беженцами, жаждущими отомстить. Он сформировал серьезный флот, который охраняет гавань. У Танимуры большое войско, и она готова оказать серьезное сопротивление.

— Линден хороший командир, — кивнул Зиммер, — но мне не терпится вернуться в гарнизон и объединить наши силы.

Слово взял капитан Донелл:

— Мой корабль заполнен людьми из бухты Ренда, а припасы не бесконечны. Если мы не можем высадить пассажиров в Серримунди, я должен выдвинуться в Танимуру, и поскорее.

— Я тоже отплываю туда, — сказал капитан Миллс.

— На «Туманной де» установлены орудия, и я могу охранять устье гавани Серримунди, — сказал капитан Гэнли. — У нас есть несколько небольших кораблей, но мы могли бы использовать одно крупное судно, чтобы блоки-

ровать вход в гавань и сдержать захватчиков, если они явятся.

— Я остаюсь, — сказал капитан Стрейкер. — В Серримунди живет моя сестра.

Орон с Перри переглянулись, и Орон сказал:

— Мы отправимся вместе с капитаном Миллсом и присоединимся к защитникам Танимуры.

— Тогда я останусь помочь Серримунди, — предложила Ольгия. — Это не Ильдакар, но город мне нравится.

Хозяин порта Отто нервно посмотрел на Никки.

— Вы могущественный союзник, колдунья. Прошу вас, оставайтесь. Вы нужны Серримунди.

— Я останусь, но не поэтому, — сказала Никки. — Хочу остановить короля Скорбь как можно раньше. Я готова к битве.

— Я остаюсь с Никки, — тут же выпалил Бэннон. По-краснев, он быстро оглянулся на Лилу. — Мы остаемся.

— Я остаюсь с Бэнноном Фермером, — твердо сказала Морасит.

— Мне бы не хотелось снова разлучаться со своими компаньонами, — сказал Натан. — Но прежде чем заняться настоящей подготовкой, мы должны выяснить, где находится норукайский флот, как быстро он движется и когда придет.

Никки обратилась к собравшимся капитанам и горожанам:

— Я хочу отправиться на юг, навстречу налетчикам, на самом быстром корабле. Кто отвезет меня прямо к норукайскому флоту? Мы должны узнать, где они. — На ее лице появилась жесткая улыбка. — Мы будем раздражать и дразнить их, заставляя обойти Серримунди. Может, нам даже удастся вести их за собой до самой Танимуры, где есть

настоящая оборона. Мы можем сокрушить их раз и навсегда.

Жители Серримунди вздохнули с облегчением и надеждой.

Капитан кракенобойного судна поднялся со скамьи.

— «Преследователь» к вашим услугам, колдунья. Вы знаете, что мой корабль быстр, а команда знакома с этими водами, ведь мы часто охотимся поблизости на кракенов. Можем отплыть из Серримунди, когда скажете. — Он ухмыльнулся. — Или как только немного отмоем судно перед визитом гостей.

— Без толку, — буркнул Отто.

Глава 68

Тысячи и тысячи усталых солдат шли вперед, издавая низкий гул. Армия не останавливалась, отчаянно преодолевая милю за милей. Некоторые солдаты дрогнули, но основная масса целеустремленной древней боевой силы двигалась дальше. Подошвы сапог стерлись до дыр, ноги кровоточили, кожа была обожжена солнцем и из-за недоедания туго обтягивала кости. По пути они обдирали все, что годилось в пищу.

Генерал Утрос оглянулся на пыльное облако, поднятое бесконечным строем солдат. Он видел пустые и неумолимые лица, запавшие глаза, устремленные на их цель и предводителя. Они не жаловались, отчасти из-за притупляющего воздействия заклинания сохранения, но в основном потому, что верили в Утросу. Они промаршируют до самой Танимуры и захватят великий город, и его империя протянется через весь континент: от Ороганга до самого Нового мира.

Утрос высоко держал голову, хотя на нее давил тяжелый шлем. Он не подведет своих людей. Пятнадцать веков назад они осадили Ильдакар, а после пробуждения пробились через горы и долины к морю. Это уже было победой, но генерал Утрос желал большего. Они маршировали по имперским дорогам на север — к достойной добыче.

Рува ехала на гнедой кобыле рядом с Утросом, но словно пребывала в трансе. Он настаивал, чтобы она хорошо питалась, но колдунья выглядела изможденной и даже истощенной.

— Как думаешь, Ава будет в Танимуре? — Ее тихий голос был едва слышен среди стука лошадиных копыт. — Я скучаю по сестре.

Утрос нахмурился:

— Дух Авы появляется, когда захочет.

— Я так давно ее не видела.

Яркие краски, покрывавшие тело Рувы, размазались и кое-где отслоились, нарушив завитки заклинаний, которые близнецы так тщательно наносили на тела друг друга. Еще больше Утрос встревожился, когда заметил короткие волоски и пучки щетины, которые говорили о том, что Рува была не в состоянии начисто выбриться. В ее глазах был далекий и тревожный намек на безумие.

— Я все думаю, будет ли в Танимуре император Керган? Я помогу тебе победить его, возлюбленный Утрос.

— Железный Клык больше не наш враг. У нас хватает и других, — сказал Утрос. — Ты нужна мне, Рува. — Его тон стал резче. — Ты моя колдунья, единственная оставшаяся.

— Нет... — Ее взгляд нервно метался. — Нет, мы обе здесь. Ава вернется. Владелец еще не заполучил ее.

Он стиснул зубы с такой силой, словно хотел прикусить лишённые мудрости слова, готовые сорваться с языка. Кожа на раненой половине его лица натянулась.

— Мне нужна твоя собранность. Мне нужна твоя магия.
— Он постарался говорить мягче. — Я нуждаюсь в общении с тобой.

Рува моргнула и пришла в себя, покачав головой.

— Все это по-прежнему у тебя есть. Без сестры мне кажется, что я на грани. Она здесь и все же не здесь. От меня отсекли часть моего хань, но она снова сделает меня цельной, если вернется. — Подняв голову, Рува надсадно и умоляюще закричала в небеса: — Ава, где же ты? Владелец еще не может тебя заполнить. Он не может забрать никого из нас.

Не сумев отдохнуть в бухте Ренда, древние солдаты сравнивали с землей то, что осталось от поселения и безрезультатно просеяли пепел, наблюдая за отплытием флота змеиных кораблей. Норукайцы мало чем могли помочь сухопутным войскам, да и не слишком-то хотели.

Король Скорбь наслаждался новой войной, грабя город за городом по пути на север. Солдатам Утроса понадобится гораздо больше времени, чтобы достичь Танимуры. Им оставалось лишь совершать стремительный марш и надеяться добраться до великого города не позже норукайских налетчиков.

Вместо того чтобы двигаться вдоль неровной линии побережья, они направились вглубь материка и нашли прямую, но давно заброшенную имперскую дорогу. Утрос был рад, что она уцелела. Такие дороги предназначались не для торговли, а были прямыми магистралями, по которым Сулакан вел свои армии к Новому миру, с волшебниками которого он воевал.

Старые дороги заросли травой, брусчатка стала неровной от времени, но это был прямой как стрела путь к Танимуре.

— По этому пути давно уже не проходила армия завоевателей, — задумчиво сказал он.

Армия вытаптывала все на своем пути, двигаясь вперед и вперед.

Наконец, словно в ответ на призыв Рувы, в воздухе появилась мерцающая фигура. Зеленоватый дух Авы поплыл перед лошадьми.

— Я здесь, — сказала она невыразительным голосом, — но с каждым днем мне все труднее удержаться.

Рува раскрыла объятия, сидя в седле. Призрачное тело стало ярче, а Рува ослабела; затем дух Авы замерцал, подпитывая Руву силой.

— Мы связаны, дорогая сестра.

— Нас отрывают друг от друга, — сказала Ава. — Владелец желает нас обеих, и чем дольше я сопротивляюсь ему, тем сильнее он тянет меня к себе.

— Владелец хочет заполучить всех нас, — сказала Рува.

Дух отделился от нее и завис перед Утрсом, протянув тонкую руку в сторону бесконечного строя солдат.

— Владелец зовет их. Он знает о них. Они не могут забыть, что их место в преисподней.

— Их место рядом с генералом. И они продолжают маршировать.

Неровный строй брел вперед. Некоторые солдаты, ослабевшие и измученные, падали на каменную дорогу. Их заторможенные товарищи топтали тела, а другие, потеряв разум от голода, набрасывались на упавших, разрывали древние кожаные доспехи и обгладывали плоть до костей.

В смехе Рувы слышались нотки безумия:

— Смотри, Владелец получает свое!

— Владетелю пока что хватит и этого. — Утрс понизил голос: — У него уже есть император Керган и Мэджел, а у меня есть мир, который я поклялся завоевать. Мне нужна моя армия. Мое место здесь. — Он погрозил кулаком небесам. — Я продержусь до тех пор, пока не добьюсь своего!

Дух Авы натянуто рассмеялся, жутким эхом вторя смеху сестры.

— Владелец притягивает всех нас к завесе. Он подойдет, но его ожидание не будет длиться вечно.

Бледный дух потащило прочь, и Ава с тоской протянула руку к Руве. Сестра попыталась ухватить ее и удержать, но призрак Авы пошел волнами и растаял словно дым.

Утрос и Рува остались вдвоем.

— Я принесу тебе намного больше душ, если ты подождешь... — вполголоса пообещал Владетелю генерал. — Жди.

Глава 69

Капитан Джаред, верный своему слову, приготовил «Преследователя» к отплытию всего за час. За последние недели корабль переправил в Танимуру много беженцев, спасшихся из разрушенных городов, и доставил множество предметов первой необходимости. На этот раз Джаред отправится на юг с разведкой, чтобы встретиться с норукайским флотом, а потом вернуться с полученными сведениями.

За время стоянки в гавани Серримунди капитан укрепил корабль. Кракенобойное судно было покрыто пятнами грязи и выглядело не слишком презентабельно, а новые медные пластины придали ему совсем уж аляповатый вид.

Когда они выплыли из гавани и миновали полосу рифов, Никки осталась на палубе, позволяя вечернему бризу ерошить волосы. Даже порывистый ветер не мог развеять вездесущий рыбный запах. Натан, Бэннон и Лила присоединились к ней, глядя в сгущающиеся сумерки.

Натан как всегда был уверен и доволен собой — а после воссоединения с компаньонами еще и пуще прежнего. Даже на борту грязного корабля он остался в дорогой рубашке, новом жилете и расшитом плаще. Его длинные белые волосы развевались на ветру.

— Наше будущее мрачно, но я рад снова быть рядом с тобой, колдунья. Ричард взял с меня обещание заботиться о тебе, и я не хотел бы его разочаровать.

Никки подняла брови:

— Он послал меня с тобой, чтобы уберечь тебя от проблем, а теперь мы принимаем участие в настоящей войне.

— Не мы ее начали, колдунья, но мы закончим.

Бэннон похлопал по ножнам у бедра:

— Я буду сражаться на вашей стороне. Противнику до нас далеко.

Никки узнала богатый меч, который Натан взял из Д'Хары.

— Ты отдал ему свой меч?

— Мальчику нужно было новое оружие, вот я и поспособствовал.

Лицо Бэннона погрузнело.

— Король Скорбь выкинул Крепыша за борт. Я любил свой меч, а теперь он на дне реки. — Он обнажил новый клинок и посмотрел на блестящую сталь. — Но этот я люблю не меньше! Ведь это меч волшебника.

— Мальчик заслужил приличное оружие, — сказал Натан. — Дар вернулся ко мне, и я могу обойтись обычным клинком. — Он похлопал по стандартному армейскому мечу у бедра.

Лила сумела втиснуться между Бэнноном и Никки:

— Врага убивает клинок, а не его внешний вид. — Она посмотрела на Натана. — Или цена.

Когда стемнело, «Преследователь» уже шел по открытому морю. Капитан Джаред прозвонил в колокол, привлекая внимание команды:

— Мы подадим ужин, который произведет впечатление на наших уважаемых гостей, — прекрасное мясо кракена!

— А я уж думал, мы этим мясом убьем норукайцев, когда их отыщем, — пошутил один из матросов.

Джаред притворно обиделся, а остальные матросы расхохотались. Он раздал всем тарелки с мясом в серых лужичках «особого» соуса по рецепту его матери, который должен был придать кракену восхитительный вкус.

— Это угощение точно будет им под стать, — крикнул кто-то из команды, и все снова засмеялись.

Натан с опаской попробовал блюдо, в то время как Лила и Никки принялись за еду без комментариев.

— Лучше, чем рыбы потроха, — отметил Бэннон, словно это был комплимент. Потом он принялся подробно объяснять, как его мама готовила кракена с капустой на острове Кирия.

Джаред сел на ящик на палубе. Посерьезнев, он наклонился вперед и встретился взглядом с Никки.

— Я и моя команда рады столь ответственному заданию. Охотники на кракенов постоянно терпят насмешки от других матросов. Мы знаем, что наш корабль воняет. Мы знаем, что дорогие грузовые корабли гораздо чище и комфортнее, мы даже знаем, что некоторым не нравится вкус кракена. Но мы преданы городу и будем сражаться за свою землю.

Поздно ночью, когда матросы затихли, Никки отвела Натана в сторону:

— Во время прошлого визита я отправила в Народный Дворец предупреждение об этой страшной войне. Я просила отправить помощь, но у Ричарда в Д'Харе, похоже, бед не

меньше. Он не объяснил. — Ее лицо потемнело. — Однако он уверен, что я сама могу справиться с любыми проблемами в Древнем мире.

Натан раздул ноздри:

— Ты имела в виду, *мы* можем справиться с любыми проблемами.

Никки достала маленькую костяную шкатулку и протянула ее волшебнику.

— Ричард сказал, это все, в чем я нуждаюсь. Я создала контрольную сеть и прощупала ее своим даром, но так и не поняла, что это. Может, ты разберешься.

Волшебник с интересом взял костяную шкатулку и осмотрел со всех сторон.

— Это символы языка Сотворения. «Жизнь для живых. Смерть для мертвых». — Он осторожно открыл крышку и удивленно присвистнул при виде светящейся жемчужины магии, которая вращалась, мерцала и трепетала. — Это... Хм, кажется, это структурированное заклинание.

Никки кивнула:

— Но я не знаю, что оно делает и как его запустить. Мне не хватает ключа. Ричард думал, я пойму, что делать.

— Будь у нас время, я, может, и расшифровал бы его. Я немного разбираюсь в структурированных заклинаниях.

— Как и я. Но это заклинание поставило меня в тупик.

Натан покрутил в руках костяную шкатулку, а потом вернул Никки.

— Можем поразмыслить над загадкой вместе, но если Ричард говорит, что тебе нужна лишь эта шкатулка, то я уверен, что ты справишься с задачей. Кроме того, у нас есть и другие способы борьбы с врагом. — Он устремил взгляд на темное море. — Скоро мы найдем змеиные корабли.

* * *

Следующие несколько дней Натан и Никки усиливали южный ветер, чтобы удвоить скорость «Преследователя». Команда Джареда высматривала флот налетчиков, но океан оставался спокойным. Натан и Никки всячески исследовали сложное заклинание Ричарда, но так ни к чему и не пришли.

На третий день матросы начали проявлять беспокойство; в поведении замкнутого капитана сквозило напряжение. Лила и Бэннон успокаивали нервы, устраивая спарринг на палубе. Натан же смотрел на линию горизонта.

Никки подошла к волшебнику:

— Мне не терпится найти норукайцев, но каждая пройденная миля означает, что они намного дальше. У Серримунди и Танимуры есть время, чтобы усилить оборону.

— Пресвятая Мать морей, мы готовы сражаться! — сказал Бэннон, уперев в палубу кончик меча. — Прямо сейчас.

Дозорный с обнаженным торсом свесился с верхушки грот-мачты и прокричал:

— Впереди ровная вода, капитан! Зеркальная гладь!

Команда тут же приободрилась, а капитан с предвкушением ухмыльнулся.

Никки посмотрела туда, куда показывал дозорный. Станный участок воды казался неестественно гладким, как стекло.

— Капитан, что это значит?

— Верный признак, что прямо под поверхностью находится кракен! — Он принялся раздавать команде приказы, а сам побежал к штурвалу, чтобы изменить курс. — Мы не можем упустить такую возможность. Он прямо перед нами. — Он вдохнул полной грудью. — Самое время вспомнить, что мы охотники на кракенов.

Матросы отточенными движениями доставали веревки, гарпуны и утяжеленные сети. Вздурораженные мужчины

перекладывали оружие из одной руки в другую, разминая мускулы.

Когда «Преследователь» приблизился к неестественно ровной воде, над поверхностью взвилось гладкое зеленое щупальце. В следующий миг оно исчезло, оставив лишь еле заметную рябь. Охотники вызывающе завопили. Один чересчур рьяный матрос швырнул гарпун, но промахнулся. Мужчина тут же стал наматывать на руку веревку, чтобы вернуть оружие.

Гладкое щупальце было покрыто слизью и имело леопардовый окрас. Еще одно щупальце с многочисленными присосками показалось из воды, а потом еще четыре. Движения были вялыми, словно существо просто потягивалось на морском воздухе.

— Он будет атаковать? — спросил Натан.

Матросы рассмеялись над предположением, а Джаред закатил глаза.

— Кракены — кроткие животные, которые питаются водорослями. Они сильно извиваются, когда их убиваешь, но они вовсе не монстры, как все привыкли считать.

Когда «Преследователь» приблизился к цели, одни матросы собрались у борта, отведя назад руки с гарпунами, а другие держали наготове веревки и сети. Они действовали скоординировано — как солдаты, идущие в битву.

— Я насчитал семь щупалец, — сказал Бэннон. — Сколько их всего?

Джаред махнул рукой:

— У всех по-разному. Но чем больше у него щупалец, тем больше мяса получим.

— Мы достаточно близко, капитан! — крикнул дозорный.

Матросы не нуждались в приказе. Подобно лучникам, выпускающим залп стрел, они метнули гарпуны в гладкую

воду. Семь зазубренных копий шлепнулись в воду, но другие четыре попали в щупальца.

Существо походило на испуганного паука в центре паутины. Один матрос со смехом обмотал веревку вокруг талии, и рефлекторный рывок кракена чуть не утащил его за борт, но двое товарищей вовремя схватили матроса и дернули назад.

Когда «Преследователь» сократил дистанцию, ударили новые гарпуны. Матросы тянули за веревки, а кракен пытался вырваться. Корпус корабля заскрипел, сопротивляясь мощному рывку чудища. Две недавно установленные пластины с лязгом оторвались.

Над водой поднялся настоящий лес щупалец, разбрызгивавших слизь. Когда чудище показалось на поверхности, Никки увидела, что тело кракена представляет собой твердый круглый панцирь, как у краба, от которого расходятся щупальца, напоминающие спицы колеса. Несколько гарпунов угодили в панцирь и отскочили.

Одно щупальце устремилось вперед, пытаясь ухватить людей на палубе. Бэннон пригнулся, когда усеянный присосками кончик щупальца чуть не угодил в него. Натан хохотнул, не замечая другое щупальце. Оно хлестнуло его по боку с такой силой, что он отлетел на большой ящик, ударившись головой. Длинные белые волосы оглушенного Натана были измазаны слизью кракена и кровью.

Бэннон поспешил на помощь. Натан застонал и попытался подняться, прижимая ладонь к голове.

— Уверяю, я в порядке. Просто немного потрепан. — Он стоял на четвереньках, едва сохраняя сознание. — Сейчас я чуточку отдохну...

Щупальца извивались вокруг корабля, а охотники продолжали бить по добыче. Они отрубали оказавшиеся поблизости щупальца, оставляя чудищу культю.

— Не стесняйтесь прибегнуть к дару, колдунья, — с ухмылкой сказал Джаред. — Вы можете остановить его сердце магией?

— Я не хотела бы лишать вас удовольствия, — сухо проговорила Никки. — Я приберегу магию для битвы с настоящим врагом.

Крюки гарпунов вонзились в упругую кожу. Матросы тянули за веревки, подтягивая к «Преследователю» раненое чудище. Концы веревок они привязали к стойкам, не давая кракену уйти. Существо билось в предсмертной агонии, размахивая обрубками щупалец. Вскоре команда затащит тушу на борт и будет несколько часов разделявать.

Вдруг кракен резко дернулся и исчез под водой, натянув веревки и крюки.

— Он уходит! — закричал матрос.

— Это невозможно, — сказал Джаред. — Что-то тянет его вниз.

Мужчины согнулись под тяжестью веревок. Кракена утаскивало под воду, словно он был канатом, который перетягивают.

— Там в глубине что-то есть.

Бэннон держал в руке меч, глядя по сторонам. Лила рядом с ним была готова ринуться в бой. Натан сидел на палубе, стеная и держась за окровавленную голову.

— Больше гарпунов! — приказал Джаред. — Я не хочу упустить добычу!

Охотники схватились за копья, но кракен одним резким движением исчез из поля зрения. Гарпуны высвободились, вырвав куски слизистой кожи. Веревки со щелчком разорвались, и обрывки повисли на стойках. Вокруг утонувшего кракена расцвело пятно крови, и зеркально гладкая вода вспенилась. Команда хором закричала, когда поверхность воды вспучилась и показалась украшенная плавниками го-

лова морского змея размером с лодку. Огромные челюсти грозного змея сомкнулись на извивающемся кракене, щупальца которого напоминали червей. Когда морской змей с хрустом прокусил панцирь, оттуда брызнула зеленая жидкость.

Бэннон попятился, врезавшись в Лилу:

— Это змеиный бог!

Лила достала короткий меч и встала рядом с ним, готовая к битве.

— Возможно, его послал король Скорбь.

Монстр открыл пасть, подкинув умирающего кракена в воздух, а потом проглотил кусок мяса и устремил на «Преследователя» свои глаза с вертикальными зрачками.

Матросы метались по палубе, но прятаться было негде.

Монстр расправил острые плавники и оглушительно зашипел. Всех на палубе окатило брызгами, а дозорный вывалился из своей корзины, едва успев уцепиться за такелаж.

— Мне доводилось сражаться с драконами, — сказала Никки, глядя на огромного морского змея. — Этот монстр ничем не отличается.

Натан сумел подняться на ноги. Рана на голове еще кровоточила.

— Я помогу тебе, колдунья, как сумею.

Змеиный бог захрипел, нависнув над «Преследователем». Никки призвала молнию, и та прожгла дымящуюся линию на извилистом теле. Змей с ревом устремился вниз и впился зубами в борт, раскалывая его. Матросы метнули гарпуны, но копыя почти не повредили чешую.

Никки вспомнила, как она сражалась с Бромом при помощи магии Ущерб. Она простерла свой дар и легко отыскала сердце змеиного бога, находившееся в верхней части длинной шеи. Сердце было размером с бочку и громко стучало. Никки высвободила дар, заставив сердечную мышцу

набухнуть и потемнеть... а потом взорваться. Змей отпрянул, в агонии обратив пасть к небу. Но затем он снова атаковал, наклонив огромную голову и схватив запаниковавшего матроса. Одним движением он перекусил мужчину пополам и бросил останки в воду.

Никки не могла поверить, что создание еще живо.

— Я остановила его сердце! — Она снова потянулась к нему магией, и с удивлением обнаружила, что у него не одно сердце.

Сосредоточившись, она обнаружила шесть сердец, расположенных вдоль тела. Каждое было независимым и с силой билось, поддерживая жизнь в монстре.

— Значит, моя работа только начата. — Она нанесла сокрушительный удар магией, остановив еще одно сердце. Третье она выжгла, превратив в угли.

Каждый раз, когда Никки причиняла существу боль, оно отступало, а затем с новой силой атаковало корабль, нанося все больше урона. Так «Преследователь» долго не продержится.

Еще не пришедший в себя Натан застонал, но сумел призвать шар огня волшебника и метнуть в голову змеиного бога. Обжигающее магическое пламя угодило между челюстей создания, поджарив язык.

Никки продолжала свою работу. Она методично уничтожала сердца монстра, одно за другим. Наконец, гигантский змей рухнул в воду, подняв волны, на которых закачалось кракенобойное судно. Мертвый змеиный бог дрейфовал на поверхности, и его тело было в длину как два или три корабля. Джаред и его команда в смятении смотрели на воду. Капитан упал на колени и дотронулся до крови на палубе, оставшейся от погибшего матроса. Потрясенные Бэннон с Лилой стояли в боевой стойке, словно из глубин мог явиться еще один монстр.

Пошатываясь, Натан положил руку на плечо Никки. Она знала, что он хотел ее успокоить, но со стороны казалось, что он держится за нее, чтобы не упасть.

— Прости, что не смог толком помочь.

— Змеиный бог мертв, Натан. Мы его убили.

Потрепанный дозорный пронзительно закричал с вершины мачты:

— Корабли! Норукайские корабли на горизонте!

Никки увидела вдалеке больше сотни зловещих кораблей, плывущих навстречу. Налетчики видели, как Никки убила их змеиного бога, и теперь даже с такого расстояния до нее доносились их яростные крики. Весла взбивали воду, и корабли быстро приближались.

Никки скрестила руки на груди:

— Наконец-то мы их нашли. — У нее леденело нутро при виде такого огромного флота. — Разворачивайте корабль, капитан. Быстрее! Возвращаемся в Серримунди полным ходом.

Не оправившийся от потрясения Джаред приказал команде ставить паруса, а сам крутанул штурвал, разворачивая судно. Никки, утомленная битвой с морским змеем, призвала дар, а Натан помог ей в меру сил. Вместе они создали штормовой ветер, который гнал корабль вперед. По пятам за «Преследователем» шел норукайский флот.

Глава 70

Когда корабли приблизились к дрейфующему телу змеиного бога, король Скорбь уставился на воду, испытывая отвращение и ярость. Эти муки были почти столь же сильны, как и боль, обуявшая его после гибели дорогого Мелка.

С носа своего флагмана Скорбь наблюдал за уродливым кракенобойным судном с серыми парусами и металлическими пластинами на корпусе. Он никогда не забудет этот корабль. Он видел, как колдунья повергла змеиного бога. Он погонится за ними на край света, если придется. Но он не мог проплыть мимо тела павшего змеиного бога.

— Бросить якорь! Всем кораблям. Мы остановимся здесь.

Перебивая грохот барабанов, над водой разнеслись приказы. Норукайские корабли плыли близко друг к другу, и отрывистые команды передавали с судна на судно. Корабль короля на веслах подошел к мертвому монстру; команда сбросила якорные камни и убрала паруса.

Скорбь много раз приносил жертвы змеиному богу. Теперь же он так сильно стиснул перила, что древесина затрещала. Шипы торчали из его напряженных плеч. Он широко открыл рот и взревел во весь голос. Громкий нечеловеческий крик, похожий на вой змеиного бога, продолжался до тех пор, пока в его легких не кончился воздух.

Остальные норукайцы последовали примеру, и издаваемый ими шум был подобен раскатам грома; все новые команды подхватывали вой. Скорбь хотел крови, ему нужна была кровь. Он найдет колдунью и своими зубами перегрызет ей глотку. Впрочем, сначала он и его налетчики отблагодарят змеиного бога за благословение и силу, которые он им даровал.

Тело монстра покачивалось на воде рядом с носом корабля. Скорбь посмотрел на великолепную голову с острым плавником и треугольными челюстями, которая была сильно обожжена огнем волшебника. Один побелевший глаз был полузакрит и смотрел в небеса.

— Змеиный бог мертв, — застонал налетчик рядом с королем.

Скорбь двинул ему по голове, и мужчина пошатнулся, ухватившись за щеку. По его лицу струилась кровь.

— Змеиный бог всегда здесь, — рыкнул Скорбь. — Змеиный бог — это мы.

Он достал из ножен длинный разделочный нож и прыгнул за борт. Король оказался в волнах возле тела морского змея. Пока налетчики с тревогой и любопытством наблюдали, он подплыл к чешуйчатому телу и обхватил его мускулистой рукой, словно сжимал в объятиях. Змей, качавшийся на волнах, повернулся светлым брюхом вверх.

Скорбь продвигался вдоль тела, цепляясь за чешую и плавники. За всю историю никто не оказывался так близко к змеиному богу — кроме благословенных жертв, чью плоть он поглощал. Он Скорбь, король норукайцев! Он был частью змеиного бога, а змеиный бог был частью их всех.

Он надавил на чешуйки, а затем прижался покрытой шрамами щекой к влажному телу. Закрыв глаза, Скорбь попытался впитать в себя силу величественного создания.

— Я змеиный бог. Мы все змеиный бог, — прошептал он мертвой рептилии.

Над многочисленными змеиными кораблями повисла жуткая тишина, пока налетчики наблюдали за королем.

Скорбь вонзил длинный нож в живот морского змея. Норукайцы на кораблях ахнули и застонали, а он посмотрел на них.

— Вот что мы должны сделать!

Он стал орудовать ножом, продолжая разрез. На воде качались влажные веревки вывалившихся внутренностей. Крови было много, а значит, скоро приплывут акулы. Но сначала Скорбь и норукайцы возьмут свое. Он продолжал резать, пока не нашел первое из сердец рептилии — большое, круглое и пурпурно-красное. Скорбь отрезал кусок жесткого мяса и сунул в рот, широко раскрыв челюсти, что-

бы откусить побольше. Жуя, он ощущал вкус горелой крови. Изысканный вкус, но более примечательной была сила, которую он обретал.

Он знал, что Мелок тоже был частью змеинобога. Змеиный бог сожрал шамана, и теперь его сила текла в норукайского короля.

— Я — сердце змеинобога, — закричал он. — Все мои люди должны присоединиться. — Он отрезал еще кусок мяса и поднял над водой. — Все норукайцы должны быть сердцем змеинобога.

Три налетчика без лишних слов прыгнули за борт. Поняв, о чем говорит Скорбь, остальные последовали этому примеру и поплыли к змеинобугу. Своими ножами они распоролн брюхо до самого хвоста, чтобы найти другие сердца.

Первой была Атта. Крупная женщина подплыла к королю и отрезала себе кусок сердца. Прожевав и проглотив, она повернула к королю измазанное кровью лицо и предложила ему кусочек. Скорбь принял угощение.

Норукайцы окружили плавающее тело, разделявая создание. Они вытащили остальные сердца: некоторые были обугленными и почерневшими, другие все еще свежими и полными крови. В каждом кусочке содержалась сущность великого божества. Когда сердца были съедены, налетчики принялись обдирать мясо с костей змея. Это было совершенно уникальное пиршество. Норукайцы грабили города, забирали еду, насиловали женщин, но ничто не могло сравниться с возбуждением от того, что происходило сейчас.

Вода превратилась в красную пену. Акулы настороженно кружили рядом, не желая приближаться к свирепым норукайцам.

Пиршество продолжалось, и потрясение короля Скорбь сменилось глубокой уверенностью. Змеиный бог оказался убит, но это не причина для печали. Он чувствовал, как что-

то внутри него поменялось. Сотни налетчиков обдирали скелет змея и дрались за последние куски. Каждый норукаец хотел получить долю, хотя и знал, что это невозможно — их флот насчитывал десятки тысяч кровожадных воинов.

— Ты съел сердце змеиного бога, — сказала Атта, которая держалась на воде рядом с ним. Окровавленным пальцем она ласково провела по шраму на его щеке. — Ты король Скорбь. Ты — это мы.

— Да, я — это все норукайцы. Я вкусил сердце нашего бога, и теперь я его живое воплощение.

Они с Аттой направились к своему кораблю, пока норукайцы продолжали возиться с тушей — словно чайки, пирующие телом раздувшегося кита. Скорбь забрался на борт и погладил носовую фигуру. Потом он поднял кулаки к небу и прокричал:

— Теперь я змеиный бог. Мы — змеиный бог, мы будем нападать и убивать.

Он вдохнул столько воздуха, что грудь чуть не лопнула, а потом издал громогласный рев, всколыхнувший мачты. Норукайцы взревели в ответ. Скорбь знал, что один змеиный бог умер, но теперь здесь было намного больше змеиных богов — как в море, так и в человеческом обличье, — и теперь они стали гораздо более смертоносными.

Да, мир будет скорбеть.

Глава 71

«Преследователь», подгоняемый усиленным ветром, почти летел над волнами, направляясь к Серримунди. Кракенбойное судно значительно оторвалось от норукайского флота, и команда занималась восстановлением корабля после атаки морского змея. Никки все равно казалось, что они

плывут недостаточно быстро. Увидев численность змеиных кораблей, она была убеждена, что даже новые укрепления Серримунди не выдержат атаки этого флота. У Танимуры, где был настоящий флот и усиленная армия, был шанс, но не у Серримунди. Эффрен и побережье Ларрикан уже были уничтожены небольшой группой норукайских кораблей.

Серримунди был в десять раз крупнее бухты Ренда, и такой большой город было невозможно эвакуировать за несколько дней. Ситуация казалась безвыходной.

Она стояла на носу «Преследователя» в компании Натана, Бэннона и Лилы, обсуждая варианты. Никки сомневалась, что даже с таким отрывом от врагов и такой скоростью им хватит времени на необходимые приготовления, которые еще нужно продумать. Вместе они пытались разработать план, при котором у Серримунди будут шансы выстоять.

Когда «Преследователь» подходил к полосе рифов возле устья гавани, им встретилась одна из патрульных лодок. Проплывая мимо, Никки сложила руки рупором и прокричала:

— Зажгите сигнальные плоты. Норукайцы идут!

Матросы скинули с патрульной лодки плавучую платформу и подожгли кучу травы. Поднялся столб дыма, который был виден на многие мили. Рассредоточенные по гавани патрульные лодки заметили сигнал и тоже подожгли плоты, передавая сигнал для города. Дозорные на вершине утеса Матери морей зазвонили в гонг, объявляя тревогу.

Серримунди пришел в полную боевую готовность к тому времени, как «Преследователь» прошел мимо «Туманной девы» и четырех других укрепленных грузовых кораблей, которые стояли рядом с утесом и защищали устье гавани. Когда кракенобойное судно подошло к одному из восстановленных пирсов, им навстречу поспешили хозяин порта

Отто, леди Ольгия, капитаны Гэнли и Стрейкер, а также другие представители города.

— Норукайцы отстают от нас на пару дней, — выпалил Бэннон. — Мы должны подготовить город к сражению.

Отто сдержанно кивнул:

— Мы готовы, насколько это возможно. Все вооружены и обучены, корабли укреплены металлическими пластинами. Мы знали, что это может случиться.

— Ваши усилия достойны восхищения, но мы не уверены, что это спасет Серримунди. Увы, — сказал Натан.

— Вы нас недооцениваете, — негодуя сказал капитан Гэнли. — Наши люди знают, что это их единственный шанс спасти свой дом. Мы не сдадимся без боя.

— Такой битвы норукайцы еще не видали. — Хозяин порта скрестил руки на груди.

— И вы все равно проиграете. Даже если нанесете значительный урон, они все равно сожгут город дотла, — сказала Никки. — Оборона Танимуры в десять раз сильнее. Они собрали настоящий боевой флот, готовый защитить с моря, а их армия состоит из д'харианского гарнизона, многотысячной городской стражи и добровольцев, которым нет числа. Орон, Перри и другие одаренные уже там вместе с генералом Зиммером. Наш лучший шанс — направить норукайский флот напрямик к Танимуре, где их сотрут в порошок.

— А Серримунди? — голос Отто дрогнул. — Нам-то что делать?

— Может, вам и не придется сражаться, — сказал Натан, дотронувшись пальцем до подбородка. — У нас есть идея, как защитить город. Леди Ольгия подала нам идею своими действиями.

Одаренная женщина из Ильдакара удивилась. Ее волосы, обычно заплетенные в косы, были распущены. Одну из кос

отрезал вражеский солдат, и теперь там был короткий вихор.

— Я вас вдохновила? Я заинтригована.

Отто перевел взгляд с Натана на Никки:

— Мне нравится, как это звучит, но я не понимаю, о чем вы.

Сойдя с кракенобойного судна, Никки пошла по пристани. Поглощенная раздумьями колдунья осматривала холмы и город, раскинувшийся возле укромной чаши гавани. Память и воображение ее не подвели.

— Да, это возможно.

Отто и остальные следовали за ней, пока она шла вдоль пирса. Им не терпелось услышать, что она предлагает. У первой линии складов Никки обернулась на гавань, мыс и выход к морю.

— Норукайские острова находятся далеко на юге, и здесь для них новая территория. До нападения капитана Кора Серримунди ни разу не был атакован норукайцами, а значит, они мало что знают о городе. Никто из налетчиков Кора не выжил, никто не смог вернуться с докладом к королю Скорбь. Он не знает, где именно находится Серримунди.

Натан отряхнул жилет и поправил расшитый плащ, словно собирався выйти на сцену.

— Если судьба будет к нам благосклонна, мы сможем отвлечь норукайцев и вынудить проплыть мимо Серримунди.

— Мы спрячем город, — сказала Лила будничным тоном, словно обсуждала погоду.

— Спрятать Серримунди? — ахнул Гэнли. — Куда вы его денете?

Никки задрала подбородок:

— Если правильно рассчитаем время, норукайцы могут и вовсе не заметить гавань. Мы убили змеинобога, и ко-

роль Скорбь бросился в погоню за «Преследователем». Он жаждет мести. Если спровоцируем и раздражим, они последуют за нами, и мы заставим весь флот проплыть мимо Серримунди... Ночью они могут не заметить гавань.

— Как можно не увидеть целый город? — Отто снял широкополую шляпу и вытер со лба испарину. — Я все еще не понимаю.

Ольгия заулыбалась. Никки посмотрела на капитанов Гэнли и Стрейкера, которые ждали инструкций.

— Если другие укрепленные корабли поплывут с нами, король Скорбь продолжит нас преследовать.

— Меня он тоже хочет убить, — сказал Бэннон. — И Лилу. Нам нужно сделать так, чтобы норукайцы были слишком заняты, чтобы искать Серримунди. Вот почему мы не должны дать им увидеть город.

— Его нужно замаскировать, — сказала Лила, будто ей не терпелось перейти к сути.

Раздались удивленные возгласы.

— Одаренный вроде тебя, моя дорогая, — Натан повернулся к Ольгии и воздел палец, — может призвать густой туман и скрыть устье гавани. Ты уже прятала наши корабли от норукайцев, когда мы уплывали из бухты Ренда. И еще раньше, в каньоне Твердыни. Если налетчики не знают, где искать Серримунди, то обмануть их будет несложно. Мы задержим флот, донимая их, и сделаем так, чтобы они прибыли ночью и проплыли мимо этой части побережья...

Никки повернулась к Отто:

— Хозяин порта, по ночам в городе должно быть темно — с сегодняшнего дня и до тех пор, пока норукайцы не пройдут мимо. После захода солнца никто не должен зажигать фонари и очаги. Серримунди должен быть черным как смоль, когда нас нагонят змеиные корабли.

— Но мой город тоже хочет сражаться! — сказал Отто. — Предлагаете спрятаться в тумане и позволить Танимуре воевать вместо нас? — Его лицо прорезали морщины. — Колдунья, вы произнесли вдохновляющую речь о том, что все города Древнего мира должны объединиться против сокрушительного врага. Серримунди не может сидеть сложа руки, в то время как Танимура противостоит врагу! Мы не трусы.

— Я не предлагаю вам бездействовать. — Губы Никки изогнулись в жесткой усмешке.

Бэннон положил ладонь на украшенное навершие нового меча и с энтузиазмом улыбнулся:

— После того как норукайцы погонятся за нами в темноте, остальные боевые корабли Серримунди могут отправиться в Танимуру. Когда там начнется битва, вы ударите по налетчикам со спины.

Лила мрачно улыбнулась:

— Если будете держаться на достаточном расстоянии, король Скорбь не будет о вас знать.

— Огромная завеса тумана... — Ольгия намотала на палец длинную прядь волос. — Пока вы уводите их, как лиса на охоте, я создам густой туман и спрячу Серримунди. — Она посмотрела на высокую фигуру Матери морей, высеченную в утесе. — И это только начало...

* * *

На следующий день кракенобойное судно в сопровождении четырех укрепленных грузовых кораблей отплыло из Серримунди. Они знали, что норукайский флот быстро приближается. Патрульные лодки отправились на юг, готовые поджечь сигнальные плоты, как только заметят короля Скорбь и его налетчиков. Ольгия проводила их, поклявшись выполнить свою часть и спасти город.

Хозяин порта Отто разослал по городу гонцов с приказом о полном запрете ночью очагов, фонарей и даже свечей за закрытыми ставнями. Когда стемнеет, Серримунди должен стать невидимым, поглощенным темнотой и туманом. Ольга практиковалась с заклинанием, призывая туман с моря.

Ближе к закату дозорный на утесе заметил сигнальный дым на юге. Значит, налетчики будут здесь через считанные часы. «Преследователь» и четыре парусника развернулись и быстро направились в сторону дыма, чтобы спровоцировать наступающий норукайский флот. Они раздражат змеиные корабли и ринутся на север, уводя их к Танимуре, где состоится финальная битва.

Чуть больше чем через час, когда почти стемнело, провокаторы снова проплыли мимо гавани, подгоняемые магическим ветром. Ночь окутывала мраком гавань и город, а Ольга принялась за работу — ей нужно было успеть, пока погоня норукайцев не появилась в поле зрения. Стоя под статуей Матери морей, она прикоснулась даром к бесчисленным каплям воды, подняв туман над спокойными волнами устья гавани. Сначала он походил на прозрачный пар над закипающим горшком с водой, а затем сгустился в кружевные завитки, которые сплелись в толстое одеяло.

Клубящийся туман затекал в гавань, укутывая холмы, затопляя побережье и простираясь до моря. Тьма стала совсем густой, но ни в одном окне переполненного города не зажегся свет. Ольга подумала о семьях, которые сгрудились в темноте, утешая друг друга. Этой ночью царила неестественная тишина.

Не так давно она наблюдала, как ее великолепный город Илдакар исчезает под саваном вечности; теперь она должна заставить исчезнуть другой город, но иным способом. Ольга сгустила туман в устье гавани, чтобы норукайцы не увидели ничего, кроме нечеткой линии берега — если во-

обще что-то разглядят в темноте. Наступила уже глубокая ночь, когда она заметила синие паруса более сотни змеиных кораблей, которые гнались за «Преследователем» и четырьмя грузовыми парусниками. Вражеский флот поражал размерами, но Ольгия уже повидала его в бухте Ренда. Теперь она увидела смысл в идее Никки; как бы яростно ни сопротивлялись жители Серримунди, эти корабли разрушили бы все укрепления, заполонили гавань и сожгли город дотла.

Впрочем, даже если уловка сработает, Ольгия намеревалась сделать кое-что еще.

Густая завеса тумана была готова. Колдунья села в лодку и погребла к устью гавани. Тут были переменчивые течения, но она при помощи дара выравнила лодку, пробираясь через опасную полосу рифов за пределами гавани.

Налегая на весла, она двигалась вдоль пенистой линии, пока не выбрала место для еще одной смертельной ловушки. Она создала мерцающий шарик света. Язычки холодного пламени были тесно сложены, как лепестки тугого розового бутона. Она поместила светящееся ядро среди камней рифа и пригнулась от брызг ударившей в скалу волны. Вода не могла потушить ее маленькую искру, как бы ни пыталась. Это был необычный огонь, но он станет ярким маяком, который, как она надеялась, заманит несколько норукайских кораблей прямо к Владетелю.

Закончив, она поплыла к защищенной гавани, уверенная, что трюк сработает. Загадочный свет на рифах разгорался все ярче в окружающем тумане.

* * *

Ларс стоял на носу корабля и выл на ночь, бросая вызов удирающим кораблям. «Преследователь» уплывал куда-то в темноту.

Он помнил Никки, которую видел в Ильдакаре. Теперь светловолосая колдунья дразнила флот налетчиков, обрушивая молнии. Король Скорбь отправил флот в стремительную атаку. Стеная на скамьях, мускулистые норукайцы налегали на весла, гоня змеиные корабли быстрее любого ветра.

Маленькое кракенобойное судно и четыре больших корабля удирали на юг на полной скорости. Ларс пришел к выводу, что колдунья не сможет долго атаковать. Она и другие одаренные начали дразнить змеиные корабли на закате, а потом развернулись и уплыли. Очевидно, они боялись могучего флота короля Скорбь! Молнии Никки были лишь укусом, разозлившим дикого медведя, и змеиные корабли устремились за ней, собираясь убить.

— Навалиться на весла, — скомандовал Ларс. — Вы не слабаки какие-нибудь!

Мускулистые налетчики, мужчины и женщины, сидели на скамьях, стиснув зубы и кряхтя от усилий. Весла погружались в воду, отталкивались от нее и выныривали обратно. Ларс не хотел, чтобы его корабли упустили добычу в темноте и сгущавшемся тумане.

Пока Скорбь и его флот шли вперед как таран, Ларс и его десять кораблей приблизились к побережью. Он никогда не заходил так далеко на север, даже во время недавних разрушительных набегов. Как и его соратник Кор, Ларс был приговорен к смертной казни и обязан сражаться, пока не умрет. Он продолжит нападать на испуганных людишек, пока сможет, но вряд ли его убьют скоро.

Теперь его корабли плыли сквозь черную ночь и удушливый туман, но Ларс слышал, как волны бьются о берег.

— Гребите быстрее! Колдунья где-то здесь. Мы должны поймать ее первыми.

— Король Скорбь скормит ее змеиному богу? — спросил один из воинов.

— Здесь нет змеинного бога, — сказала Ура, мускулистая женщина, которая была слишком уродливой даже на взгляд Ларса. Она обрила голову, чтобы почти не отличаться от мужчин, но не могла скрыть большую грудь. — Мы и есть змеинный бог, и примем эту жертву сами.

— Сначала их нужно поймать, — сказал Ларс.

Надзиратель продолжал стучать в барабан, и змеинные корабли нырнули в непроглядный туман. Матрос у носовой фигуры указал вперед и удивленно крикнул:

— Ларс, смотри! Там какой-то маяк.

За завесой белого тумана вспыхнул яркий свет, походивший на полную луну. Свет пульсировал у поверхности воды, маня и дразня.

— Что это может быть? — спросила Ура.

— Магия, — пробормотал кто-то из налетчиков.

— Конечно, магия. Мы охотимся за колдуньей! — сказал Ларс. — Вот она где! Скорректировать курс! Мы пойдем на свет и догоним ее.

Матросы гребли изо всех сил, и змеинные корабли рассекали воду, как атакующие гадюки. Манящий маяк светил сквозь туман, зовя их. Он поднялся вверх, а затем снова опустился.

— Оружие наизготовку! — приказал Ларс.

Норукайцы схватили клинки и дубинки и бросились к носу корабля, готовясь прыгнуть за борт, как только нагонят добычу. Свет стал ярче, и Ларсу пришлось заслонить от него глаза. Он все еще не понимал, что это, но маяк словно удалялся.

— Быстрее!

Когда первый змеинный корабль приблизился к манящей сфере, он услышал грохот волн — слишком близко. У него

было всего мгновение на раздумья, а потом корабль врезался в берег.

— Рифы! — закричала Ура, а потом ее вышвырнуло за борт.

Острые скалы распорили нижнюю часть корпуса корабля и разрушили киль. Ларса бросило на перила. Матросы налетали друг на друга и падали за борт, крича от ярости. Корпуса трещали и хрустели, когда все новые змеиные корабли врезались в незамеченные рифы. Светящийся маяк насмешливо завис над их головами, стал еще ярче, а затем погас, оставив их в туманной тьме.

Другой змеиный корабль врезался в судно Ларса сбоку, расколов корпус и изломав весла, словно ветки. Удар сломал Ларсу ребра и левую руку, и мужчина полетел за борт накренившегося корабля. Вода хлынула в пробоину в корпусе.

Ларс оказался в бурлящей воде, размахивая бесполезной сломанной рукой. Острые рифы царапали его обнаженную грудь. Он увидел, как десятки налетчиков борются с сильными волнами, цепляясь за обломки.

Минимум семь кораблей налетели на рифы, и Ларс понял, что светящаяся сфера заманила их в коварные воды. Ловушка! Сотни раненых норукайцев были унесены в море или подхвачены бурлящей пеной и раздавлены о скалы.

Туман стал еще гуще, скрыв их от остального флота. Ларс слышал лишь оглушительный грохот по мере того, как все новые змеиные корабли врезались в рифы и другие суда. Он попытался крикнуть, но в рот хлынула морская вода. Он закашлялся, и сломанные ребра впились в легкие, словно ножи. Он попытался забраться на относительно безопасный риф.

Ура карабкалась по камням, скользким от зеленых водорослей. Она протянула руку к опоре и вскрикнула, когда

кто-то схватил ее. Она вцепилась в свою ногу, пытаясь освободиться, но ее утянуло в воду. Рядом раздались новые крики, в которых слышались не только гнев и удивление из-за крушения. На его людей напали! Норукайцы пытались укрыться на рифах, но их утаскивали под воду какие-то создания.

Ларс прищурился, высматривая врага.

— Кто ты? — Его рука была сломана, и во время падения он потерял меч, но он сжал в кулак здоровую руку. — Где ты?

Из воды выскользнули человекоподобные фигуры — серые, блестящие, покрытые чешуей, с острыми зубами. Они скользнули на рифы, чтобы напасть на беспомощную добычу.

Сэлки преследовали норукайский флот, ожидая шанса, и теперь поднимались из пенистой воды. Три сэлки схватили Ларса. Он сопротивлялся, но они разорвали его тело на куски и утащили под воду.

Глава 72

Имперская дорога миля за милей лениво петляла меж холмов, но десятки тысяч сапог оставляли за собой полосу куда шире, чем она.

Утрос отправлял разведгруппы и отряды снабжения по второстепенным дорогам, но только нескольким отрядам удалось раздобыть еды для него, Рувы и командирского состава. Основные силы армии продолжали медленно идти вперед.

Генерал заслонил глаза от солнца, глядя на бесконечную дорогу, которая вела к Танимуре — как он надеялся.

— Нам нужно только вечно идти, возлюбленный Утрос, и тогда доберемся до цели! — Парящий рядом дух Авы резко рассмеялся.

Он попытался ускорить своего жеребца, но голодное измученное животное брело едва ли быстрее ковылявших позади солдат.

Утрос в прошлом завоевал много городов и помнил каждую победу. Многие правители и самопровозглашенные короли пали от его меча. Армия тогда была непобедимой, и в каждом сражении был гарантирован успех. Он не думал, что империя Железного Клыка когда-нибудь падет, но Утрос все еще намеревался завершить свою миссию.

Бесконечная вереница маршировала через низкие холмы. Позже они разбили лагерь, раскинувшийся по лесу. Солдаты не стали разжигать костры, потому что из еды было лишь малое количество кроликов, белок и других диких зверьков, которых удалось поймать. Солдаты были настолько голодны, что пожирали убитых зверьков сырыми, а их голодающие товарищи слизывали оставшиеся капли крови.

Когда на редкий лес опустилась тьма, Утрос лежал спиной на голой земле и дремал, прислушиваясь к шорохам в лагере. Он поклялся завоевать Древний мир, и солдаты до сих пор следовали за ним. Он не допустит, чтобы все это превратилось в бесполезную погоню.

Рува лежала рядом, прижавшись обнаженным телом, но в этом не было эротики. Она черпала в Утросе силы и утешение и оплачивала тем же. Ничего не говоря, она просто прижалась спиной и плечами к его груди. Он обхватил ее мускулистой рукой.

— Скажи мне, что можешь поддерживать в них жизнь, Рува. Скажи, что твое заклинание достаточно сильное.

— Достаточно сильное? — Она затряслась, и Утрос понял, что колдунья смеется. — Думаешь, я сильнее Владетеля?

— Просто сдержи его еще хоть немного. В его же интересах позволить мне продолжить воевать, потому что мы отправим ему много душ. — Утрос ощутил дрожь в воздухе и открыл глаза: над ними мерцал дух Авы, словно завидуя сестре, которая могла дотронуться до генерала.

— Владетель хочет того, чего хочет. Владетель хочет меня. — Ава подплыла ближе, протянув призрачные руки. — Он хочет Руву. Хочет обеих. — Ее образ затрепетал, как пламя на ветру.

Когда сестра потянулась к ней, Ава исчезла. Рува рухнула на землю, свернувшись клубком и рыдая.

Еще час Утрос пытался заснуть, но сон ускользал. Он поднялся и зашагал между солдат, негромко подбадривая тех, кто не спал. На границе лагеря, где лес был более густым и темным, он услышал шорох в кустах и увидел размытые движения. Утрос напрягся, готовый к столкновению с врагом. Опустив руку на бедро, он понял, что его меч остался рядом с Рувой.

Бурые животные мелькали в тенях между деревьями. На миг он подумал, что это олени, и уже хотел отправить за ними охотников, но несколько диких зверей скользнуло к нему, и Утрос разглядел, что это не олени, а хищные кошки.

Песчаные пумы с шорохом пробирались через лес, их большие лапы ступали по подлеску почти бесшумно. Застав его в одиночестве и посчитав легкой добычей, крупная самка с ревом кинулась на него. Другие кошки устремились в лагерь.

Утрос был безоружен, но размахнулся кулаками, когда пума врезалась ему в грудь и повалила на землю. Рыча от усилий, он сбросил с себя кошку, краем глаза заметив на

коричневой шкуре выжженные руны вроде тех, что видел у зверей арены Ильдакара. Когти проскребли по его плечу, глубоко вонзаясь в мышцы, но были остановлены стальным браслетом выше локтя. Утрос нанес удар под подбородок рычащей пумы.

Подбежали разбуженные шумом солдаты, и большие кошки набросились на них. Главная самка, впрочем, явно нацелилась на Утроса. У зверя был какой-то мотив; это был не безмозглый хищник, убивающий подходящую жертву.

Еще больше солдат поспешило на защиту генерала, и он услышал тревожные крики уже в глубине лагеря. Во влажном ночном воздухе раздался звон мечей. Он боролся с песчаной пумой, не осмеливаясь отвлечься, но все же заметил человеческие фигуры, едва видимые в лесном полумраке. Они нанесли быстрый рассредоточенный удар по сонным солдатам, убив не одну сотню, а потом растворились среди деревьев. Он так и не смог их разглядеть.

Утрос продолжил сражаться с пумой. Ее когти пропоролы кожаный доспех и ранили его в бок. Глаза кошки убийственно сверкали при свете звезд, и когда она зарычала, он ощутил на лице ее дыхание.

— Утрос! Нет!

Рува подбежала, подняв руки и призывая дар. Магия с треском пронеслась по воздуху, и пламя захлестнуло пуму. К изумлению генерала, огонь Рувы просто скользнул по магическим отметинам на рыжей шкуре, не причинив вреда.

Однако яркая вспышка бессильного огня испугала кошку. Пума отпрыгнула, зарычала, а потом снова бросилась на Утроса. Взмахом лапы она сшибла золотую маску, и та покатилась по земле. Рува снова ударила магией. Утрос подобрался, но большая кошка отступила, рыкнув напоследок, и исчезла среди деревьев.

Когда на генерала напали, сотни солдат схватились за оружие и ринулись на помощь. Больше десятка песчаных пум разом атаковали армию, но когда против них выступило много солдат, хищники с рычанием нанесли еще по несколько ударов и скрылись в ночном лесу.

Некоторые солдаты, жаждущие мести, побежали в лес за загадочными нападавшими, но их боевые кличи сменились криками, когда они погибли в темноте.

Утрос поднялся. Из раны, нанесенной пумой, текла кровь.

Рува с рыданиями прижалась к нему:

— Ты ранен. У тебя кровь, так много крови! — Она одарила его странной улыбкой. — Кровь... обладает магией.

Колдунья зажала глубокую рану на его бицепсе, зажмурилась и высвободила дар. Он ощутил теплое покалывание, когда мышцы и кожа начали срастаться под действием исцеляющего заклинания. Он редко просил кого-то из сестер его исцелить, потому что боевые раны имели для него ценность. Даже боль чего-то стоила.

Но Утрос не мог позволить себе быть слабым. Ему нужно полностью владеть своим телом. Пока Рува залечивала самые глубокие раны, он смотрел в лес, в котором исчезли пумы. Что привело их сюда? Какая у них цель?

Нервные и встревоженные солдаты собрали тела тех, кого убили пумы и загадочные нападавшие. При обычных обстоятельствах его воины готовили бы павших к почетному погребению или погребальному костру, но сейчас ситуация не была нормальной.

Утрос даже думать не хотел о том, что они сделали с трупами.

* * *

Никки спала на борту «Преследователя», уплывавшего из Серримунди с норукайским флотом на хвосте. Колдунья нырнула в глубины сознания и воссоединилась с сестрой-пумой.

Мрра и еще двадцать песчаных пум были рядом с армией генерала Утроса. У пум не было карты, но благодаря мощной связи у Никки было четкое представление о том, где они находятся. Магическая связь становилась все сильнее по мере того, как сокращалось расстояние между разлученными сестрами. Мрра бежала к Никки день за днем, догоняя ее и пытаясь помочь.

Во сне Никки ощутила вкус крови. Глядя кошачьими глазами и чувствуя когти и мускулы, она выскочила из леса и напала на вражеских солдат. Соединенная с разумом Мрра колдунья направила кошку к единственной цели, самой важной в этой армии — генералу Утросу.

Они с Мрра атаковали полководца, ранив и сорвав золотую маску. Клейменные руны защитили от прямого воздействия магии, но Рува была слишком опасна. К тому же, генерал и солдаты могли убить пум. Никки призвала их отступить. Слизнув кровь с усов, Мрра прыгнула в лес, и Никки улыбнулась во сне.

Корабли плыли сквозь ночь, уводя к Танимуре змеиные суда. Знание о том, что Мрра идет к ней с новым прайдом песчаных пум, наполнило сердце Никки радостью. Но теперь она знала, что генерал Утрос и его армия тоже приближаются.

Глава 73

Танимура готовилась к войне, ожидая возвращения Никки с вестями о флоте норукайцев. Генерал Зиммер знал: судьба Д'Харианской империи зависит от того, смогут ли возглавляемые им силы выстоять против сокрушительного удара врага. Они должны быть готовы.

Прибыв в Танимуру на борту корабля капитана Миллса, который отплыл из Серримунди, он с огромным удовлетворением увидел пятьдесят кораблей — от рыбацких лодок до трехмачтовых кораблей дальнего плавания, — которые охраняли гавань и патрулировали море. Предупреждения Никки не пропали даром. Город смог выстроить мощную оборону, и Зиммер был рад это видеть.

Сойдя с борта грузового корабля, который не один месяц простоял в бухте Ренда, он и остатки его экспедиционного корпуса прошли через город. Желая соблюдать дисциплину, Зиммер приказал солдатам идти строем в знак того, что они не забыли о принадлежности к д'харианской армии. После всех невзгод, пережитых после ухода из Танимуры, их форма была изодрана, а сапоги изношены и порваны. Их кожа обветрилась, а мышцы окрепли от нагрузок.

— Мы должны пытаться выглядеть столь же впечатляюще, как и во время ухода отсюда, — сказал Зиммер.

Войска быстрым шагом направлялись по городским улицам к гарнизону, радуясь возвращению домой.

На городской площади возле гарнизона тренировались новобранцы. Они обернулись, с удивлением глядя на вернувшийся отряд. Зиммер с прямой спиной прошагал через двор и вошел в здание главного штаба.

Когда он встретился с генералом Линденом, тот встал из-за стола для приветствия, встревоженный потрепанным состоянием доспехов и генеральского плаща Зиммера, а также его суровым взглядом.

— Выглядишь так, словно утром участвовал в сражении!

— Я участвовал в нескольких сражениях, Линден, и оставил самое крупное напоследок. Битва грянет раньше, чем ты ожидаешь.

Линден приказал подать сытный обед, и Зиммеру показалось, что он не едал ничего лучше. Пока уставший генерал утолял аппетит, Линден открыл журнал и окунул перо в чернильницу, желая записать рассказ Зиммера об их приключениях и об угрозе со стороны норукайского флота и армии генерала Утроса.

— Рад сообщить, что нам об этом известно. Никки предупредила нас, и мы непрестанно готовились. — Линден закрыл журнал и кратко поведал о своих выводах: — Магистр Рал понимает наши нужды, но занят критической ситуацией в Д'Харе. Мы должны справиться с этой войной, и он всецело полагается на нас. Он отправил Никки мощное структурированное заклинание, сказав, что большего ей и не нужно.

— Я видел, на что способна Никки, — кивнул Зиммер и оторвал еще кусок жареного цыпленка, лежавшего перед ним на тарелке. — Но я видел и норукайских налетчиков, и древнюю армию. Утрос и его солдаты маршируют через весь континент и намерены завоевать Танимуру. Отсюда они двинутся в Новый мир, если мы их не остановим.

Линден стиснул челюсти:

— И мы выстроим оборону, какой они еще не видели. Танимура сильна.

Зиммер закончил с цыпленком, съел гроздь винограда и выпил кубок воды.

— Поэтому я и пришел помочь.

Следующие несколько дней он и его уставшие, но воодушевленные солдаты занимались подготовкой ополчения Танимуры. Зиммер облачился в новые д'харианские доспе-

хи и теперь выглядел как подобает генералу. Он осматривал городские арсеналы, наблюдал за напряженной работой кузнецов, кожевников, оружейников и щитников. Хотя кузнецы трудились день и ночь, у многих добровольцев еще не было мечей, поэтому они вооружились дубинами, топорами и молотами с длинной рукоятью. Такое грубое оружие требовало не ловкости и подготовки, а силы и злости, которых у бойцов было в избытке.

Танимура и прежде была многолюдным городом, одним из основных центров торговли на континенте. Многие горожане и беженцы были готовы защищать свой дом. Мастера заготавливали стрелы тысячами, а лучники практиковались часами. Рабочие сидели возле бочек, окуная наконечники стрел в смолу для огненных залпов.

Капитаны Миллс и Донелл доставили переселенцев из бухты Ренда, и тысячи обозленных людей усилили войско. Многие семьи делились с беженцами едой и кровом.

Зиммер ехал на коне по улицам, вдохновляя людей. На тренировочных площадках он увидел горожан в кожаных жилетах и шлемах. Они разбились на пары и упражнялись с мечом, смахивая со лба пот.

Примыкавший к гавани остров Халзбанд, на котором раньше стоял Дворец Пророков, теперь был ровной усыпанной щебнем площадкой, отлично подходившей для тренировок. Ополчение маршировало взад-вперед, учась держать строй и имитируя битву.

Продвигаясь по улицам к берегу, Зиммер встретил Орона и Перри. На лице лорда Орона, как и всегда, было мрачное выражение. Он переплел светлую косу и снова приобрел надменный вид. Идущая за ним Перри была моложе и скромнее, но после пережитого в ее взгляде тоже появилась твердость. Вместе они смотрели на многочисленные корабли, защищавшие акваторию Танимуры. На каждом судне

были копья, луки и огненные стрелы для морского сражения.

— Может, и сдержим норукайский флот, — сказал Зиммер. — У Танимуры никогда не было такой сильной эскадры.

Орон провел пальцем по нижней губе:

— Ильдакар научил нас сражаться разными путями. В этом городе много одаренных. Часть из нас отправится с кораблями навстречу норукайцам, а часть останется в городе с армией. У вас тысячи людей, готовых противостоять наземному вторжению. — Он взглянул на холмы позади Танимуры. — Трудно сказать, когда придет генерал Утрос.

— Мы будем готовы к его приходу, — сказала Перри. — И к норукайцам.

Зиммер вспомнил свой предыдущий опыт, когда сталкивался с невероятными трудностями. Он руководил партизанскими отрядами, которые нападали на города Древнего мира, поддерживавшие Имперский Орден. Тогда он был вынужден признать новый тезис: на той войне не было невинных, даже женщины и дети, помогавшие вражеским солдатам, тоже были врагами. Зиммер не гордился этой работой, но силы магистра Рала победили.

Над гаванью поднялись столбы дыма и взвились яркие разноцветные вымпелы — сигнал о появлении кораблей. «Преследователь», «Туманная дева» и еще два крупных парусника прибыли из Серримунди, не на шутку переполошив всю гавань.

Когда быстрое кракенобойное судно, опередив более крупные корабли, причалило к главному пирсу, Зиммер, Орон и Перри поспешили к нему. Никки и Натан первыми сошли на берег. Оба выглядели измученными чрезмерным использованием дара.

— Мы гнали корабли изо всех сил, — сказал Натан.

— Норукайский флот идет за нами по пятам, — добавила Никки.

— Они атаковали Серримунди? — спросил Зиммер. — Что случилось?

— Сколько урона нанесла леди Ольгия? — перебил Орон. — Надеюсь, она разбила десятки змеиных кораблей.

— Если наш план сработал, Серримунди в безопасности. Ночью Ольгия замаскировала гавань огромной пеленой тумана, а мы дразнили корабли, заставляя плыть дальше. В темноте они погнались за нами. — Никки нетерпеливо огляделась. — Корабли короля Скорбь придут меньше, чем через день. Все в Танимуре должны быть готовы сражаться.

Зиммер стиснул кулаки:

— Мы готовы. Как видите, у нас отличные укрепления.

— Танимура — наша надежда остановить их, — сказал Натан.

Бэннон и Лида тоже были здесь.

— У нас с норукайцами свои счеты, и я готов свести их в любой момент.

— Тут не только норукайцы, — сказала Никки. — Пройдя ночью я видела глазами своей песчаной пумы армию генерала Утреса. Они приближаются, и нам придется сражаться на два фронта.

Глава 74

«Преследователь» в утреннем свете плыл к выходу из гавани. Бэннон стоял на палубе кракенобойного судна, положив ладонь на рукоять меча Натана — его меча, — и рассматривал змеиные корабли, уверенный, что скоро увидит темно-синие паруса. Натан решил отправиться с Бэнноном

и Лилой туда, где предстояло первое столкновение с гнусными налетчиками. Маленькое обшарпанное боевое судно капитана Джареда было готово к битве.

Длинные рыжие волосы Бэннона были распущены, как и у Натана.

Лила глянула на мужчин:

— Лучше постричься, чтобы враг не мог схватить вас за волосы.

— Мои мне нравятся, — сказал Натан. — Я выгляжу сногшибательно с такой прической. Нельзя жертвовать всем.

Лила фыркнула, но спорить не стала. Она уверенно стояла на палубе в кожаном наряде Морасит, широко расставив ноги. Ребристая подошва высоких боевых сандалий обеспечивала хорошее сцепление даже с мокрой или залитой кровью палубой.

Бэннон посмотрел на сверкающие от солнца волны, а затем повернулся к волшебнику:

— Еще раз спасибо за меч. Я никогда не хотел лучшего клинка, чем Крепыш, но ты будешь гордиться, что отдал мне меч. — Он извлек оружие из ножен, и на гладкой стали заблестело солнце.

— Используй его с толком, мой мальчик, и такой благодарности мне будет достаточно.

Бэннон оглянулся на город:

— Я купил Крепыша здесь, в Танимуре, после того как меня чуть не убили головорезы. Теперь я уже не настолько беспомощен. Не могу поверить, что Никки спасла меня, а не бросила на произвол судьбы. Я вел себя ужасно глупо!

— Колдунье нравится, когда остальные думают, что у нее ледяное сердце, но Ричард научил ее помогать нуждающимся, — задумчиво проговорил Натан. — Она поняла, что это стоящее вложение. Она приложила усилия, чтобы

спасти тебя, и сколько врагов ты убил, чтобы отплатить ей за один добрый поступок?

— Недостаточно, — сказала Лила. — Но мы это исправим, когда придет король Скорбь.

Забили барабаны, зазвенели колокола, а на кораблях поднялся шум. Патрульные лодки в море подавали дымовые сигналы.

— Норукайцы идут! — крикнул капитан Джаред и улыбнулся, продемонстрировав щербинку меж зубов. — Поднять паруса! Чего зеваете?

Бэннон подобрался, а стоявшая рядом Лила довольно улыбнулась.

— Может, вонь нашего судна убьет первую линию налетчиков, — сказала она.

Джаред лишь отмахнулся от подначки и уставился на приближавшиеся корабли.

* * *

Король Скорбь стоял позади резного змея на носу корабля и смотрел на огромный город, который показался на горизонте. Он сипло зарычал при виде покрытых броней кораблей, блокирующих вход в гавань. Они не смогут его остановить. Скорбь — змеиный бог. Каждый боец его флота тоже несет в себе кровь змеиного бога. В жилах его воинов пульсируют сила и дух божества.

Вчера, когда они на всех парусах шли к Танимуре, преследуя добычу, его воины видели великое знамение, подогревшее их кровь. Один из дозорных закричал, указывая на горизонт: в волнах извивалось огромное змееподобное существо. Скорбь ощутил, как сердце наполняется радостью при виде еще одного змеиного бога, и издал рев, прокатившийся над беспокойным морем. Другие норукайцы подхватили крик, а новый змеиный бог уплыл.

Скорбь и его люди вступят в битву, неся в себе его присутствие. Теперь победа им обеспечена.

Скорбь не знал, где сейчас армия генерала Утроса, но его это и не заботило. Предполагалось, что они союзники, но напыщенный полководец был никчемным, и норукайцы сделают то, что хорошо умели. Налетчики сокрушат Танимуру и захватят все окрестности к тому времени, пока Утрос с измученной армией марширует по имперским дорогам. Может, норукайцы успеют подготовиться к новой битве и сотрут древнюю армию с лица земли.

Корабли рассекали волны, как морские змеи. Воины налегали на весла, гребя в унисон. Надзиратели стучали в барабаны, и этот звук походил на быстрое и мощное сердцебиение крупного бойца. Флот короля Скорбь стремительно приближался к линии танимурских кораблей. Все они затонут. Он сокрушит их, сожжет.

Со спины к нему приблизилась Атта:

— Я буду сражаться вместе с тобой, Скорбь. Они все будут скорбеть, пока мы смеемся и пируем. А после займемся любовью, как два зверя во время гона.

Скорбь издал низкий утробный рык. Атта была энергичной и изматывающей любовницей — как раз то, что нужно, чтобы утолить жажду крови после хорошей драки. Но сейчас он должен сосредоточиться на убийстве, а не на страсти.

На него нахлынуло уныние. Он скучал по забавным выходкам Мелка и его болтовне. Шаман мог бы предсказать, чем кончится эта битва. С другой стороны, королю редко удавалось разобраться в путаных предсказаниях альбиноса.

Топор рубит древесину. Меч рубит кости...

— Ловушка, — фыркнула Атта, глядя на корабли, выстроившиеся перед Танимурой. — Нас заманили сюда.

— И мы видим их ловушку, но нас не удержать. — Налетчики боевым тараном влетят в эти корабли. — Сегодня ночью акулы попируют.

— И мы тоже, — ответила Атта под ликование команды.

Когда они подошли ближе, Скорбь узнал небольшое серое судно, стоявшее перед танимурскими кораблями. Кракенобоек.

— Глянь на корабль! Мы уничтожим все суда противника, но сначала... — Он стиснул зубы, и на лице со шрамами напряглись желваки. — Этот корабль будет первым. Он мой.

Глава 75

Рассредоточенный флот Танимуры представлял собой пеструю группу больших и малых кораблей. Одни были тяжело вооружены и низко сидели в воде, другие же сохранили маневренность. Закаленные рыбаки и опытные торговцы умели сражаться со штормами и крупной рыбой в открытом море, но никогда не сражались с кем-то вроде норукайцев.

На них двигалось больше сотни змеиных кораблей. Натан стоял на носу «Преследователя», чувствуя, как ускоряется пульс. Он с нетерпением ждал столкновения.

Переднее норукайское судно направилось прямо к кракенобойному кораблю, вспенивая воду веслами.

— Пресвятая Мать морей, вот и они! — воскликнул Бэннон.

Бойцы по всей линии обороны готовились к бою: солдаты, матросы и лучники. Среди них были и одаренные: Орон, Перри, несколько сестер Света, самые опытные из ученых Твердыни и одаренные добровольцы из Танимуры.

— Я и не знал, что у норукайцев так много кораблей! — Капитан Джаред выглядел необычайно серьезным. Таким Натан его еще не видел.

Натан, который тоже был впечатлен, улыбнулся:

— Король Скорбь любит нападать на беспомощные деревни. Сегодня он поймет, что мы от них отличаемся.

Никки осталась на суше вместе с Зиммером и Линденом, присоединившись к войскам, которые патрулировали побережье. Они были готовы сражаться на улицах, если норукайцы прорвутся через морскую блокаду и примутся грабить город. Натан знал, что колдунья сумеет их остановить, но намеревался не пропустить к берегу ни одного змеинового корабля.

Враг приближался. Покрытые шрамами воины высыпали на палубы, подняв мечи и топоры. Цепляясь за носовую фигуру змея, король Скорбь издавал первобытный боевой рев.

— Мы убьем тебя, Скорбь! — тоже заорал Бэннон во всю силу легких. — Иди сюда, уродливый ублюдок!

Лила выгнула бровь:

— Ты меня впечатлил, мальчишка.

Натан всецело сосредоточился на норукайском короле, который был самым отвратительным из всех. Омерзительная крупная женщина подле короля вскинула в воздух массивный кулак.

Внутри Натана вскипала опасная магия.

— Иди навстречу своей судьбе.

Впервые он увидел норукайцев после того, как вместе с Никки и Бэнноном выжил в кораблекрушении неподалеку от бухты Ренда. Во время того нападения норукайцы погубили немало беспомощных людей...

Бэннон будто тоже вспомнил о той ночи, и лицо его ожесточилось. Он держал меч мертвой хваткой, на его лбу проступил пот.

— Нам предстоит крупное сражение. Я могу впасть в боевое безумие и не осознавать, что происходит. — Он посмотрел на Лилу. — Так много врагов нужно убить.

Грохот норукайских барабанов наполнил гавань, и вызывающие крики усилились. Натан ощутил, как сердце в его груди сжимается от гнева, принадлежащего не только тени главного укротителя Айвена.

— Скоро сможешь творить насилие сколько угодно, — прошептал он темному призраку внутри себя. — Так займись делом.

Змеиные корабли были все ближе и ближе. Налетчики наваливались на весла в последнем рывке.

Натан на носу «Преследователя» поднял руки и расставил пальцы.

— Почти пора.

Когда воздух наполнился треском магии, поднявшийся ветер принялся трепать его плащ, словно флаг. Сестры Света стояли на носу соседних кораблей, тоже призывая магию.

По всей линии морской обороны волшебники и колдуньи поднимали волны. Вода перед «Преследователем» вспенилась, и Натан при помощи дара сформировал волны, словно пекарь, который разминает тесто. С силой выдохнув, он надавил ладонями вниз, призывая невидимую силу и создавая провал в воде. Появилась рябь, каждая волна была сильнее предыдущей. Валы накатывали друг на друга, образуя белые шапки, и двигались в сторону норукайского флота.

Натан вложил в воду больше силы, создавая крупные волны и посылая по морю шторм. Его одаренные товарищи действовали схожим образом, образуя в обычно спокойной гавани бурные потоки. Высокие волны раскачивали вражеские корабли, словно те были щепками, и несколько нору-

кайцев выпало за борт. Один из них угодил под удар весел и скрылся под водой.

Натан видел, как Орон на корабле капитана Стрейкера размахивает кулаками из стороны в сторону, создавая высокие валы, чтобы опрокинуть змеиные корабли. Морская вода захлестнула палубу, смыв с нее десяток разозленных налетчиков.

Натан заставил свои волны резонировать с волнами Орона, и их сила удвоилась. Настоящие стены воды сталкивали норукайские корабли, словно те были игрушечными, ломали корпус и мачты.

Но налетчики продолжали прибывать. Король Скорбь потребовал от команды грести быстрее, и те неумоимо орудовали веслами. С носа каждого норукайского корабля смотрела резная змеиная фигура, раскрывшая пасть и готовая протаранить противника.

Натан послал волну к кораблю на фланге, высоко подняв его, а потом в мгновение вытянул из-под судна воду. Змеиный корабль рухнул, расколовшись, а волны столкнули два других корабля, разбив как яйца. Десятки новых кораблей плыли через обломки. Сестры Света объединили усилия и подняли водяной щит, который окатил норукайские корабли и оттолкнул несколько из них. Но налетчики только сильнее налегали на весла.

Команда «Преследователя» отчаянно старалась удерживать корабль против обратных волн. Бэннон держался за борт, а Лила расставила ноги, сохраняя равновесие. Морасит свирепо смотрела на приближавшегося противника.

Королю Скорбь как-то удалось заставить гребцов продвигать корабль. С удивительной скоростью судно приблизилось к охотникам на кракенов. Часть весел была сломана, но флагман рвался вперед, как рычащий зверь. Натан попытался ударить его волной, но это не помогло.

Уродливая норукайка рядом с королем размахивала мечом. Скорбь поднял боевой топор.

Натан попытался ветром оттолкнуть приближавшийся корабль, но флагман совершил самоубийственный рывок. Волшебник послал вперед мощную стену воздуха, сломав грот-мачту, но змеиный корабль было уже не остановить. Он врезался в кракенобойное судно с громоподобным грохотом, от которого содрогнулись корпус и палуба. От удара фигура змея разлетелась на куски. Доски задрожали и треснули.

Бэннона швырнуло на палубу, когда «Преследователь» накренился, но Лила успела поймать его за рубашку. Натан был сосредоточен на магии, властвуя над волнами и ветром. Он среагировал недостаточно быстро и потерял равновесие. Его толкнуло к борту, он попытался ухватиться за перила, но поскользнулся и полетел в бурлящую воду, полную деревянных обломков и окровавленных тел.

Глава 76

Первое столкновение произошло на воде, но Никки и д'харианские солдаты заняли позиции вдоль причала, приготовившись дать отпор налетчикам, которым удастся прорваться через линию кораблей. Норукайский флот был безрассуден, и некоторые корабли могли добраться до города и посеять хаос.

Почти все сестры Света поднялись на борт кораблей, а Никки осталась на берегу с Элдин, Родой, Мэб и Арабеллой. Из оружия у колдуньи были два кинжала и ее дар. Еще у нее была маленькая костяная шкатулка, которую передал Ричард, но Никки еще не разгадала ее предназначение. Ричард полагался на какую-то особенность в прошлом Ник-

ки, ее знаниях и даре. Впрочем, у нее было полно других способов вести войну.

Линден отправил в холмы за Танимурой разведчиков высматривать армию генерала Утроса. Они еще не вернулись с докладом, а норукайцы уже атаковали. Солдаты встали в строй, приготовившись защищать город.

Генерал Зиммер сидел на боевом коне перед прибрежными складами, наблюдая за грандиозным морским сражением. Его жеребец фыркал и переминался с ноги на ногу, чувствуя близкую битву. Все пирсы длинной пристани опустели, каждый корабль отправился сражаться с норукайцами. Солдаты маршировали стройными рядами, держась за рукояти мечей. Им не терпелось зарубить тех, кто сумеет выбраться на берег.

Змеиные корабли врезались в танимурскую блокаду. Одаренные бойцы создали огромные волны, чтобы сорвать наступление норукайцев, и до Никки доносился грохот столкновения норукайских судов. Собрались грозовые тучи, когда волшебники обрушили на врага шторм.

Идущий впереди корабль короля Скорбь врезался в «Преследователя», причинив страшный ущерб. Никки смотрела, как два норукайских корабля зажали с обеих сторон судно капитана Миллса; налетчики бросили абордажные крюки, собираясь перебраться на палубу. Многие змеиные корабли врезались друг в друга, были сокрушены волнами или откинуты назад, но какая-то часть прорвалась через блокаду напрямик к городу. Десятки вражеских кораблей уже затонули, но флот продолжал прибывать.

Никки злилась. Ей хотелось быть в первых рядах и обрушивать дар на норукайцев. Ей не нравилось быть в безопасности, пока другие умирают, но она не могла оставить Танимuru в уязвимой позиции.

— Скоро настанет наша очередь, — пробормотала она.

Поджидая на суше, солдаты приветствовали врага гневными оскорблениями.

— Норукайцы безумны. — Генерал Зиммер покачал головой, не веря глазам. — Гляньте на них! Они не ценят собственные жизни. Жертвуют пятерыми, а то и десятерыми на одного прорвавшегося.

Норукайцы продвигались, несмотря на штормовой ветер и бурные волны. Тридцать кораблей налетчиков все же провалились через блокаду и направились прямо к докам.

Никки повернулась к сестрам:

— Натан и остальные сделают с воды все, что в их силах. Нам нужно устранить остальных.

— Я рада снова сражаться вместе с тобой, сестра Никки, — сказала Элдин. — Хорошо, что ты вернулась к сестрам Света.

Взгляд Никки стал жестким.

— Я не вернулась. Я не сестра Тьмы, и я не член вашего ордена. Я служу лорду Ралу и себе. — Она бросила выразительный взгляд на собравшихся женщин. — Но в каком-то смысле мы действительно сестры. У нас общий враг.

Когда группа змеиных кораблей устремилась к докам, Зиммер разослал вдоль побережья вооруженные отряды. Солдатские сапоги загрохотали по доскам. Жаждающие места переселенцы из бухты Ренда и Эффрена усилили д'харианскую армию, но основной удар на себя примут солдаты. Зиммер прищипил коня, и солдаты с криком бросились в атаку.

Несколько кораблей налетчиков направились к плоскому острову Халзбанд и новым мостам, соединявшим его с городом. Сестра Рода посмотрела на то место, где когда-то возвышался Дворец Пророков, и хищно улыбнулась.

— Может, остров Халзбанд снова покроется зеленью, если пролить достаточно норукайской крови.

Никки тоже улыбнулась:

— Мне нравится ход твоих мыслей, но в первую очередь нужно разобраться с ближайшими кораблями.

Три побитых судна направились к свободному участку берега в дальнем конце главной пристани. У одного корпус был обуглен от удара молний. В темных парусах зияли дыры, но при помощи немногих уцелевших весел корабль шел вперед, пьяно вихляя, пока не оказался на галечном берегу. Уродливые налетчики высыпали с палуб на землю.

Два других змеиных корабля врезались в пустые доки, заскрежетав о сваи. Мускулистые работоторговцы перемахнули через борт и рванули к городу с оружием наперевес, собираясь устроить кровавую бойню.

Никки и д'харианские солдаты их остановят. Сестры Света вызвали ледяной дождь и колючий град, но норукайцы, пригнувшись, бросились вперед с топорами, шипованными булавами и кистенями. Открыв обезображенные рты, они завывали.

— Монстры, — ужаснулся не выдавший их прежде д'харианский солдат.

— Они истекают кровью, как люди, и умирают, как люди, — сказала Никки.

Подкрепляя свои слова, она создала на ладони огонь волшебника, и тон криков бежавших к ней налетчиков изменился — пылающий шар врезался в грудь ближнего мужчины и вылетел из спины. Неукротимое пламя зажарило еще трех норукайцев позади первого.

Колдунья призвала вторую сферу и бросила по более высокой траектории, чтобы огонь упал подальше. Многие с криками умирали, но норукайцы ни на миг не прервали наступление. Даже когда товарищи падали, налетчики перепрыгивали через обугленные тела и продолжали бежать.

— Щиты! — крикнул Зиммер, и солдаты выставили щиты кромка к кромке, сформировав стену.

Они медленно двинулись вперед, выставив мечи навстречу врагу. Раздался оглушительный лязг оружия по выделанной коже, дереву и металлу.

Никки запустила навесом еще один огненный шар, и он взорвался на ближнем корабле, воспламенив палубу и мачту, а также убив несколько норукайцев, сходявших на берег последними.

Дисциплинированные д'харианские солдаты держали строй, но норукайцы были в безумной ярости. Обозленные беженцы сломали строй и бросились в бой, нападая на диких налетчиков, которые разрушили их дома и убили родных. Глава поселения Таддеус размахивал лодочным крюком, проламывая черепа и вонзая оружие в безобразные лица. Выжившие из бухты Ренда последовали его примеру с такой яростью, что смогли остановить атаку норукайцев. Солдаты Зиммера перестроились и двинулись вперед.

С крыш прибрежных складов д'харианские лучники обрушивали на налетчиков залп за залпом. Вскоре улицы были завалены телами норукайцев, а по сточным каналам потекла кровь. Но налетчики продолжали прибывать.

Еще десять змеиных кораблей врезалась в пустые пирсы, исторгнув из себя тысячу вопящих воинов. Не думая о себе, налетчики ударили в строй д'харианских защитников, провалились через стену щитов, побежали к складам и подожгли их. Пламя охватило деревянные стены, тюки тканей и мешки с зерном; поднялся густой дым. Лучникам пришлось прыгать с крыш, спасая свои жизни.

Двумя молниями Никки превратила нескольких нападавших в красный туман и почерневшее мясо. Каждый норукаец, выбегавший на берег, словно ждал смерти и хотел причинить как можно больше разрушений перед гибелью.

Воин с лицом, похожим на уродливую картофелину, пробился к генералу Зиммеру, который схлестнулся в смертельном поединке с другим налетчиком. Увидев, что ему нужна помощь, Никки простерла дар, нашла сердце безобразного норукайца и взорвала его. Тот упал, как подкошенный. Четверо товарищей уставились на него, не понимая, что произошло. Никки снова прибегла к дару и остановила сердца четверки.

В гавани продолжалось морское сражение. Минимум соток змеиных кораблей уже были разбиты или потоплены.

Пока Никки создавала новый шар огня волшебника, норукайка замахнулась на нее шипованной дубиной, метя в голову. Колдунья пригнулась и вонзила кинжал в сердце женщины. Норукайка с ножом в груди продолжала давить всем весом на Никки. Из-за того, что ее отвлекли, огонь волшебника в ее руке замерцал, но колдунья швырнула его остатки в лицо женщины, и голову той охватило пламя. Никки столкнула с себя норукайку и повернулась к следующей цели.

В самый разгар битвы послышались новые звуки. Никки услышала громкие крики с окраин города, бой барабанов и тревожные вопли. Разведчики галопом мчались с холмов, в панике крича.

Расстояние и шум битвы приглушили голоса, но Никки все поняла. Ее внутренности сковал холод, когда она увидела длинную вереницу солдат, быстро марширующих за разведчиками. Она уже видела эти доспехи и знамена с символом императора, который умер пятнадцать столетий назад. Почти сто тысяч солдат генерала Утроста устремились через холмы к Танимуре.

Глава 77

Когда корабль короля Скорбь столкнулся с «Преследователем», Бэннона с такой силой швырнуло на стоявший на палубе ящик, что у него зазвенело в голове. Он разбил локоть, но сумел не выронить дорогой клинок.

Только вот он не успел вовремя среагировать, когда Натан вывалился за борт.

— Нет! — Бэннон устремился к волшебнику, но палуба была скользкой от брызг и затвердевшей слизи кракенов.

Юноша повалился на спину и перекатился, но Лила ухватила его за запястье и не дала тоже упасть за борт.

— Волшебник сам о себе позаботится. — Лила толкнула его в плечо, разворачивая. — Нет времени. Смотри!

Бэннон отшатнулся, когда десятки неотесанных налетчиков перепрыгнули на палубу «Преследователя». Норукайцы были штормом клинков, мощных мускулов и лиц со шрамами, а их боевые кличи походили на вопли голодных зверей.

— Держаться вместе! — закричал Джаред.

С резким и неуместным смехом капитан принялся размахивать топором с длинной рукоятью, предназначенным для отрубания щупалец. Боковым ударом он застал врасплох самоуверенного норукайца, продемонстрировав, что топор с легкостью отрубает не только щупальца кракена, но и человеческие головы.

Вооруженный мечом Бэннон собирался с силами, а Лила стояла рядом с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Ее голодная ухмылка пугала больше, чем шрамы норукайцев.

Король Скорбь прыгнул на палубу «Преследователя». Его тяжелые сапоги стучали по доскам, а он размахивал боевым топором как игрушечным, держа его в одной руке. Заметив Бэннона, он громко расхохотался. Его фыркание походило на громогласную отрывку.

— Ходячее мясо. — Он зашагал вперед. — Мертвое мясо.

Лезвие боевого топора было шириной с голову короля, а заостренный край сверкал серебряной улыбкой.

Уродливая неотесанная Атта шумно следовала за королем, и Лила зашипела на свою неприятельницу.

Команда «Преследователя» побежала на врага, вооружившись лодочными крюками и дубинами. Матросы были закалены тяжелой работой и не раз сражались с кракенами. Десять д'харианских солдат, находившихся на борту корабля, тоже бросились в бой.

Не обращая внимания на остальных налетчиков, Бэннон шагнул к королю Скорбь, подняв изысканный клинок:

— Из всех своих врагов больше всего я хочу убить именно тебя.

Скорбь рванул вперед как ильдакарский бык, вонзая шипы на сапогах в затвердевшую слизь. Он замахнулся топором, держа его обеими руками и вкладывая в удар всю мощь.

Оружие раздробило бы Бэннону грудь, но он развернул корпус, положившись на инстинкты. Он поднырнул под топор и закружился как танцор, отступая, наклоняясь и снова выпрямляясь. Низко держа меч, он нанес сильный удар сбоку.

Скорбь повернул массивный торс так, чтобы острое лезвие ударило в железную цепь на талии, высекая искры, а не проливая кровь.

Лила атаковала с другой стороны, кинувшись на короля с кинжалом и коротким мечом. Морасит орудовала острыми лезвиями так быстро, что они выглядели размытыми.

— Убьем его вместе, мальчишка.

Атта подобно лавине врезалась в нее с сокрушительной силой, оттеснив от короля. Лила перекатилась по палубе и

повернулась к новому противнику, без малейшего колебания переключившись на норукайку. Поднявшись на ноги, Лила ударила Атту по голени, глубоко вонзив кинжал в мясистую икру. Взревав от боли, Атта обрушила кулак на голову Лилы, но Морасит отпрыгнула и присела, напоминая сжатую пружину.

Скорбь снова взмахнул боевым топором с такой силой, что мог бы перерубить мачту, и Бэннон едва избежал того, чтобы ему выпустили кишки.

— Мелок говорил с тобой. Ты запудрил ему мозги, обманул его. Моего Мелка!

Он снова махнул топором, и на этот раз Бэннон встретил лезвие своим клинком. Крепкая сталь выдержала, но вибрация от удара дошла до самого плеча.

— Мелок был безумен, — язвительно сообщил Бэннон. — Надо было тогда позволить бритвенным рыбам обглодать его до костей.

Как и ожидалось, от такого заявления король пришел в слепую ярость. Переполненный горем и жаждущий мести Скорбь широко разинул рот, демонстрируя влажную глотку.

— За это ты умрешь!

Сражаясь, Бэннон заметил подступающую красную пелену.

— Многие пытались меня убить, но я все еще здесь.

Он стал сильнее и быстрее, каждое его движение подпитывалось инстинктами и адреналином. Оглушительные звуки сражения стали отчетливее.

Бэннон рубанул мечом, прочертив ярко-красную полосу на груди короля. Скорбь, похоже, даже не заметил раны. Он крутанул боевой топор и снова нанес удар сверху вниз, вынудив Бэннона отступить. Юноша парировал атаку мечом, нанес низкий удар и ранил короля в бедро, но Скорбь продолжал сидеть.

Одаренные защитники продолжали перемешивать воду гавани, затопляя и круша змеиные корабли, сталкивая их деревянные корпуса. Но десятки змеиных кораблей уже прорвались к внутренней гавани. Там они врезались в доки и исторгли из себя диких норукайцев. Налетчики ринулись в город, который уже начинал гореть.

Бэннон не мог им помочь. У него и своих проблем хватало, он просто пытался выжить. Придется оставить Танимuru на Никки, Зиммера и остальных.

Словно пытаясь перерубить дуб одним ударом, Скорбь снова взмахнул огромным топором. Бэннон увернулся и столкнулся с Аттой — как раз в тот момент, когда та занесла изогнутый клинок над Лилой. Если бы не толчок Бэннона, она отрубила бы Лиле руку. С рычанием норукайка развернулась к нему, но Бэннон блокировал ее клинок своим и обернулся — вовремя, потому что король как раз бросился на него с топором.

Воспользовавшись секундной заминкой, Лила кинулась на Атту, глубоко разрезав ей правую руку. Норукайка клацнула зубами, когда кровь хлынула из поврежденной мышцы, но с легкостью переложила клинок в другую руку и снова атаковала Лилу. Воздух вокруг был наполнен кровавым туманом.

Скорбь нападал снова и снова, и каждый его удар был способен разрубить человека надвое. Юноша увернулся и восстановил равновесие. Он не боялся короля и не собирался отступать. Он хотел убить этого жуткого человека. Он встречал каждую атаку отличным мечом Натана, нанося ответные удары со всей силой.

Мышцы уже ныли от усилий, а кости трещали. Когда красный туман сгустился и обзор сузился до туннеля, юноша задышал тяжелее; пульс участился, мускулы напряглись, в горле пересохло. Каждое волокно мышц, каждая капля

крови, каждая бусинка пота и длинная волосинка жаждали победы над норукайским королем.

Бэннон так и не узнал, почему впадает в кровавую ярость. Может, он унаследовал этот порок от жестокого отца. В безумной ярости он превращался в машину для убийств, которая не думала ни о чем, кроме противника. Он не помнил каждого удара и каждой жертвы.

Бэннон изо всех сил старался удержаться, сражаясь с королем Скорбь, пока зрение его расплывалось в фуге убийственной энергии. Он отталкивал плену, потому что хотел все помнить! Он с силой ударил вверх, чуть промахнувшись мимо горла короля.

— Пресвятая Мать морей! — сказал Бэннон, стиснув зубы. — Я убью тебя, Скорбь, и запомню каждое мгновение этой битвы.

Скорбь отклонился от острия меча Бэннона, а потом бросился на юношу. Лицо короля сделалось багровым.

— Ты не сможешь меня убить. Я змеиный бог!

Бэннон шумно фыркнул:

— Я уже видел смерть змеиного бога.

С криком столь же громким и яростным, как у короля, он столкнулся со своим противником, нанося рубящие и колющие удары. Скорбь защищался, отражая удары металлическим браслетом и поворачиваясь так, чтобы клинок соскальзывал с акульего жилета.

Бэннон не сдавался. Он сделал выпад, размахнулся и рубанул здоровяка по плечу, вырвав вживленный костяной шип. Скорбь взвыл, когда из раны брызнула кровь, но боль лишь придала ему энергии.

— Я король Скорбь. Я змеиный бог!

Бэннон уклонился от очередного неистового взмаха боевого топора.

— Вы все будете скорбеть!

Взрывная сила его атак была неудержима. Король оттеснил Бэннона, прижав к ящику у борта. Скорбь поднял боевой топор над головой и опустил с такой силой, что мог бы разрубить свою жертву от головы до пояса. Бэннон на волосок разминуся со смертью, и топор глубоко вонзился в древесину. Лезвие крепко засело в перилах, покрытых толстыми слоями вязкой слизи. Король Скорбь ухватился за рукоять, раскачивая и дергая топор в попытках высвободить.

Бэннон воспользовался моментом. Направив всю силу спины, плеч и рук в удар, он рубанул мечом по шее короля Скорбь.

Острое лезвие прошло насквозь через позвоночник. Голова короля откинулась, удерживаемая лишь клочком кожи. Его челюсти открылись, а язык вывалился. Хлынула кровь. Не выдержав веса, тонкая полоска кожи порвалась, и голова норукайского короля упала в бурлящую воду.

Бэннон опустился на колени, и на него внезапно навалилась тишина. Он словно слышал голос Мелка, шаман снова и снова выкрикивал околесицу. Но теперь Бэннону все было понятно.

Топор рубит древесину. Меч рубит кости.

За его спиной раздался громкий крик, способный разбить стекло. Атта выглядела так, словно у нее из груди вырвали сердце.

— Мой Скорбь! — Она рванула к Бэннону, напоминая разъяренную боевую медведицу.

Обезглавленное тело короля упало на палубу. Некоторые охотники на кракенов возликовали, а затем с удвоенной силой навалились на норукайцев. Атта бешеной собакой бросилась на Бэннона, и он поднял меч, собираясь заблокировать ее удар. Время замедлило ход, его усталые мышцы превратились в холодное желе. Когда Атта была в одном шаге от

него, подняв меч в смертельном замахе, позади нее появилась Лила и вонзила клинок в спину норукайки. Морасит с силой надала на меч обеими руками, протыкая сердце Атты, и острое показалось между ее грудей.

Умиравшая Атта взмахнула руками и выронила изогнутый меч, который с лязгом упал на палубу. Она схватилась за выросшее из ее груди стальное острие, порезав ладони. Атта была намного крупнее своей стройной соперницы, но Лила подняла на мече крупную женщину. Темная кровь обильно текла на палубу.

Наконец, Атта соскользнула с лезвия, и Лила позволила телу норукайки упасть на доски палубы.

Глава 78

Волна тревоги прошла по армии Зиммера, когда они развернулись к орде древних солдат на окраинах города. Боевые горны и рев солдат Утроса походили на раскаты грома.

— Мы армия Д'Хары! — старался сплотить бойцов Зиммер. — Мы выстоим против любого врага!

— Мы нечто большее, — сказала Никки. — У нас есть тысячи вооруженных беженцев, которые жаждут отомстить. Теперь им выдалась такая возможность.

Норукайские налетчики пробивались через улицы Танимуры и выли, как обезумевшие звери. Они громко заорали при виде своих союзников, которые фактически обеспечили им победу. Они сжигали и разоряли все, к чему прикасались. Две вражеские армии приближались словно пламя, раздуваемое ветром.

Неподалеку норукайский воин запрокинул голову и засмеялся в небеса, крутя в руке дубину. Раздраженная Никки

превратила его в пепел огнем волшебника, и дубина вместе с дымящимися пальцами упала на землю.

Зиммер прищипорил боевого коня и повел атаку на беспорядочный строй норукайцев, пытаясь пробиться к Никки. Она послала стену затвердевшего воздуха, расчищая ему путь. По лицу генерала струился пот, а его правая щека была забрызгана кровью. Он мрачно посмотрел на огромную армию Утроса за пределами города.

— Теперь я понимаю мудрость вашего решения оставить на суше так много войск. Не знаю, хватит ли нашей армии сил, чтобы не дать генералу Утросу завоевать город.

Танимурский флот разбил и потопил много змеиных кораблей, но десятки приставали к берегу, и оттуда высаживалось все больше и больше кровожадных варваров. Утрос направил к Танимуре десятки тысяч древних солдат, разделенных на несколько огромных дивизионов. В ближайшие часы они поглотят город, погибнут многие защитники и невинные горожане.

Никки прекрасно представляла, какой хаос могут посеять норукайцы, но Утрос был завоевателем, и его она боялась больше.

— Мне нужно выстроить оборону против древней армии. Генерал, поручаю вам остановить налетчиков. Сможете?

— Смогу ли? — громко хохотнул он. — Магистр Рал со стыда сгорит, если его генерал не сможет остановить толпу уродливых налетчиков. Мы покажем им, как умеем сражаться за Д'Хару. Возьмите с собой ополченцев и остановите Утроса.

По сигналу Зиммера один из его адъютантов протрубил в горн, чтобы привлечь внимание жаждущих мести ополченцев, большинство из которых обучались всего несколько дней. Никки при помощи дара усилила голос, чтобы ее слышали даже задние ряды людей, прибывших из бухты

Ренда, Эффрена, побережья Ларрикан и других разрушенных поселений.

— Идем к холмам! Мы должны отрезать армию генерала Утроса.

Еще один змеиный корабль врезался в причал, и Зиммер собрал солдат для атаки. Блеснули сотни клинков, когда д'харианская армия побежала навстречу норукайцам.

— Идите, колдунья! — обернувшись, крикнул Зиммер.

Таддеус поднял выданный ему меч и возглавил людей из бухты Ренда. Свободный раб Ренделл поправил криво сидевший кожаный шлем и повел за собой отряд из сотни вооруженных беженцев.

Армия Утроса несла порванные знамена с древним символом пламени Кергана, а также новые флаги с еще большими по размеру изображениями огня. В первых рядах Никки увидела генерала, опознав по рогатому шлему и блестящей золотой маске. Он взирал на город как на жирного теленка, которого собирался заколоть. Его колдунья ехала рядом, потрескивая от магии и призвав над собой грозовую тучу.

Десятки тысяч солдат, разделенные на крупные дивизионы, двигались к городу через лесистые холмы. Один отряд обогнул северную оконечность Танимуры, в то время как генерал Утрос и Рува вели основную часть армии. Ближний к Никки дивизион вошел в темный Хагенский лес, располагавшийся над руинами острова Халзбанд. Солдаты неотступно брели вперед. Пройдя через густой лес, они вытопчут нижний город и отдаленные жилые районы, нацелившись на сердце Танимуры.

Никки прекрасно изучила эти места, когда жила среди сестер.

— Идем в лес! — крикнула она бойцам, уводя их за собой. — Там у нас будет преимущество.

Хагенский лес издавна был зловещим местом. Сестры Тьмы совершали там кровавые жертвоприношения и ужасающие ритуалы посвящения. Лес уже был пропитан кровью, и теперь она снова удобрит почву.

За ней следовали тысячи решительно настроенных ополченцев. Ренделл и Таддеус словно соперничали между собой, несясь навстречу битве. Бойцы миновали мосты, ведущие к острову Халзбанд. Когда-то здесь было множество процветающих лавок суконщиков, торговцев едой, ремесленников, свечных мастеров, ткачей, резчиков по камню... Все они обслуживали Дворец Пророков. А еще тут были таверны, игорные заведения и публичные дома, которым покровительствовали сестры. После разрушения дворца для района настали трудные времена, и многие здания опустели.

Двигаясь по пустынным улицам наперехват вражескому отряду, они увидели несколько семей, оставшихся в своих домах. Матери и отцы держали грубое оружие, готовые сражаться, если к ним придет война.

— Мы постараемся задержать врага, но если солдаты прорвутся через Хагенский лес, то убегайте, — предупредила она их. — У вас нет шансов их остановить.

Древняя армия уже наводнила густой лес, направляясь к нижнему городу, но Никки остановилась перед темными соснами и переплетенными дубами.

— Этот густой лес станет нашим преимуществом. Вражеские солдаты будут вынуждены сломать строй, чтобы пройти между деревьев. Мы нападём на них и убьём. Нельзя пустить их в город.

Демонстрируя уверенность своим разношерстным бойцам, Никки вошла в лес, вооруженная даром и кинжалом. Переплетение ветвей и густой подлесок не позволяли бежать, но ее бойцы приближались к шумной вражеской ар-

мии. Никки жалела, что генерал Утрос не пошел с этим отрядом, но она еще с ним встретится.

Она держалась впереди, собираясь убереечь остальных. Она слышала, как тысячи вражеских солдат ломаются через лес. Она увидела первые ряды воинов, протискивающих через ветви и кусты. В тот же миг они заметили ее. Ее платье было темным, но бледная кожа и светлые волосы делали ее заметной в полумраке Хагенского леса.

Тысячи солдат с криками шагали по лесу, желая уничтожить ополчение. Древние воины снова были из плоти и крови — изможденными, с запавшими глазами и потрескавшимися губами. Отчаяние облепило их, как тесная одежда.

Десять кровожадных мужчин бросились на Никки, и она простерла дар, найдя два больших дерева возле этой горстки солдат. Как и когда-то прежде, она нагрела сок и вскипятила влагу внутри толстых стволов. Жидкость резко расширилась, и деревья взорвались, разбросав во все стороны острые деревянные колья. За миг до этого Никки подняла щит, ограждая своих бойцов. Летящие щепки убили десятки древних солдат. Расколотое дерево рухнуло, придавив еще нескольких.

Никки взорвала другой высокий дуб, расправившись с еще одной группой противника. Новые ряды вражеских солдат столкнулись с ее ополчением. Наспех обученные бойцы подпитывались своей злостью, вступая в бой под густыми ветвями.

Никки швыряла воздушные стены, словно боевыми тарами сминая ряды воинов. Она взрывала сердца, когда успевала сосредоточиться на цели, кидалась огнем волшебника, а когда ничего не помогало, пускала в ход кинжал, перерезая глотки и пронзая сердца.

Древние солдаты продолжали наступать, продираясь через лес и отбрасывая ополчение своей превосходящей чис-

ленностью. Древние солдаты не считались с потерями. Генерал Утрос приказал идти вперед и проникнуть в город, и они не собирались останавливаться.

Оставшиеся в меньшинстве беженцы двигались уже не так решительно. На руке Ренделла был глубокий порез, а его кожаный шлем куда-то делся. Таддеус оттащил товарища в безопасное место, когда к нему приблизились два солдата.

Никки не могла остановить всех и чувствовала, что ситуация изменилась.

— Держать строй! Мы не можем пустить их в Танимуру.

Она пускала в ход все уловки, которые только могла придумать, но ее дар не был неисчерпаемым. Ополченцы начали отступать.

Когда ее бойцы дрогнули, вперед прыгнула рыжая пума и растерзала древнего солдата. Мрра придавила врага и перегрызла ему горло. Большая кошка с рычанием повернула к Никки окровавленную морду и дернула хвостом. Никки охватила волна восторга.

— Моя сестра-пума!

В густом лесу показались десятки больших кошек, которые прятались в тенях. Когда они атаковали, древние солдаты отступили, испытывая первобытный страх перед хищником. Новый прайд Мрра был не столь велик, чтобы справиться с крупным отрядом, но страх заставил солдат Утроса колебаться. Мрра приблизилась, дотронувшись боком до Никки, а потом прыгнула на очередную жертву.

Никки снова обрела почву под ногами. Часть Хагенского леса была выжжена ее огнем волшебника, многие деревья были взорваны изнутри. Ополченцы усилили натиск, упорно сражаясь.

Затем через густой лес пронеслись новые фигуры, походившие на человеческие тени, закутанные в серые плащи.

Они атаковали древнего врага с фланга, вызвав суматоху. Теперь солдатам Утроса приходилось сражаться на два фронта. Люди в сером, вооруженные древними мечами, рубили кожаные и кольчужные доспехи, отрубали руки и головы, протыкали грудины. Эта неожиданная поддержка вызвала у ополченцев Никки еще один прилив энтузиазма, и они нанесли ответный удар, отвоевав обратно свои позиции.

Никки узнала это неожиданное подкрепление — Прячущиеся люди! В бою они напоминали размытые пятна, но она заметила девушку с тонкими волосами, завязанными в хвост. Ее серый капюшон слетел с головы.

— Аша! Как вы здесь оказались?

— Мы пришли сражаться за тебя, Никки. — Девушка взмахнула мечом, ударив вражеского солдата в спину. — Ты освободила нас от жисс, и будет справедливо, если мы тебе поможем.

Никки была поражена. Когда сильфида унесла ее из Ороганга, экспедиционный корпус генерала Утроса заполонил площадь. Она была уверена, что Прячущиеся люди уничтожены.

— Как вы спаслись от солдат в Ороганге?

— Спаслись? — рассмеялась Аша. — Мы убили их всех. Нас гораздо больше, чем ты думаешь! И мы знали, куда ты отправишься, ведь ты показала нам Танимуру на карте в зале переговоров. Мы знали все горные перевалы, все реки и города и решили прийти сюда. Мы следовали за твоей песчаной пумой.

Никки ощутила прилив оптимизма, которым Бэннон гордился бы.

— Хорошо. Теперь мы можем уничтожить этот дивизион.

Они сражались с удвоенной яростью, расправляясь с захватчиками. Никки с горечью смотрела на отважных бе-

женцев, погибших в лесу, но за несколько часов им удалось ликвидировать дивизион.

Никки была измучена, ее черное платье было испачкано и изрезано. Лес превратился в пропитанное кровью болото, мертвые тела лежали грудями. Выжившие ополченцы сгрудились возле нее, гордясь тем, что удержали Хагенский лес. Но главная битва шла в самом городе.

Вдруг затрещали ветви, зашелестели листья, и в воздухе появилась мерцающая женская фигура — зеленоватый силуэт Авы. Она выглядела возмущенной.

— Утрос отправит вас к Владетелю!

Никки собрала остатки дара, чтобы разорвать колеблющийся дух.

— Один раз я тебя уже убила.

Дух отпрянул от атаки и пронесся над ополчением Никки, скорее вызвав страх, чем причинив вред.

— Наша армия во много раз сильнее! Мы сокрушим всех вас.

— А ты все также будешь мертва, — удовлетворенно сказала Никки.

С криком разочарования Ава снова принялась раскачивать деревья. Никки оттолкнула призрак своим даром, и Ава унеслась прочь.

— Я скажу генералу Утросу, где ты. Он хочет убить тебя лично.

Когда Ава исчезла, Никки посмотрела в пустоту. Ополченцы испуганно переговаривались, но она усмехнулась:

— Пусть попробует.

Глава 79

Корабли флота Серримунди отправились на север вслед за норукайским флотом. Змеиные корабли мчались к Танимуре, совершенно не замечая укрепленные суда преследователей. Ольгия снова призвала легкую дымку тумана, спрятавшую их от норукайских дозорных.

Хозяин порта Отто стоял на борту «Туманной девы», положив руки на перила.

Капитан Гэнли, стоявший рядом, заслонил рукой глаза от солнца:

— Вы испытываете напряжение или нетерпение?

— Они нас опережают, и я не хочу пропустить битву, — сказал Отто. — Я рад, что мы уберегли Серримунди от разрушения, но мы по-прежнему участвуем в войне. Только представь, что сотворит с Танимурой целый норукайский флот! Ведь небольшой отряд налетчиков едва не уничтожил гавань Серримунди!

Гэнли, посмеиваясь, погладил бороду:

— Но в этот раз мы знаем, как дать отпор. Мы нападем неожиданно, и это будет как нож в спину. Именно этого они и заслуживают.

Отто смотрел, как нос корабля разрезает воду, взбивая ее в пену. С удивлением он увидел гладкие фигуры, плывущие рядом с «Туманной девой». Сначала он принял их за дельфинов, но отшатнулся, когда понял, что видит человеческие существа с чешуйчатой кожей и острыми плавниками.

— Сэлки! Рядом с кораблем плывут сэлки!

Гэнли смотрел на сотни гладких тел, плывущих к Танимуре. Они будто сопровождали флот Серримунди.

— Думаю, нам не стоит о них беспокоиться. Сэлки и норукайцы — заклятые враги. Вовсе не нашу плоть они хотят пожрать.

— Мы накормим их досыта после сегодняшней битвы, — сказал Отто.

По настоянию Никки все серримундские корабли укрепили металлическими пластинами, а матросов научили обращаться с мечами, копьями и лодочными крюками. На борту каждого корабля были десятки опытных лучников, которые держали наготове корзины стрел со смолеными наконечниками.

К ним подошла Ольгия. Ее волосы с прядями разной длины были распущены, а не заплетены в привычные косы. Она управляла ветром, ускоряя укрепленные корабли и сокращая разрыв с норукайцами. Когда они оказались достаточно близко, она выставила перед собой пальцы и расслабилась, снимая заклинание тумана и убирая пелену, которая укутывала корабли. Туман рассеялся, выставив их напоказ... но норукайцы смотрели только вперед, не ожидая угрозы сзади.

Отто различил впереди Танимуру и огромную гавань, которая в десять раз превосходила размерами гавань Серримунди. Грандиозная битва уже началась, он слышал выкрики и вопли, звон металла и треск ломающихся корпусов, когда корабли врезались в блокаду. Норукайцы яростно гребли, тараня линию кораблей обороны.

— Натан где-то там, — сказала Ольгия, кивнув себе, — а еще Орон с Перри. Они выстраивают мощную магическую защиту.

Отто видел немало затонувших змеиных кораблей, которые были сокрушены огромными волнами.

— Они уже неплохо потрудились.

— А мы разовьем их успех. — Ольгия расставила руки и с силой хлопнула в ладоши. Высвободив дар, она послала над водой ударную волну. Сначала появилась едва заметная линия, которая становилась все выше и выше, превращаясь

в волну, накатывающую на змеинные корабли с тыла. — Наш первый удар привлечет их внимание.

В спокойной воде за волной Ольгии хозяин порта заметил покрытые чешуей фигуры: сотни мускулистых сэлок плыли в атаку. Волна врзалась в тыловые змеинные корабли. Норукайцы на палубах развернулись и взвыли, разогленные столь внезапным нападением. А потом по корпусам кораблей начали карабкаться сэлки.

Отто засмеялся, а капитан Гэнли выкрикнул приказ лучникам. В считанные секунды залп огненных стрел пролетел по небу и поджег древесину и паруса кораблей налетчиков.

Но это было только начало. Приближаясь дугой капкана, серримундские корабли вступили в бой.

* * *

Натан с трудом удерживал голову над бурной поверхностью воды. Поврежденный корабль короля терся об обветренное кракенобойное судно, царапая новые пластины и высекая искры. Волшебника накрыло волной и чуть не раздавило между двумя корпусами, но он при помощи дара раздвинул корабли и сумел спастись. Натан выплюнул струю воды.

— Какой был бы позорный конец для великого волшебника.

С палубы «Преследователя» доносился шум битвы, звон металла и стук дубин. Умиравший норукаец упал в воду рядом с Натаном, зажимая руками зияющую в груди рану. Сапоги и намокший плащ тянули волшебника ко дну, но он удерживался на плаву в беспокойной воде и пробирался вдоль борта «Преследователя».

— Кто-нибудь, киньте мне веревку! — закричал он вверх. — Я смогу помочь, если заберусь.

Но каждый сражался за свою жизнь, и никто не обращал внимания на человека в воде.

Натан знал, что Бэннон с Лилой умелые бойцы, но норукайцы были бесчеловечными. Расстроенный волшебник уцепился пальцами за влажные и скользкие доски, пытаясь забраться выше. Его сапог наткнулся на скопление приросших к корпусу ракушек, и он подтянулся вверх, а потом кончиками пальцев уцепился за раму бойницы над ватерлинией. Напрягшись, он выбрался из воды, напоминая себе промокшую собаку.

На середине пути он застрял. Даже полностью вытянув руку, он не доставал до перил два фута. Тогда он попробовал просто ухватиться за что-то, но гладкие кожаные подошвы сапог скользили по доскам. Он попытался удержаться за раму иллюминатора, но понял, что падает спиной вперед. Инстинктивно он использовал дар, чтобы создать стену ветра. В обычных условиях он бы толкнул воздух в сторону врага, но сейчас сформировал под собой подушку. Порыв воздуха подбросил его тело, и Натан перевалился через перила, растянувшись на палубе, скользкой от крови и застывшей слизи. Он поднялся на ноги, готовый драться. Бэннон и Лила развернулись к нему, тяжело дыша. Они были перепачканы кровью, на палубе лежало обезглавленное тело короля Скорбь, а рядом — похожая на обезьяну норукайка.

Капитан Джаред и его солдаты быстро загнали в угол несколько оставшихся на палубе норукайцев. Чувствуя себя обделенным, Натан вызвал небольшую молнию, которая поразила последнего налетчика.

Потрепанный и мокрый волшебник подошел к Бэннону и похлопал по плечу.

— Ты в порядке, мой мальчик?

Молодой мечник уставился на безголовое тело норукайского короля, и на его лице медленно расцвела улыбка.

— Да. Все просто прекрасно.

Когда Натан качнул головой, мокрые пряди хлопнули его по щекам. Фыркнув, он призвал дар, испарил воду и освежил одежду.

— Если собираемся одержать даже небольшую победу, мой внешний вид должен соответствовать.

Бэннон посмотрел на кровь на своем мече — кровь короля Скорбь.

— Еще раз спасибо за этот прекрасный клинок, Натан. Крепышом я бы убил не меньше врагов, но твой меч идеально мне подходит.

— Рад, что он тебе понравился, мой мальчик, но эта небольшая стычка — лишь крошечная часть битвы за Танимуру. — Он глянул на берег. — У нас еще полно дел.

К этому моменту продвижение норукайского флота было остановлено, но многие змеиные корабли проскользнули через блокаду и устремились к берегу. Теперь налетчики разоряли прибрежные районы. В городе занимались пожары.

Натан не поверил глазам, когда заметил появление армии генерала Утроста на холмах над Танимурой!

— Добрые духи, мы... — Не успев договорить, Натан ощутил внутри себя черную волну.

Боль охватила его грудь и распространилась по телу. Призрак Айвена стиснул его сердце, и Натан упал на колени, задыхаясь и не в силах кричать. Сердце билось с огромным трудом.

Тук-тук. Тук-тук.

Он изо всех сил старался удерживать контроль над новым сердцем с тех самых пор, как повелитель плоти Андре закончил работу. Но все добрые дела Натана не могли стереть порчу этого злого и жестокого человека.

— Нет! Ты мертв. — Он скривился, оскалив зубы. — Ты... не... получишь... свое... сердце.

Тук-тук. Тук-тук!

В его глазах черными снежинками плавали искры боли. Он царапал грудь, но сердце Айвена жалось, словно собираясь вывернуться наизнанку и наказать Натана.

— Ты не здесь! — просипел он сквозь стиснутые зубы. — Ты не настоящий!

Лила и Бэннон схватили его за плечи.

— Натан, в чем дело? Как помочь тебе?

Он боролся с духом Айвена.

Тук-тук. Тук-тук.

Тук.

Ничего.

Глаза Натана широко распахнулись, когда он ощутил, что сердце остановилось. Он не мог вдохнуть и ничком повалился на палубу. Он ничего не чувствовал, кроме пустоты, опутавшей словно коконом. Он дернулся, пытаясь восстановить контроль над телом и сердцем. Бэннон и Лила трясли его, матросы что-то кричали. Натан мысленно кричал, но тьма душила его. Вокруг собирались клочья зеленого тумана.

— Ты мертв, — слышался манящий зов, а затем шепот превратился в требование. — Ты мой.

Это Владелец? Или Айвен?

«Нет», — подумал он, но губы не могли выговорить слов. Его гнев усилился. Последние крохи дара сжались внутри, и Натан использовал все остатки энергии и решимости. «Ты не вернешь это сердце».

Всплеском дара он подтолкнул сердце, заставив биться и разорвав в клочья черную тень. Айвен отступил в кровоток, затаившись внутри тела. Зеленоватая завеса исчезла.

Тук-тук.

Тук-тук. Тук-тук.

Он глубоко вдохнул.

— Натан, ты как? — Бэннон поднял его и похлопал по спине.

— Я жив. Просто... разногласия с внутренним гостем. — Он заставил себя подняться, но зашатался. — Я в порядке, — отмахнулся он от их беспокойства и развернулся к огромной армии генерала Утроса, подступающей к окраинам Танимуры.

Он знал, что должен находиться там, должен выжить, чтобы помочь Никки и остальным в великом сражении.

Многие прибрежные здания пылали. Он видел, как генерал Зиммер во главе д'харианской армии яростно борется за район гавани с неистовыми норукайцами. Но огромное войско генерала Утроса было гораздо опаснее.

Уцелело еще не менее сорока змеиных кораблей. Натан взобрался по наклонной палубе кракенобойного корабля к взлохмаченному капитану Джареду, и они вместе посмотрели на открытое море позади водного сражения. Там появилась группа боевых кораблей, и Натан радостно закричал.

Перепачканный кровью Бэннон приставил ладонь козырьком ко лбу:

— Смотрите! У нас подкрепление!

Лила одобрительно кивнула:

— Конечно же, это флот Серримунди. Они шли за ними во всеоружии и теперь вступят в битву.

С уцелевших змеиных кораблей донеслись крики ужаса, когда норукайцы поняли, что их раздавит между двумя группами кораблей.

Натан улыбнулся:

— Они позаботятся о флоте короля Скорбь.

— Не стоит праздновать победу раньше времени. — Ли-ла повернулась к городу, на который наступали ошеломительные силы генерала Утроста. — Нам нужно справиться и с этой армией.

Натан понял, что их навыки будут полезнее в решающей битве за город.

— Нет, я не рассчитываю на скорую победу. — Он покачал головой. — Капитан Джаред, нам нужно на берег — и поскорее!

Глава 80

Запахи крови, пота и пыли смешались в мощное и знакомое Зиммеру зловоние. Несмотря на тошнотворную вонь, в его венах вскипала кровь, придавая сил.

Позади полыхали прибрежные склады Танимуры, и пламя уже подобралось к соседнему кварталу. Горький дым смешивался с запахом сгоравших на причальном рынке товаров.

Зиммер сжал колени, контролируя коня в окружающем хаосе. Он не мог подсчитать, сколько д'харианских солдат пало на улицах. Еще несколько змеиных кораблей причалило к докам, и из них хлынули новые орды варваров. Зиммер приказал д'харианцам перейти в наступление. Он был умелым тактиком и знал, что армия генерала Утроста намного опаснее неорганизованных норукайцев. Поэтому он сменил цель и выступил навстречу древней армии.

Сидя в седле, он поднял меч и крикнул:

— Кавалерия! Примите на себя основной удар врага и сломите наступление! Потом наступит очередь лучников и пехоты.

С грохотом копыт отряды кавалерии неслись по мощным улицам навстречу первому дивизиону армии Утроса. Один отряд врага свернул в холмы и направился через Хагенский лес к нижнему городу. Никки и ее воодушевленные ополченцы ринулись ему наперерез. Еще десять тысяч древних солдат во главе с первым командующим Енохом направились прямо к сердцу города.

Стратегия Утроса была ясна. Он хотел захватить и удерживать центр Танимуры, направив оттуда силы в другие районы, в то время как норукайцы продолжают громить гавань и побережье.

Торн и Лайес бежали позади Зиммера. Две Морасит легко поспевали за кавалерией.

— Сегодня предстоит много убивать, генерал! — крикнула на бегу Торн, даже не запыхавшись.

— Рада, что больше не нужно прятаться по кустам, — усмехнулась Лайес. — Я предпочитаю сражаться по настоящему!

Взявшись за рукоять меча, Зиммер кивнул женщинам:

— Можете устроить настоящую резню, если хотите.

На другом краю города генерал Линден тоже вел за собой часть д'харианской армии навстречу древним солдатам. Он вспомнил изречение, которое вдалбливал в головы своих солдат, когда они оказывались перед невыполнимой задачей.

— Каждая война — это череда сражений. Каждое сражение выигрывается после многих боев один на один, мечом против меча, жизнь за жизнь.

Д'харианская кавалерия врзалась в древнюю армию на полном ходу. Вражеские солдаты сражались со странной смесью аккуратности и самоотверженности. Зиммер понял, что с ними что-то не так. Они выглядели более истощенны-

ми и изможденными по сравнению с солдатами, с которыми он сражался в Твердыне.

Его пехота и лучники устремились за кавалерией, держа строй. Зиммер увидел первого командующего Еноха, высокого закаленного ветерана, чье покрытое шрамами лицо несло на себе отпечаток бесчисленных сражений. Енох сидел на пятнистом скакуне, не сводя ледяных глаз с Зиммера, которого считал своим личным врагом. Зиммер был молод для своего звания, но тоже прошел через немалое количество битв.

Словно читая мысли друг друга, два командира одновременно вызываяще закричали и бросились в атаку. Конь Зиммера встал на дыбы, давая хозяину возможность нанести удар мечом сверху. Клинок ударил по кольчуге ветерана, но Енох отразил удар мечом. Немолодой мужчина удивил Зиммера, когда отпустил поводья и взял в освободившуюся руку кинжал. Он ударил Зиммера в бок, порезав кожаные доспехи, но лишь поцарапал ребра.

Крики, звон стали, испуганное фыркание коней и стук копыт кружили вокруг, словно были осязаемыми. Жеребец Зиммера прыгнул вбок, и Енох атаковал, всецело сосредоточившись на поединке. Зиммер развернул скакуна и использовал седло как точку опоры для атаки. Два коня действовали как боевые тараны.

Шеренга д'харианских лучников следовала за кавалерией, натягивая тетивы и выпуская залпы стрел над передними рядами, чтобы поразить солдат позади Еноха. Враги падали сотнями, а лучники стреляли так быстро, как только могли. Д'харианская пехота шла следом, справляясь с прорвавшимися солдатами и защищая стрелков.

Оливеру и Перетте выдали большие охотничьи ножи, обращаться с которыми было легче, чем с мечами. Эмбер тоже сражалась, не отходя далеко от друзей. Юные одаренные

были не такими опытными и сильными, как Никки или Натан, чтобы нанести мощный урон, но они действовали эффективно и с умом. Вместе они создавали небольшие действенные заклинания — например, всполохами огня раскаляли рукояти вражеских мечей, и солдаты с криками роняли оружие.

— Сильный огонь создавать трудно, но можно использовать яркий свет! — крикнула друзьям Перетта. — Ослепляйте их! Так проще.

— Да, заклинание света! — усмехнулся Оливер.

Он сложил пальцы определенным образом и пробормотал слова, необходимые для концентрации. Вспышка света, словно новая звезда, расцвела перед глазами нападавшего солдата. Он хлопнул себя ладонью по глазам и врезался в другого воина. Ничего не видя, он взмахнул мечом и попал по товарищу.

Вдохновившись успехом, Оливер, Перетта и Эмбер использовали заклинание света на других солдатах.

Арабелла и Мэб, единственные из сестер Света, кто сопровождал войско Зиммера, были более грозными противниками. Они ехали на лошадях на разных флангах основной кавалерии и создавали порывы ветра, разбивая вражеский строй.

— Во имя Создателя, у нас полно работы, — сказала Мэб.

Светящаяся женская фигура пронеслась через наступающую армию — бледная тень мертвой колдуньи Утроса. Визжа и безумно хохоча, дух Авы остановился возле первого командующего Еноха. Ава была неосязаемой, но могла при помощи остатков дара насыщать разрушительные волны на д'харианских солдат и пугать лошадей. Ава пронеслась прямо через лошадей, и запаниковавшие скакуны встали на дыбы, крутясь и сталкиваясь друг с другом.

У Авы теперь было изможденное демоническое лицо с широким ртом, полным клыков. Глаза ввалились и почернели. Д'харианские солдаты рубили воздух, но клинки не причиняли вреда призраку.

Первый командующий Енох ударил пятками по бокам коня и рванул вперед. Зиммер поднял меч отразить удар, но Енох атаковал всей мощью закаленных в боях мускулов. Вдруг пред лицом Еноха появилась яркая вспышка, похожая на крошечное солнце. Ветеран поднес ладонь к глазам, но не успел заслониться от ослепительного взрыва.

Оливер, Перетта и Эмбер ликующе закричали, а затем направили свои усилия на других солдат.

Жеребец Зиммера врезался в коня противника, выбив ветерана из седла. Енох упал и покатился, а потом неуверенно поднялся. Ничего не видя, он размахивал перед собой мечом. Зиммер знал, что его главный враг сейчас — первый командующий Енох, поэтому спешил. Енох пронзал воздух, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Торн и Лайес с неумолимой энергией сражались неподалеку, по-волчьи оскалившись и держа оружие в каждой руке. Они все были забрызганы чужой кровью. Минималистичное черное одеяние Морасит мало защищало тело, но воительницы в этом не нуждались. Они убивали жертву за жертвой, переходя к следующей, пока предыдущая еще падала.

— Четырнадцать! — крикнула Торн, пронзив ребра мужчины.

— У меня шестнадцать, — сказала Лайес. — Догоняй, сестра.

— Подведем итоги к концу дня.

Перед Лайес возник великан, каждый бицепс которого был больше ее головы. Он поднял двуручный меч, но Лайес полоснула его по животу, а затем сунула клинок в щель на

набедренниках, пронзив пах. Она увернулась от падающего на землю гиганта, который заблеял, как овца на бойне.

Прилетел дух Авы, собиравшийся напугать Торн и Лайес. Когда неосязаемый призрак попытался пролететь через тела Морасит и тем самым их дезориентировать, защитные руны блокировали Аву и отшвырнули назад. Оконфузившаяся мертвая колдунья закружилась, выбирая другую цель.

Конь Зиммера ускакал, и генерал понял, что придется биться с первым командующим Енохом на своих двоих.

— Меня зовут генерал Зиммер! — крикнул он. — Я командую д'харианской армией. Хочу, чтобы ты знал имя человека, который победит тебя.

Ветеран все еще пытался проморгаться, но ощутил приближение Зиммера. Енох поднял меч и рубанул воздух, крича:

— Ты еще не победил! — Енох кинулся вперед, ориентируясь на голос противника. После каждой встречи его меча с мечом Зиммера его атаки становились точнее. — Ты видел нашу армию, Зиммер. Зачем сражаться? Сдавайтесь и присоединяйтесь к завоевателям. Ни к чему, чтобы город был завален вашими телами.

— Владелец заберет меня, когда пожелает, — сказал Зиммер. Он был впечатлен тем, как хорошо сражается мужчина.

Они снова схлестнулись. Енох прищурился, часто моргая. К нему начало возвращаться зрение. Мимо промчались две лошади без наездников, чуть их не затоптав, и Зиммер отпрыгнул в сторону. Напуганные лошади с пеной на мордах убежали прочь.

Пред Зиммером со смехом возник мерцающий дух Авы, и генерал крутанулся, защищаясь. Она стервятником бросилась на него и принялась донимать. Он инстинктивно пытался отбиться мечом. Зеленое свечение стало ярче — кол-

дуня разозлилась. Когда призрачная фигура поглотила Зиммера, он ощутил, как ее темная извращенная сила просачивается в его тело, оскверняя. Ему казалось, что его сердца касается грязный палец.

Дух Авы шпионил для генерала Утроса, выведав расположение скрытого архива Твердыни. Из-за нее Утрос напал на Твердыню, что привело к уничтожению архива и гибели аббатисы Верны. Этот дух стал причиной столь многих страданий и смертей!

Пока мерцающая Ава кружилась пред ним, Зиммер рубил воздух мечом. Она насмеялась над ним и дразнила, пока он пытался ее пронзить — хотя и знал, что дух убить невозможно. Зеленое свечение разгоралось все ярче.

Со всей силы он вонзил меч в грудь мертвой колдуньи, но смертельный удар прошел насквозь, словно она была дымом. И все же он ощутил, как клинок наткнулся на что-то твердое, и надавил на меч, проталкивая острие через кожаный и кольчужный доспехи, а потом и через твердую грудь.

Ава с визгом улетела, и Зиммер увидел, что пронзил сердце первого командующего. Старый ветеран подбирался к нему под прикрытием призрака колдуньи.

Пронзенный мечом Енох закашлялся кровью. Меч выскользнул из обессиленных пальцев и упал на землю. Он прикоснулся к торчавшей из груди стали, удивленно моргая.

— Это... смерть. Наконец-то. — Его тело соскользнуло с меча Зиммера, и он упал. — Вот ты где, Камилла... Любовь моя.

Ава в ярости исчезла. Енох повалился на бок. Кровь, пузырясь, вытекла из раны на его груди. Ветеран протянул руку в перчатке, сиюсь дотянуться до чего-то, что видел только он.

Вокруг Зиммера продолжала бушевать битва, но он стоял и смотрел. Время словно остановилось, и он дал врагу шанс умереть.

— Алекс и Аарон, сыновья... — Енох выдохнул и улыбнулся. — Вам больше не придется меня умолять. Теперь Владелец получит то, чего хотел. — Он откинулся назад и умер.

Зиммер не слишком доверял глазам, но ему показалось, что из земли поднялись смутные силуэты, протянули руки и утащили за собой еще одну неясную фигуру.

Но даже после смерти первого командующего неудержимая вражеская армия продолжала наступать.

Глава 81

Они нанесли немалый урон норукайскому флоту и армии генерала Утроста, но Никки понимала, что Танимура скоро падет. Она не видела столь масштабных битв с тех самых пор, как император Джегань осадил Народный Дворец.

Выжившие ополченцы вышли из Хагенского леса, оставив позади кровавую баню. Войдя в город, они столкнулись с волнами непрекращающихся боев. Основные силы Утроста пробивались к центру Танимуры, а остальные отряды рассыпались по улицам, грабя здания и преодолевая баррикады, сооруженные защитниками города. Битва шла в домах, в переулках, на крышах, на улицах, и находившиеся в меньшинстве защитники использовали любое преимущество.

Впереди, на площади, Никки заметила знамена генерала Линдена. Его солдаты сражались так, словно это их последний бой. Она повела за собой ополчение, чтобы присоеди-

ниться к д'харианским солдатам; им была необходима помощь.

Сопровождавшие ее Прячущиеся люди в серых одеждах помчались вперед. Многие из них пали в Хагенском лесу, но они не считались с потерями.

Тяжело дыша, юная Аша явила острую как нож улыбку:

— Мы шли за тобой через весь континент, Никки. И теперь будем сражаться за тебя.

Остальные Прячущиеся были настроены столь же решительно. Вооружены они были мечами из хранилища Ороганга. Более тысячи лет они ждали возвращения генерала Утроса, но их герой бессердечно отвернулся от них. Теперь эти смертельно опасные люди и прайд свирепых песчаных пум могут сместить баланс и спасти отряд Линдена.

Пробивая путь через городские улицы, последователи Никки убивали врагов сотнями, проходя через захватчиков клином, отрезая целые группы и полностью истребляя их.

Силы Линдена заняли оборонительную позицию на площади, окруженной высокими зданиями. Д'харианские солдаты выстроились в несколько рядов. Первый ряд выставил перед собой щиты. В последнем ряду стояли лучники и поливали врагов стрелами. Захватчики накатывали на солдат Линдена, как волны на скалистый берег. Генерал выкрикивал все более отчаянные приказы, а знаменосец рядом с ним поднял флаг Д'Хары со стилизованной буквой «Р» — символом дома Ралов.

Линия обороны держалась крепко, но вдруг часть фланга просела под непрерывным натиском. Стена щитов прогнулась, и десятки вражеских воинов прорвались через брешь, словно она была кровоточащей раной. Когда они миновали первый ряд, щиты сомкнулись за ними, и их стена стала еще прочнее, чем раньше. Никки улыбнулась при виде этой

уловки. Тридцать вражеских воинов, оказавшихся в ловушке, погибли один за другим.

Молния прочертила зигзаг в воздухе над полем битвы, поразив древнего командира отряда и его адъютанта. Взрыв энергии превратил жертв в дымящиеся ошметки. Выискивая источник внезапной атаки, Никки с удивлением увидела волшебника с длинными белыми волосами, одетого в добротный плащ и жилет.

— Натан!

Он не услышал ее в шуме битвы, и тогда она протянула пальцы к небу и резко опустила руку, призвав собственную молнию и испепелив троих солдат рядом с жертвами Натана.

Она привлекла внимание волшебника. Натан замахал рукой, а сопровождавшие его Бэннон и Лиля закричали, радуясь колдунье.

Расчистив путь при помощи тарана из ветра, Никки повела выживших ополченцев на помощь войскам Линдена. Древняя армия поддалась панике и нарушила строй. Песчаные пумы бросались на вражеских солдат, разрывая их когтями, но Мрра не желала отходить от Никки, с которой наконец воссоединилась. Никки пробивалась к генералу Линдену и его окруженному войску. Она выпустила еще одну разветвленную молнию, которая угодила в передний ряд вражеского строя. Но древних солдат в городе становилось все больше. Уставшая Никки черпала последние запасы сил.

Зная, что стоит на кону, она прибегла к темной и опасной магии Ущерба. Она использовала эту сторону дара только в случаях крайней необходимости, потому что темные умения она обрела, когда была сестрой Тьмы. Теперь она служила Д'Харианской империи и Ричарду. Ее сердце было достаточно сильным, чтобы выдержать это.

Она раскрылась, простерла свой дар в положительном и отрицательном направлениях и призвала еще одну молнию — на этот раз соединив ее с бесконечно черной трещиной в небе, зеркально отражавшей белую молнию. Взрыв убил больше сотни врагов разом. Ярость ее молнии ошарашила первые ряды вражеского дивизиона, отбросив их и освободив для отряда Никки проход к войску Линдена.

— Спасибо, колдунья. — Линден выглядел так, словно готов упасть от истощения и потери крови. Его щит был расколот, а кожаные доспехи и кольчуга повреждены многочисленными ударами.

К ней с улыбкой подошел Натан:

— Добрые духи, как же я рад тебя видеть! Я знаю, что ты редко используешь магию Ущерба, но сейчас это просто необходимо. — Он взглянул на Прячущихся людей, усиливших строй солдат, и его брови поползли вверх. — Ох, вижу, ты нашла себе друзей.

Рыжие волосы Бэннона слиплись от крови и пота, но его карие глаза сияли.

— Теперь можем сражаться вместе! Норукайцы, считай, повержены, и капитан Джаред доставил нас в доки, чтобы мы помогли оборонять город. — Не в силах больше сдерживаться, он сообщил новость: — Король Скорбь мертв.

Это привлекло внимание Никки.

— Как он умер? Надеюсь, его конец не был легким.

— Мальчишка убил его, — с гордостью ответила Лила. — Отрубил голову.

Никки одарила молодого мечника одобрительным кивком:

— Отличная работа.

— Мы сломали хребет норукайскому флоту, а флот Серримунди прибыл как раз вовремя и напал с тыла. — Натан

посмотрел через площадь на широкую гавань, где тонули и горели змеиные корабли.

Но проигрыш норукайцев не был тихим. На воде продолжались бои, а по улицам разгуливали высадившиеся на берег налетчики.

Хуже того, армия генерала Утроса продолжала разорять Танимуру; несколько дивизионов наступали с разных направлений. Никки увидела Утроса в рогатом шлеме, который наблюдал за битвой с высоты. Генерал сидел на черном жеребце, руководя войсками, а рядом была разрисованная краской колдунья. Если у него хватит времени, армия сможет растоптать Танимуру в пыль, оставив лишь плоскую землю, усыпанную щебнем — как остров Халзбанд.

От горящих зданий в небо поднимались клубы дыма, воздух наполнился звуками битвы. Где-то в вышине кружили чайки — их ждало пиршество на заваленных трупами улицах.

Натан запыхался, лицо его приобрело землистый оттенок.

— Я сегодня так много использовал магию, что почти исчерпал себя. — Он посмотрел на Никки с некоторым облегчением. — По крайней мере, ты еще можешь использовать магию Ущерба, которая не подвластна никому из нас.

— Только в случае необходимости, — нахмурившись, ответила Никки. — Мы пообещали Ричарду защитить Д'Хару, и ему известны мои возможности. Я сделаю все, чтобы не дать Утросу направиться на север, в Новый мир. У Ричарда свои заботы. Он полагается на меня.

Она должна остановить врага здесь и сейчас, потому что сильно любит Ричарда. Ей очень хотелось увидеть его в последний раз, хотя она давно смирилась, что никогда не получит его любви. Но его уважение, дружба и полное доверие давали Никки такую силу, о которой она раньше не подозре-

вала. Он верил в нее... и сказал, что у нее есть все необходимое. Ричард никогда бы не бросил ее на произвол судьбы.

Она подумала о маленькой костяной шкатулке и светящемся структурированном заклинании. Несмотря на все усилия, она так и не смогла разгадать, о чем говорил Ричард. *Жизнь для живых. Смерть для мертвых.* Что это значит? Как это использовать?

Погибло так много отважных воинов, а армия Утроста все наступает. Огромная военная сила должна быть мертва уже много веков, но заклинание окаменения, наложенное волшебниками Ильдакара, помешало Владетелю. Каждый боец с символом пламени давным-давно должен был отправиться в преисподнюю.

Смерть для мертвых...

Вдруг ее осенило, и она выхватила из кармана костяную шкатулку, положив ее на окровавленную ладонь. Когда кровь запачкала шкатулку, энергия пролитой жизни затронула хрупкий сосуд. Вырезанные в кости символы стали четче и засветились.

Жизнь для живых. Смерть для мертвых.

В ее голове что-то щелкнуло, и она поняла, что ей нужно, вспомнила о недостающей части. Ответ лежал на поверхности, а она просто смотрела не с той точки зрения. Она мыслила не так, как мыслит Ричард. Когда она анализировала яркую вращающуюся сферу, то использовала хорошо знакомую ей проверку. Очевидную проверку. Да, она зажгла контрольную сеть при помощи магии Ущерб, но не использовала эту сторону дара непосредственно на структурированном заклинании.

Это заклинание содержало в себе частичку оригинальной магии Замка Волшебника, который был построен в те времена, когда волшебники владели магией Ущерб. Она поняла, что защитное заклинание из Замка должно содержать

элементы Ущерба. Ричард должен был это знать. Почему она сразу не поняла? Неудивительно, что Натан, ученые Твердыни и сестры Света ничем не смогли ей помочь.

Ее пульс участился, когда на нее посреди шума битвы снизошли ответы. Без магии Ущерба заклинание будет стерильным! Вот почему Никки не смогла понять его смысла, когда пыталась расшифровать, прикасаясь своей силой к крошечной сфере.

Там и не будет никакого смысла без прямого введения элемента Ущерба! Вот он, недостающий кусочек.

Теперь она знала, что делать, и у нее действительно было все необходимое, как и говорил Ричард.

Никки захлопнула шкатулку со светящимся заклинанием, и на ее лице появилась жестокая улыбка. Она видела генерала Утроса на холме за городом, но он был слишком далеко. Между ним и Никки была целая армия. Ей нужно подобраться ближе.

— Нужно передать Утросу сообщение, — сказала она. — Ультиматум.

Прячущиеся люди скользили между вражескими солдатами, убивая их и сбегая. Они привыкли двигаться в тени. Они смешались с солдатами Линдена, и Никки крикнула, привлекая их внимание:

— Аша! Ты нужна мне. У меня есть задание для Прячущихся людей. От этого зависит исход войны.

Аша убила еще одного древнего солдата и отступила, держа в руке окровавленный нож. Еще пять Прячущихся услышали призыв и повернулись к Никки.

— Мы готовы сделать все, что нужно, Никки.

Она наклонилась к нескольким самоотверженным добровольцам.

— Вы должны доставить сообщение генералу Утросу, чего бы это ни стоило. Обойдите армию или пробейтесь че-

рез нее, прячьтесь, ползите, но доберитесь до него любым способом. — Она указала на далекую фигуру, которая свысока смотрела на бушующую битву. — Скажите генералу, что я требую возможности поговорить с ним. Встреча на острове Халзбанд. — Она сделала паузу, а потом добавила с безжалостной улыбкой: — Скажите, что сообщение передала Никки — та, которая убила его колдунью Аву. Он придет.

Глаза Натана расширились.

— Добрые духи, ты хоть знаешь, что делаешь?

Она нащупала в кармане костяную шкатулку:

— Абсолютно. Ричард сказал, что большего мне не надо.

Генерал Утрос встретится со мной.

Юная Аша кивнула и посмотрела на товарищей в серых плащах.

— Ради тебя мы пойдем на это, Никки. Хотя бы один из нас доставит сообщение, чего бы это ни стоило.

Они умчались по улицам, и темные плащи сделали их невидимыми посреди битвы.

* * *

Бой все продолжался, древние солдаты захлестывали улицы Танимуры, а Оливер пытался не поддаваться тревоге. На смену каждому павшему приходило еще десять. Ему казалось, что он пытается вычерпать ведром море.

Перетта бесстрашно стояла в полный рост, поднимая руки с изогнутыми пальцами и призывая яркие вспышки света, которые швыряла в лица врага. Древние солдаты видели, чем она занята, и это делало Перетту мишенью.

Оливер увидел, как лучник достал из колчана стрелу и наложил на тетиву, целясь в девушку.

— Перетта! — закричал он, но она не успела пошевелиться, а лучник уже выстрелил. Юноша вспомнил трени-

ровки и создал порыв ветра, который отклонил стрелу. Наконечник едва оцарапал плечо помнящей, и стрела пролетела мимо.

Перетта пригнулась, морщась от боли в ране, а потом улыбнулась парню.

— Спасибо, Оливер.

В отместку она ослепила лучника вспышкой света, а Оливер создал крошечный взрыв тепла и пережег тетиву. Лук распрямился, ударив солдата по голове.

К ним подошла Эмбер:

— Нужно найти более действенный способ сражаться. Тратя по заклинанию на каждого врага, мы не победим огромную армию.

— Мы сражаемся, как можем, — сказала Перетта.

У Эмбер покраснело лицо.

— Но мы же учились в Твердыне и многое узнали. Должно же что-то из этого пригодиться!

Оливер покачал головой:

— Мы нашли магию, способную призывать скорпионов из-под земли. Она была довольно эффективной. — Он вздохнул. — Но в городе нет скорпионов.

— Скорпионов нет... Но кто живет в городе? — спросила Эмбер. Ее губы сложились в нетерпеливую улыбку. Она ждала от друзей ответа.

Оливер не знал, на что она намекает. Он мало жил в городах. Твердыня была небольшой и чистой, а больше он почти нигде и не был. Города вроде Танимуры казались ему грязными, многолюдными и неприятными. Перетта тоже покачала головой.

Глаза Эмбер засияли.

— Крысы! Под любым городом живут тысячи крыс.

— Ох! Мы можем использовать ту же магию призыва, — сказала Перетта, моментально все поняв. — Призовем крыс из канализации, переулков, сточных канав и помоек.

Группа д'харианских солдат во главе с капитаном издала вызывающий клич, когда их начал окружать превосходящий по численности противник. Подняв меч, капитан приказал остальным биться насмерть и повел сотню солдат на стену древних воинов, марширующих по площади.

— Быстрее! — Эмбер упала на колени и положила ладони на плиты площади. Перетта и Оливер присоединились к ней, встав плечом к плечу. — Вспомните, как мы призывали скорпионов. Зовите крыс — зовите их всех! Вы их чувствуете?

Оливер ощутил покалывание в пальцах.

— Кажется, да. Маленькие и пушистые, но с острыми зубами.

— И голодные, — добавила Перетта. — Очень голодные.

Объединив свой дар, они потянулись вдаль, распространяя призыв. Разум скорпиона был крошечным и простым, в то время как крысы были намного умнее. Но три молодых товарища смогли внушить грызунам мысль, что те сами этого хотят. Оливер ощущал быстрые лапки и пушистые тельца, поднимающиеся из канализации и бегущие по сточным желобам. Из подполья Танимуры выбрались создания с когтями, зубами, голыми розовыми хвостами и красными глазками.

Продвижение д'харианского капитана замедлилось, и его отряд оказался в окружении вражеских солдат. Брызнула кровь. На каждого защитника наваливалось по десять древних солдат, рубя мечами. Они погибали один за другим, и храброго капитана тоже в итоге повалили на землю.

Защитники пали, но появившиеся крысы пронеслись по улицам коричневой волной смерти — точно так же, как вы-

бравшиеся из песка скорпионы в Твердыне. Грязные вредители, живущие во влажных и зловонных закоулках, тоже защищали свой город.

Захватчики выли и размахивали руками; на них обрушилась хищная лавина из тысяч крыс, которые карабкались по ногам, вгрызались в кожу, проникали через щели в доспехах. Солдаты рубили оружием, хватали крыс руками, но не могли ничего сделать. Их крики наполнились паникой, а дисциплинированное и организованное продвижение по площади захлебнулось.

Оливер, Перетта и Эмбер, содрогаясь от страха и трепета, смотрели, как бесчисленные крысы пожирают врага.

Глава 82

Танимура почти пала. Генерал Утрос знал, что победил.

С высокой точки обзора он наблюдал за приливами и отливами сражения в городе. Как и на каждой войне, у него бывали неудачи. Целый дивизион во главе со вторым командующим Халдерсом вошел в густой лес, чтобы напасть на город с фланга, но так и не вышел. Кто-то уничтожил их в этом темном лесу.

Но у Утроста были еще солдаты. Очень много солдат. Норукайцы короля Скорбь устроили настоящую бойню на воде и на причалах, но были почти разбиты. Он не слишком-то полагался на неотесанных союзников, но с радостью возложил на них бремя основных потерь. Когда бои стихнут, он уничтожит выживших норукайцев. Уже скоро.

Первый командующий Енох возглавил центральное звено из пяти тысяч солдат и двинулся к сердцу Танимуры. Второй командующий Аррос повел другой пятитысячный дивизион вдоль западных холмов к кварталу богатой знати.

Десятки тысяч солдат Утроса стояли на окраине города, ожидая своей очереди ворваться на улицы и разграбить дома. Танимура никак не могла помешать его победе.

Но он не понимал, что задумала Никки. Что значит ее дерзкое сообщение? Она не в том положении, чтобы выдвигать требования.

Пока Утрос размышлял, в его хватке билась молодая пленница. Облаченной в перчатку рукой он стиснул горло девчонки и поднял ее. Она дергала ногами, пытаясь коснуться земли, но Утрос поднял ее выше и усилил хватку. Еще чуть-чуть, и он сломает ей гортань и позвоночник, но сначала девчонка должна все сказать.

— Повтори еще раз, что сказала Никки. Слово в слово.

— Встретиться с ней, — прохрипела пленница. — Никки требует этого. На острове Халзбанд. — Девчонка махнула рукой в сторону бесплодного острова, соединенного с городом новыми шаткими мостами.

— Каждый посланник говорит те же слова, — усмехнулась Рува.

— Почему? Чего она хочет? — Утрос приблизил лицо к умирающей девчонке, которая не выказывала страха; она хватала ртом воздух, как рыба, брошенная на берег в солнечный день, но не могла произнести ни слова. Он задумался, нахмутив лоб. — Мне знакома эта одежда, бледная кожа. Ты из тех червей, что прячутся в священной столице, Ороганге. Вы напали на моих солдат.

Девушка беспомощно вцепилась в его руку, пытаясь вдохнуть.

— Ты напал на нас! Ороганг всегда был нашим.

— Ороганг мой! Это моя столица. — Утрос сжал руку, и ее глаза вылезли из орбит. — Почему Никки хочет, чтобы я пришел на этот остров? Зачем? — Забывшись, он надавил слишком сильно, и сломал шею; девушка обмякла.

Утрос с отвращением швырнул тело на землю, где лежали еще четыре Прячущихся человека. Все они доставили одно и то же сообщение. Через золотую полумаску он мрачно посмотрел на изломанные тела, потом перевел взгляд сначала на Рува, а затем на остров.

— Это ловушка?

Во взгляде колдуньи мелькнуло безумие.

— Может и ловушка, но она не сработает. Никогда! Мы сильнее!

В последнее время колдунья стала более жестокой и переменчивой. Она заявляла, что Владелец зовет через завесу ее и сестру, но Утрос не отпускал их в подземный мир. Не сейчас.

Рува вдруг успокоилась. Подумав, она пожала плечами.

— Как Никки могла устроить там засаду? Это открытое незащищенное место. — Она улыбнулась. — Нет, она хочет сдаться, возлюбленный Утрос. Другого объяснения нет.

Утрос в ступоре покачал головой:

— Зачем ей так поступать? Даже если придем к соглашению, Никки думает, что я смогу остановить армию по щелчку пальцев? Они оголодали, а теперь наконец одержали победу. Я не могу их контролировать, да и не хочу. Теперь они наедятся досыта, даже если придется полностью обобщать Танимуру. — Он выпятил грудь. — После этого моя армия будет сильной и готовой к новому походу, как и должно быть.

— Если Никки хочет сдаться, дадим ей такую возможность. А потом можем убить, — сказала Рува с жадной в голосе.

Пред ними замерцал дух Авы, бледный, бесплотный и более расплывчатый, чем раньше.

— Убей Никки так же, как она убила меня! — Ава слилась с сестрой, и они вместе рассмеялись. — Ты должен противостоять ей. Она сама обрекла себя.

— Да, возлюбленный Утрос. Ты должен. Мы хотим ее, я и моя сестра. И ты хочешь. Никки ждет смерти с распростертыми объятиями, и мы ее уьем. — Рува едва сдерживала нетерпение.

Утрос по-прежнему был насторожен, но позволил себя уговорить. Он тоже хотел сокрушить колдунью, которая забрала у него драгоценную Аву.

— Да, вы заслужили право отомстить, и я даю разрешение. Я хотел встретиться с Никки на поле боя, но так даже проще, ведь не придется ее искать. — Отвернувшись от мертвых посланников, он тут же о них позабыл. — Возьмите эскорт из сотни солдат. Встретимся с ней на острове и покончим с этим. — Он сжал кулаки. — Она глупа.

* * *

Торн обезглавила очередного противника, и с радостью в голосе похвасталась:

— Это семидесятый, сестра. — Из обрубка шеи древнего воина брызнула кровь, его неуклюжее тело сделало два неуверенных шага и рухнуло. — Семьдесят! Сможешь лучше?

— У меня только шестьдесят пять, — сказала Лайес.

Она резко развернулась и бросилась на двух солдат, идущих на нее. Одного она ударила ножом в живот, повернулась и оттолкнула второго, выведя из равновесия. Его клинок просвистел мимо. Лайес выдернула клинок из умирающего солдата, добила его и повернулась к первому противнику, чтобы убить.

— Шестьдесят шесть и шестьдесят семь! Я тебя догоню.

— Можешь попытаться, — засмеялась Торн. Она решительно повернулась и прыгнула вперед...

Прямо на зазубренное лезвие копья.

Широкоплечий мужчина стиснул зубы и надавил на копье. Ухмыляясь, он насадил стройную Морасит на свое оружие, проткнув ее живот и спину.

Торн закашлялась кровью. Ее колени ослабели, она едва стояла, но ее поддерживало копье. В поисках опоры она схватилась за древко.

Лайес закричала и рубанула воина, который стоял у нее на пути. Она не удосужилась добить его и бросилась к сестре-Морасит.

Копейщик дернул оружие, попытавшись высвободить его, чтобы защититься от яростной Лайес, но умирающая Торн крепко держалась за древко и не отпускала. Она не отдала ему оружие.

Лайес снова закричала и ударила с такой мощностью, что отрубила обе руки воина, сжимавшие оружие. Ее клинок расколол и древко. Копейщик в ужасе устался на кровоточащие обрубки, и Морасит перерезала ему горло. Он убил ее подругу, ее сестру-Морасит!

Лишившись поддержки копья, Торн осела на землю.

Лайес не слышала бушевавшей вокруг битвы. Торн тяжело дышала. Ее слова выходили вместе с бульканьем.

— Семьдесят убийств за день, — выдохнула она. — Семьдесят. — Она схватилась за ладонь сестры.

— Отличный счет, который приведет в восхищение любую Морасит, — баюкала умирающую женщину Лайес.

Торн цеплялась за нее влажными красными пальцами:

— Мой счет... твой. Я дарю тебе свои убийства.

— Я принимаю их, и совершу еще много убийств от твоего имени.

Лайес ощутила тот миг, когда Владелец забрал к себе дух Торн. Время словно замерло, момент длился целую вечность. Она держала на руках Морасит, а вокруг продол-

жалась яростная битва. Лайес аккуратно положила тело сестры.

Глядя на бесчисленных солдат, продолжавших громить Танимуру, она думала о том, что у нее полно целей. Ни одна Морасит не сможет сравниться с ней в счете.

Глава 83

Встревоженный Натан, стараясь не сомневаться в плане Никки, следовал за колдуньей по новому деревянному мосту, который соединял нижний город с островом Халзбанд. Выровненное пространство служило тренировочной площадкой для танимурских солдат и ополченцев, но из-за обломков остров все равно выглядел покинутым и заброшенным. Кажется, Никки считала, что это место идеально подходит для ее цели.

Если только Утрос придет. Никки в этом не сомневалась.

Небольшую группу дополняли Бэннон и Ли́ла, шагавшие в ногу. Юноша был вооружен добротным клинком Натана, который теперь казался его частью.

После убийства короля Скорбь Бэннон стал тверже, а еще успел восстановить силы. Но Натан все равно боялся, что яркий и полный надежд паренек навсегда утратил свой дурашливый оптимизм. Долгое время он цеплялся за позитивный фасад, защищаясь от пережитой жестокости. Теперь же Бэннон стал сильным и цельным, с железной волей. Он не был жертвой и не жаловался на поражения. Он черпал силы и выстраивал связи, хотя другие на его месте жаждали бы мести.

К примеру, его удивительные отношения с Лилой: эта связь делала сильнее их обоих. Натан не знал, хватило бы

ему силы духа, чтобы быть столь снисходительным к женщине, которая пленила его и жестко тренировала.

С другой стороны, сестры Света надолго заперли Натана во Дворце, но он все равно полюбил аббатису Энн, а также уважал и ценил аббатису Верну. Эти женщины держали его в плену, и все же они сумели уладить свои разногласия. Отчасти, он понимал Бэннона.

Пока они готовились к осуществлению отчаянного плана, в городе кипела битва. Сотни, если не тысячи, норукайцев продолжали жечь и грабить портовый район. Даже если Никки победит генерала Утроса, древняя армия продолжит опустошать город. Натан считал, что Танимура обречена — независимо от исхода событий на острове Халзбанд.

Но Натан верил в Никки и не терял надежды. Он видел ее прямую спину и напряженные мускулы под черной тканью платья. Он ощущал, как она копит силы для финальной схватки. Мрра неотступно следовала за Никки.

Они шли по неровным тропинкам, которые были вытоптаны в щелбе в ходе тренировок. Натан пытался разглядеть очертания фундамента Дворца Пророков, увидеть остатки огромных башен, в которых его держали десять веков.

— Сбежав, я надеялся больше никогда сюда не возвращаться, — сказал он вслух. — Я мог исследовать весь мир, так зачем возвращаться в место, о котором осталось столько неприятных воспоминаний?

— Ты здесь с нами, — сказал Бэннон.

— И мы скоро встретимся с полководцем, который вознамерился завоевать мир, — добавила Лила.

Натан погладил подбородок:

— Ради такого повода я могу разок вернуться на остров Халзбанд.

Никки нашла подходящее место и остановилась. Натан понял, что здесь была входная арка дворца. Камни под са-

погами и тишина, вошедшая в резонанс с силой, создавали иллюзию спокойствия, как в эпицентре бури.

Никки молча стояла рядом с большой песчаной пумой. Усы Мрра подергивались в предвкушении. Бэннон и Лила держали мечи наготове и пытались выглядеть устрашающе, словно были элитной стражей Никки. Расшитый плащ Натана развевался на ветру.

Наконец, они увидели на мосту большой отряд конников со знаменосцем. На знамени красовалось пламя древней империи. Генерал Утрос ехал впереди, а рядом с ним ехала стройная колдунья. Свита генерала состояла из более чем сотни солдат, но Никки, казалось, не пугало их количество. Натан никогда не видел ее такой уверенной.

Натан был готов сражаться во имя Д'Хары. Эта мысль успокаивала его, помогала сосредоточиться, но внезапно он ощутил в груди всплеск горячего яда. Сердце его забилося, когда темный дух Айвена снова попытался взять верх. Натан поморщился, сжал кулаки и резко прошипел:

— Почему ты не умираешь? — Он постучал себя по груди, и темное присутствие исчезло.

Утрос и сопровождающие его солдаты были окровавленными и усталыми, но их лица сияли от предвкушения. Ничто не могло сравниться с выражением безумия на лице Рувы. Глаза ее походили на расколотые самоцветы с сиянием последних вспышек молний. Утрос сидел в седле прямо, будто хищный зверь. Он остановил коня и окинул свирепым взглядом Никки.

Натан понизил голос:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, колдунья.

Никки только улыбнулась:

— Я не волнуюсь. — Она коснулась кармана платья. — Это моя работа — позаботиться обо всей вражеской армии.

Глава 84

Никки видела только половину его лица, но Утрос уже верил в свою победу. Блистательный генерал в кожаных доспехах скакал к ней, словно величайший завоеватель. Солдаты его эскорта были готовы защитить предводителя, а знаменосцы высоко держали древний символ пламени Железного Клыка, который он теперь считал своим.

Никки стояла пред ним в одном лишь окровавленном черном платье. Она вздернула свой женственный подбородок, ее светлые волосы рассыпались по плечам. Она проигнорировала солдат генерала, и даже не удостоила внимания разукрашенную колдунью.

— Я сомневалась, что у тебя хватит смелости встретиться лицом к лицу, генерал Утрос.

Лошади топтались на каменных обломках, но древние всадники выстроили их в плотные ряды. Мужчины выглядели изможденными, кожа их была бледной, за исключением тех мест, что были испачканы кровью — в основном вокруг рта.

Он наклонил к ней свой рогатый шлем, и она увидела, как в прорези золотой полумаски сверкнул глаз.

— Не требуется много мужества, чтобы встретиться лицом к лицу с побежденным. — Он широким жестом указал себе за спину. — Город уже пал. Вам остается только сдать. Рад, что ты осознаешь это.

Никки хранила молчание. Мрра низко зарычала. Натан, Бэннон и Лила были готовы защитить Никки, но выглядели не так уж грозно на фоне свиты Утроса. Даже до пустынного острова Халзбанд доносились звуки продолжающихся в городе сражений, но Никки слышала только шум крови в ушах и чувствовала, как в ней растет сила.

Рува сверкнула глазами со своей гнедой лошади. Большая часть тщательно нанесенной краски стерлась с кожи

бледной колдуньи, оставив только неразборчивые надписи. Плечи ее вздрагивали от предвкушения.

— Я хочу ее, возлюбленный Утрос.

В воздухе возник светящийся призрак Авы:

— Мы хотим!

Рува рассмеялась:

— Отправим ее к Владетелю. Может, тогда он оставит нас в покое, и сестра останется со мной.

— Мы останемся вместе. — Мерцающая фигура Авы закружилась, сливаясь с близнецом. — Навсегда вместе.

Генерал Утрос спрыгнул с седла перед Никки. Его сапоги захрустели по рыхлым камням Дворца Пророков. Сопровождавшие солдаты остались неподвижными, будто снова превратились в статуи.

Никки по-прежнему ничего не говорила, просто смотрела на него с каменным выражением лица.

Утрос навис над Никки:

— Никакие твои слова не изменят исход этого дня. Никакие ваши уступки не изменят мою победу. Я пришел уничтожить вас. Никаких условий капитуляции. Моя армия поработит всех, кто выживет в Танимуре. Мы отдохнем в этом городе, и в наши ряды вольются тысячи новых рекрутов. Тогда мы выступим на север и завоюем Д'Хару. Я добьюсь даже большего, чем требовал от меня император Керган. Я буду править и Древним миром, и Новым.

Натан подошел ближе к невозмутимой Никки и бросил генералу:

— Император Керган давно мертв, и тебе следовало бы.

Утрос глянул на волшебника так, словно тот был досадной помехой.

— Железный Клык — это прошлое. Я — новый император.

— Твои союзники повержены, — выпалил Бэннон. — Посмотри на гавань! Флот норукайцев уничтожен. Король Скорбь мертв — я лично убил его.

Утрос не выказал особого удивления.

— Это избавило меня от необходимости самому с ним разбираться. Скорбь был неуправляемым и неконтролируемым. Рано или поздно мне пришлось бы от него избавиться.

— Хватит разговоров, Утрос! — рывкнула Никки, зная, что каждую минуту гибнут люди. — Я позвала тебя сюда, чтобы покончить с этим.

Генерал свирепо посмотрел на нее:

— Все кончено. Я приму вашу капитуляцию, но моя армия продолжит разорять Танимуру. Ты проиграла, колдунья. Ваш Древний мир проиграл. Ты ничего не сможешь сделать.

Все еще сидя в седле, Рува оскалилась:

— Нам нужна Никки. Она должна умереть. Мы с сестрой не примем никаких других условий. Она наша!

Насмешливый дух Авы колыхался на невидимом ветру.

— Ты можешь вырвать ее сердце, дорогая сестра, а я вырву душу.

Утрос посмотрел на близнецов-колдуний, затем снова на Никки, и улыбнулся половиной лица.

— Согласен. Это наше единственное требование. Твоя жизнь послужит компенсацией, и если твоя смерть будет достаточно мучительной, то я отзову часть войск. Вот как выглядит настоящая капитуляция. — Он кивнул. — Ты предводитель, колдунья? Отдашь ли ты свою жизнь, чтобы спасти людей в городе? Выбирай!

Бэннон принял боевую стойку, и Лила встала рядом, подняв меч. Натан выставил руки, готовый призвать дар.

Никки радовала их преданность, хотя она и не нуждалась в помощи. Она прикоснулась к холоду в своем сердце, и ее голос стал твердым, как черный лед.

— Ты неправильно понял, генерал. Я позвала тебя сюда не для того, чтобы сдаться. Я пришла, чтобы победить. Я пришла, чтобы отправить всех вас в подземный мир, где вас жаждались.

Солдаты сопровождения заерзали в седлах, изумленные ее бравадой. Стоя пред своим жеребцом, Утрос откинул голову. Ее речи могли показаться хвастовством, но Никки была смертельно серьезна. Она нащупала в кармане костяную шкатулку.

Генерал Утрос обнажил меч и двинулся на Никки, готовый сразить ее на месте. Рува соскользнула с седла и тоже стала приближаться. Блеклая тень ее сестры сердито парила рядом. Никки вела себя настолько уверенно, что близнецы ощутили проблеск беспокойства.

— Благодаря магистру Ралу, — сказала Никки, — единственному боевому чародею, родившемуся за многие столетия, подземный мир был запечатан навсегда, а завеса стала непроницаемой. Мертвые больше не могут вернуться в мир живых.

— Мы знаем это, — усмехнулась Рува.

— Ты и все твои солдаты должны были умереть пятнадцать столетий назад. Все это время ваши души находились не на той стороне завесы. — Никки посмотрела за спину Утроса на солдат сопровождения. — Когда вы превратились в камень, Владелец не знал, что потерял вас, но теперь вы снова обрели плоть... и потеряли ваши души.

— Мы здесь, — огрызнулась Ава. — Я и моя сестра.

По обеспокоенному выражению лица генерала Никки видела, что слова ее не стали для него неожиданностью.

— Ты знаешь это в глубине души, генерал Утрос, — продолжила она. — Ты давно должен быть мертв.

— Моя империя здесь, в этом мире, — сказал Утрос. — Сегодня мы отправили в подземный мир достаточно душ, чтобы удовлетворить Владетеля.

— Но это не те души. Когда-то я была сестрой Тьмы, была союзником Владетеля. — Выражение ее лица посуровело. — Я больше не служу ему. Он мне не друг, но я с радостью дам то, что ему принадлежит. — Ее взгляд переместился на Танимуру, где продолжали сражаться бесчисленные древние солдаты. — Все ваши души. Жизнь для живых. Смерть для мертвых.

Утрос, казалось, не был удивлен.

— Ты высокомерна и бессильна.

Никки вытащила из кармана платья костяную шкатулку и откинула изящную крышку, которая теперь была испачкана ее кровью. Маленькая светящаяся жемчужина внутри вращалась, сияя все ярче. Увидев это, близнецы-колдуньи отпрянули. Дух Авы пронзительно закричал, и Рува бросилась вперед, осознав опасность, — хотя и не понимала, что это за предмет. Утрос вскинул меч, намереваясь убить Никки, но Бэннон и Лиля подскочили, заставив большого генерала отступить на шаг. Зная, что он должен дать Никки столько времени, сколько ей нужно, Натан выставил перед собой ладони. Взрыв застывшего воздуха, не причинив вреда духу Авы, отбросил Руву, прервав заклинание, которое она пыталась сотворить.

Никки, наконец, поняла, что на самом деле представляло собой структурированное заклинание Ричарда. Магия Ущерба — ее магия Ущерба — была необходимым компонентом, чтобы привести его в действие. Сама Никки была ключом, основой. Ричард знал, что она во всем разберется.

Жизнь для живых. Смерть для мертвых. Так гласила надпись на языке Сотворения. Это заклинание починит порванные нити завесы. То, что когда-то распалось, снова будет связано.

Она использовала обе стороны своего дара. Держа костяную шкатулку на ладони, Никки призвала молнию, и разряд чистой белой энергии, сплетенный со своей противоположностью — разрядом черной энергии Ущерба, — дугой ударил в костяную шкатулку, испарив ее в ослепительной вспышке чистой силы стихии. Двойственные элементы сплелись вместе и ударили по светящейся сфере, создавая необходимый элемент для активации структурированного заклинания Ричарда. Магия развернулась вокруг колдуньи и устремилась к своей конечной цели.

Когда Никки запустила заклинание, обратным потоком ее подняло в воздух. Светящиеся линии росли и удлинялись, пересекаясь, образуя вокруг нее цилиндр, будто двумерное заклинание стало трехмерным, приспосабливаясь к таким чрезвычайным обстоятельствам. С ревущим звуком, который разнесся по всей плоскости острова, эти узоры линий, углов и дуг продолжали разрастаться, удаляясь от цилиндрических очертаний заклинания. Линии света проносились по воздуху, образуя новые треугольники и пересечения. В то время как оранжевый свет спирально расширялся, линии силы из чистого белого цвета складывались под замысловатыми углами.

Натан отшатнулся, прикрывая глаза рукавом потрепанной рубашки. Удар молнии получился мощным, но показался лишь шепотом по сравнению со структурированным заклинанием, которое задействовала Никки. Магия набирала силу.

Линии разрастались и разветвлялись, а шипы света пронзали пространство острыми кончиками. Их узоры и потоки

взаимодействовали и соединялись, придавая всей сети линий предназначение — приоткрыть разорванную завесу достаточно широко, чтобы Владелец мог схватить задержавшиеся в этом мире души и утянуть туда, где им место.

Жизнь для живых. Смерть для мертвых.

После того как Никки привела структурированное заклинание в действие, оно разрослось последовательностью пересечений и дорожек, которые дугами разошлись во всех направлениях. Колдунья парила над землей внутри сети, чувствуя каждую новую линию так, будто некая космическая игла делала стежки в ее душе, а нити света, вплетаемые в ткань заклинания, порождала сама Никки. Она испытывала мучительную боль и удовольствие одновременно.

Заклинание охватит генерала Утроса и всю древнюю армию.

* * *

Натан наблюдал за распространением линий силы, набиравших мощь, и понимал, что все это за пределами его возможностей. Ричард создал заклинание, но Никки послужила движущей силой, приводящей его в действие. Прекрасная колдунья кружила в воздухе, опутанная сетью расширяющейся неодолимой магии.

Солдаты эскорта Утроса закричали и попятились. Их лошади в панике встали на дыбы. Ава и Рува вызывающе завопили от ужаса, пытаясь защититься от заклинания Никки. Генерал напряженно шагнул вперед, силясь поднять меч и ударить Никки, но оружие было тяжелее горы. Бэннона и Лилу захлестнуло волной энергии. Они пытались устоять, держа перед собой мечи в попытке защититься от сил, которые невозможно было вообразить. Остров Халзбанд трясся и содрогался, а россыпи щебня под ногами делали поверх-

ность неустойчивой. Никки висела в воздухе, а вокруг нее разливался свет.

Ослепительные спирали линий с невероятной скоростью пролетели по мостам в нижний город и достигли гавани. Заклинание злобным ветром пронеслось по всем городским кварталам, добралось до холмов и вышло за их пределы. Неудержимая магия поглотила десятки тысяч солдат армии завоевателей. Подземный мир раскрыл прожорливую пасть, требуя эти души.

Мужчины в древних доспехах кричали. Одних охватывала сеть зеленых линий, других пронзали шипы оранжевого света, а третьих рассекала на части бритвенно-острая черная энергия.

Щупальца простерлись за пределы Танимуры, далеко по побережью, мчась по всему Древнему миру и забирая души древней армии, где бы они ни находились. На кону стояла сама граница между жизнью и смертью, и теперь она была открыта.

В этот момент Натан почувствовал, как рвется из груди его сердце. Темнота внутри пыталась сопротивляться силе, тянувшей ее наружу. Он схватился за грудь, когда изнутри ударил таран боли. Он не испытывал такой мучительной боли с тех пор, как повелитель плоти Андре рассек его грудину, чтобы извлечь старое и слабое сердце.

Теперь остатки Айвена напряженно боролись. Дух злобного человека сопротивлялся, но бушующее структурированное заклинание требовало его испорченную душу до последнего кусочка. Обжигающий зеленый свет вспыхнул перед взором Натана и внутри его разума, и он использовал дар, чтобы вытолкнуть из себя отвратительную тень.

С последним ударом тупой боли отравляющие следы Айвена выскользнули и развеялись, как распростертые крылья

ворона. Дух главного укротителя засосало вместе с другими кричащими душами в разверзшийся подземный мир.

Натан понял, что наконец-то свободен.

* * *

Зеленоватая дымка заклубилась туманом, поднимаясь из того мира, который не принадлежал живым. По всему полю боя, на холмах и городских улицах земля содрогалась и раскрывалась, затягивая в преисподнюю полчища кричащих древних солдат. Души их отделялись, а многовековые тела рассыпались в прах.

Находясь в центре магической бури, Никки поняла, что элементы заклинания — это символы языка Сотворения. Язык стихий гудел в ритме самой жизни, а также взывал к мертвым.

Мерцающий дух Авы попытался улизнуть, вырваться из невидимых когтей судьбы. Ее неосязаемая фигура вытянулась и скрутилась, а затем с затихающим криком унеслась прочь. Рува бросилась за мертвой сестрой, пытаясь поймать, но ее ограничивало физическое тело. Их связь с сестрой была слишком сильна, и Владелец затребовал обеих. Душа Рувы отделилась, неумолимо следуя за близнецом в подземный мир. Ее опустошенное тело безжизненно упало, рассыпавшись пылью и фрагментами пожелтевших костей.

Никки висела в воздухе, пока продолжалось магическое истребление, и понимала, что сложность заклинания выходит за пределы ее понимания. Она с благоговением смотрела на сеть света вокруг себя, состоявшую из различных узоров, рисунков и непостижимых символов. Ее не удивляло, что Ричард смог постичь такую силу. Заключение в кокон сети колдунья наблюдала за процессом созидания и уничтожения.

Используя внутреннюю перспективу структурированного заклинания и являясь иницирующим элементом, Никки была не только наблюдателем, но и участником. Сама ее воля, ее ярость, ее природа стали тем поддерживающим элементом, способным уничтожить огромные вражеские силы одним ударом. Именно Никки разгромила древнюю армию и отправила ее в мир мертвых.

Сильный и непокорный генерал сопротивлялся до последней минуты, но даже легендарный полководец не смог противостоять зову Владетеля, непреклонному зову смерти. Он содрогался, борясь с притяжением структурированного заклинания. Золотая маска упала, обнажив рану на его лице.

Зная, что ему не победить, Утрос вскинул облаченный в перчатку кулак, выкрикивая последнюю клятву:

— Теперь я могу покорить весь подземный мир! — Его массивное тело распалось, а дух исчез в вихре зеленого тумана.

Когда заклинание, наконец, дошло до конечной стадии, исполнив свою задачу, Никки почувствовала себя более живой, чем когда-либо. Охваченная чарами Ричарда, она дарила врагам смерть, снова став Госпожой Смерть. Ричард оставил ей послание на языке Сотворения на костяной шка-тулке. В тот момент ни один из миров — ни мир живых, ни мир мертвых — не казался ей полностью реальным. Она была Благодатью. Она была жизнью. Она была смертью.

Только тогда Никки освободилась из оков света, обесси- ленная и воодушевленная пережитым. Она опустилась на землю и рухнула на обломки Дворца Пророков.

Больше, чем когда-либо, она тосковала по Ричарду. Это было блаженство — находиться в объятиях его чар, но теперь они исчезли. Этот момент любви и защиты испарился, когда погасли последние линии света.

Глава 85

Разоренный город содрогнулся, когда раскололся сам мир. Улицы были окутаны завесами тумана; древние воины отправлялись туда, куда должны были попасть столетия назад. С воплями отчаяния, заглушающими рев битвы, вооруженные солдаты рассыпались в пыль. Танимура буквально превратилась в город мертвых.

Д'харианские бойцы, городское ополчение, разношерстная армия беженцев и простые горожане были потрясены, когда безнадежная битва вот так просто закончилась на их глазах. Численно перевешивающий враг был побежден союзником, которого никто не ожидал, — самим Владетелем.

Измученный генерал Зиммер стоял среди усталых и раненых солдат. Рука его тряслась от напряжения, сжимая рукоять меча. Последние несколько часов он пережил в механическом процессе самозащиты, убивая одного противника за другим. Все они были для него безликими. Наверняка он зарубил не менее сотни врагов.

Лайес стала красной от чужой крови. С гневным разочарованием она оглядывала противника, упавшего пред ней замертво; она явно не закончила мстить за Торн.

Сестры Арабелла и Мэб, пошатываясь и едва переставляя ноги, подошли к генералу Зиммеру. Мэб истекала кровью из глубоких порезов на предплечье и на ребрах, и Арабелла поддерживала ее. Теперь, когда не надо было отдавать все силы битве, сестра Арабелла исцелила раны своей спутницы, и Мэб смогла выпрямиться.

Оливер, Перетта и Эмбер присоединились к ним. Призванные ими крысы убежали обратно в канализацию, наевшись свежего мяса и вывалявшись в крови. Никто не понимал, почему вся древняя армия внезапно рассыпалась в пыль в урагане необъяснимой магии.

— Что нам теперь делать, генерал? — Оливер огляделся.

Больше никто не решился задавать вопросы.

На дальней стороне залитой кровью площади, где только что исчезло огромное число древних солдат, стояли двадцать свирепых норукайцев. Они широко разинули рты, внезапно обнаружив, что остались в меньшинстве. Они вызывающе взревели и подняли топоры, дубинки и мечи, собираясь продолжить бой.

Д'харианские солдаты были измотаны, но внезапная передышка придала им сил, и их боевой клич был вдесятеро громче, чем у покрытых шрамами налетчиков. Генерал Зиммер возглавил атаку.

— Теперь мы очистим улицы Танимуры, уничтожим всех норукайцев до последнего и сбросим их тела в море.

Его армия, воодушевленная перспективой неминуемой победы, бросилась на рослых налетчиков, и те обратились в бегство.

* * *

Бэннон с ужасом наблюдал, как разверзшаяся преисподняя поглощает заблудшие души. Он далеко не сразу осознал, что защитники Танимуры каким-то образом победили.

Когда завершилось ошеломительное действие света, очертаний и переплетенных линий, Никки рухнула на обломки Дворца Пророков. Натан присел на корточки рядом и бережно прижал колдунью к себе.

— Добрые духи, не знаю, испытывал ли я когда подобное. Ты спасла нас. Ты спасла нас всех!

— Не только я, — прохрипела она. — Все вы помогли. Я бы не справилась без вас. — Никки посмотрела на него, затем на Бэннона и Лилу, кивнув в знак благодарности. — А еще мне помог Ричард. Он создал структурированное заклинание и сказал, что это все, что мне нужно. Я не пони-

мала, что он имел в виду, но не усомнилась. Он верил в меня, и эта вера сделала меня сильнее, чем когда-либо.

Гнетущая тишина воцарилась на острове Халзбанд и раскинулась по всей Танимуре. Генерал Утрос превратился в пыль, и его золотая маска лежала на разбитых камнях. От рогатого шлема остались истлевшие фрагменты, которые лежали рядом с обломками костей. Там, где раньше были солдаты эскорта, на земле валялись лишь куски металла, ржавые пряжки и оборванные звенья кольчуги.

Из города доносились приглушенные звуки боя, когда вспыхивали новые стычки. Своим острым зрением Бэннон мог видеть группы норукайцев, пытающихся отразить натиск воодушевленных д'харианских защитников. Лила бросила нетерпеливый взгляд на Бэннона.

— Похоже, веселье еще не закончилось, мальчишка. Пойдешь со мной? Если побежим, то можем успеть, пока их всех не поубивали.

Бэннон посмотрел на свой богато украшенный меч. Рукоять теперь идеально лежала в руке, как влитая. После недавнего боя лезвие зазубрилось, но любой хороший оружейник восстановит его остроту.

— Я действительно хочу видеть всех норукайцев мертвыми, но, Пресвятая Мать морей, с меня на сегодня хватит убийств.

В центральной части города жаждавшие мести ополченцы, городская стража Танимуры и д'харианские солдаты окружили последних норукайских воинов. Нескольким налетчикам удалось прорваться к двум змеиным кораблям, стоявшим на мели, столкнуть их и отойти от гавани, но и в воде они не нашли спасения. Ими занялся флот Танимуры и Серримунди. Дождь огненных стрел обрушился на змеиные корабли, прежде чем они успели покинуть гавань. Вскоре

последние суда налетчиков охватило пламя, и они выгорели до ватерлинии.

Некоторое время спустя генерал Линден прибыл на остров Халзбанд в сопровождении солдат и нескольких Прячущихся людей в окровавленных серых плащах. Вскоре появился и Зиммер со своим потрепанным эскортом.

— Мы проводим зачистку по всему городу, — доложил он.

— Объединившись, мы могли бы противостоять норукайцам, — произнес Линден, — но у нас не было никаких шансов против армии генерала Утроста. — Он покачал головой, посмотрел на пыль и осколки костей, разбросанные среди камней — ничтожные останки множества древних солдат. — Я не могу верить в это.

— С помощью Ричарда я обрела силу, — сказала Никки, — даже большую, чем у непобедимой армии Утроста. Силу жизни и смерти.

Жизнь для живых. Смерть для мертвых.

— Сила судьбы, — сказал Натан, подняв брови. — Никогда не забывайте, что она была Госпожой Смерть.

Все больше сестер Света подходили на остров Халзбанд, свой бывший дом. Во время городских сражений были убиты сестры Шарон, Люсия и Хизер, и теперь оставшиеся сестры узнали об их гибели. Сестры Рода, Элдин, Мэб и Арабелла с облегчением поприветствовали Никки и Натана.

— Кажется уместным, что последняя битва произошла на фундаменте Дворца Пророков, — сказала Рода.

— В структуру этого здания было вплетено так много магии, что, возможно, какая-то часть осталась, — добавила Арабелла.

— Я рад, что дворца больше нет, — фыркнул Натан. — У него все равно не осталось предназначения.

— Теперь, — сказала Никки, — когда пророчество исчезло, а одаренные юноши больше не страдают, у вашего ордена нет предназначения.

— Аббатиса Верна думала над этим, — взяла слово Элдин. — Она пыталась найти нам новый смысл. Помогая в Твердыне, сестры работали с магическими знаниями и учили других ими пользоваться.

— Но Твердыни теперь тоже нет, — сказала Мэб. — Она погребена в камне.

— В мире по-прежнему существует множество центральных узлов, — вслух размышлял Натан, — заполненных таинственными и опасными книгами. За этими архивами нужно ухаживать и следить — и защищать. Это могло бы быть новой целью вашего ордена.

Сестры переглянулись. Эмбер пнула ногой камешек и сказала:

— Мы прибыли в Танимуру, потому что именно здесь находился Дворец Пророков. Вот почему я вступила в орден. Я хочу сделать свой вклад, мне нужна достойная цель. Аббатиса Верна советовала мне не терять надежды. Мои родители уже гордятся моим братом, и они станут еще счастливее, когда узнают, как храбро Норкросс сражался с норукайскими кораблями. — Она вздохнула. — Я бы тоже хотела быть значимой.

— И будешь, — сказала сестра Мэб. — Мы восстановим наш орден. Без аббатисы мы путешествовали и сражались сообща, но у сестер Света должен быть лидер. Кто станет нашей аббатисой?

Элдин посмотрела на Мэб, та взглянула на Арабеллу, затем они все медленно повернулись к Никки.

— Когда-то ты была сестрой Света, — начала Рода. — Ты предала нас, став сестрой Тьмы, но мы знаем, что ты

вернулась к священной цели. Сейчас ты сильнее, чем когда-либо, сильнее любой из нас.

— Сильнее, чем любая сестра Света во все времена, — добавила Мэб, — сильнее, чем любая аббатиса, которая правила прежде. — Глаза ее сияли. — Работая вместе и используя ресурсы Танимуры, мы могли бы восстановить Дворец Пророков! — Она подняла глаза к небу, воображая новые башни.

Никки нахмурилась:

— Я больше не сестра Тьмы, это правда, но и не сестра Света. Я Никки, колдунья, соратник магистра Ричарда Рала. Он дал мне задание во имя Д'Харианской империи, и я собираюсь его выполнить.

Натан ощутил растущее беспокойство:

— Если вы намерены восстановить дворец или поставить хотя бы один камень поверх другого, то я не хочу иметь к этому отношения. — Он содрогнулся. — Мне еще нужно многое совершить в своей жизни.

Никки, как ни странно, улыбнулась ему.

— Нам всем это нужно.

Глава 86

Выжившие в битве за Танимуру еще два дня тушили пожары и добивали последних врагов. Они выслеживали норукайцев, которые поодиночке оказались трусами. Зная, что за ними охотятся, налетчики укрывались на складах и в рыбацких лачугах; некоторые даже прятались под поврежденными причалами, держась за сваи и стараясь оставаться незамеченными. Когда загнанных в угол налетчиков обнаруживали, разгневанные горожане гарпунами и лодочными крюками

скидывали их в воду. Никки считала это не истязательством, а правосудием.

Покинув остров Халзбанд, она и Натан объединились со многими другими одаренными мужчинами и женщинами Танимуры. Вместе они тушили огонь дождем, выжимая влагу из воздуха. Многие крупные здания, в том числе две дюжины особняков в районе холмов, сгорели дотла.

Еще нужно было позаботиться о тысячах раненых. Добровольцы из Танимуры, а также беженцы из Эффрена и бухты Ренда организовали первую помощь. Торговцы из квартала ткачей кипятили ткань и рвали на полосы, получая бинты. Оливер и Перетта вместе с ученым-архивариусом Франклином, главной помнящей Глорией и их последователями из Твердыни использовали знания архива. Не жалея себя, они исцеляли раненых и спасли тысячи жизней.

Бэннон владел лишь примитивной подготовкой по оказанию первой помощи, а у Морасит был большой опыт в лечении боевых ран и даже ампутаций. Лила опустилась на колени рядом с мужчиной, чья рука была отрублена норукайским топором. С момента ранения прошло уже несколько часов, и кровотечение остановилось, но он был слаб и болен. Лила очистила культю, обмотала ее влажным бинтом и туго затянула узел, стиснув зубы от усилий.

— Это пока сохранит ему жизнь, — сказала она Бэннону. — Нам нужны целители и травницы, которые приготовят мази. Иначе раны инфицируются, и в ближайшие недели умрет еще больше людей.

— Рука! — простонал мужчина. — Что теперь делать без руки?

Слова Лилы были обращены скорее к Бэннону, чем к стонущему больному:

— Воин обычно умирает, когда получает серьезное ранение на боевой арене, но мы помним историю о чемпионе Ка-

лефе. Этот раб, привезенный издалека, правил на арене, пока противник не отрубил ему запястье. Даже истекая кровью, Калеф продолжал сражаться, пока не рухнул на колени, но все равно не сдался. Обычно претендент наносил смертельный удар и становился новым чемпионом, но толпа была так восторженна, что Калефу позволили жить. Целители подлечили его, а когда он восстановил силы, то вернулся на арену. Он доработал свой меч, прикрепив его к предплечью. Калеф убил следующего противника и снова стал чемпионом. — Лила опустила взгляд на раненого мужчину, который в шоке смотрел на свои окровавленные бинты. — Этот человек никогда не станет чемпионом, но от него будет толк. В Танимуре еще много работы.

Хотя забота о раненых была первоочередной задачей, нужно было разобраться с многочисленными трупами. Все солдаты генерала Утроса рассыпались в пыль, но в боях погибло более десяти тысяч человек, и их тела были разбросаны по улицам и свалены в кучи на рыночных площадях, где они приняли последний бой.

После нескольких дней в жарком влажном воздухе Танимуры раздутые трупы начали вонять. Чайки кружили над городом, поедая все, что находили, выклеывая глаза и улетающая, когда команды по сбору тел гнали их прочь. В гавани большие стаи птиц пиروвали телами, плавающими в воде. Хищные рыбы обгладывали их до костей.

Генералы Зиммер и Линден создали погребальные отряды. Носильщики, прежде работавшие в доках, теперь загружали свои тележки телами и вывозили их из города. Пустынные просторы острова Халзбанд стали идеальным местом для огромных погребальных костров, которые постоянно горели, подпитываясь дровами и трупами.

Клубы жирного черного дыма висели в воздухе, а запах горелого мяса проник повсюду настолько, что перебил всем

аппетит. Даже мясные лавки закрыли свои двери, потому что торговля приостановилась. Руины Дворца Пророков покрылись слоем пепла, который удобрит почву. Когда-нибудь остров снова оживет.

Все убитые д'харианские солдаты, ополченцы и простые граждане заслуживали того, чтобы их сожгли на погребальных кострах, но ни один мертвый норукаец не удостоился такой чести. Когда носильщики собирали тела, трупы налетчиков откладывали в сторону, чтобы заняться ими в последнюю очередь. С отвращением на лицах д'харианские солдаты тащили повозки, груженные мертвыми норукайцами — в доспехах из акульей кожи, в металлических украшениях и шипах, вживленных в их черепа или плечи. К настоящему времени на всех телах появились признаки разложения, кожа обесцветилась, плоть распухла. Они выглядели еще уродливее, чем обычно.

Капитан Джаред неохотно предложил своего «Преследователя» для перевозки трупов, заполнив палубу омерзительными налетчиками. Никки и Зиммер наблюдали, как солдаты толкали смердящие тележки вдоль пирса, и даже охотники на кракенов с отвращением зажимали носы, поднимая тела на борт.

«Преследователь» сделал немало рейсов, отплывая за пределы гавани на глубину, где Джаред и его команда выбрасывали мертвых норукайцев за борт. Одни тонули, другие плавали на поверхности. Всех их унесет течением, или они станут обедом для рыб. Памяти о них не останется. Джаред с дрожью отвращения сообщил, что во время последнего захода он видел акул, но треугольники их плавников рассеялись, когда среди трупов норукайцев всплыли другие фигуры: сэлки упивались обилием мертвых врагов. Они рвали мясистую плоть, будто не могли сдерживать злобной радости. Команда кракенолово взирала на это с

трепетом, но без страха. Сэлки смотрели на них своими глазами с узкими зрачками, но не делали попыток напасть. Они насытились трупами норукайцев и уплыли.

В некогда самоуверенном взгляде капитана Джареда теперь сквозила печаль, а его подбородок с ямочкой зарос щетиной. Принимая на борт очередную партию трупов, он скрестил руки на груди и посмотрел на Никки, которая пришла навестить его.

— Это отвратительная работа, колдунья, но никто другой не взялся бы за нее, — усмехнулся он. — В очередной раз мои ребята доказывают свою полезность.

— На корабле и раньше дурно пахло, но теперь вонь невыносима, — сказала Никки.

— О, я потерплю это, колдунья, хотя этот груз более скверный, чем любая тварь со щупальцами. Не могу дожидаться, когда мы выкинем последнее из тел. — Джаред просиял. — Моя команда жаждет снова поохотиться на кракенов. Мы привезем деликатесное мясо, чтобы накормить город, пока он восстанавливается.

— Спасибо, капитан, — без энтузиазма сказал Зиммер.

В Танимуре строили планы по восстановлению, но это был лишь один из многих городов, пострадавших во время войны. Пока выжившие жители бухты Ренда, Эффрена и других разрушенных городов помогали расчищать сгоревшие склады, рабочие на лесопилках заготавливали древесину, а целые армии плотников трудились над восстановлением города. Каменщики закладывали фундаменты, рабочие штукатурили стены, а белильщики ходили с ведрами извести и белили новые строения.

Таддеус и Ренделл, которые стали близкими друзьями после того, как не раз спасли друг друга жизни, работали над возведением новых домов и торговых лавок на набережной.

— Теперь, когда больше не нужно беспокоиться о норукайцах, — сказал Таддеус, — я хотел бы вернуться со своими людьми в бухту Ренда и отстроить поселение заново.

— Я пойду с тобой. — В глазах Ренделла была печаль, но ему удалось улыбнуться. — Мой Илдакар никогда уже не вернется, и я хочу начать все сначала. Мне понравилась бухта Ренда.

— Впереди еще много работы, — сказал Таддеус, — но мы свободны и обречем свой дом.

Услышав их, Никки подошла ближе:

— Вы сами определяете свою судьбу и правила, по которым будете жить. Вы несете ответственность за свои действия, и ваша совесть сильна. И вы действительно станете частью Д'Харианской империи.

Четверо Прячущихся людей, тихо ступая в дневном свете, который все еще был для них благословением, подошли к Никки, выглядя обеспокоенными и потерянными. Освободившись от своих древних обязанностей, они отправились в путь, чтобы сражаться за Никки, но теперь они не знали, что делать, так как все битвы закончились, а они были далеко от дома.

— Суэта этого города смущает нас, — сказал один мужчина с глубокими морщинами на бледном лице. — Нас уцелело чуть меньше шести сотен. Генерал Утрос повержен, но что станет с Орогангом? Этот город по-прежнему остается нашим домом.

— И там тихо! — сказал другой мужчина.

— Так пусть он и дальше будет вашим домом, — сказала Никки. — Возвращайтесь туда и живите при свете дня. Все жисс мертвы, и вам больше не нужно прятаться в тених. Разбейте замурованные окна, впустите воздух. Ороганг может снова стать великой столицей.

— Но мы будем совсем одни, — сказала женщина,правляя серый капюшон.

— Ненадолго. В Ороганг придут торговцы. Ваш город станет одним из ключевых в горах. — Никки улыбнулась. — И я позабочусь о том, чтобы магистр Рал узнал о вас. Он может даже сделать Ороганг столицей-сателлитом. Вам бы это понравилось?

Прячущиеся люди просияли, и казалось, что на их лица вернулся свет. Они стали еще одним из многих фрагментов, собранных воедино после поражения генерала Утроса и норукайской скверны.

Когда с неотложными задачами было покончено, беженцы начали задумываться о будущем. Ученый-архивариус Франклин вместе со своей соперницей и соратницей Глорией присоединились к сестрам Света.

— Твердыня разрушена, и все ее книги потеряны. Мы должны воссоздать их, насколько сможем.

Глория постучала пальцем по виску:

— Они не потеряны, если мои помнящие все еще хранят их в голове. Мы можем воспроизвести тысячи томов, но потребуется время.

Поскольку на острове Халзбанд все еще горели погребальные костры, сестры Света поселились в пустой гостиной, владельцы которой были убиты во время нападения. В общем зале за длинными столами, где когда-то гуляли шумные толпы с кружками эля, теперь сидели ученые и писцы, вооружившись стопками бумаги, учетными книгами из конторы хозяина порта и любыми обрывками, на которых можно было записать слова. Помнящие сидели с полужакрытыми глазами, откинувшись на спинки стульев и борюча строчку за строчкой, зачитывая книги, сохранившиеся в их уникальной памяти.

Ученые Твердыни посвятили жизнь знаниям, изучению каждого слова в этих древних книгах, и теперь они участвовали в их записи. Днем они писали в залитых солнцем комнатах, а ночью зажигали лампы, чтобы продолжать писать. Помнящие уже охрипли, но не желали останавливаться. Потребуется много лет, чтобы вернуть хотя бы часть утраченных знаний, но они будут продолжать вспоминать и записывать.

Глава 87

После непродолжительного ночного шторма гавань Танимуры пахла чистым соленым воздухом, а не смертью, кровью и разложением. Натан глубоко вздохнул, сидя на краю причала, и посмотрел на последнюю страницу в своей книге жизни, обдумывая, как завершить историю.

Серая клякса ударилась о доски рядом с ним. Над головой кружила чайка, чей крик был похож на издевательский смех. Натан поднял взгляд и раздраженно фыркнул.

— Я мог сбить тебя шариком огня волшебника, ты, жалкая пичуга.

Чайка не испугалась угрозы и улетела в ярко-голубое небо.

Большинство разбитых кораблей были разобраны, чтобы расчистить проход торговым судам. Два больших грузовых судна остались на мели, накренившись над водой; их торчавшие мачты напоминали утонувшие деревья. Жители Танимуры оставили их в качестве мемориала, чтобы каждый, кто прибывал в город, вспоминал о битве.

Натан почти заполнил книгу жизни приключениями и призадумался. На него напал творческий ступор. Если бы у него осталось больше страниц, слова потекли бы рекой. Он

описал бы каждую мысль, каждую неудачу, каждую победу. Как он мог подвести итог стольким грандиозным событиям на единственной оставшейся странице? Он задумался, не купить ли еще одну чистую книгу, чтобы продолжать писать в ней, но этот драгоценный том был не просто книгой из книжной лавки. Это была его книга жизни, данная ему ведьмой Рэд в Темных землях. Первый том был написан чернилами, сделанными из его собственной сожженной крови, и описывал первую часть его жизни. Он собственноручно написал продолжение, но, тем не менее, том в кожаном переплете был особенным подарком.

Болтая ногами, он перечитал последние страницы, которые написал накануне вечером, сидя на ступеньках казармы в танимурском гарнизоне. Натан знал, что нужно будет найти жилье получше, если они с Никки решат остаться в городе. Он уже чувствовал беспокойство.

Он посмотрел на свое описание волшебников Ильдакара, Зерцалоликого, восстания рабов, пробуждения огромной каменной армии. Его глаза защищало, когда он прочел строки о дорогой Эльзе, ее магии переноса и о том, как она погибла. Его краткие строчки были довольно скупы, но не из-за недостатка уважения, а потому что у него не хватило духу написать все, чего Эльза заслуживала.

Он пытался подробнее описать гибель аббатисы Верны и разрушение Твердыни. Рассказ о финальном сражении в Танимуре больше походил на набросок, но у него просто не хватало места. Каждое событие заслуживало отдельной главы, если не целого тома. Тем не менее, он написал чистую правду, и это самое главное.

Понимая важность своей работы, он заставил себя продолжать писать, чтобы закончить на той бумаге, которая оставалась. Мелким почерком и лаконичной прозой он описал храбрые жертвы солдат, победу Бэннона над королем

Скорбь и катастрофический конец древней армии Утроса, которую поглотил подземный мир.

Ему нужно было еще много чего сказать, но он дошел до конца последней страницы. Его последние строки были слишком сжатыми, и когда места больше не осталось, он просто написал: «И так был спасен Древний мир».

Доски причала закрипели под чьими-то ногами, и он обернулся. К нему шла Никки, одетая в черное платье. Большая песчаная пума ступала рядом, ее рыжевато-коричневый мех был чистым и расчесанным, будто она была сытым и ухоженным домашним питомцем. Никки остановилась рядом с Натаном.

— Если будешь так проводить свои дни, волшебник, то станешь толстым и ленивым.

Над головой пролетела чайка, браня Мрра. Пума зарычала, и птица улетела.

— Это заслуженный отдых. — Натан взглянул на последнюю страницу. — Скрупулезное написание объективной хроники — это совсем другая битва, но тоже весьма тяжелая. К сожалению, у меня не хватило бумаги. — Он закрыл книгу.

На губах Никки появилась улыбка.

— Уверена, ты нашел там местечко для своих подвигов.

— О, не для всех. Добрые духи, на это потребовалась бы целая библиотека.

Она словно и не заметила юмора в его словах.

— Когда будешь рассказывать свои истории в тавернах и на пирушках, уверена, ты припомнишь все мучительные подробности.

— Я уязвлен твоим отношением. — Приложив ладонь к груди, Натан нащупал бугристый шрам и ровное сердцебиение, и понял, что это действительно его сердце. Сердце волшебника.

Мрра издала низкое рычание и повернулась к берегу, размахивая хвостом. Никки резко обернулась, насторожившись.

На пирс неожиданно ступила стройная женщина в серой сорочке, плотно облегающей ее тело. Кожа ее была бледной, а лицо изможденным, как у мертвеца. Спутанные пряди рыжих волос походили на переплетенных змей, а неестественные черные губы улыбались. Она шагала вперед, злобная и уверенная в себе. Казалось, во всем мире остались только они трое. Рядом с ней шло странное создание с пятнистым рыжевато-бурым мехом, заостренными ушами и удлиненной мордой — не кошка, не волк, а какой-то другой вид. Мрра ошетибилась и приготовилась защищать сеструпуму.

Натан почувствовал озноб:

— Добрые духи! Это Рэд.

Ведьма скользнула к ним. Натан не представлял, как она прошла через холмы и всю Танимуру, не вызвав переполюха. Он поднялся на ноги, все еще сжимая в руке книгу жизни.

Никки заняла оборонительную позицию:

— Я надеялась больше никогда тебя не увидеть.

Смех ведьмы был мелодичным, но Натан не желал его слышать.

— Наши надежды не всегда оправдываются. — Она бросила небрежный взгляд на город. — После битвы осталось достаточно черепов и тел, чтобы должным образом украсить Танимуру. Жаль, что вы предпочли все это убрать.

Лесистые холмы и долина, в которой стояло укромное жилище Рэд, были усеяны костями тех, кто умер, когда пришел за помощью к ведьме.

— Смертей было ровно столько, сколько нужно для победы, — сказала Никки.

Охотник, странный рыжий питомец ведьмы, сел на задние лапы и уставился на Мрра, глаза в глаза. Усы песчаной пумы дернулись.

Рэд повернулась к Натану, будто он уже знает, зачем она пришла.

— У тебя есть кое-что для меня. — Это был не вопрос. — Я сомневалась, что ты вернешься в Темные земли и передашь мне свою книгу жизни, поэтому пришла сама. Ты должен был догадаться, что именно этого я и ожидала. — Ее черные губы сложились в улыбку.

Натан был удивлен:

— Я закончил писать всего несколько минут назад. Как ты узнала?

— Я ведьма, и многое предвижу. Прочти первые строки в книге.

Натан обратился к словам, которые были начертаны там еще до того, как Рэд отдала ему книгу:

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели.

Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.

Он фыркнул:

— Эти слова вели нас по Древнему миру и направляли меня туда, куда мне нужно было идти. Ты действительно дала ход многому, написав это. — Он поджал губы. — Пророчество обычно не бывает таким ясным и прямым.

Рэд разразилась громким гортанным смехом.

— Натан Рал, ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой! Это не было ни пророчеством, ни предостережением. Это была просто идея, и вы следовали ей, как вам хотелось, интерпретировали слова так, как пожелали. Вы сами даете ход событиям. Она протянула руки, ожидая, что он передаст ей

книгу. — Не могу дождаться, чтобы прочитать хроники целиком.

Натана замутило от того, что она сказала. Он следовал за словами в книге в поисках восстановления своего дара. Из-за того, что написала Рэд, он, Никки и Бэннон прошли через Кол Адаир и весь путь до Ильдакара. Эти слова завели их очень далеко, но неужели он просто преследовал мираж?

Нет, не мираж, осознал он. Его собственная судьба. Как бывший пророк, Натан Рал знал, что люди будут делать то, что им предназначено, независимо от написанных слов. Он сам создал свою судьбу.

Охотник обнюхал Мрра. Оба зверя были готовы к прыжку, но Никки и Рэд держали их под контролем.

Когда Натан отдал ей книгу жизни, он испытал глубокое чувство утраты, как будто часть его истории завершилась. Означало ли это, что его приключения закончились? Что он просто останется в Танимуре? Он определенно не собирался этого делать.

Мгновение спустя Рэд достала откуда-то другую книгу, хотя до этого ее руки были пусты. Она протянула ему свежий том в переплете из светлой кожи. Он с удивлением принял его, открыл и обнаружил только чистые страницы.

— Тебе потребовалась тысяча лет, — сказала ведьма, — чтобы написать первую книгу, и едва ли год для второй. Интересно, как скоро ты заставишь меня вернуться и забрать этот том? Все зависит от тебя.

Без дальнейших прощаний Рэд пошла обратно по скрипучему причалу, а лохматый питомец последовал за ней. Натан провел большим пальцем по гладкой коже своей книги жизни и прижал ее к груди.

* * *

Сосны и дубы на опушке Хагенского леса отбрасывали густые тени. Никки все еще чувствовала запах крови после недавнего сражения. Это место хранило немало мрачных историй, но теперь это был совсем обычный лес. Тишина, царившая под переплетенными ветвями, сменилась пением птиц.

Мрра вглядывалась в чашу золотистыми глазами. Зашуршал подлесок, и к ним скользнули поджарые песчаные пумы — все выжившие члены прайда, который Мрра вела сражаться против генерала Утроса.

Никки погладила Мрра по голове, почесала за ушами, и пума довольно замурлыкала. На ее шкуре были клейма Ильдакара, но больше в прайде ни у кого не было таких отметин. Другие большие кошки жили в дикой природе, и Никки знала, что Мрра тоже этого хотела.

Мрра дернула хвостом и уставилась в лес, отказываясь покидать сестру-пуму. Никки обвила руками шею Мрра, крепко обняла пуму и долго гладила ее.

— Спасибо тебе, моя верная спутница. Беги со своим прайдом. Ты это заслужила.

Мрра утробно зарычала, и Никки ощутила щекой вибрацию, когда прижалась крепче.

— Наша магическая связь никогда не будет разорвана. Я всегда буду твоей сестрой-пумой. — Она почувствовала комок в горле, с трудом сглотнула и продолжила: — Но это твой прайд. Скитайтесь по миру, живите своей жизнью, охотьтесь; найди себе пару и заведи детенышей... и будь свободна. Это все, о чем я тебя прошу. Я дам тебе знать, если мне когда-нибудь понадобится помощь. Спасибо тебе за новых сестер и братьев. — Мрра подняла золотистые кошачьи глаза, и Никки снова погладила кошку по голове. — Иди!

Мрра издала рык и повернулась к другим пумам, ожидающим в лесу. Она прыгнула под тень деревьев и вскоре скрылась из виду, но Никки всегда будет чувствовать песчаную пуму своим сердцем.

Глава 88

Лезвие меча Бэннона было заточено до бритвенной остроты, все зазубрины и зарубки, полученные во время боя, сгладились.

— Как новенький, — сказал кузнец Мэндон. — Как убьешь еще сотню врагов, вернись ко мне, и я снова все исправлю.

Бэннону нравился этот дорогой клинок, и вдвойне приятно было узнать, что оружейник помнит юношу, которому когда-то продал Крепыша.

— Это был мой первый меч, и он был хорош. Жаль, что я его лишился. — Подавив печаль в голосе, он повертел прекрасное оружие Натана из стороны в сторону, наблюдая, как солнечный свет струится по полированной стали. — Но и этот вполне сгодится.

Мэндон усмехнулся:

— На заднем дворе все еще стоит тренировочный столб, если хочешь его опробовать.

Бэннон вспомнил тот день, когда приобрел Крепыша. Тогда его сердце было переполнено болью и несчастьем, которые он тщательно скрывал, и юноша изрубил столб в щепки. Теперь он был более сдержан. Он не только стал отличным фехтовальщиком, его внутренние раны затянулись и исцелились. Его оптимизм теперь не фальшивая маска, а часть его самого.

Другие мечи в лавке кузнеца забрали для защиты Танимуры, и много зазубренного и окровавленного оружия вернулось с улиц — из мертвых рук. У Мэндона уйдут годы работы на их очистку и заточку.

Бэннон вложил меч в ножны с приятным для слуха щелчком.

— Все и так прекрасно. Мне не нужно рубить деревянный столб. — Он сделал паузу и улыбнулся. — Я предпочитаю противников, которые могут дать отпор, но на данный момент мы с ними покончили. — Он загадочно добавил: — Меч рубит кости.

— Я могу сразиться с тобой, мальчишка, если захочешь.

Он обернулся и увидел у входа в лавку Лилу в черном кожаном наряде Морасит. Хотя они давно были любовниками, она все еще немного его пугала. Это была еще одна битва, которую Лила намеревалась выиграть, но ему это нравилось. Нравилось думать, что он смягчил ее настолько, насколько это возможно с Морасит.

— Сегодня я не хочу упражняться с мечом, — сказал ей Бэннон. — Но буду рад твоей компании.

— Хорошо. Я пришла за тобой. — Она скрестила руки на груди. — Капитан кракенобойного судна спрашивал о тебе. Утверждает, что знает, чего ты хочешь.

— Капитан Джаред? — Он озадаченно нахмурился. — И чего же я хочу?

Лила нетерпеливо фыркнула.

— Ты совершенно ясно дал понять, что хочешь покинуть Танимуру. — Она выглядела разочарованной.

Ему по-прежнему было любопытно.

— Тогда давай поговорим с ним и послушаем, что он скажет.

В доках команда грузила ящики с припасами на борт «Преследователя». С носовой палубы Джаред громким го-

лосом направлял рабочих, оправдывая свое звание капитана, но они игнорировали его и просто делали свою работу.

Заметив Бэннона и Лилу, Джаред помахал им.

— Я думал, ты побежишь, Бэннон Фермер! Это твой шанс. «Преследователь» отплывает с вечерним приливом, и ты можешь отправиться с нами. Мы направляемся на остров Кирия.

— На остров Кирия? Домой? — Он явно колебался. — Я еще не принял окончательного решения. — Он посмотрел на Лилу.

— Да, — сказала она, и на ее лбу появились морщинки. — Хотя меня бы удивило, если бы ты захотел вернуться. Ты почти не рассказывал о нем ничего хорошего.

Залившись румянцем, Бэннон устоял на свои ботинки.

— Я не могу сказать ничего хорошего о своем отце. Да и он уже умер. Я не спас мать, а лишь она удерживала меня там. Мой друг Ян пропал, так что у меня не было причин оставаться. Но теперь я стал храбрее и понимаю, что не стоит бояться возвращения домой. — После стольких смертей и разрушений, после норукайских работорговцев, нападения сэлок и победы над древней армией, он невероятно устал, и в глубине души он просто хотел немного покоя. — Я больше не знаю, что значит для меня остров Кирия. Я не уверен, что у меня есть причины туда возвращаться.

Джаред скрестил руки на груди:

— Я только что получил тревожные известия — и этого достаточно, чтобы заставить меня пересмотреть маршрут, если тебе не сильно туда нужно.

— Подожди, я не говорил, что... — Бэннон запнулся. — Какие тревожные известия? Что-то случилось на острове Кирия?

Капитан поморщился.

— В окрестностях замечены норукайские корабли. — Он сделал паузу всего на мгновение, чтобы Бэннон усвоил новость. — Мы сломали хребет флоту короля Скорбь, это точно, но по морям ходят и другие змеиные корабли. Налетчики приносят всем только разрушения. И теперь, когда мы отстояли и укрепили крупные прибрежные города, они будут вынуждены атаковать более слабые и отдаленные цели. Как остров Кирия.

— Тогда мы должны отправиться туда! — воскликнул Бэннон. — Кто-то должен защитить их. Они не умеют сражаться. Каким образом они?.. — Он посмотрел на Лилу. — Мы с тобой можем показать им.

Казалось, она все еще таила на него обиду.

— Я думала, ты пытаешься убежать от меня, раз так сильно хочешь на остров Кирия.

Он был потрясен:

— Я никогда этого не говорил. Я... Пресвятая Мать морей, я никогда не думал об этом! Я размышлял о возвращении домой, но это были просто мысли. Я думал о его бедных жителях. Пусть у меня скверные воспоминания о Кирии, но там много хороших людей, которые не заслуживают смерти от рук норукайцев.

— До этого момента ты даже не знал об угрозе со стороны норукайцев. — Лила фыркнула. — Не это повлияло на твоё решение.

Джаред ухмыльнулся им с борта корабля, продемонстрировав щербинку между зубами.

— Она тебя раскусила, парень. — После того как два охотника с бочонками эля поднялись по сходням, Джаред спустился на причал.

— Подожди... — Бэннон колебался, мысли его путались. — Если я куда-нибудь уеду, ты расстроишься? У тебя обиженный голос.

Лиля напряглась:

— Ты видел, как я сражаюсь. Чтобы причинить боль Морасит, требуется гораздо больше. И разве ты не хотел бы, чтобы я была рядом, если предстоит новое сражение с норукайцами? Ты ставишь желание помочь этим слабакам выше мести, и я этого не понимаю.

Он расправил плечи:

— На этом острове полно таких же людей, как и я, и я не заслуживал того, что со мной случилось. Ян тоже не заслуживал. Я хочу спасти их, если смогу. Я... ммм... предполагал, что ты пойдешь со мной.

— А ты не думал спросить?

— Ты отправишься со мной на остров Кирия? Или куда-нибудь еще?

Она кивнула:

— Я принимаю твои доводы и буду сопровождать тебя.

— Лиля поправила черную кожаную юбку. — Тебе всегда удастся попасть в передрагу. Я не смею отпустить тебя одного.

* * *

Хотя Никки старалась не выказывать эмоций, прощание с Бэнноном оказалось сложнее, чем она ожидала. Когда они стояли на большой площади перед гаванью, юноша подошел к ней и заключил в слишком уж долгие объятия, и она позволила это. Она даже обняла его в ответ.

— Я буду скучать по тебе, Никки. Я стал намного сильнее и мудрее за время, проведенное с тобой. — Отпустив ее, Бэннон повернулся к Натану.

Волшебник явно гордился своим протезе. В его лазурных глазах блестели слезы.

— Мой мальчик, ты храбрый боец и прекрасный товарищ. Ты был наивным и доверчивым, когда мы впервые

встретились, но теперь ты сильнее, храбрее и опытнее, чем я ожидал. Ты стал мужчиной.

— Признаюсь, я впечатлена, — сказала Никки. — Когда я спасла тебя от твоей собственной глупости в том переулке Танимуры, я была уверена, что ты безнадежен. Ты сам создал себе проблемы, и я поклялась никогда больше не спасать тебя.

— Меня больше не нужно спасать, не так ли? — Голос Бэннона дрожал от эмоций.

— Да, — сказала Никки со смехом. — Как и всех нас. Ты сражался рядом с нами, и мы сражались рядом с тобой. Иди домой, Бэннон Фермер. Ты это заслужил.

Натан пристально посмотрел на Лилу:

— Ты клянешься защищать его? Как Морасит?

— Всегда. Необязательно было спрашивать.

Оскорбленный Бэннон дотронулся до меча, подаренного Натаном.

— Кажется, ты говорил, что я могу позаботиться о себе!

Никки и Натан удивленно переглянулись.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказала Лила. — Я уже дала свое слово.

Дождавшись заката, Бэннон и Лила спустились к кракенобойному судну, которое было готово к отплытию.

Никки обернулась на улицы Танимуры и окрестности гавани. Плоское пространство острова Халзбанд все еще было покрыто пеплом погребальных костров, но пламя наконец погасло, и свежий океанский ветер очистил воздух от зловония смерти.

Когда они остались на площади вдвоем, Натан спросил ее:

— Итак, что насчет нас? Ты тоже веришь, что благодаря нам мир в безопасности?

— Мир никогда не бывает в безопасности. И наше обещание Ричарду всегда будет в силе. — Она озабоченно нахмурила брови. — Мы знаем, что он сам втянут в большой кризис в Д'Харе. Если опасность настолько велика, что он не смог выделить войска, то может нам следует вернуться в Народный Дворец и помочь ему?

Губы Натана изогнулись в легкой улыбке.

— Я знал, что дорогой Ричард долго без нас не протянет. Ты думаешь, нам следует отправиться на север, на подмогу?

— Я верю, что мы ему нужны.

Она больше всего на свете хотела снова сражаться рядом с Ричардом, видеть его красивое лицо, чувствовать присутствие. Но она покинула Д'Хару по определенной причине, зная, что его сердце полностью и безоговорочно принадлежит Кэлен. Никки смирилась с этим и уехала далеко, чтобы продолжать служить ему на безопасном расстоянии. Она надеялась, что боль в ее сердце постепенно стихнет. Не в силах принять решение, она оглядела площадь, хранившую отпечаток недавнего сражения. Хотя люди в Танимуре были разбиты и эмоционально истощены, они знали, что победили, и победа придавала им бодрости.

На главной площади появился гонец из Алтур'Ранга, у которого было суровое и жесткое выражение лица, твердый взгляд и надменная высокомерная усмешка. Он повысил голос и потребовал внимания толпы, которая заканчивала свою ежедневную рутину.

— Я принес весть из новой столицы нашей восстановленной империи!

Никки мгновенно насторожилась:

— Новой империи?

Сидевший в седле мужчина бросил на них испепеляющий взгляд, будто они были недостойны его внимания. Он поправил шлем.

— Ваше невежество не умаляет славы императора Аргуса. Алтур'Ранг подвергся нападению древней армии, и все же я принес вам весть, что глупые вражеские воины побеждены.

Натан подошел ближе.

— Добрые духи! Это была армия генерала Утроса?

— Экспедиционный корпус из нескольких тысяч солдат, — сказал гонец, когда вокруг собрались люди. — Но они были обречены на поражение, как только столкнулись с мощью императора Аргуса. Мы предоставили им шанс присягнуть на верность Новому Имперскому Ордену, но они отказались. — Его губы изогнулись в улыбке. — Наши бесстрашные войска уничтожили бы их, но вмешался сам Владелец. Земля разверзлась, и их души были унесены в подземный мир.

Никки шагнула вперед, встретившись с ним взглядом.

— Имперский Орден уничтожен, а император Джегань мертв. — Она не стала уточнять, что сама убила этого ужасного человека.

— Император Джегань больше не важен, — сказал посланник. — Имперский Орден вернулся под руководством нового сильного правителя, который заставил бы Джеганя трепетать от благоговения.

Никки не могла себе представить, что кто-то мог заставить Джеганя трепетать, но теперь составила свое мнение о высокомерном посланнике. Она знала такой тип людей. Она взглянула на Натана, чьи глаза были широко раскрыты, а лицо осунулось.

— Добрые духи, новый Имперский Орден? — прошептал он.

Никки знала, что делать.

— Я думала, что наш долг — пойти на помощь Ричарду, но он был уверен, что мы справимся со своей войной, и мы

должны быть уверены, что Ричард справится с кризисом в Д'Харе. — Она прищурила глаза. — Если возник Новый Имперский Орден, если есть человек, который претендует на трон Джеганя, тогда мы с тобой должны встретиться с этим императором Аргусом.

— Действительно, — сказал Натан, его лицо покраснело от гнева. — Действительно.

Никки повысила голос, обращаясь к гонцу.

— Мы будем сопровождать тебя в Алтур'Ранг. Мы хотим встретиться с этим императором Аргусом.

Мужчина повернулся к ним, оценивая с высоты седла. Он пробежался взглядом по телу Никки, по ее голубым глазам и светлым волосам. Она надеялась, что ей не придется убить его раньше, чем они доберутся до великой столицы.

— Я не могу гарантировать, что он захочет видеть вас. Аргус — важный человек.

— Уверен, так и есть, — сказал Натан.

Гонец тронул пятками бока коня и медленно двинулся через площадь, чтобы продолжить распространять известия.

— Я уеду утром, — бросил он через плечо. — Можете следовать за мной, но нянчиться с вами я не буду.

Натан усмехнулся:

— О, молодой человек, мы в этом не нуждаемся.

Лицо Никки приобрело напряженное выражение. Она почувствовала в своем сердце ожесточение. Ее работа в Древнем мире еще не закончена. Ричард отправил ее и Натана распространять вести о Д'Харианской империи, чтобы мир знал, что тираны, деспоты и рабство больше не допустимы. Ричард рассчитывал, что она сокрушит их прежде, чем они станут слишком большой угрозой.

— Нам еще нужно поработать, Натан, — сказала она. — И у тебя есть новая книга жизни, которую следует заполнить.

— Ты права, колдунья, — кивнул он. Они смотрели вслед удаляющемуся заносчивому гонцу, уже строя свои планы. — Мы должны подготовиться к новому путешествию.

— И новой битве.

Волшебник заколебался, глядя на гавань. Кракенобойное судно поднимало паруса, готовясь выйти в море с вечерним приливом.

— Я планирую наперед, моя дорогая колдунья. — Он сунул руку в карман жилета, надетого поверх рубашки с рюшами, и достал сложенные листы бумаги. — Я написал Ричарду длинное письмо, и генерал Зиммер пообещал отправить курьера на север, чтобы доставить его в Народный Дворец. В письме описано все, чем мы занимались. — Он выгнул брови. — Не хочешь прочитать?

Никки приняла письмо вместе со свинцовым стилусом на случай, если ей понадобится делать пометки. Она бегло пролистала страницы, в которых Натан описал их приключения, ожидая, что он превратит себя в легендарного героя, изображая Никки и Бэннона своими верными спутниками, но с удивлением увидела, что повествование было сосредоточено на ее деяниях. Никки выступала в роли спасительницы Древнего мира.

Никки вернула ему письмо:

— Сгодится. Помни, я пошла с тобой еще и потому, что Ричард попросил меня за тобой присматривать.

Натан издал неопределенный звук, нацарапав в самом конце приписку и запечатав конверт с письмом.

— Что это? — спросила Никки.

— Всего лишь послесловие, чтобы обнадежить Ричарда.

— Обнадежить его в чем?

Он убрал письмо в карман жилета.

— Просто обещание, что я буду присматривать за тобой, ведь несмотря ни на что, ты все же нуждаешься в присмотре... с Новым Имперским Орденом или без него. Ты не можешь спасти мир в одиночку.

— Я не одна, — сказала Никки и поняла, что это правда.

Эта мысль внезапно показалась ей странной, учитывая долгое пребывание под контролем суровой матери, служение Владетелю в качестве сестры Тьмы и участие в походе Имперского Ордена. Все это навсегда осталось позади. Никки была сильнее, лучше, храбрее. У тех, кто хотел навредить миру, не было ни единого шанса.

Она посмотрела на Натана, затем перевела взгляд на оживленный город, лесистые холмы и весь Древний мир за их пределами. Она понятия не имела, какую угрозу представляют император Аргус или Новый Имперский Орден, но она — они — справятся с этим, несмотря ни на что.

— Нет, — повторила она, — я не одна.

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

Первая исповедница (2012)
Долги предков (1998)
Первое правило волшебника (1994)
Камень слез (1995)
Защитники паствы (1996)
Храм Ветров (1997)
Дух огня (1999)
Вера падших (2000)
Столпы Сотворения (2002)
Голая империя (2003)
Огненная цепь (2005)
Призрак (2006)
Исповедница (2007)
Машина предсказаний (2011)
Третье царство (2013)
Разлученные души (2014)
Сердце войны (2015)

ХРОНИКИ НИККИ

Госпожа Смерть (2017)
Саван вечности (2018)
Осажденные камнем (2018)
Сердце из черного льда (2020)

ДЕТИ Д'ХАРЫ

Угольный человек (2019)
Мерзкие твари (2019)
Пустошь (2019)
Ведьмовская клятва (2020)
Врата во тьму (2020)

* * *

ТРИЛЛЕРЫ

Скверна (2016)
Отродье (2018)
Девочка с луны (2018)
Шальная Ванда (2018)

НОВЕЛЛЫ

Закон девяток (2009)
Небесные люди (2019)

Оглавление

Глава 1	5	Глава 19	121
Глава 2	12	Глава 20	125
Глава 3	18	Глава 21	132
Глава 4	27	Глава 22	138
Глава 5	35	Глава 23	145
Глава 6	42	Глава 24	153
Глава 7	48	Глава 25	161
Глава 8	59	Глава 26	166
Глава 9	66	Глава 27	172
Глава 10	72	Глава 28	180
Глава 11	76	Глава 29	184
Глава 12	81	Глава 30	192
Глава 13	85	Глава 31	198
Глава 14	93	Глава 32	204
Глава 15	99	Глава 33	212
Глава 16	103	Глава 34	222
Глава 17	108	Глава 35	232
Глава 18	116	Глава 36	235

Глава 37	240	Глава 58	381
Глава 38	247	Глава 59	387
Глава 39	255	Глава 60	394
Глава 40	260	Глава 61	400
Глава 41	267	Глава 62	406
Глава 42	275	Глава 63	412
Глава 43	283	Глава 64	420
Глава 44	289	Глава 65	431
Глава 45	296	Глава 66	439
Глава 46	305	Глава 67	447
Глава 47	309	Глава 68	455
Глава 48	315	Глава 69	459
Глава 49	324	Глава 70	469
Глава 50	333	Глава 71	473
Глава 51	342	Глава 72	484
Глава 52	348	Глава 73	490
Глава 53	353	Глава 74	494
Глава 54	361	Глава 75	498
Глава 55	366	Глава 76	502
Глава 56	372	Глава 77	508
Глава 57	378	Глава 78	514

Глава 79	522	Глава 84	554
Глава 80	529	Глава 85	564
Глава 81	536	Глава 86	569
Глава 82	546	Глава 87	576
Глава 83	551	Глава 88	583